

И.Г.ЯКОВЕНКО

Россия и модернизация в 1990-е годы
и последующий период:
социально-культурное измерение

Москва
«Новые Знания»
2014

УДК 930.85

ББК 71.0

*Издается при поддержке Фонда
«Президентский центр Б.Н.Ельцина»*

**Яковенко И.Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период:
социально-культурное измерение — М.: «Новые Знания», 2014. — 320 с.**

ISBN 978-5-7646-0120-5

Монография посвящена исследованию проблем модернизации России на современном этапе ее истории. Подробно рассматриваются социально-культурные основания и детерминативы модернизационных процессов. Раскрывается логика перехода от советского этапа модернизации к постсоветскому этапу развития российского общества. Фиксируются значимые социальные и культурные тренды. Обозначаются проблемы и перспективы исторической эволюции российского общества.

*В оформлении обложки использовалась репродукция картины
И. Босха «Извлечение камня глупости» (Операция глупости), 1475—1480*

УДК 930.85

ББК 71.0

ISBN 978-5-7646-0120-5

© Яковенко И.Г., 2014.

© «Новые Знания», 2014.

Предисловие

Проблематика модернизации обсуждается в отечественном гуманитарном знании не менее полувека. За это время осмысление процессов модернизации претерпело серьезную эволюцию. Радикально изменилось видение проблемы, трансформировался дискурс, расширился понятийный аппарат, существенно изменились акценты исследовательского внимания.

В советскую эпоху, в силу идеологических причин, понятие «модернизация» замещалось конструктами: индустриализация, НТР или «научно-техническая революция», социальный и культурный прогресс и т.д. Советская идеология предполагала априорный финалистический оптимизм. В рамках доктрины результаты развития были гарантированы истинной теорией исторического развития и эффективным политическим руководством, опиравшимся на эту теорию. Старшее поколение наших современников хорошо помнит сентенцию: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». (В.И. Ленин ПСС Т.26. С.62.). Марксизм-ленинизм как теория и КПСС как «Руководящая и направляющая сила советского общества, ядро его политической системы» (Конституция СССР 1977 г. Статья 6) вели страну к построению коммунизма.

В такой перспективе фундаментальных проблем развития в собственном смысле не существовало, ибо результат был гарантирован. Нормативная модель тиражируемого, то есть — санкционированного властью, высказывания требовала начинать с фиксации очередных успехов и достижений советского общества, на фоне которых признавались некоторые частные проблемы роста, которые выявлялись в практике исторического развития и последовательно снимались по мере неуклонного продвижения к поставленной цели.

Между тем, на рубеже 1960—70-х годов все более четко обозначается качественное отставание Советского Союза. Сказываются нарастающие диспропорции, обнаруживаются принципиально неразрешимые проблемы (сельское хозяйство, технологическое отставание, динамика рождаемости в славянских республиках СССР,

растущее отчуждение модернизированных слоев города от государственной идеологии). Люди, чуткие к слабо уловимым общественным настроениям, начинают ощущать процессы иссякания исторической энергии советского проекта. Общественное доверие казенному дискурсу, провозглашавшему победное движение от вершины к вершине, последовательно сокращается.

Ведомые потребностью понять окружающий их мир и осознать перспективы, люди обращаются к теоретическим моделям, вскрывавшим закономерности исторического развития обществ Нового времени, складывавшимся за рамками советского обществознания. В среде советской гуманитарии востребуются работы идейных предшественников теории модернизации. Переводы Макса Вебера (изданного малым тиражом, с грифом «Для научных библиотек»), изложения идей Эмиля Дюркгейма, Георга Зиммеля, Огюста Конта (в рамках специальных изданий под шапкой «История буржуазной социологии XIX — начала XX века») пользуются особым спросом в профессиональной среде.

Вне официальных мероприятий и за рамками казенной риторики, в узком кругу идет обсуждение актуальных проблем общественного развития. Участники дискуссий могли отталкиваться от тех или иных частных проблем, однако логика анализа вела их к исследованию общих закономерностей модернизационных преобразований.

В то же самое время советская научная общественность знакомится — разумеется в пересказах — с теориями стадий индустриального роста Уолта Ростоу, докладами Римского клуба («Пределы роста», Деннис Медоуз и др.). Периодически в научных публикациях всплывали имена и концепции авторов, разрабатывавших идеи цивилизационного анализа — Н. Данилевского, О.Шпенглера, А. Тойнби.¹ Формируется идейно-теоретическое пространство, в рамках которого было возможно осмысление процессов модернизации. Термин «модернизация», как объяснительный конструкт, начинает входить в профессиональное сознание. Параллельно с этим на Западе разворачиваются теоретические дискуссии, теория модернизации проходит этапы своего развития. В обозначенном поле появляются новые имена

¹ Основные работы Н.Данилевского и О.Шпенглера были доступны отечественному читателю, поскольку издавались в России до революции и в 20-е годы прошлого века.

(С.Хантингтон, З.Бауман). Отдаленные отзвуки этих баталий доносятся до советской аудитории.

Ситуация начинает радикально изменяться с Перестройкой. Крах «великого учения» и крушение железного занавеса задали совершенно иную реальность. В СССР, а затем в РФ, издаются классические работы западных авторов, лежащих в основаниях модернизационного видения, разворачиваются дискуссии, российские ученые адаптируют модели зарубежных коллег к отечественной реальности.

В это же время российская гуманитарная мысль знакомится с новыми концепциями и наработками мировой научной мысли. В поле кругозора отечественной гуманитаристики попадает мир-системный анализ (Ф.Бродель, А.Г.Франк, И.Валлерстайн), складывается транзитология. Историки и антропологи выявляют цивилизационную составляющую процессов модернизации. Исследовательская мысль разводит модернизацию и вестернизацию. Признается, что существуют отрицательные эффекты модернизации — уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов, что приводит к социальной дезорганизации, хаосу и аномии, росту девиантного поведения и преступности.

Все это происходило на фоне качественных изменений российского научного сообщества. Освобождаясь от оков идеологии, научная мысль по-новому осмысливала свою профессиональную проблематику. В постсоветскую эпоху второе дыхание обретает российская социология, практически заново рождается экономическая наука. Энергично развивается отечественная культурология. В нашей стране складывается школа цивилизационного анализа. Исследователь, обращающийся к проблемам модернизации, попадает в широкое и чрезвычайно емкое теоретическое пространство, полидисциплинарное, богатое концептуально.

В первой половине 90-х годов теория модернизации воспринималась как парадигма, позволяющая выйти из кризиса марксистского обществоведения. Разумеется, прежде всего, эта теория привлекалась к описанию отечественной реальности. Однако со временем увлечение собственно модернизационными моделями снижается. Обнаруживаются парадигмальные границы теории. Российское гуманитарное знание включается в общемировой процесс переосмысления и критики теории модернизации.

На наш взгляд, модернизационное видение реальности, продуктивно дополняется цивилизационным анализом и культурологическим видением модернизирующихся обществ. В течение многих лет автор обращался к разным аспектам этой проблематики. В некотором отношении, настоящая работа суммирует итоги долгих размышлений.

Неумолимая диалектика исторического процесса ставит каждое общество перед выбором — поддерживать необходимый уровень эффективности, позволяющий сохранять достаточную конкурентоспособность и постоянно изменяться во имя этого; или остановиться в развитии и сойти с исторической арены. В свете этого соображения постижение природы процессов исторического развития, выявление факторов и детерминатив исторической динамики, освобождения нашего сознания от груза мифов, отживших неадекватных схем, предубеждений, разрушение ценностных барьеров, стоящих на пути развития, обретает высший приоритет.

Судьбы традиционного комплекса культуры: Российская власть и русская православная церковь в меняющемся мире

Много лет назад дядя рассказал мне примечательную историю. Перед революцией наша семья жила в крошечном городишке на границе с Китаем, на территории нынешней Киргизии. После Февраля армейская часть, расквартированная в городе, должна была присягать Временному правительству.

Итак, дружина (из этой истории я почерпнул знание о том, что местное формирование в небольшом населенном пункте могло именоваться «дружиной») собралась в городском храме. Ждут батюшку, а его все нет. Наконец он выходит на амвон, в мирской одежде с чемоданчиком и говорит следующее:

«Православные. Был царь, был порядок, была колбаса, и Бог был. Сейчас царя нет, колбасы нет, и Бога нет. Идите с миром». И с этими словами спустился с амвона и вышел из храма. Присяга не состоялась. Годы спустя дядя встречал бывшего батюшку. Он работал в системе Промкооперации.

Эта притча представлялась мне поучительным эпизодом из истории нашего отечества, а в человеческом аспекте — свидетельством откровенной беспринципности. Однако сегодня возникает ощущение, что ситуация не столь элементарна и заслуживает подробного рассмотрения. Описанный нами батюшка видится шкурником, автономному и самодостаточному человеку Нового времени. Но возможны и иные модальности человека и, соответственно, иные конфигурации картины мира.

В 90-е годы мы стали свидетелями выступлений иерархов церкви относительно «канонической территории», окормляемой РПЦ. Эти рассуждения были направлены против «недружествен-

ного прозелитизма». Параллельно просматривалось страстное стремление церкви слиться с властью предрежащей. Тогда (а это было время реального отделения церкви от государства), претензия на монополистический раздел рынков сбыта духовной продукции представлялась смешной. Думалось, что эта позиция вытекает из неспособности к существованию в конкурентной ситуации. В пользу такого объяснения говорит история нашей страны. Традиционно, казенное православие не способно бороться за души людей в честной конкурентной борьбе. До Первой русской революции «сращивание из православия» каралось в уголовном порядке, у протестантов отбирали детей и т.д. РПЦ может оказаться в статусе гонимой, но ее органика — быть государственной церковью.

РПЦ действительно не может существовать в ситуации духовной конкуренции, но проблема глубже. Православие конституировано (и, соответственно, востребует) синкретически неразделенным комплексом — «сакральная власть/божественная истина». Сакральная власть вытекает и опирается на церковь, воплощающую данную версию божественной истины. Для людей этого типа сознания сакральная Власть — безусловное доказательство истинности веры и непоколебимости всего социокультурного космоса. Здесь наличие всех прочих религиозных институтов и учений — отторгаемых, заужаемых и статусно второсортных — лишнее свидетельство истинности и устойчивости картины мира. В некотором смысле они даже необходимы (как свидетельство несовершенства и греховности этого, дольного мира), но необходимы в качестве гонимых, и не могут существовать как равноценные, в каком либо отношении, в принципе. Наш Бог правильный, поскольку мы торжествуем.

Синкретическая нерасчлененность комплексов, в которых социальное, интеллектуальное и психологическое слиты в неразрывной связи — одна из базовых характеристик архаического и традиционного социокультурного целого. В качестве примера из русской культуры можно привести: власть-собственность, знание-оценка, Святая Русь, как синкретическое единство власти и народа. Синкретическое единство «сакральная власть-божественная истина» — один из таких комплексов востребованных сознанием, ориентированным в качестве высшей ценности на нераспавшийся палеосинкретизм.

Такая картина мира появилась не вчера. Ей без малого две тысячи лет. Массовая аудитория наверняка слышала что-то о гонениях на первых христиан, но куда хуже представляет себе процессы

изживания язычества, развернувшиеся после эдикта о веротерпимости Константина и Лициния от 313 года. Язычество не скончалось естественной смертью, как пишут об этом авторы церковной ориентации. Оно, безусловно, переживало кризис и, в широкой исторической перспективе, было обречено на маргинализацию. Но конкретно-исторически, языческие культы были уничтожены имперской властью при мощнейшем и непрерывном давлении и в союзе с христианской церковью.

Дело в том, что исторически первичная, *исходная форма монотеистического сознания* характеризуется *абсолютной нетерпимостью к любым альтернативам*. Это видно уже в текстах Ветхого завета. Смотри: (Исход 22–20) — «Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен»; (Второзаконие 5) — «Но поступите с ними так: жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите и рожи их вырубите, и истуканов (богов) их сожгите огнем».

Политеизм индифферентен к иным верованиям. Язычник исходит из того, что у нашего рода-племени свои боги, у них — свои. Это нормально и самоочевидно. Если же человек дорастает до идеи о том, что Бог один, то все иные верования есть ложные доктрины, очевидным образом инспирированные Врагом рода человеческого. Поднимаясь и разворачиваясь, христианство, и ислам боролись с язычеством на уничтожение.

Христианство формировалось как мировая религия в рамках Римской империи, где существовал государственный культ, и жречество было частью государственного аппарата. Исследуя перипетии религиозных баталий III–V веков религиовед Филипп Дженкинс пишет «Никакой «секулярной жизни» не зависящей от церкви и религии просто не существовало, и Римская империя — и в языческий и в христианский периоды — никогда не была секулярной в современном смысле слова. Не существовало там и такой вещи, как «просто политика»¹.

Стратегия христианской общины эпохи гонений состояла в проникновении в элиту римского общества. Обращение императора в христианство и формирование союза императорской власти и церкви решало главные стратегические задачи. В результате Империя рука об руку с церковью устанавливала параметры религиозной истины и искореняла инаковерие. Политическое торжество орто-

¹ Филипп Дженкинс. Войны за Иисуса: Как церковь решала, во что верить. М. 2012. С. 70.

доксии переживалось позднеантичным человеком как свидетельство истинности веры, неотделимой от данной Богом сакральной Власти.

Иными словами «правильный» универсум конституируется двумя сакральными инстанциями: сакральной (богоданной) Властью и Церковью. Церковь свята по понятию, как мистическое тело Христово {Той (Христос) есть глава тела Церкви (Кол. 7:13)}, и социальный институт, воплощающий и закрепляющий божественную истину.

Со святостью императора дело обстоит сложнее. Утверждение Апостола Павла: «Всяка душа влаstem предержавшим да повинуется: несть бо власть аще не от бога, сущия же власти от бога учинены суть». (Римлянам Глава 13:1) стало важнейшей формулой политического соглашения христианской церкви и императорской власти в Риме. Церковь фиксировала свою безусловную политическую лояльность, подчеркивая однако, что для монотеиста персона властителя *от Бога*, но не *сам* живой *Бог*. Христианизация значительной части римского общества и правящей элиты привела к тому, что власть в конце концов согласилась на этот компромисс. В ответ христианская церковь сакрализует «правильного» (согласного с линией церкви) императора. Император Флавий Феодосий (346–395) сформировавший неразрывный союз власти и государства в Римской империи, в христианской историографии наречен Великим и канонизирован.

Что же касается «неправильных» императоров, таких как язычник Флавий Клавдий Юлиан / в христианской традиции «Юлиан Отступник» (331–363) или иконоборец Константин V/ в христианской традиции «Константин V Копроним» (718–775), то они награждались профанирующими именами. В сознании христианина имя «Отступник» ужасно², а имя «Копроним» — просто ругательство обозначающее «обгадившийся». Враги императора создали легенду, согласно которой младенец император обгадился в купели во время крещения. Это событие стало знаком судьбы и политики Константина V, который был ярким иконоборцем. Иконопочитатели называли его «Антихристом во плоти».

² Человек с советским бекграунтом просто не осознает весь ужас, заключенный в слове «Аpostata». Потомственный язычник не просвещен светом истинной веры. Отступник же познал истину и отринул ее, избрав сторону Дьявола по собственной похоти.

Сделаем важное уточнение. Прославляя, возвеличивая и сакрализуя «христианнейшего» монарха, церковь говорила о великом, благочестивом, но человеке, что вытекает из существа христианской доктрины. Что же касается массового, низового переживания традиционной христианской автократии, то кесарь воспринимается как живой Бог. Здесь надо напомнить, что к моменту принятия христианства греко-римская цивилизация давно ассимилировала идею обожествления правителя.

Все начиналось с Греции. Плутарх сообщает, что уже тирану Эллады Лисандру, жившему в V веке до н.э. греческие города «воздвигали алтари и приносили жертву как богу». После смерти Александра Македонского греки, рассеянные по пространствам Азии и Африки попали в культурную среду, для которой идея божественного правителя была совершенно органичной. Птолемеи в Египте принимают титул фараонов. Затем соглашаются с пожизненным обожествлением и принимают египетский обычай, согласно которому фараон вступал в брак с собственной сестрой.³ Обожествление монарха происходило и в государстве Селевкидов, хотя и не достигло тех вершин сакрализации, которые обрели Птолемеи. К моменту включения в тело римской империи греки прочно ассимилировали представление о сакральном Правителе, как живом боге.

Римская империя пережила сходную эволюцию. Переход от республики к империи с необходимостью выделял и сакрализовывал правителя (как великого, мудрого, справедливого, надеваемого эпитетами «Спаситель», «Благодетель», «Космократор», с началом правления которого в Риме возвращается «золотой век»). Однако эпоха принципата сохраняла внешне республиканские формы. Титул «принцепс» подчеркивал статус «первого среди равных». Римляне ранней империи осознавали себя республикой. Однако к 284 году эта конструкция изживает себя. Империя захватила огромные пространства в Азии и Африке. Эллинистические греки и местное население сдвигали осмысление Правителя к традиционным для себя формам. Как пишет Филипп Дженкинс: «С III века император перестал делать вид, что он есть всего-навсего первый гражданин, и его стали откры-

³ Вступление в брак с сестрой символизирует качественную дистанцию между Правителем, как живым богом и простым смертным. То, что табуировано для смертного, разрешено богам.

то называть господином dominus... соответствующего греческому слову despotes».⁴

Формируется культ правящего императора, его именуют «бог и господин».

Принятие христианства сдвигало осмысление персоны императора, но, то были богословские изыски, доступные узкому кругу людей высокой культуры. Широчайшие массы, вчерашние язычники, поколениями бывшие подданными божественных деспотов осмысливали правителя в традиционной модальности живого бога. Заметим, что низовое восприятие правителя вполне устраивало правящую элиту. Оно облегчало управление и консолидировало общество. А что до тонкостей богословия, то простонародье живет в чистой вере, не замутненной умствованиями и, Слава Богу.⁵

Итак, сакральная власть и святая церковь были теми необходимыми и достаточными сущностями, которые формировали целостный универсум христианского мира первых веков.

Средневековые воспроизвели эту смысловую и социальную конфигурацию. Параллельно с этим, воспроизводится агрессия во вне и силовое подавление любых конфессиональных альтернатив. Опираясь на государство, церковь огнем и мечом крестила язычников и громила еретиков, выжигая каленым железом все «уклонения» — сектантов и инаковерующих (евреев, мусульман, манихеев и т.д.).

Для того чтобы новые идеи пробили асфальт традиционного миропереживания, истории потребовалось тысяча лет. К XVI веку в Европе созрела автономная личность, требующая свободы выбора в духовном пространстве и отторгающая претензии любой директивной инстанции на руководство в названной сфере. Идеи свободы совести, а также принципы, идеалы и ценности секуляризации общества провозглашает Реформация. Реформация запустила процесс складывания стадияльно *последующей* (вслед за исходной) *формы монотеистического сознания*, которая характеризуется *толерантным отношением к иноверам*. В данном случае вера переживается как

⁴ Филипп Дженкинс Войны за Иисуса. М., 2012 С.176.

⁵ Искушенный читатель может попенять автору на упрощенное изложение проблематики сакрализации правителя и соотношения сакрального и божественного. Это диктовалось жанром и рамками настоящей работы. Те, кого интересует более глубокая теоретическая разработка названных материй, могут обратиться к работе: Андреева, Бондаренко, Коротаев, Немировский «Введение»/ Сакрализация власти в истории цивилизации. Часть I. М. 2005.

акт суверенного выбора в пространстве религиозных альтернатив. Причем, право такого выбора мыслится как всеобщее. Человек, для которого свобода выбора является важнейшей нравственной ценностью и экзистенциально значимым параметром самоосуществления, не может отказывать в свободе другим.

Однако эти идеи и институты утвердились далеко не на всех пространствах христианского мира. Традиционные основания российской культуры принципиально отрицают итоги Реформации. Находившаяся на самой глубокой окраине Ойкумены, Киевская Русь принимает крещение по православному обряду у Византии. Раннее государство киевского периода не соответствовало описанной нами модели. И власть князя не была сакральной, и церковь не успела стать основополагающим духовным институтом. Надо сказать, что в ранневарварских государствах Европы наблюдались сходные процессы.

Универсум, конституированный двумя сакральными инстанциями: сакральной (богоданной) Властью и Церковью складывается в Московской Руси в ходе сложных процессов исторической трансформации. Рецепция традиционно имперских моделей Золотой Орды, размывание и уничтожение вечевой традиции, утверждение деспотического характера Власти, продолжающаяся христианизация населения, связанная с осознанием православия как «нашей», русской веры, как духовного основания противостояния «татарам» и из этого — растущая роль церкви, наконец, союз церкви и великокняжеской власти; все это двигало Великое княжество Московское к устойчивой модели христианской империи. Роль церкви в формировании данного социально-культурного комплекса трудно переоценить.

Как показывает история, православные общества не проходят Реформацию. Почему так происходит — тема специального и большого разговора. В двух словах, предпосылки саморазвития общества, предполагающие формирование автономной личности и переструктурирование универсума в соответствии с органикой этого феномена, в православном мире не складываются. Отдельные разрозненные предпосылки возникают и уничтожаются, либо существуют на периферии таких обществ. Тип исторической эволюции, демонстрируемый православным миром, состоит в том, что православные страны включаются в догоняющую модернизацию и в XX веке сваливаются в коммунизм, который можно рассматривать

как органичную для этого типа культуры форму трансформации в реальность Нового времени.

В высшей степени характерно то, что описанная эволюция позволяет сохранить модель единства власти сакрального Правителя и церкви, которая в этих обществах называется Партией. В этом комплексе оба элемента остро нуждаются друг в друге. Сакральный правитель нуждается в церкви/партии, а церковь нуждается в сакральном правителе. Вместе они создают практически неразрушимую целостность, которая обладает единственным пороком — органической неспособностью к развитию. В нашем, российском случае, самым мощным и устойчивым институциональным закреплением обозначенной интенции веками выступает РПЦ.

Между 1922—1991 годами самым мощным институтом, закреплявшим единомыслие, являлась ВКП(б)/КПСС. С крахом коммунизма наступило короткое время деструкции российской традиционной целостности. Эту эпоху характеризует «разброд и шатание» в лагере традиционалистов, стремительно утративших властные позиции, а также — непривычный для России уровень политической и духовной свободы. С начала двухтысячных наблюдается регенерация традиционной модели социально-культурного и политического универсума, разрушенной в 1917 году.

Между тем, где-то во второй половине XX века *Россия вступила в секулярную эпоху*. Надо сказать о том, что в первый раз российская интеллигенция массово включилась в процессы секуляризации в конце XIX — начале XX века. Однако этот процесс был прерван большевистской революцией (которая, во многом, явилась следствием и реакцией на секуляризацию). Произошла инверсия православного христианства в эсхатологический культ коммунистического хилиазма. Второй, итоговый цикл секуляризации разворачивается по завершении классической советской эпохи, закончившейся в марте 1953 года. При всех издержках, заданных тотальным доминированием коммунистической доктрины, в СССР шли процессы модернизации. Совокупный эффект процессов модернизации формировал постсредневекового человека. Секуляризация сознания происходила естественным и необходимым образом.⁶

⁶ Можно заметить, что и в этот раз секуляризация охватывала, прежде всего, интеллигенцию. Разница между первым и вторым циклами состояла в кардинальном изменении социокультурной реальности, а также стократном росте

Здесь требуется пояснение. Понятие «секуляризация» в СССР употреблялось в формально-правовом смысле, как отделение церкви от государства. Эта политика была провозглашена с началом Советской власти. Реально же большевики реализовывали политику, направленную на уничтожение православия. Секуляризация в общеевропейском смысле — процесс трансформации системы социальных отношений, культуры и человеческой личности, связанный с формированием светского общества и светской культуры. Вот что пишет об этом социолог В.И. Гараджа: «Секуляризация — одна из главных сил, которые сформировали современную культуру и общество. Вплоть до XIX в. во всех существующих обществах религия служила фундаментом формирования мировоззрения, составляющего основу той или иной культуры. Напротив, современное общество тяготеет к выработке мировоззрения, независимого от религиозных символов и мифов, опирающегося на науку, обретающего опору в широком распространении и повышении уровня образования. Важнейшие области современного общества и его институты больше не нуждаются в религиозной легитимации. Это относится к современному государству с его законодательством и правом, экономике с ее рыночными механизмами, естествознанию и технике, социальным и гуманитарным наукам, искусству, культуре в целом. В результате длительного исторического процесса все эти области жизни общества и его институты выделились из религиозно обусловленного строя жизни общества, из его культуры, построенной на религиозной основе, как самостоятельные, обладающие собственными мерками и способами деятельности».⁷

Надо сказать со всей определенностью — индоктринированный советский человек был человеком верующим. Просто в комплекс его верований входило представление о том, что Бога нет, а церковь есть институт несущий вредный и опасный дурман. Десталинизация и банкротство советского проекта (вт. пол. 50 — конец 60-х гг.) ознаменовали конец хилиастического утопизма и массовой веры в Великого земного бога. Подлинная секуляризация разворачивалась именно в эту эпоху. Жизнь после краха надежды на скорое Второе Пришествие и необходимости выстроить картину мира и личностную позицию, соответствующую сциентистскому

числа людей с высшим образованием. В данном случае мы имеем дело с необратимым процессом.

⁷ Гараджа. Социология религии. 1996.

универсуму привела к переструктурированию личностного сознания определяющей части общества. Человек, читающий советские газеты и одновременно слушающий Би-Би-Си и Голос Америки не мог оставаться честно средневековым. В 70-е годы часть интеллигенции обратилась к церкви. И это — отчасти парадоксальное свидетельство секуляризации сознания. Люди реализовывали свободу духовного выбора, уходя от мертвеей государственной идеологии.

С тех пор секуляризация разворачивается добрых 40 лет, захватив как минимум два поколения. Однако описанные процессы локализуются в модернизированном слое общества. За его рамками они выражены существенно слабее, либо отсутствуют. На противоположном полюсе общества пребывают твердые носители традиционного сознания, которые еще помнят о вершинном выражении устойчивой модели, реализованной сравнительно недавно — в первой половине-середине XX века.

Формально-догматически марксистская идеология несовместима с обожествлением. Однако, строки Бориса Слуцкого — «Мы все ходили под богом. У бога под самым боком./Однажды я шел Арбатом. Бог ехал в пяти машинах» — говорят чистую правду.

Величайший гений всех времен и народов, и «лучший друг советских физкультурников» смотрел на советских людей со стен школ и присутственных мест. Как и полагается языческому богу, его скульптурные изображения (бюсты) стояли в каждом учреждении. Акыны, ашуги и придворные рапсоды слагали былины и «народные» сказания. Популярные певцы пели песни ... Сталинская эпоха явила наиболее чистый пример массового переживания земного Бога.⁸ Во всяком случае, в нашей стране. Похоже на то, что религиозный культ Ким Ир Сена мог бы поспорить с культом Сталина. Но Корея — чистая Азия, с которой нам сложно тягаться. Чем мощнее архаическая компонента в культуре монотеистического общества, тем сильнее и устойчивее тенденция к обожествлению правителя. Положение о том, что российское православие пропитано языческими представлениями, и может быть охарактеризовано как двоеверие не вызывает особых возражений у специалистов.

Модернизация — сложный и внутренне противоречивый процесс. Охватывая все общество, она в разной мере затрагивает кон-

⁸ Это не умозрение историка. Автор застал конец сталинской эпохи.

кретных людей. Врожденные интеллектуально-психологические характеристики, воспитание, социально-культурная среда, из которой вышел человек, уровень образования, профессия, навыки приобщения к культуре большого общества, масштабы населенного пункта и другие факторы задают меру модернизации каждого конкретного человека. Наряду со зрелыми людьми, принадлежащими современной эпохе, в российском обществе живут частично, часто минимально модернизированные носители традиционной ментальности. Их много. В старших возрастных категориях, в небольших населенных пунктах, среди людей с низким уровнем образования эта категория доминирует.

Применительно к нашей теме важно качественное различие в ряду переходных форм. Тот кто, сталкиваясь с формированием традиционно имперского космоса конституируемого сакральной земной Властью и сакральной инстанцией, выражающей Власть небесную, узнает в этой реальности нечто чрезвычайно важное и родное, в сущностном отношении принадлежит традиционному космосу.

Эта принадлежность носит культурно-психологический характер и не требует непосредственного прямого наследования. Платон писал о познании как «припоминании» той истины, которую созерцала душа, пребывая в мире идей. Необязательно помнить сталинскую эпоху. Модели этого порядка транслируются из прошлого в будущее более сложным образом. Классическая модель традиционной империи отвечает определенным личностным характеристикам. Некоторому психологическому типу, системе культурных ориентаций. Люди с такими характеристиками (а они рождались, и будут рождаться впредь) будут принимать и приветствовать трансформацию общества в направлении органичной для них модели.

Тот же, для кого эта ситуация представляется балаганом, оформляющим процессы духовного и социально-политического закабаления граждан — принадлежит Новому времени.

Низовая теология исходит из того, что существуют бог земной и бог небесный. Они объединены магической связью. Это простая и доходчивая доктрина. Бог земной являет собой предметно-чувственное воплощение идеи Бога Небесного. Задаваться вопросом, как это представление соотносится с официальной доктриной

и теологией не имеет смысла. Мы говорим не о номинациях, а о структурах переживания и комплексе смыслов. Что бы ни проповедовал официоз, как бы ни назывался Правитель — Государь Император, Генеральный секретарь ЦК или Президент; он остается богом земным, которому должен в идеале соответствовать Царь небесный.

В ходе революции и гражданской войны традиционная структура рассыпалась. Далее формируется более или менее узнаваемая конфигурация — одна мессианская идеология, одна власть, единство власти и собственности, жесткое государство. Однако ранне-большевистская идеология не могла ассимилировать описываемый нами традиционный комплекс. Ни на уровне марксистской теории, ни на уровне политической практики. По окончании эпохи «Бури и натиска» Сталин восстанавливает устойчивую структуру, заняв ячейку Земного Бога. Здесь воля Вождя совпала не только с желаниями придворных и аппаратчиков на местах, но и с *ожиданиями миллионов традиционалистов, остро востребующих земного бога* для успокоения утратившего опору мира. Поскольку Бог небесный отрицался, Вождь стягивал на себя все сакральные смыслы, достигая масштаба правителей Древнего Востока.

Эта конфигурация позволила стабилизировать и успокоить общество, вздыбленное и разрушенное драматическими событиями первой половины XX века. Однако, более широкий контекст, заданный глобальным противостоянием, модернизацией, размытанием традиционной культуры дописменной деревни и т.д. диктовал секуляризацию сознания. Секуляризация же диктовала десакрализацию, как правителя, так и партии.

У проблемы сакрального правителя есть и еще одна грань, связанная с общим характером государства. Сакрализация власти задается не только стадияльными и общекультурными факторами. Формирование военно-имперской системы требовало сакрального правителя. Обращаясь к теме, Е.Гайдар утверждает «монгольское иго сменилось игом бюрократическим». А чтобы протест населения, платящего непосильную дань государству, не принимал острых форм, культивировалось «оборонное сознание» — ксенофобия, великодержавный комплекс. «Само государство выступало как категория духовная, объект тщательно поддерживавшегося культа — государственничества. В сущности, российское государство всегда насаждало единственную религию — нарциссический

культ самого себя, культ «священного государства» Так было и в эпоху православия, и в эпоху государственного атеизма».⁹ Царь земной выступает тотемистическим выражением этого культа.

Вернемся к классической советской эпохе. Сталин реставрировал простую и чрезвычайно устойчивую модель социально-культурного космоса, в котором вся значимая субъектность концентрируется в руках Власти земной и Небесной (Люди старшего поколения помнят лозунг «Партия — вдохновитель и организатор всех наших побед»), а «народ» то есть — традиционалистские массы реализуют исполнительские и отчасти распорядительские функции. Духовное и политическое окормление подданных — одна из граней этой субъектности и задача сакральной иерархии в глазах традиционного человека. Кто же еще научит его распознавать добро и зло? Откуда он узнает, как поступать, за кого голосовать, кто плохой и кто хороший, кого любить и кого ненавидеть? Описанная нами ситуация потому и востребована традиционалистской массой, что создает идеальные условия для воспроизводства такого типа сознания.

Надо сказать, что, при всей нерасторжимости богов земного и небесного, *для русского человека бог земной важнее и онтологичнее*. Этот тезис можно сформулировать по другому: русский человек отказывается исповедовать веру в Царя небесного, которая не удостоверяется земной Властью. В XX веке был реализован исторический эксперимент, который показал, что в ситуации конфликта русский народ выбирает земного бога. На стороне традиционной религиозности осталось очевидное меньшинство, необходимое для зримого утверждения победившей веры (коммунизма), как государственной и доминирующей.¹⁰

Но такой выбор — ситуация вынужденная. В общем случае, душа традиционного человека взыскует единства традиционного земного Бога — то есть сакральную власть деспотического характера и традиционного Бога небесного, представленного православной церковью. Идеал — их единство, нераздельное, но неслиянное.

⁹ Е.Гайдар. Государство и эволюция./Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. — СПб. Норма, 2009. С. 218.

¹⁰ Заметим, что коммунистическая эсхатология утверждалась, в том числе, и за счет рецепции массы элементов изживаемого. Это и хилиастическая эсхатология, и нераскрываемое цитирование библейских источников «Кто не работает, тот не ест», и почерпнутые в православной стилистике обороты типа «Мудрые предначертания» применительно в Партии и Правительству.

В СССР власть Партии и Государства сливались неразличимо. Как показала история, чистая идеократия — сущность неустойчивая. Власть земная и небесная должны быть институционально разведены, но существовать в идейно-политическом единстве.

Подчеркнем, для средневекового человека мир, в котором отсутствует наглядно-зримое различие государственной религии и всех иноверческих образований — отверженная юдоль печали, в которой неразличимо смешаны Добро и Зло, божественная истина и дьявольское искушение. Истина по поводу запредельного должна быть удостоверена всей целостностью социального абсолюта. Экспликацией социального абсолюта выступает сакральная Власть в нерасчленном единстве с народом. Есть мы, есть наше царство, есть наша вера. («За веру, царя и отечество») А если наша вера не доминирует, а иноверцы ходят по улицам с поднятой головой и громко разговаривают, то мир пошатнулся и сползает в пропасть.

Батюшка, упомянутый нами в самом начале, как и миллионы его соотечественников, понимал мир именно таким образом. Если «царя скинули» и «Государь император и самодержец Всероссийский» превратился в «Николашку», то Бога нет. Бог и Государь в их нерасторжимом единстве гарантировали космический порядок бытия. Порядок рухнул, и колбасы не стало. Значит Бог, как минимум, отвернулся от Святой Руси.

Для носителей описанного типа сознания церковь это институт провозглашающий картину космического порядка и утверждающий систему норм, истинность которого удостоверяется сакральной Властью. Церковь, провозглашающая иные доктрины и существующая не с благословения власти, называется сектой, ересью, чужеродным учением. Принадлежность к секте задает совершенно иной онтологический и социо-культурный статус. Человек, принадлежащий секте, должен осознать *царя* антихристом, или, по крайней мере, уклонившимся от истинной веры. Для массового русского человека это — невозможная конфигурация. Отход десятков миллионов традиционалистов от церкви продиктован этим решающим обстоятельством.

В 90-е годы социологи фиксировали хотя и положительную, но достаточно вялую динамику православной церкви. Пасхальные праздники устойчиво собирали около двух процентов населения Москвы. Это задавалось не только близостью советской эпохи, но,

прежде всего, политикой Власти, дистанцирующей от любой из конфессий. На телевидении выступали протестантские проповедники, в спортивных комплексах собирались adeпты диковинных учений. Российская власть оставила сферу религиозных убеждений на усмотрение граждан. Двухтысячные принесли совершенно иную атмосферу. Власть многообразно просигнализировала обществу, что православие — главная, подлинно русская церковь, пользующаяся покровительством государства. Телеведущие поздравляли с религиозными праздниками и православных, и иудеев, и христиан, живущих по новому стилю, и мусульман. Но службы в кафедральных соборах РПЦ, с обязательным участием ведущих лиц государства, сделали свое дело. Массовый россиянин стал осознавать себя православным.

Введение православия в ранг государственной религии, реализованное в течение 2000-х годов, возвратило социокультурную ситуацию к степени ясности и однозначности сталинской эпохи. Есть один Бог, одна истина и одна сакральная Власть, гарантирующая эту истину. Подлинность и нерушимость данного положения вещей постоянно подтверждают акты единения церкви и государства, а также практика притеснения несчастных иноверцев, безбожников и прочих хулителей Святой веры.

Надо указать на еще один сюжет социо-культурной эволюции российского общества. В двухтысячные становится явным *тренд к формированию сословного общества*.

Здесь требуется определение. Характеризуя специфику сословного общества, специалисты указывают на различия в образе жизни, культуре, имущественном статусе разных сословий. Однако эти характеристики производны от базовой. Сословие — *социальная группа, члены которой отличаются по своему правовому положению от остального населения*, причем, эти отличия, как правило, передаются по наследству. Сословное деление было характерно для средневековой Европы, и обычно включало аристократию, священников и общинников. С завершением средневековья, историческая эволюция размывает сословия, а буржуазные революции утверждают равенство граждан перед законом.

Московская Русь складывалась как сословное общество с конца XV века (см: Судебник 1497 г.). Причем, полноценное юридически-правовое оформление сословий и сословной монар-

хии происходит лишь в эпоху Екатерины II. Развитие страны после Великих реформ Александра II все более проблематизировало сословный характер страны, однако, сакральная власть поддерживала и охраняла сословный строй. Сословный характер российского общества закономерно был разрушен Февральской революцией.¹¹ Большевицкая революция и гражданская война привели к десакрализации власти и распаду государства. Массовый традиционный человек вне сакральной власти и жесткого политического режима разваливал социальность. Большевики потратили массу сил на то, чтобы железным обручем охватить разбушевавшуюся архаическую стихию и внедрить страх (а значит и уважение; традиционное сознание не различает эти сущности) к власти предрежащей. Но коллективное руководство 20-х — начала 30-х годов не компновалась с описываемым традиционным комплексом, ни на уровне марксистской теории, ни на уровне политической практики. По окончании эпохи «Sturm und Drang» Сталин восстанавливает устойчивую структуру, заняв ячейку Земного Бога. Повторим еще раз, в данном случае воля Вождя совпала с ожиданиями миллионов традиционалистов, остро востребующих земного бога для успокоения утратившего опору мира.

Параллельно этому классическое советское общество переживало *восстановление сословий*. На советском этапе процесс сословного разделения реализовывался в специфическом историко-культурном контексте и обрамлялся марксистской фразеологией. Тем не менее, имущественный и правовой статус, образ жизни, привилегированных сословий классического советского общества отличался от соответствующих реалий «тяглого» населения.

В ту эпоху легковой автомобиль, отдельная квартира и прикрепление к «распределителю» (система снабжения дефицитными продуктами, распределяемыми по символической цене, либо бесплатно) были атрибутом привилегированных групп общества. Пригородная дача или практика летнего отдыха на Черноморском побережье формально была доступна каждому. Однако уровень доходов, жестко контролируемый властью, оставлял эти радости жизни «уважаемым людям».¹² Нищая и бесправная деревня поставляла

¹¹ Сословия отменяются окончательно декретом СНК от 10.11.1917 года.

¹² Так называемые «нетрудовые доходы» жестко преследовались по закону. Каждый советский человек должен был жить по чину, вне зависимости от тех денег, которыми располагал. Рабочий — так как полагалось рабочему, директор — так как

в города десятки тысяч женщин, готовых за символическую зарплату трудиться домработницами. Что же касается настоящей номенклатуры, то она жила за высокими заборами. Здесь все бытовые заботы брало на себя государство. Каста правителей существовала отдельно, не пересекаясь с простыми смертными, и зависела исключительно от воли Вождя. Как показала история, в некоторых ситуациях традиция, интересы правящей элиты и природа вещей, могут размыть любую идеологию.

Позднесталинская эпоха полна зримых примет реставрации реалий предреволюционной России. Возвращение офицерских званий и золотых погон, офицерские суды чести в армии, зримо разрывали с пафосом большевистского отрицания атрибутов сословной империи. («Золотопогонник» — идеологическое ругательство 20–30 гг.; этой же эпохе принадлежит сентенция «честь — офицерская привилегия»). Во время Отечественной войны был восстановлен институт денщиков, которых переименовали в «ординарцев». Другой пример идеологического ханжества — переименование прислуги, обязательной в домах «грандов», в «домработниц». Дворники и швейцары, кланяющиеся хозяевам жизни в богатых домах, дополняли картину. В так называемых «сталинках» — домах построенных в 47–59 годах в трех-четырёх комнатных квартирах рядом с кухней закладывалась комнатка для прислуги. В 1948 году была введена обязательная школьная форма. В это же время вводится обмундирование во многих советских ведомствах: В 1943 г. вводится форма в дипломатической службе, а также в МПС, Прокуратуре. В послевоенные годы — в Минфине, Госбанке, Мин Черной и Цветной металлургии и т.д. Люди, детство которых прошло в дворничьих и лакейских, поднялись на вершину социальной иерархии и теперь бережно воссоздавали мир, памятный им с детства.

Мы говорим о наиболее очевидных, наблюдаемых характеристиках. Решающим для сословного общества является социальный статус конкретного сословия, место в системе общественного разделения труда и социальных отношений. Здесь мы находим пожизненную принадлежность к привилегированным сословиям. «Начальника» могли посадить или расстрелять. Но провалившийся

полагалось директору, лауреат сталинской премии — в соответствии со своим стандартом. Заведующий плодоовощной базой свободно мог бы купить автомобиль ЗИМ, но ездил в потрепанном Москвиче 401.

выдвиженец из рабочей среды не мог возвратиться в цех, ибо на нем до конца дней почивал отблеск сакральной ауры, обретенный во время пребывания в руководящем кресле.

Однако, самое главное, решающее преимущество привилегированных сословий советского общества заключалось в правовом статусе «грандов». Любая правовая коллизия с человеком, входившем в номенклатуру решалась не в правоприменяющих органах, а в структурах ВКП(б)/КПСС. Без санкции секретаря Горкома/Обкома/Центрального комитета никаких действий в отношении номенклатуры не предпринималось. Что делать с человеком решало партийное руководство.

Здесь принимались во внимание масса факторов, не имеющих отношения к праву и конкретной коллизии — вес провинившегося в элитном сообществе, мера скандальности произошедшего, общественный резонанс, политическая благонадежность (сомнительное прошлое, близость к лидерам оппозиции), общеполитическая атмосфера и т.д. В эпохи террора скорая на расправу власть была беспощадна. В эпохи относительно спокойные, партийное руководство, как правило, выводило своих людей из под удара. И в этом сказывалась как природа сословного общества, так и здоровый инстинкт самосохранения. Обобщая, люди, принадлежавшие к привилегированным сословиям, находились над правом и, в критических ситуациях, их судьба задавалась властью предрежащей.

Разумеется, в идеократической деспотии, какой был сталинский СССР, полноценное сословное общество сложиться не могло.¹³ Сословные организации и тем более сословное представительство были невозможны. Полноценный механизм наследования сословного статуса оформлялся на уровне социальной практики, но не имел правового закрепления. Однако сословное самосознание и солидарное действие во имя сословных интересов наблюдаемо и легко верифицируется. Как только умер Сталин, партийная номенклатура развернула *борьбу за неподсудность* и, в конечном итоге, добилась полной неподсудности своих членов. За преступления, которые по советским законам тянули на 15 лет тюрьмы с конфи-

¹³ Строго говоря, его не было и в царской России. В Европе сословия складывались в результате самоорганизации. Внутрисословные нормы и привилегии сословий формировались исторически как результат компромисса внутри средневекового общества. В Московии ничего этого не было.

скацией имущества, Верховная власть отправляла крупного функционера на пенсию. А за провинности среднего уровня губернский чиновник ссылался в Облсовпроф. Эта аббревиатура обозначала Областной совет профсоюзов; аппаратчики называли его «братской могилой» для потерпевших крах карьерных чиновников.

Для нас важно подчеркнуть, что сакральный характер Власти не просто предполагает, но *требует* сословного общества. И, соответственно, десакрализация власти, превращение ее в институт правовой демократии требует разрушения сословного порядка.

С разворачиванием десталинизации, в последние десятилетия советской эпохи жесткость сословного разделения несколько размывается. Восходящий к эпохе Маленкова тренд на производство товаров широкого потребления, развернутое Хрущевым массовое жилищное строительство диктовались жесткой необходимостью формирования материальных стимулов к общественно полезной деятельности. Советские люди устали от нищеты и отказывались работать за идею. Но социально-культурные и психологические последствия этого сдвига были сложно обозримы.¹⁴

Паспортизация деревни (1974 г.), вал миграции в города, рост среднего и высшего образования, относительная либерализация в сфере культуры, возникновение теневой экономики как устойчивого фактора — все это деструктировало классическую сталинскую модель. Параллельно со строительством жилья, власть активно раздает в трудовых коллективах земельные участки и у среднего советского человека появляется какая-никакая «дача». В начале 70-х годов выпуском лицензионного ВАЗ 2101, советская экономика начинает эпоху массового автомобиля.

Объективно, на фоне мощнейшего запроса снизу, общество сдвигалось в сторону ориентации на потребление. Однако сословное общество в принципе не совместимо с обществом потребления. Традиционное сословное общество это — патернализм, жестко заданное «потребление по чину», аскетизм низших сословий, серая скромность мещанства и роскошь немногих на вершине социальной пирамиды. Мораль потребительского общества принципиально иная. Здесь образ жизни и уровень потребления диктуются только финансовыми возможностями человека, а социальная динамика не зависит от сословного статуса.

¹⁴ В конечном счете, саморазвитие этой тенденции однажды похоронило советский проект. Потребитель одержал стратегическую победу.

Перестройка и революция 1991 года декларировали разрушение сословий. Надо подчеркнуть антисословный пафос Перестройки. Борьба с привилегиями и распределителями — один из самых острых сюжетов политического противостояния эпохи. В начале 90-х, российское общество внесословно. Внесословно и в самоощущении, и в реальности. Советские привилегированные сословия разрушены и дезориентированы, а новой сословной структуры не сложилось. В отечественной истории нельзя найти столь длительный период минимального присутствия сословного разделения.

Далее, в течение десятилетия, интегрируются силы, заинтересованные в восстановлении сословного характера российского общества. Теперь главная задача новых «грандов» состоит не в легализации экономического неравенства. С крахом коммунизма и формированием рыночной экономики, оно признано и легитимировано. Задача реставраторов сословной монархии в другом: привилегированные сословия должны *стоять над законом и подчиняться только Правителю*.¹⁵

Разумеется, также как и при Сталине, сословный характер не декларируется и не фиксируется в нормах права. Реальная практика правоприменения, схлопывание перспектив социальной мобильности для людей «податного сословия», резкое пространственное размежевание и выделение привилегированных районов, кричащая дистанция в уровнях доходов и образе жизни верхов и низов, вначале плохо скрываемое, а в последние годы открыто декларируемое презрение «грандов» к быдлу — все это свидетельствует об утверждении сословного порядка вещей.

Самое зримое и наиболее остро воспринимаемое выражение сложившегося порядка вещей — практическая неподсудность «грандов». Чиновники, иерархия РПЦ, а также статусная обслуга, привластные деятели культуры (дирижеры-педофилы, придворные кинорежиссеры, телеведущие, гламурная попса), и люди, принадлежащие к сфере крупного бизнеса, образуют пласт «благородных», которые в принципе находятся вне права. Чиновники, совершающие преступления в ходе выполнения своих служебных обязанностей, также находятся вне судебной ответственности. К примеру, в судебной системе сложилась неукоснительная норма — человек, арестованный во время следствия, обязательно получает «срок»,

¹⁵ Подчиняться хотя бы номинально. Здесь, также как и в послесталинскую эпоху, идет борьба за полную неподсудность «грандов».

как минимум, покрывающий время содержания под стражей. В противном случае, норма закона предполагает уголовную ответственность следователей; а это нарушает принцип неподсудности «государевых людей».

Заметим, что общество возмущает не столько неподсудность больших людей в делах о коррупции (к этому в России давно привыкли), сколько полная безнаказанность в ситуациях конфликта с простыми смертными. Большие люди ездят в автомобилях с мигалками, при случае выезжают на встречную полосу, сбивают смердов, давят беременных женщин и во всех случаях уходят от уголовной ответственности. Обществу многократно предъявлена истина — человек, принадлежащий к привилегированному слою, находится вне закона. Слова песни «Мерседес S666 (Дорогу колеснице)»: «Жалкая чернь трепещи — на трассе патриции» — выражают как существо конфликта, так и меру эмоционального накала возмущенного буржуа.

Деградация бесплатного, общегосударственного образования и здравоохранения ведет к закреплению сословного деления общества. «Белые люди» лечатся в платных клиниках и учат своих детей в платных учебных заведениях (в России, либо за рубежом). А тенденция наследования должностного статуса (в советах директоров корпораций и других структурах) дает понять самым наивным гражданам, что эти люди пришли навсегда.

Надо сказать, что образцово-показательные мерзавцы, исходящие из низменных побуждений и эгоистических интересов, существуют только в плохой драматургии. Всякая культура осознает себя как справедливую и естественную. Привилегированные сословия руководствуются не только голым своекорыстным интересом. Они осознают сословное общество как исконное и наделенное божественной санкцией. Это органика переживания мира, понимаемого как правильный и естественный. Отсюда вытекает органическое отторжение исторической альтернативы.

Мемуары статусных монархистов ярко иллюстрируют описываемый нами тип сознания. К примеру — воспоминания Михаила Михайловича Осоргина (1861–1939), тульского губернатора во времена Первой русской революции.¹⁶ Здесь запоминается воз-

¹⁶ *Осоргин Михаил Михайлович*. Воспоминания или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920. — М.: Российский Архив, 2008. — (Издания РФК).

мушение и органическое отторжение толпы горожан, на радостях вышедших на улицы после опубликования манифеста Николая II. Эти люди вызывают в Осоргине неподдельное омерзение. В тот скорбный час, когда всякий верноподданный должен восплакать об утраченной полноте самодержавного идеала и еще теснее сплотиться у подножья трона, находятся мерзавцы, которые хамски ликуют по случаю обретения политических и гражданских свобод. Для человека, сформированного в демократической парадигме, подобные соображения звучат диковато, но все обстояло именно так. В данном случае православный монархист Осоргин абсолютно искренен. Обыватель должен сидеть в своем доме и имеет право собираться больше трех только на крестный ход или верноподданическую манифестацию, санкционированную и ведомую властью.

А вот как вспоминает Февральскую революцию В.В. Шульгин: «Бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водоворота бросала в Думу все новые и новые лица... Но сколько бы их не было — у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злое...»

Боже как это было гадко!...

— Пулеметов!

Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя...

Увы — этот зверь был ... Его Величество русский народ!...»¹⁷

Сословная реакция на активизацию демократического начала в деспотических обществах носит универсальный характер. В воспоминаниях прорабов Перестройки находим презрительные реплики, в духе — «собрали всякую шантрапу» — представителей советской номенклатуры в момент открытия Первого съезда Народных депутатов СССР (1989 г.). Нам представляется, что у жителей Рублевки сходные эмоции вызывали документальные кадры шестий «рассерженных горожан» в 2012 г. От эпохи к эпохе может изменяться социальный состав привилегированных сословий. Картина мира, самопонимание и ценностная диспозиция наследуются. С таким же чувством омерзения воины кочевники смотрели

¹⁷ В.В.Шульгин. Дни /Февральская революция в воспоминаниях белогвардейцев. М. 1927. С.89.

на жалких земледельцев, а воры в законе воспринимают несчастного фраера. Из всего этого вытекает простая истина, многократно подтверждаемая историей человечества: российские «гранды» будут стоять до последнего.

Зафиксируем тезис: сословный характер общества, а также согласованное единство сакральной Власти земной и Власти небесной *составляют ядро российского традиционного космоса*. Данная конфигурация восстанавливается на наших глазах. За этим трендом стоят, во-первых, достаточно весомые социальные силы и, во-вторых, культурная инерция, осознанный, а чаще неосознанный запрос носителей традиционного сознания.

Средний интеллигент без специального гуманитарного образования не постигает глубинных оснований сакрализации правителя. Между тем, данная идея просматривается на всю глубину исторического видения и представлена в массе культур. Восприятие верховного правителя как космократора — одна из универсальных идей архаического сознания. Описывая ритуалы аборигенов острова Фиджи, Мирча Элиаде указывает, что церемония возведения короля на трон носит название «сотворение мира», «сотворение земли» или «создание суши». Те же идеи воспроизводились при восшествии на престол индийского царя — *раджасуя*. Комментируя эти и другие, примеры ритуалов возведения на царство, Элиаде пишет: «Легко понять, почему ритуал восшествия на престол повторяет космогонию или празднуется в Новый год. Считается, что монарх обновляет весь космос».¹⁸ Известный нидерландский археолог Франкфорт пишет — восшествие на престол нового фараона «можно рассматривать как сотворение нового времени, наступившего после опасного разрыва гармонии между обществом и природой, и такая ситуация свойственна сотворению мира».¹⁹

Мера архаичности традиционного российского сознания не осознается образованным обществом. Не осознается и в силу просвещенчески-прогрессистской мифологии, и в силу травматичности этого знания. Для русского традиционалиста Правитель божественен в самом буквальном смысле. Это не метафора. Это — живое переживание. Известие о смерти Сталина потрясло весь со-

¹⁸ Мирча Элиаде. Аспекты мифа. М. 2010. С. 50.

¹⁹ I Kingship and the Gods. Chicago, 1948. P. 150.

ветский народ. То была космическая катастрофа. Событие многократно описано и зафиксировано исторической традицией. Но 11 ноября 1982 года, когда в программе «Время» было официально сообщено о смерти Брежнева, мы — современники — наблюдали типологически сходные аффекты и эмоции. За пару месяцев «до того» западные радиоголоса глухо говорили о проблемах со здоровьем генсека, а по стране ходили неопределенные слухи. Вечером 10-го по Москве разливалось беспокойство. Телефонные звонки немногих посвященных близким и друзьям, когда ничего до конца не произносилось, но становилось понятно — произошло, то самое, неназываемое. Одиннадцатого, после официального объявления о смерти и в ближайшие за этим дни самым интересным было наблюдать за старушками и пожилыми людьми из простонародья. Понятно, что смерть правителя правившего без малого 20 лет в идеократическом государстве, была тревожной новостью, поскольку несла в себе неопределенность. Но ужас и мера потерянности, демонстрируемая носителями традиции, были несоизмеримы рациональному переживанию ситуации. Надо было видеть глаза и лица этих людей. Происходило ровно то, о чем писал Франкфорт — смерть правителя есть разрыв гармонии между обществом и природой. Ушел Предстоятель, защищавший смертных от ярости космических стихий; сломалась магическая инстанция, гарантирующая порядок в этом мире. Потерянные бабушки оказались один на один с хаосом. «Что-то теперь будет?».

Обручение сакрального правителя с православной церковью в течение шести веков сформировало устойчивую структуру, описанную выше как ядро традиционного российского космоса. Существование конфликта, который разворачивается на наших глазах состоит в том, что российское общество состоит из двух качественно и стадияльно различных социокультурных слоев, которые полярно реагируют на процессы реставрации традиционной конфигурации. Традиционный слой общества принимает перемены как возвращение к естественному порядку вещей. И, если высказывает претензии, то в традиционной форме (брюзжания), и по традиционным поводам (начальники много воруют, «народу» мало дают). Что же касается модернизированного — то он противостоит реставрации по всем фронтам.

Мы выделили три характеристики базовой модели: сакральная власть, государственная церковь и сословное общество. Соответ-

ственно в обществе наблюдается три вектора протестной активности: антивластная, антиклерикальная и волна протеста против утверждения сословий.

Антивластная волна

В середине октября 2012 в Санкт Петербурге имело место примечательное событие. Жители города встречали кортеж премьер-министра сигналами клаксонов и специфическим жестом — поднятым вверх средним пальцем. Этот профанирующий жест, не типичен для нашей страны; он родился в романской Европе. При этом средний палец выступает как фаллический символ и предлагает отстать, или отвязаться. В конце 80-х — начале 90-х годов был заимствован в молодежную культуру, и последнее время употребляется все чаще. Примечательно, что губернатор СПб Полтавченко прореагировал на это нервно, назвав поведение горожан «жлобством».²⁰ Надо сказать, что сигналы клаксонов вослед кортежей первых лиц государства стали общей практикой в Москве. В ответ на такое выражение всеобщего недовольства власти вынуждены разрабатывать маршруты передвижения на вертолетах.

Приведенный эпизод — всего лишь штрих. Скандирование на стадионах, издевательские песни, профанирующие скетчи, стихи, рисунки, язвительные комментарии выложенные в Интернете, демомотиваторы политического содержания, скандирование на митингах, прозвища — «айфончик» и «крошка Цахес». Все это относится не столько к личностным характеристикам российских лидеров, сколько является средством противостояния *сакрализации власти*. Общество, принявшее сакрального правителя как данность, рассказывает о нем анекдоты в узком кругу, либо с глазу на глаз. Громогласное и прилюдное поношение — протест против самой претензии на сакрализацию власти.

Наиболее молодая и динамичная часть российского общества доступными ей средствами отстаивает демократические ценности, сохраняя дух всеобщего равенства. В ситуации, когда СМИ плотно контролируются властью, а официальный дискурс формирует са-

²⁰ Активные молодые петербуржцы не остались в долгу и на стадионе во время футбольного матча, на котором присутствовал Полтавченко (матч Зенит-Кубань 20 октября), долго и дружно скандировали «Полтавченко жлоб».

кральное прочтение власти предержажшей, всеобщая безудержная профанация оказывается самым действенным и наглядным проявлением отторжения данной тенденции развития.

Противостояние разворачивается на политическом и идеологическом уровне. На пространствах Интернета, в оставшихся оппозиционных изданиях, на радио «Свобода» и «Эхо Москвы», на успешно удушаемом телеканале «Дождь» идет идейная борьба за демонтаж «суверенной демократии», замену муляжей общественных и политических структур (оппозиции, политических партий, неправительственных общественных организаций) и муляжей демократических процедур (общественных обсуждений, референдумов, выборов на всех уровнях) реальными демократическими институтами. Политические формы борьбы охватывают акции правозащитного движения, акции оппозиционных политических партий и движений (такие как «Стратегия 31»). Можно привести в пример митинги, пикеты и акции незарегистрированной оппозиционной политической партии «Другая Россия». Здесь же яркие общественные инициативы, вступающие в острый конфликт с системой (такие, как движение в защиту Химкинского леса). Или выступления по отдельным поводам русских националистов (убийство футбольного болельщика Егора Свиридова или дело Расула Мирзоева, убившего Ивана Агафонова). В 2012 году эти и другие более или менее разрозненные акции слились в серьезное общественное движение получившее название «рассерженные горожане». Цель движения — демонтаж авторитарного режима и восстановление правовой парламентской демократии. Понятно, что такое целеполагание посягает на основания сословного общества возглавляемого сакральной властью.

Антисословная волна

В принципе эта волна пронизывает все протестное движение и сложно вычленима из комплекса протестных смыслов. Все демократические смыслы по своему существу антисословны. Диалог: «Маша, садись, пожалуйста. — Спасибо, Вова!» (Пресс конференция Президента РФ 20.12.2012) лежит в описываемом ряду. Здесь же: декларирование идеи верховенства закона, борьба с мигалками, травля прикормленных деятелей культуры в Интернете, волны

компромата на «больших людей». Формально неуязвимые, но не имеющие никакого отношения к реальности утверждения: «Чиновники — наемные служащие. Мы — российский народ нанимаем их, для того, чтобы они обслуживали государство и защищали наши интересы» — все это нагружено протестом против формирования сословного общества и утверждением ценностей правовой демократии.

Особый сюжет — растянувшееся на годы «дело Магницкого». Требования наказания виновных в гибели юриста и *расследования актов коррупции*, которые стали основанием для ареста Магницкого пронизано протестом против того, что в оппозиционной публицистике именуют «кастой неприкасаемых». Знаменитый «Закон подлецов», он же — «Закон Ирода» (принят 28.12.2012) в очередной раз расколол российское общество и вызвал бурю негодования в либерально ориентированной среде. Традиционно-архаическое прочтение закона переводит ситуацию на рельсы привычного и духоподъемного противостояния Америке. В то время как либеральная общественность требует расследования коррупции, ставшей причиной гибели Магницкого. Демократическая общественность борется против базовых оснований сословного общества.

Мы обозначили самые общие контуры антисословного движения. Протест против сословного неравенства набирает силу по мере артикуляции реальных процессов оппозиционными лидерами. Массы хорошо реагируют на антисословные инвективы, а это значит, что политики оппозиционного спектра будут все чаще обращать внимание на данную проблему и прибегать к антисословной риторике. Властная монополия на производство смыслов утрачена. Общество продвигается в осмыслении собственной реальности. История XIX и XX веков показывает: общедемократический протест против сословного неравенства — один из мощнейших факторов революционизирующих политическую ситуацию.

Антиклерикальная волна

В первой половине двухтысячных церковь была выведена из зоны критики. Как это часто бывает, обозначенное положение нигде не фиксировалось и не получало законодательного закрепления, однако любая внутренняя политика несет в себе послание

обществу. В данном случае российскому обществу объяснили, что хула на сакральный институт, воплощающий «наше» прочтение религии приравнивается к хуле на Духа Святого. Православные активисты традиционной ориентации (а таких большинство) приняли это как долгожданное восстановление нормального порядка вещей, а секулярно ориентированные горожане — как очередное нарушение Конституции и покушение на базовые основания российского государства.

Для понимания процессов эволюции конфессиональной ситуации в стране полезно обратиться к феномену Pussy Riot.

Прецедент Pussy Riot

Феминистская панк-рок группа Pussy Riot, проводящая свои выступления в формате несанкционированных акций в не предназначенных для этого местах, возникла в 2011 году. Группа исполняла ряд песен посвященных выборам в Государственную думу 4 декабря 2011 года и последовавшим за выборами митингам протеста («Освободи брусчатку», «Смерть тюрьме, свобода протесту», «Бунт в России — Путин зассал»). Все эти акции имели ограниченный эффект. Всемирная известность к группе пришла после 21 февраля 2012 года и связана с «панк-молебном» в храме Христа Спасителя «Богородица Дево Путина прогони». Сюжет с «панк-молебном» попал в телевизионные новости и стал предметом оживленного обсуждения в СМИ и интернете. Позднее три участницы группы были арестованы. Сама акция, последовавший за этим арест, суд над девушками и, наконец, приговор суда превратились в общенациональное событие, получившее широкий международный резонанс.

Акция Pussy Riot и реакция власти на этот инцидент наложились на общественные настроения 2012 года, заданные выборами Государственной думы и выборами Президента РФ. Общество раскололось. Близкая по своим настроениям к «рассерженным горожанам» либерально ориентированная общественность восприняла уголовное преследование девушек из Pussy Riot как скандальную полицейскую травлю эстетического высказывания, несоразмерную проступку и недостойную.

Настроения российских симпатизантов Pussy Riot подпитываются мощной международной поддержкой акции. Ветераны рок

движения и культовые фигуры шоу бизнеса, политики и общественные деятели, серьезные интеллектуалы и молодые радикалы, международные правозащитные организации и составители рейтингов самых влиятельных людей прошедшего года выступали и выступают в защиту девушек, отстаивая безусловное право на свободное художественное высказывание. Загнанный в угол и скрывающийся в посольстве Эквадора в Лондоне Джулиан Асанж с балкона посольства призвал к освобождению российских узниц совести. Американская панк-группа «Anti-Flag» записала кавер версию ключевого выступления группы — «Virgin Mary, Put Putin Away». Панк группа Pussy Riot превратилась в символ современной России.

В тоже время, провластные и клерикально ориентированные круги поддерживали обвинение, напирая на оскорбленные чувства верующих. Телеведущие многословно и темпераментно обвиняли «кошунниц», требуя покаяния и призывая на их головы заслуженную кару. В ходе суда отдельные православные активисты требовали максимально сурового наказания. Подавались судебные иски с требованием денежной компенсации за моральный ущерб и т.д. Есть основания полагать, что, по крайней мере, часть этих выступлений не были срежиссированы и носили самодеятельный характер.

В высшей степени примечательна антиклерикальная волна, возникшая после истории с Pussy Riot. Мы столкнулись с невиданным явлением, получившим название «крестоповал», практикой надписей на стенах храмов, издевательскими комментариями по поводу высшей иерархии РПЦ, бурей в интернете. С другой стороны — заявление иерархов, и политиков, позиционирующих себя как хранителей устоев, активность православного казачества, «православных хоругвеносцев» на улицах городов и депутатов на ниве законотворчества эксплицируют противостояние. Множество серьезных комментаторов повторяют одну мысль — девушки попали в важную болевую точку современного российского общества.

Казалось, для власти было бы предпочтительнее пропустить этот эпизод, оставить его за рамками телеэфира (пусть себе вывешивают видео ролик в интернете; там сейчас и не такое висит). На худой конец можно было бы оштрафовать выступавших или отправить в каталажку на пятнадцать суток. Однако властная реакция была совершенно иная. И эта ситуация заслуживает нашего внимания.

Дело в том, что авторы текста «панк-молебна» по всей видимости — квалифицированные люди, точно чувствующие российские

реалии и осознающие законы, по которым функционирует мифологическое сознание. Им удалось попасть в самую сердцевину традиционной мифологии.

Низовая теология исходит из того, что сакральная власть деспотического характера, то есть Бог земной являет собой предметно-чувственное воплощение традиционного («нашего», «истинного») Бога Небесного. Это — две ипостаси единой сущности. Бог Небесный, представлен православной церковью. Социальный и одновременно космический идеал — их единство, нераздельное, но неслиянное.

Молебен «Богородица Путина прогони» притязает на разрушение ядра российского космоса. Логически здесь возможны два ответа: либо двуипостасная модель ложна (то есть еретическая) и тогда весь русский космос рушится, либо Путин — не сакральный правитель. Второе объяснение укладывается в исконную идеологию российского самозванчества. Для секуляризованного либерала акция Pussy Riot небезупречная, экстравагантная, но эстетическая акция. А с точки зрения традиционного сознания, перед нами прилюдно заявленная еретическая позиция, притязающая на основания российского бытия. Правителю остается либо признать, что он подменный и удалиться, либо обрушить на предрезостных еретиков страшные кары, наглядно свидетельствующие о подлинном характере актуальной сакральной власти.²¹

Патриарх Гундяй верит в Путина

Лучше бы в Бога, сука, верил

Пояс девы не заменит митингов

На протестах с нами Приснодева Мария!

Отвлечемся от скандализующей лексики и стилистики высказывания. Эти характеристики молебна заданы эстетикой панк-рока (и, кстати, работают на десакрализацию иерархии). Призыв верить в Бога (надо полагать в некоторого подлинного Бога, «Бога истинна»), а не в сакрального правителя, представляющего российского Бога на этой земле, притязает на основания российского космоса. С точки зрения традиции верить в Правителя и верить в Бога — одно и то же, ибо они единосущны.

²¹ Репрессия — один из самых мощных и надежных свидетельств сакральной власти на Руси. Подробнее см: И.Г.Яковенко «Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры». М. 2011.

Носитель традиционного сознания не формулирует эти соображения, но переживает мир в описанных нами моделях. Повторимся: перед нами опасная ересь, притязающая на базовые основания российского космоса. Это выступление должно было завершиться властной карой. Либеральная эпоха и глобальная информационная открытость диктуют пределы жесткости. Требовалось, с одной стороны удовлетворить базовым инстинктам ревнителей традиционных устоев. С другой — сохранять имидж европейского государства и избежать чрезмерных внешне и внутри политических издержек. Два года колонии для двух подсудимых явили собой баланс, к которому пришли властные инстанции.

В девяностые годы рассматриваемый нами феномен был невозможен. Pussy Riot оформили предельное выражение протеста против разрушения принципов секулярного государства и смыкания власти с церковью.

Вернемся к конфессиональной ситуации начала двухтысячных. Выведение церкви из зоны критики было значимым, но элементом более широкого идейно-политического комплекса. Постепенно стала просматриваться широкая политика обеспечения первенства РПЦ. Иностранным католическим патерам, работающим в РФ, перестали продлевать визы. Протестанты, существовавшие достаточно спокойно в девяностые годы, стали испытывать разнообразные стеснения. В прессе появилась тема тоталитарных сект. Первые лица государства под телекамеры выставляли праздничные службы в патриаршем соборе.

Последнее наблюдение заслуживает особого комментария. Присутствие чиновников высшего ранга на рождественской и пасхальной службах стало обязательным ритуалом, который воспроизводится на региональном уровне. При этом праздничные службы в Москве и Санкт-Петербурге транслируются по телевидению. Модернизированный слой общества относится к данной норме юмористически. Определение «подсвешники», применительно к госчиновникам во храме, родилось в среде либерально мыслящих. Между тем, для традиционного сознания трансляция праздничной службы ведомой патриархом в присутствии первых лиц на фоне православного «народа» есть важнейшая экспликация единства «веры, царя и отечества». Эти трансляции фиксируют высоко значимый аспект реальности и задают тренд развития.

Православные священники и иерархи церкви все чаще стали появляться в СМИ последовательно утверждаясь в качестве учителей нравственности, интерпретаторов русского духа, критиков бездуховного Запада и т.д. Дело здесь не в реестре тем; православный иерей может высказывать свое мнение по любым вопросам.²² В данном случае примечательна ценностная диспозиция, выстраиваемая в интересующих нас передачах. Высказывание от имени церкви и священноначалия стало подаваться не как одна из точек зрения, но как решающее, как суждение высшего авторитета. Власть переформирует массовое сознание. Подданные, утратившие за 73 советских года остатки благоговения перед «батюшкой», последовательно включаются в традиционно-конфессиональный строй мысли, где священник выступает учителем и носителем безусловного авторитета. Речь идет об авторитете духовной инстанции; инстанции морально безупречной и стоящей над схваткой.

Конкурентов РПЦ — атеистов, протестантов, католиков — в такие передачи не приглашают. К общероссийскому эфиру допущены священнослужители «традиционных конфессий» — мусульмане, иудаисты. Случается это крайне редко. Отчасти они напоминают ритуальных представителей рабочего класса и колхозного крестьянства в президиумах советских мероприятий. Это молчаливый штаффаж, говорящий по необходимости, немногословный и стандартно-ожидаемый в своих высказываниях.

На этом фоне возвращение РПЦ храмов, монастырей и других зданий, принадлежавших некогда церкви, открытие новых приходов, строительство часовен, храмов и соборов было естественным и ожидаемым. После революции большевики конфисковали собственность, принадлежавшую миллионам индивидуальных и коллективных субъектов права. РПЦ оказалась единственным собственником, относительно которого российское государство пошло на реституцию. Священнослужители пришли в российскую армию²³, стали желанными гостями в школьных и университетских аудиториях, а также привычными персонажами самых разнообразных общественных мероприятий.

²² В реальности священник связан церковной дисциплиной, диктующей ему, о чем говорить и как говорить. Но это — ограничения накладываемые церковью. Как гражданин священник свободен высказываться по предельно широкому кругу вопросов.

²³ Заметим, что церковь демонстрирует устойчивый интерес к силовым структурам.

Возникли и замелькали в сообщениях СМИ самые разнообразные организации православной общественности. Это и общество «Радонеж», и Институт Русской Цивилизации, и Всемирный русский народный собор, и Русское Православно-Монархическое Братство «Союз Православных Хоругвеносцев», и «Союз православных граждан» и другие. При этом организации, объединяющие представителей других конфессий, в информационном пространстве либо не обнаруживаются, либо они представлены как деструктивные культы, тоталитарные сектантские или террористические структуры.²⁴

Параллельно с этим мягко, без нажима лепился образ альтернативы православию. Панорама героев криминальных телесериалов обогащается образом главы тоталитарной секты. Однако пространство опасности шире мира фанатиков-сектантов. Одна из самых примечательных находок в этом ряду — образ интеллигентного и холодного профессионального киллера, который, под конец фильма, оказывается *католиком*. Обстоятельство это не педалируется, проходит вторым планом, но откладывается в сознании зрителя.

Осуществляли описанные перемены люди тактически грамотные. Все делалось тихо, не дразня гусей, без компанийщины и малыши приращениями. Так, что через несколько лет обыватель незаметно для себя очутился в другой стране. Чиновники самых разных уровней осознали, что православие широко поддерживается государством и стали руководствоваться этим в своей работе. В свою очередь, описанную перемену внутренней политики зафиксировало как священноначалие РПЦ (которое много и энергично работало на описанную эволюцию), так и православная общественность.

Напомним, что установка на сращивание с властью была генеральной стратегией раннего христианства. Описанная диспозиция меняется только с разворачиванием Реформации, но православие «счастливо» избежало подобной участи.

С начала двухтысячных идеологи и эксперты заговорили о «политическом православии». В самом широком смысле под этим понимается политическая идеология, апеллирующая к православию. Пространство, занимаемое политическим православием,

²⁴ Разумеется, тоталитарные секты существуют и представляют опасность для общества. Речь о том, что мы живем в стране, где власть склонна называть политических противников режима «бандитами» или «террористами», а конкурентов государственного вероисповедания — опасными сектантами.

многосубъектно. Прежде всего, это Московская Патриархия, то есть руководство РПЦ, а также национал-патриотическое движение, неоевразийцы, православно ориентированные коммунисты и др.²⁵

Для нас представляет особый интерес цели и задачи, которые ставят перед собой и преследуют субъекты политического православия. Отмечая общепопулистский характер политического православия, одни из ведущих экспертов, директор информационно-аналитического центра «Сова» Александр Верховский фиксирует: более или менее артикулированную идею воссоздания русской империи;

этнонационализм, стремление сделать Россию государством более «русским» в этнополитическом смысле;

приверженность «сильной власти»;

отвержение (полное или частичное) светского государства;

общее категорическое неприятие Запада (включая повсеместно укоренившиеся идеи антиглобализма);

принципиальное противостояние либерализму.²⁶

В целом автор характеризует исследуемое движение как «правый, имперско-националистический проект». И подчеркивает, что Московская Патриархия провозглашает *задачи полной десекуляризации лишь в качестве абстрактного идеала*.²⁷

То, что Московская Патриархия формулирует как абстрактный идеал, в сознании православных активистов превращается в руководство к действию.

Полезно услышать, как эта проблематика трактуется изнутри движения. Русский националист, православный активист Егор Холмогоров разъясняет:

«Базовый политический ритуал Последнего времени, — ритуал разделения. Именно сецессия, размежевание «своих» и «чужих», причастных небесному и отвергающих его, является столь же значимым действием для цивилизации Последнего времени, как революция и низведение небесного для цивилизаций Модерна».

²⁵ Подробнее, например см: Александр Верховский. Российское политическое православие: понятие и пути развития./ Пути несвободы. (сб. статей) Сост. А. Верховский. М. Центр «Сова», 2005. Смотри также работы Анатолия Красикова, Александра Солдатова, Владимира Прибыловского, Александра Кырлежева, Николая Митрохина и др. исследователей.

²⁶ А.Верховский. Упом. соч. С.74.

²⁷ А.Верховский. Там же. С.76.

«Политические религии выступают боевыми знаменами, под которыми собираются люди, чтобы идти в последнюю битву. Именно поэтому автор этих строк в свое время предложил для политических религий наименование «армий апокалипсиса».

Для русского политического Православия такой целью является *самоотождествление русской политической нации как нации православной. Достижение первой цели должно привести к переоформлению русской национальной государственности как государственности православной.*

Формулой предельного развития «инфраструктуры спасения» мог бы стать принцип, что *ни в одном населенном пункте России не должно быть ни одной точки, откуда не были бы видны купола церкви или шатер колокольни*.²⁸

Обращение к подлинникам всегда полезно. Стоит отдавать себе отчет в том, какое будущее готовят нам православные активисты.

Господин Холмогоров теоретизирует не на голом месте. Священноначалие со своей стороны, а православная общественность — со своей, развернули борьбу за преобразование российского общества в соответствии со сформулированными выше целями и задачами. Начинались эти процессы с отдельных, как бы, мало-значительных инцидентов.

Первой ласточкой был учебник для школьников младших классов А.Бородиной «Основы православной культуры». (М. Издательство «Покров» 2002.) Там было много трогательных моментов: и представление о царе как Помазаннике Божьем, и прямое отождествление понятий «русский» и «православный». Но самое существенное состояло в том, что предметы веры излагаются и трактуются как безусловное и объективное знание. С философской точки зрения этот ход является жульничеством. С богословской — ересью чистой воды.

Человек далекий от предмета может не увидеть разницы. Между тем, христиане *веруют*, то есть принимают некоторые догматы за непреложную истину без какого-либо обоснования и доказательства. Это положение выражено в Символе Веры, который начинается словом: *Верую...* Что

²⁸ Егор Холмогоров. Политическое православие. «Правая. гу. Радикальная ортодоксия». <http://pravaya.ru/leftright/472/3579>

же касается научного знания, то оно объективно и проверяемо в рамках специальных процедур верификации, составляющих существо научного способа познания. «Нашим» верованиям могут быть рядоположены другие верования и религиозные убеждения. Что же касается истины научного знания, то она едина. О существовании запредельного знают что-то (во всяком случае, утверждают, что знают) гностики. Гностицизм — религиозная традиция, с которой христианство тысячелетия ведет борьбу не на жизнь, а на смерть.

Знаковое событие произошло в 2003 году в Музее и общественном центре имени Андрея Сахарова. Мы имеем в виду разгром выставки «Осторожно религия». В экспозиции были представлены работы более 40 художников. В пресс-релизе координаторы проекта говорят о двойственности своего замысла: это и призыв к бережному отношению к религии и «знак — «внимание, опасность!», — когда дело касается религиозного фундаментализма (неважно, мусульманский он или православный), сращения религии с государством, мракобесия».²⁹

Экспозиция была неоднородна. Некоторым работам, не доставало вкуса и чувства меры; но, не более того. При всей эпатажности отдельных работ, экспозиция оставалась в рамках современной европейской традиции рефлексии социальных и культурных проблем в зеркале искусства. Выставка «Осторожно религия» открылась 14 января. Через три дня она была разгромлена группой из шести человек. Двое из них — задержаны на месте преступления.

Общество в очередной раз раскололось. Рядом с провластными журналистами и активом политического православия оказались православные интеллигенты и просто люди, ориентированные на доминирующую точку зрения. Как это свойственно России, носители идеалов духовной свободы и ценностей секулярного сознания оказались в меньшинстве. В общественном мнении доминировали «Православные хоругвеносцы» и другие представители православной общественности. Митинги в поддержку погромщиков и петиции против «художников-кощуников» сотрясали информационное пространство. Уровень полемики, демонстрируемый защитниками традиции показателен: «Богохульная выставка

²⁹ http://old.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/religion_notabene/hall_exhibitions_religion_reliz.htm

«Осторожно, религия» 2003 года стала символом всего постсоветского атеизма, либерализма и идиотизма».³⁰

Вначале, Замоскворецкий суд признал незаконным возбуждение уголовного дела против Люкшина и Зякина — погромщиков, задержанных на месте преступления. Далее, после долгого судебного разбирательства в 2005 году Таганский суд Москвы признал организаторов выставки — Юрия Самодурова и Людмилу Васильевскую — виновными в разжигании национальной и религиозной вражды.

Суть полемики, развернувшейся в обществе, сводился к обмену репликами: «Вы не в Париже. Шапки долой, когда приближаетесь к государственным святыням. — Но мы же, еще не в Тегеране. — В Тегеране или не в Тегеране, там видно будет. Но не в Париже точно».

С этого времени оскорбленный в своих чувствах православный активист с бейсбольной битой в руках становится фактором культурной жизни. Православные активисты заявили — «Власть за нас. И отныне значимые для нас параметры культурной (и социальной) жизни в стране будем определять мы». Оскорбление религиозных чувств стало универсальным оружием клерикальной реакции.

Выяснилось, что чувства православных оскорбляют также «содомиты». С их точки зрения любые акции ЛГБТ сообщества недопустимы. В мае 2006 года в Москве должен был состояться фестиваль «Радуга без границ», который был сорван из-за угроз экстремистских группировок, устроивших серию погромов и избиений. История с этим гей-парадом показательна. Мэрия Москвы отклонила заявку и запретила мероприятие. Патриарх Алексей II поддержал этот запрет в письме, выложенном на официальном сайте РПЦ. В мае 2007 года попытка провести несанкционированный парад в Москве была пресечена милицией, ОМОНОМ и православно-националистическими организациями.

А вот еще штришок к портрету эпохи: 6 февраля 2013 года около 50 человек устроили в Нижнем парке Липецка «молитвенное стояние против богоборческого мюзикла». Липчане и жители других городов во главе с бывшим лидером регионального отделения национально-патриотического фронта «Память» Юрием Бернико-

³⁰ Общественный комитет «За нравственное возрождение Отечества». Роман Вершило. «Музей им.Самодурова — моральный и финансовый банкрот». http://www.moral.ru/2007/1120_nesakhar.html

вым протестовали против предстоящего показа в Липецке русскоязычной версии рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда».³¹

Но и это еще не все. В 2006 году ученица одной из школ Санкт-Петербурга Мария Шрайбер, подала судебный иск в котором обвинила Министерство образования и науки в том, что преподавание общей биологии, оскорбляет ее религиозные чувства, потребовала запретить преподавание теории Дарвина в качестве доминирующей, ввести в школьный курс биологии, преподавание креационистской концепции «разумного замысла» и выплатить ей компенсацию морального ущерба. К сожалению, это не единичный курьез. Вот цитата: «...религиозные фанатики угрожали ученым и требовали прекратить преподавать эволюционную теорию, угрожая их убить.»³² Что же касается позиции церкви относительно теории эволюции, то желающий может обратиться, например, к публикации священника Константина Буфеева «Ересь эволюционизма».³³

Можно по разному относиться к геям и лесбиянкам, к художникам-постмодернистам, к мусульманам и атеистам. Наконец, можно быть полным идиотом и отрицать теорию эволюции. Однако, вне зависимости от убеждений и вкусовых предпочтений, самым показательным и символическим моментом в представленной панораме надо признать *картину единения ОМОНА и православных боевиков*, разгоняющих акцию непокорных.

Также, как демократическая власть не может нарушать принципы светского государства, власть авторитарная не может не поддерживать идеологический институт, *по принципиальным основаниям* отстаивающий самодержавный идеал. В таком случае выбор власти просто не имеет альтернативы.

Заметим, что рассматриваемая нами ситуация прецедентна. Здесь можно напомнить коллизию противостояния иосифлян и нестяжателей. Моральный протест нестяжателей против церковного землевладения создавал основания для секуляризации монастырских сел и расширения налоговой базы государства. Поэтому, вначале Иван III стал на сторону нестяжателей. Но нестяжатели отваживались иметь свою точку зрения

³¹ Религия в светском обществе. Информационно-аналитический центр СОВА 17.02.2013

³² Лев Боркин. Как ученым организовать. Выступление на конференции РАСН./Знак Вопроса. 3/2012. С.87.

³³ [creatio.orthodoxy.ru>archive/kbueev_eresy.pdf](http://creatio.orthodoxy.ru/archive/kbueev_eresy.pdf)

по ряду вопросов и выступали с критикой самого царя. Следовавший за Иваном, царь Василий III развелся с Соломонией Сабуровой, что вызвало резкое осуждение со стороны нестяжателей. В то же время мудрый царедворец Иосиф Волоцкий прославлял власть предрешающую и призывал казнить любых еретиков и отступников. Окончательный выбор российского государства ожидаем. Оно обрушило репрессии на головы нестяжателей и приняло сторону иосифлян.

Союз сегодняшней власти и церкви диктуется той же логикой. Станислав Белковский («Эхо Москвы», программа «Особое мнение» 7.01.2013) характеризует российское православие как сергианское и исходит из того, что природа РПЦ заложена в 1943 году Сталиным, восстановившем православную церковь в СССР.

В 1943 году советские войска начинают освобождать территории, оккупированные фашистами. На оккупированных территориях немцы открыли тысячи приходов, закрытых большевиками в годы борьбы с церковью на уничтожение. Масса традиционно ориентированных людей пошла в храмы. Перед советской властью возникла непростая проблема: Освобождая города и веси, закрывать храмы, открытые перед этим фашистами в политическом отношении было безумием. Получалось, что «наши» хуже немцев. Оставалось сменить внутреннюю политику в области религии и пойти на создание «своей» (подконтрольной, абсолютно лояльной) церкви³⁴? Что и было сделано в сентябре 1943 года, после встречи Сталина с патриаршим Местоблюстителем Сергием и двумя митрополитами. Через четыре дня, 8 сентября Сергей был избран Патриархом Московским, был создан Священный Синод «при патриархе». Тогда же церковь получила свое сегодняшнее наименование — «Русская православная церковь». (До 1917 года она именовалась: «Поместная российская православная церковь» либо «Православная католическая греко-российская церковь»).

Господин Белковский повторяет достаточно распространенное мнение, которое заслуживает комментария. Я склоняюсь к убеждению, что проблема неизмеримо глубже и коренится в сущ-

³⁴ В 1975 году попав впервые в Смоленск, я остановился на площади перед величественным Свято-Успенским кафедральным собором. Первое, что сказала мне проходившая мимо пожилая женщина — «Собор немцы открыли». К тому времени прошло тридцать лет. Люди помнили.

ностных основаниях русского православия. Согласно православной теории, церковь не может существовать без императора.³⁵ В 1393 году патриарх Антониос Константинопольский писал великому князю Василию I, что «для христиан невозможно иметь церковь и не иметь императора, эти двое не могут быть разделены».³⁶ О том что «церковь без императора вдовая» я и сегодня слышу от православных ортодоксов.

Церковь стала на сторону будущей империи, когда Московского княжества еще не было. В 1300 году митрополит Максим переехал из заглохшего Киева во Владимир-на-Клязьме, перенеся вместе с митрополичьей кафедрой мистический центр «всех Руси» на северо-восток владений Рюриковичей. Следующий митрополит Петр принял сторону московского князя Ивана Калиты в его борьбе с тверским князем. А его приемник Феогност уже поселился в Москве. Автор гимназического учебника русской истории, замечательный историк С.Ф.Платонов так описывает политику церкви: «Как мы знаем, духовенство изначально вело на Руси проповедь богоустановленности власти и необходимости правильного государственного порядка. С большой чуткостью передовые представители духовенства угадали в Москве возможный государственный центр и стали содействовать Москве...русское духовенство всегда поддерживало московских князей в их стремлении установить на Руси сильную власть и твердый порядок».³⁷ В долгой гражданской войне Юрия Дмитриевича Галицкого и его сыновей с московским князем Василием Васильевичем, *«отстаивая принцип единовластия»* (Платонов; упомянутое сочинение), церковь стала на сторону Василия Темного (к тому времени уже ослепленного Дмитрием Шемякой), что во многом обеспечивало его победу.

Церковь, в лице старца Филофея, сформулировала историческую концепцию «Москва-Третий Рим» послужившую смысловой основой мессианских представлений о роли и значении России и давшую Московским великим князьям основания притязать на статус преемников римских и византийских императоров.

³⁵ См.: М.А. Дьяконов «Власть московских государей». СПб 1889.

³⁶ Schaeder H. Moskau und Dritte Rom. Darmstadt. 1957. S.1

³⁷ С.Ф.Платонов Учебник русской истории для средней школы. Изд. Башмакова. СПб. 1911 С.115

Церковь в 1498 году, впервые в русской истории венчала на царство по византийскому обряду (принесенному Зоей-Софьей Палеолог) внука Ивана III Дмитрия Ивановича, создавая прецедент, который с эпохи Ивана Грозного утверждается как традиция.

Люди церкви формирует легенды, освещающие претензии Московии на имперский статус. Выезжий иеромонах Пахомий Логофет творит мифическую родословную шапки Мономаха в «Сказании о князьях Владимирских» (1518 г.).³⁸ Туда же вставлена легенда о происхождении великих князей от фантастического брата римского императора Августа по имени Прус.

Следующий раз церковь спасала православное царство в эпоху Смуты. Здесь надо упомянуть и патриарха Гермогена, и архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия.

Во всех войнах, смутах, внутренних конфликтах (бунт 1648 года, разинщина, пугачевщина, восстание декабристов, эпоха народовольческого террора, революция 1905 года) церковь стоит плечом к плечу с высшей властью, анафематствует врагов Престола, учит народ смирению и верной службе Царю и Отечеству.

Она обслуживает любые, в том числе и самые скандальные, запросы русских царей. Для москвитя XV века развод был вещью неслыханной. Церковные каноны запрещали развод. Когда Василий III решает развестись с бездетной Соломонией Сабуровой, его громогласно осуждают идеалисты «нестяжатели». Греческие патриархи и афонские монахи отвергли просьбу Василия о поддержке.³⁹ Священноначалие русской церкви занимает совершенно иную позицию. Митрополит Даниил «бросил все силы на его поддержку обещая взять на себя этот грех — если считать желание князя грехом. Чтобы санкционировать развод собрал собор, где всецело преобладали его сторонники».⁴⁰ За митрополитом Даниилом числятся и другие свершения. Под его гарантии безопасности в Москву приехал удельный князь Василий Шемячич се-

³⁸ «Шапка мономаха» — типичная шапка татарского мурзы. Предположительно подарок ханов одному из Московских князей. По мнению специалистов, шапка изготовлена в Бухаре.

³⁹ И Константинопольский, и Антиохийский патриархи, и афонские старцы не зависели от Москвы, а потому могли позволить себе принципиальную точку зрения.

⁴⁰ Ричард Пайпс. Русский консерватизм и его критики. М. Новое издательство. 2008. С. 59.

верский, который скрывался от Василия III в Литве. Князь «был закован в цепи, посажен в тюрьму и там скончался».⁴¹

Когда Петр I отстраняет своего сына Алексея от трона и, нарушая правовую традицию, принимает решение отдать трон своему внуку, епископ Феофан Прокопович по поручению царя создает фундаментальную работу «Право воли монаршей в определении наследника державы своей». Прокоповичу принадлежат знаменательные слова: «Русский народ таков есть от природы своей, что только самодержавным владением хранит быть может, а если какое-нибудь иное владение правило воспримет, содержаться ему в целостности и благости отнюдь не возможно».⁴²

Зафиксируем существенный для нашего исследования тезис: самодержавный идеал или *идею автократии на Русь принесла и выпестовала православная церковь*. Ранние Рюриковичи, и их подданные не имели какой-либо устойчивой политической философии. Их политические представления были достаточно зыбкими и склонялись к идеям военной демократии, в рамках которой горожане и князь с дружиной существуют в некотором динамичном балансе. Так была устроена Древнерусское государство. Из этой логики выросла Новгородская республика (Господин Великий Новгород). Византийская модель, откорректированная Ордынским влиянием — результат систематических усилий церкви.

Об отдельных трениях и конфликтах *части церкви* с высшей властью можно говорить разве что применительно к движению «нестяжателей», и ушедшим в Раскол старообрядцам. Высший уровень церковной иерархии конфликтует с сакральной Властью всего один раз — в эпоху патриарха Никона. В этой перспективе сергианство и сервилизм РПЦ советских времен ничем особым не примечателен. Это было достаточно привычное поведение, объяснимое в контексте стратегических целей.

Тезис, согласно которому церкви принадлежала ключевая роль в создании и сохранении самодержавной российской империи общепризнан. До 1917 года данное положение входило в учебники и составляло предмет гордости церковников. После 1917 он превратился в один из самых

⁴¹ Московский великий князь Василий III Иванович http://aminpro.narod.ru/strana_0022.html

⁴² Попов Н.В. Татищев и его время. М. 1861. с.4.

сильных аргументов антирелигиозной пропаганды. Борьба с церковью была востребована на этапе идейного преодоления царизма. В конце 30-х годов начинается реставрация империи и обличение союза церкви и самодержавья становится неуместным. В эпоху заката «Союза Воинствующих Безбожников», когда разворачивалась борьба с «вульгарным марксизмом» школы историка М.Н.Покровского (активно обличавшей церковь как прислужницу царизма), на экраны выходит фильм «Александр Невский», а СССР оккупирует Прибалтику и Западную Украину, в стране реставрируются существенные моменты имперской идеологии. В этой ситуации тезис «Церковь — опора самодержавья» убирается из идеологического арсенала. Но советская власть не забывала о данном обстоятельстве никогда, и эта память диктовала стратегическое отношение к церкви. Ситуация переигралась в 1991 году. В постсоветскую эпоху консолидация сил имперской реставрации закономерным образом охватывает идеологов советской империи, силовиков, людей ВПК и церковь. Отсюда и возникает «политическое православие».

Существует иерархия задач и очередность приоритетов церковной жизни. Во-первых, *церковь должна самосохраниться*. Любой ценой и при всех обстоятельствах. Выживание исходно и первично. Во-вторых, стоит задача *внедрения в элиту общества и проникновения на высший уровень государственной власти*. В-третьих, опираясь на результаты внедрения, *осуществить трансформацию государства и общества в соответствии с представлениями о должном и правильном*, заложенными полторы тысячи лет назад в базовой доктрине. Третья цель — конечная и абсолютная. Но она возможна только при условии реализации двух первых.⁴³

Русская церковь прекрасно ладила с татарами, с полубезумным тираном Иваном Грозным, с разрушавшим традиционный мир Петром. Почему бы ей не найти общий язык с большевиками. КПСС рассчитывала рано или поздно похоронить церковь, а церковь ждала, когда, наконец, стинет советская власть. Обобщая, дело не в чекистах, дело в природе церкви.

Истины ради заметим, что дело здесь не в России. Сервилизм — онтологическая характеристика православия. В Византии церковь вела себя

⁴³ Мы описали базовый алгоритм, следуя которому христианство в I–V веках прошло путь от гонимой провинциальной секты к государственной религии Римской империи.

ровно таким же образом. Это вам не католики с протестантами, которые могли и дистанцироваться от власти, и осуждать ее, и противостоять (накладывать интердикт, отлучать императоров от церкви, обличать власть в проповедях). Все началось с Константина Великого, а в 1453 году логически завершилось Константином XI Палеологом.

Мы говорим о природе целого, хранителем которой выступает иерархия. В церкви всегда были и будут отдельные приходы, в которых встречаются прекрасные священники и замечательные миряне. Но, в рамках данного целого, они обречены составлять меньшинство.

Из этого не следует, что православие в принципе обречено быть средневековой конфессией, обращенной в прошлое и страдающей имперским комплексом. Во многих православных приходах русского зарубежья, целый век существующих в европейском контексте, сложилась существенно иная атмосфера. К примеру — знаменитый собор Александра Невского на улице Дарю в Париже. Русские приходы в Западной Европе, находящиеся в Константинопольской юрисдикции заполняют как эмигранты третьего-четвертого поколения, так и коренные европейцы. Здесь православие пропитано европейскими ценностями. Сходную эволюцию претерпела Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ) — канонически непризнанная православная церковь Украины и украинской диаспоры Северной Америки и Западной Европы. Но в контексте российской политической и культурной традиции, в рамках РФ, в опоре на наиболее традиционализированный сегмент населения, формирующий основную массу прихожан, наша церковь воспроизводит исторически тупиковые позавчерашние характеристики. Вообще говоря, стадийные и качественные характеристики культуры основной массы прихожан всегда и везде определяют характер церкви.

Двенадцать лет сознательной политики, направленной на разрушение рационального сознания, размывание сциентистской картины мира и дремучую клерикализацию общества, принесли свои результаты. Ставка на «глубинку», на минимально модернизированных носителей традиционного сознания оправдалась. Три миллиона паломников поклонившихся Поясу Пресвятой Богородицы, привезенному в Россию 2011 году на 39 дней, фиксируют масштаб части общества востребующей традиционные ценности.

В традиционалистской массе существует мощный запрос на социальный институт, воплощающий абсолютную истину и безусловные ценности. Институт априорный, превыше всяческого разума, закрытый от «умствования» и пошлой критики. Это — базовый ориентир, камень, на котором строится космос маленького человека, категорически отказывающегося брать на себя ношу человеческой субъектности. Речь идет о людях, которые не способны, а потому и отказываются мыслить и переживать. Им надо верить. Верить свято и безусловно. Вот сообщение: 13 февраля 2014 года Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) опубликовал результаты опроса, посвященного отношению к Церкви. Опрос был проведен в начале февраля 2014 года, в нем приняли участие 1 500 респондентов из 100 населенных пунктов РФ. Право атеистов на критику Церкви признают 33% участников опроса, 40% считают такую критику недопустимой. 36% считают, что нельзя критиковать Церковь и изнутри, только 25% считают, что члены Церкви могут ее критиковать.⁴⁴

Опираясь на растущий актив, православные традиционалисты все шире реализуют стратегию «прямого действия». Вот несколько штрихов к портрету эпохи⁴⁵:

Православные активисты попытались сорвать выставку в Сахаровском центре. 14 декабря 2012 года в Сахаровском центре в Москве при поддержке Германо-Российского Форума прошла однодневная фотовыставка «В Россию с любовью», посвященная однополым семьям. На открытие выставки пришел православный активист Дмитрий Цорионов (Энтео) в сопровождении двух девушек. Пришедшие пытались сорвать фотографии, призывали посетителей выставки покаяться, грозили попаданием в ад.

Но это — еще не все.

В Москве в качестве акции в защиту «Программы–200» (строительство 200 православных храмов в городе Москве в шаговой доступности) состоялось нападение православных активистов на офис партии «Яблоко». 15 марта 2013 года офис партии «Яблоко», расположенной на ул. Пятницкой в Москве, подвергся нападению православных активистов. Активисты изъяли из офиса литературу и демонстративно сожгли ее возле станции метро «Новокузнецкая»

⁴⁴ СОВА 14.02.2014

⁴⁵ Ниже приводится ряд сообщений информационно-аналитического центра СОВА

как «макулатуру партии сатанистов и извращенцев». Репортаж о событии был выложен в Интернет.

17 марта 2013 года группа православных активистов провела акцию в Дарвиновском музее в Москве. Из окна здания вывесили баннер «Бог сотворил мир», провели молебен и разбросали в центральном зале листовки: «Защитим наших детей от лжи! Вселенная создана Богом 7522 года назад. «Теория эволюции» — это псевдонаучный миф, несостоятельная, никем и никогда не доказанная гипотеза. Этим страшным оккультным мифом, Троцкий и Гитлер и «русский Брейвик» Виноградов оправдывали убийства миллионов людей». На крыше здания закрепили флаг с цифрами 7522.⁴⁶

Православные активисты реализуют и более мирные инициативы. Так, магазину «Ведьмино счастье» в Москве предложено изменить название. Четвертого июня 2013 года стало известно, что координатор Союза православных братств Юрий Агешев обратился к президенту РФ и мэру Москвы с требованием закрыть магазин «Ведьмино счастье», расположенный на Маросейке.⁴⁷ Как видно, с чувством юмора у Союза православных братств плохо.

Со своей стороны, чиновники на местах стараются, как могут. Еще одно сообщение *В Екатеринбурге «Военторг» предлагает семь вариантов флагов с лозунгом «Православие или смерть!»* 14 января 2013 года стало известно, что магазин «Военторг» в Екатеринбурге начал торговать флагами с надписью «Православие или смерть!» — «самого лучшего качества и по доступной цене». В продаже имеется семь вариантов флагов от 100 до 1800 рублей, в том числе для автомобилистов — флажок с присоской или кронштейном.

Итак, православные активисты тщательно отслеживают панораму культурной и общественной жизни и последовательно навязывают свое прочтение норм социального поведения.

Не теряет времени и духовенство. Вот очередное сообщение: Администрация Россоши по просьбе православных верующих запретила «языческие ритуалы» в городе.

5 июля 2013 года стало известно о том, что члены православной общины и духовенство двух церквей Россоши — Ильинской и Александра-Невского — обратились в городскую администрацию с просьбой запретить проведение в городе Дня Нептуна.⁴⁸ В качестве

⁴⁶ newcpi.wmtest.ru>2013/03/20/25674.

⁴⁷ Рассылка СОВА. 14.07.2013

⁴⁸ СОВА 08 июля 2013 г.

обоснования запрета привидится такой аргумент: после праздника начинается блуд.

Комментируя запрет администрации Россошанского района Воронежской области на проведение Дня Нептуна протоиерей Всеволод Чаплин сказал, что «*Переодеваться в языческих богов духовно опасно*. Переодеваясь в языческих богов и нечистых духов, ты вступаешь с темной силой в контакт, и это может отразиться на твоей жизни, сознании и судьбе». Власти делают выводы из указаний духовных авторитетов. Вот строчка из сообщения: «Вчера, 5 июля, в селе Морозовка Воронежской области из праздничной программы Дня Молодежи из-за несоответствия православным ценностям были изъяты сказочные персонажи».⁴⁹

Приносит свои плоды и систематическая демонизация «сектантов» (28 янв. 2014 СОВА) Баптисты Курской области пожаловались прокурору на оскорбительные сообщения в СМИ. 25 января 2014 года члены общины Международного союза церквей евангельских христиан-баптистов (МСЦ ЕХБ) Железногорска выступили с открытым обращением к межрайонному прокурору Андрею Агапову. Верующие жалуются на ряд репортажей в местных и федеральных СМИ, посвященных вспышке эпидемии кори. Журналисты часто обвиняют в распространении этой болезни баптистов.

Вменяемому цивилизованному человеку приведенные выше сообщения могут показаться странным балаганом. Между тем, все это далеко не смешно. О том, к чему приводит победа сумеречного сознания, свидетельствует хроника текущих событий. «14 ноября 2012 года стало известно, что в Иваново возбуждено уголовное дело по ст. 105 УК РФ (убийство) в отношении 25-летнего мужчины, подозреваемого в убийстве своей матери, во время обряда «изгнания бесов». По версии следствия, «экзорцист» избил жертву палкой по голове, а когда мать скончалась от побоев, положил на ее тело Псалтирь и прочел молитву».⁵⁰ Осмысливать происходящее и видеть опасности, возникающие перед российским обществом на пути клерикального одичания — наш долг.

Широкая реакция модернизированной части общества на клерикальное наступление развернулась с некоторой задержкой

⁴⁹ firstnews.ru/news/chaplin...prazdnik-neptuna—I—Igry...

⁵⁰ «Религия в светском обществе» Информационно аналитический центр СОВА. 14 ноября 2012 г. www.sova-center.ru

и хронологически совпала с движением «рассерженных горожан». Она принимает самые разные формы. От элитного театрального действия посвященного вручению награды «Серебряная калоша», до акций «крестоповала» реализованных в самых разных регионах страны, ответственность за которые взяло на себя неизвестное никому «Движение «Народная Воля». Буря комментариев в Интернете; антиклерикальные митинги под лозунгом «Россия без мракобесия»; плакаты на митингах и карикатуры на сайтах; надписи на стенах Собора Иоанна Предтечи во Пскове (сделанные в ночь на 17.06.12): «ДОЛОЙ ЦЕРКОВНЫХ МРАКОБЕСОВ» и «ПУССИ РАЙТ УВАЖУХА» — все это свидетельствует о достаточно высоком градусе антиклерикальных настроений значительной части общества.

Примечательно изменение отношения к РПЦ городской интеллигенции, ориентирующейся на либеральные ценности. От дружелюбного принятия в 90-е годы, когда церковь воспринималась как многолетне гонимая, потерпевшая сторона, носитель национальной традиции, пространство альтернативной марксизму идеологии не осталось и следа. Тогда вспоминали о репрессированных иерархах, чттили память архимандрита Вениамина, в 1928 г. вместе с другим соловецким иноком, Никифором, сожженного заживо в лесной пустыне под Архангельском. Реалии двухтысячных годов изменили общественные настроения. Сейчас говорят о многочисленных скандалах, часах фирмы Breguet и судебных тяжбах.

Казенное российское православие наделено особым талантом: оно устроено таким образом и реализует такую политику, которая вызывает органическое отторжение у всякого модернизированного человека, не разделяющего перспективу теоцентристского сословного общества. *Традиционное российское православие и секулярный человек несовместимы.* Между ними пролегает стадиальная дистанция, различие базовых антропологических характеристик. Культура, ориентированная на индивида и культура, ориентированная на личность могут существовать в одном физическом пространстве. Но это взаимно-дискомфортное существование при минимальной способности к сущностному диалогу.⁵¹

Православные фундаменталисты — люди финалистического типа мышления. Они хотят в очередной раз изнасиловать исто-

⁵¹ Впрочем, диалог культур сплошь и рядом возникает в ситуациях вынужденных и часто бывает остро дискомфортен. Однако — необходим и продуктивен.

рию и навязать обществу свою нормативность. Рано или поздно (скорее всего, рано) это кончится жесткой антиклерикальной отмашкой. Зная нравы и исторические традиции России, остается гадать, в какие формы выльется означенная отмашка. Все это в достаточной степени грустно и куда серьезнее, чем может показаться благодушно настроенному наблюдателю. Те, кого интересует названная проблема, могут навести справки относительно того, как после 1917 года сложились судьбы заметных активистов российского черносотенного движения? Они получают пищу для размышлений.

Церковь и церковная общественность решает свои задачи. Церковь негласно переведена в ранг государственных структур, пользующихся особым покровительством, объявлена государственно-образующей силой, основой русского духа, поводом для народа и интерпретатором нравственной проблематики.

Патернализм и учительная позиция — неистребимая органика РПЦ. Церковь — институт, сберегающий и воплощающий сакральную истину. Долг профанов — внимание и послушание. Со своей стороны, сакральная власть гарантирует истинность позиции церкви. Сегодня суждение носителей высших иерархических статусов говорящих от имени церкви по своей абсолютной непререкаемости соответствуют передовице в газете «Правда» 50-х гг. или Постановлению ЦК КПСС.

Эта позиция абсолютно неприемлема для широкого слоя горожан, вписанных в мировой контекст и ориентированных на ценности исторической динамики. Столкнувшееся с клерикальной реакцией общество начинает задумываться об идеалах духовной свободы и ценностях, утвержденных эпохами Реформации и Просвещения. Им противостоят традиционалисты, пережившие в высшей степени сложный процесс адаптации к неопределенности переходного периода, и обретающие, наконец, устойчивый и нормальный порядок вещей. Причем, этих людей миллионы.

Проблема назревала в течение всего последнего десятилетия, а сейчас обретает характер устойчивого гражданского противостояния.

- - -

В России живут два народа. Одному нужна сакральная истина, гарантированная сакральной властью и сакральная власть, гарантированная сакральной истиной.

Другой народ востребует ситуации, в которой он сам формирует пространство мировоззренческих и политических ценностей и вырабатывает линию собственного поведения.

Первому такая ситуация видится хаосом, в котором невозможно ничего понять и непонятно, как жить. Мир дьявольских соблазнов, дьявольской же гордыни и торжества безнравственности.

Что же касается второго народа, то для него мир средневекового синкретизиса непереносим, поскольку отрицает природу автономной личности.

Сущностной диалог между этими онтологиями и культурно-психологическими конфигурациями невозможен. Люди, принадлежащие обозначенным культурам, говорят на разных языках. Их аргументы, по видимости, выраженные в одном понятийном строе, апеллируют к настолько различающимся картинам мира, за ними стоят настолько различающиеся структуры ментальности, что взаимопонимание исключается. Возможно навязывание одним своей политической воли другому, маргинализация этого другого и существование его в подавленном состоянии. Такова реальность, данная нам в ощущении. И мы должны отдавать себе в этом отчет.

Архаизация как константа исторического процесса и тенденция современной реальности

Начнем с того, что процессы, покрываемые понятиями варвари-зация, архаизация, реархаизация носят универсальный характер. Они наблюдаются на всем протяжении истории человечества. Уже шумеры противопоставляли деревенскую простоту нравов городскому разврату. Кроме того, формы, в которых реализуется тенденция архаизации, весьма и весьма разнообразны. Причем, масштаб этого явления, роль его в процессах историко-культурной эволюции не осознается массовым человеком, воспитанным в идеологиях прогресса и Просвещения.

Мы не задумываемся над тем, что впитанная с молоком матери, привычная и самоочевидная для нас жизнь в государстве и цивилизации есть бремя. Такая жизнь дарует массу благ и преимуществ, но требует от нас многообразных усилий и самоограничений. И если пренебречь этими преимуществами во имя других ценностей, можно включиться в радикально альтернативный поток жизни за рамками истории и цивилизации, перейдя к стратегиям палеолитического человека. Веками по этому пути идут профессиональные нищие, калики перехожие, хиппи и другие маргиналы.¹

Если устойчивое и стабильное существование есть бремя, то любые преобразования есть бремя сугубое. Однако история — процесс качественных преобразований социокультурного целого. Преобразования вступают в конфликт с устойчивыми структурами со-

¹ Бытовая зарисовка: Однажды по дороге от дома к метро я был атакован лысым молодым человеком лет 35, которого доводилось встречать и раньше. Он достаточно вежливо спросил, не найдется ли у меня рублей тридцать-сорок. Обычно, в такой ситуации я не вступаю в разговоры. Однако этот молодой человек обращался ко мне с просьбой не в первый раз, и я спросил — «А ты заработать не пробовал?» На что попрошайка ответил с трогательно серьезной интонацией — «Нет. Я не могу. У меня горе. Я — алкоголик».

знания и психики отдельного человека, резерв адаптации которого к качественным изменениям конечен. В любом обществе есть пласт людей частично вписанных в реальность. Этим людям и в стабильной, устоявшейся ситуации сложно и дискомфортно пребывать в современном им мире. А серьезные изменения окончательно выбивают их из реальности. Исходные импульсы архаизации заложены в этих конфликтах.

Исторический процесс разворачивается в силу объективных законов. В советскую эпоху энергично внедрялся идеологический конструкт — «воля народов». В реальности массы иногда совершают исторический выбор, но горизонт, на котором люди могут влиять на течение истории, в достаточной степени локален. Стратегически исторический процесс не зависит от воли, не только отдельного человека, но и целых народов. Отдельное общество может отгородиться от истории на время ценой краха застойного анклава после падения железных занавесов и последующего схождения с исторической арены.

Мы воспитаны в парадигматике исторического прогресса человечества. Она фиксируется на позитивных моментах приносимых развитием. Но качественные преобразования, то есть собственно история — всегда процесс умирания социокультурных целостностей, в которых воплощались предшествующие стадии исторического развития. В каждом обществе в разных пропорциях присутствуют люди полностью адекватные окружающей их социальной и культурной реальности и те, кто адекватен частично. В том числе минимально.

Причем, в застойном, традиционном обществе эти пропорции более или менее устоялись; и, соответственно, сложились культурные и социальные сценарии, охватывающие тех, кто не вписывается в современный им мир. Нищие, божьи странники, калики перехожие, юродивые, отшельники, преступное сообщество, бегство на новые неосвоенные земли, в «дикое поле» — все это устойчивые сценарии бытия за рамками, либо на окраине зрелого государства и цивилизации.

История императивна. В русских летописях встречается хорошее слово — «примучивает», выражающее характер действий исторического императива. В каждом обществе присутствуют индивиды, втянутые в социокультурную реальность насильственно и инкорпорированные в эту реальность частично. Это могут быть

потомки втянутых насильственно, самоизолирующиеся от основного тренда большого общества и напряженно сохраняющие свою частичную вписанность в современный им мир. Они склонны изолироваться, формировать органичные себе субкультуры, концентрироваться на периферии социального пространства.

Кроме того, существует генетически и культурно заданная вариабельность, в силу которой во все времена в любых слоях общества рождаются люди тяготящиеся актуальной реальностью и тяготеющие к стадильно предшествующему.

В культуре ничего не умирает. Любоедство, инфантоцид, геронтоцид, инцест, патриархальное рабство, военная демократия всегда в тех или иных пропорциях существуют в зрелом государстве в глубокой социальной периферии, в преступной среде, на фоне хронической алкоголизации. Эти практики и феномены актуализуются и расцветают в эпохи кризисов и катастроф и уходят в тень по мере нормализации ситуации.² Светлана Алексиевич, рассказывая об Отечественной войне на территории Белоруссии, упоминает о событиях, представляющих интерес для историка культуры. Она описывает карательные экспедиции немцев в деревни, поддерживающие партизан. При подходе карателей, все население пряталось в озере, дыша через соломинку. В этом не было бы ничего удивительного, если бы византийские авторы не оставили нам описание военной хитрости славян, которые также прятались в озере и неожиданно вставали в тылу вражеских боевых порядков. Я не верю в то, что белорусские крестьяне первой половины XX века читали Иордана или Прокопия Кесарийского. В культуре ничего значимого не умирает.

Механизм латентного существования в культуре стадильно предшествующего опыта и актуализации этого опыта в экстраординарных ситуациях представляет особый интерес для историка культуры. На наш взгляд, исторически изжитые модели бытия и программы поведения в кавычках «забываются». То есть перемещаются из пространства актуально-культурного, того, что держится в памяти, обсуждается, актуализуется, в пространство отринутого. Причем, все эти модели снабжены ценностными маркерами;

² Так в осажденном Ленинграде по состоянию на июнь 1942 года «за употребление в пищу человеческого мяса арестовано 1 965 чел.» (Сводка Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду от 2 июня 1942 г. №10734) См: Никита Андреевич Ломагин. Неизвестная блокада. СПб Нева 2004.

в диапазоне от насмешливо дистанцированного отношения, как к смешным пережиткам прошлого, до жестко табуированного, повелевающего резко дистанцироваться и побивать камнями нечестивца, нарушившего табу.

Заметим, что в традиционной культуре сохраняются и воспроизводятся сценарии чрезвычайного поведения в редких жизненных ситуациях. Генеральная драка, генеральный скандал — отказ от кровного родства, расплевывание с отцом-матерью, проклятие близких родных. Актеры этих событий могут до того ни разу не наблюдать реализацию подобной модели поведения. Но в необходимый момент они безошибочно реализуют закреплённый в культуре сценарий. Эти модели поведения хранятся в дальних пластах психики и актуализуются только на фоне высокого возбуждения. Исторически отринутое хранится, где то неподалеку и также актуализуется в особых ситуациях.

В эпохи кризисов, проседания или краха государства архаическое резко активизируется. В этом отношении активизация архаизирующих тенденций — четкий критерий кризисного состояния общества и культуры. Осмысливая логику российской истории XX века Александр Ахиезер говорил о «косо инверсии» или «косо архаизации», которая срезает все исторически последующее и возвращает реальность к архетипической модели идеализированного прошлого.

Пласты исторического опыта формируются и откладываются в сознании таким образом, что в случае разрушения исторически последующего неотвратимо всплывает исторически предшествующее. В каких бы терминах, мы не описывали процессы исторического перехода от догосударственного к собственно государственному существованию — говоря о военной демократии, вождествах или стационарным бандите — и реальность эпохи Гражданской войны, и памятная нам реальность 90-х годов прошлого века демонстрировала, как в ситуации «проседания» государства актуализуются социальные практики и механизмы генезиса самых ранних форм политической власти.

Оргпреступность 90-х во многом отличается от возглавляемых атаманами банд эпохи Гражданской войны, также как и различается реальность этих эпох, но социальная природа, механизм возникновения и телеология этих феноменов качественно едины. Это *самоорганизация архаических форм политического структурирования в условиях деградации зрелого государства.*

Обобщая надо сказать: тенденция архаизации присутствует в культуре и исторической реальности постоянно и вырастает в объемном отношении, разнообразно актуализуясь в кризисные эпохи.

Формы, в которых тенденция архаизации находит свое выражение, бесконечно многообразны. Архаизация может быть игровой, знаковая, идеологически осмысленная и стихийная, связанная с тенденцией ухода от общества и ориентированная на трансформацию всего общества в соответствии с идеалами возвращения к истокам.

К примеру, формируя свой имидж, деятели культуры авангардного направления могут использовать знаковую архаизацию. Ярким примером такой стратегии служит Михаил Шемякин. Специфическая кепка с околышем, отсылающая к образу купца-лабазника конца XIX века, строгая куртка, кожаные сапоги. Это — лейбл художника, который выделяет Шемякина из общей толпы. В данном случае примечательно то, из каких элементов Шемякин выстроил свой образ.

Вспомним субкультуру «мильков», которая включала в себя специфический стиль жизни. Главные принципы этого стиля — доброта, несколько слезливая любовь к ближнему, жалостливость, предельная простота в речи и манере одеваться. Лексико-грамматические особенности речи мильков — частое употребление слов «братушка» («братишка» и т. п.) и «сестрёнка», а также любовь к уменьшительно-ласкательным суффиксам. Перед нами — интеллигентская игра в простонародье и декларированное опрощение.

Другая форма архаизации: рассчитанная на психотерапевтический эффект художественная утопия. Образ благородного дикаря, или поэтизированной вольной жизни в цыганской кибитке проходит через массовую культуру XIX—XX веков. О героях, бросивших постыльную городскую жизнь и вернувшихся на лоно природы, поют песни, пишут романы и снимают фильмы. Потребитель этой продукции может, лежа на диване, отложить книгу, и пять минут помечтать о совсем другой жизни.

Руралистические мотивы возвращения в лоно природы постоянно использует популярная эстрада. Здесь вспоминается типичная советская песня 70-х годов прошлого века:

На дальней станции сойду, Трава по пояс,
Зайду в траву, как в море босяком

И без меня обратный Скорый поезд
Растает где-то в шуме городском.³

Существует и идеологизированный дискурс возвышения архаики. Говоря об идеологическом возвышении архаики, прежде всего, надо помянуть русскую литературу и публицистику XIX — начала XX веков, отворачивавшуюся от раннекапиталистического города и любовавшаяся архаическим крестьянином, которого эта литература противопоставляла реальным агентам истории — кулаку-миroeду и выросшему из народных низов предпринимателю. Здесь же обретаются славянофилы и народники «верившие в тайную мудрость простого народа, которая непременно проявится, если революция или цареубийство освободит народ от государственного вмешательства».⁴ В 70-е годы прошлого века в позднесоветской реальности близкие идеи и настроения прозвучали в творчестве писателей-деревенщиков.

В том же ряду лежат теократические утопии Владимира Соловьева. Вообще говоря, наше убеждение состоит в том, что любые эсхатологические и хилиастические проекты (вне зависимости от исходных философских и религиозных установок) в своих основаниях несут импульс архаизации, тягу к упрощению и исправлению несправедливого мира. К отмене истории, цивилизации и наступлению вечности.

Можно выделить легендарно-фольклорные формы бытования архаического идеала. Для историка культуры очевидно — образ Беловодья или Опонского царства представляет собой идеализированную картину ранненеолитического существования.

Далее, тренд архаизации присутствует во многих сектах и религиозных движениях. Описывая конкретную общину хлыстов, бытовавшую на юге России во второй половине XIX века, наблюдатель сообщает: хлысты утверждали, что «Христос вывел их из рабства труда», поэтому не работали, не заботились о детях и по большей части занимались тем, что вычесывали друг у друга вшей. Последнее наблюдение особенно интересно: вычесывание блох — универсальная психотерапевтическая практика, присущая, в частности, гоминидам. Здесь мы сталкиваемся с глубочайшим уровнем регресса.

³ «На Дальней Станции Сойду». Музыка В. Шаинского, слова М. Танича.

⁴ Александр Этнкинд. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России М. НЛО. 2013. С. 319.

В годы моей юности ходил анекдот — «Раннее утро. Осторожный стук в дверь. «Лёв Николаевич. Лёв Николаевич, вставайте. Пахать подано». Толстовство — другой пример религиозно-этического общественного движения, содержащего в себе тренд архаизации. Это барственная версия; ее идейное оснащение, мифологические истоки совсем не те, что у простонародных хлыстов. Толстовство встает в ряд с синкретическими религиозно-философскими учениями, заявившими о себе в конце XIX века, но тренд архаизации роднит толстовцев с хлыстами.

Импульс архаизации лежит в основаниях российского политического радикализма. Террористы-народовольцы и наследующие им эсеры отталкивались от идеологических конструкций, согласно которым в нетронутой тленом цивилизации народной среде хранится истина будущего общественного устройства. Движение анархистов, существовавшее с 1870-х до середины 1920-х годов, также являлось заметным фактором российской истории. Политическая философия анархизма представляет собой чистое выражение архаического видения настоящего и будущего человечества. Относительно традиционно-архаических оснований большевистской эсхатологии сказано достаточно для того, чтобы не повторяться.

Наконец, православная церковь тысячелетия хранит институционализированный образ глубокой архаизации, отказа от цивилизации и государственности с целью демонстрированного метафизического протеста против «мира сего». Я имею в виду институт юродивых.

Называя вещи своими именами, надо признать, что тенденция к архаизации присутствует в самом глубинном основании христианства, в базовых пластах учения и предания. Отец церкви Афанасий Александрийский (298—373) говорил: «Люди называют умными тех, кто умеет покупать и продавать, вести дела и отнимать у ближнего, притеснять и лихоимствовать, делать из одного обола два, но Бог считает таких глупыми, неразумными и грешными. Бог хочет, чтобы люди стали глупы в земных делах и умны в небесных».⁵ Историческая эволюция христианства и заданное этой эволюцией переосмысление исходных представлений (зафиксированных в поучении Афанасия Александрийского) — специальная проблема,

⁵ Юродство // Религиозная энциклопедия на портале Богослов.ru

исследованная историками мировой культуры. Но, в российском православии эта исходная линия сохранилась.

Отсюда упомянутая выше позиция классической русской литературы, в ее отношении к процессам исторического развития. Известное высказывание Энгельгардта о кулаке «Этот ни земли, ни хозяйства, ни труда не любит, этот любит только деньги. Этот не скажет, что ему совестно, когда он ложась спать не чувствует боли в руках и ногах... Его кумир — деньги, о приумножении которых он только и думает».⁶ Перед нами специфицированный в русском материале пересказ поучения Афанасия Александрийского. Здесь остается добавить, что во всех докапиталистических обществах христианская церковь в разных пропорциях сохраняет пафос отрицания истории и зрелой цивилизации.

Обобщая надо сказать, что тенденция архаизации носит универсальный характер. Как момент, как потенция, тренд архаизации присутствует в психике каждого человека и содержится в ткани культуры.

В общенаучном дискурсе архаизации просматривается негативная оценка данного феномена. И это понятно, поскольку в бекграунте нашей культуры лежит идеология прогресса. Соответственно архаизация стоит на пути поступательного развития. Между тем архаизация — нормальный и неустранимый момент бытия общества и элемент исторической эволюции. Для очень многих *архаизация представляет собой единственно возможную форму вписания в существующую реальность*. Способ объяснить себе этот мир и соотносить себя с ним. Как говорит философ Михаил Маяцкий — битва модернизации и архаики проходит через каждого из нас.

Человек, избирающий стратегию архаизации, лишен интеллектуальных и психологических ресурсов для полноценного следования вектору развития. Ментальная конституция этого человека, базовые ценностные позиции, экзистенциальная устремленность задает следование вектору архаизации. Архаизация вытекает из

⁶ Энгельгарт А.Н., Из деревни. 12 писем. М. : Сельхозгиз 1956. С.398.

В связи с этим высказыванием стоит задаться вопросом: Испытывал ли муки совести А.Н.Энгельгарт, когда «ложась спать не чувствовал боли в руках и ногах». Скорее всего, автор «писем из деревни» ответил бы нам, что его труд не менее напряжен, чем крестьянский, но лежит в пространстве управления. Показательно, что для себя и для представителей своего сословия Энгельгарт допускал такую замену одного вида труда другим, однако кулаку писатель в этом отказывает. Словное сознание глубоко безнравственно.

природы вещей и неустранимо вплетена в процессы исторической динамики. В некоторых ситуациях тренд архаизации оказывается существенным моментом исторической эволюции. Умирание исторически обреченных, поздних цивилизаций происходит так, что на фоне рутинизации и утраты духовного кредита существующих идеологических институтов, поднимаются альтернативные движения, неизбежно несущие в себе момент архаизации. Распад зашедших в тупик обществ, практически всегда, сопровождается архаизацией, и этот сюжет заслуживает особенного внимания.

Глубокие кризисы неизбежно порождают процессы социальной и культурной деградации. Когда потерявший работу, спившийся и сошедший с круга инженер или бывший офицер снискает себе на выпивку и закуску, перебирая содержимое мусорных баков — перед нами чистый пример архаизации. Ибо человек, существовавший в государстве и цивилизации, возвращается к палеолитическим жизненным стратегиям. Когда женщина, годами работавшая в какой-либо советской «конторе», в начале 90-х переходит на выращивание картошки и капусты на приусадебном участке — это также архаизация. Переход от участия в общественном разделении труда к натуральному хозяйству есть движение в соответствии с вектором архаизации.

Функциональная природа архаизации, как одного из элементов социо-культурного целого, многообразна: Архаизация представляет собой и механизм социальной компенсации; И механизм обратной связи, посылающий правящей элите важные сигналы о проблемах переживаемых обществом; И механизм кризисного развития, умирания изжитого исторического качества и рождения нового. Тренд архаизации в тех или иных формах составляет значимый компонент качественных скачков и больших цивилизационных переходов.

Имея в виду все сказанное выше можно обратиться к проблеме архаизации в современную нам постмодернистскую эпоху.

Понятие «постмодернизма» фиксирует системные изменения общества и культуры революционного характера. Трактовки природы этого явления разнятся. Но будем ли мы фиксировать конец идеологии Просвещения и Прогресса. Будем ли мы следовать за Умберто Эко, видя в постмодернизме механизм смены одной культурной эпохи другой, который всякий раз приходит на смену аван-

гардизму. Или воспримем позицию Лиотара, который трактовал посмодернизм как уникальный период, в основе которого лежит специфическая парадигмальная установка на восприятие мира в качестве хаоса; Очевидно одно — мы имеем дело со сменой больших исторических эпох, характеризующейся разрушением базовых оснований устойчивого культурного космоса. Провозглашенная «смерть Бога, смерть автора и смерть субъекта»; Отказ от ценностей и ориентиров; Отказ от понимания Вселенной как законосообразного целого и установка на понимание мира в качестве хаоса — вот чаще всего встречающиеся характеристики эпохи постмодерна.

На уровне общефизических аналогий ситуация постмодерна напоминает теорию тепловой смерти Вселенной. Культура перестала эффективно объяснять социо-культурный универсум и вписывать человека в мир. Мыслители, почувствовавшие эту ситуацию раньше других, громогласно заявили о гибели структурности и наступлении хаоса. Отрицание поиска смысла в хаотическом мире являет собой аналог тепловой смерти. Строго говоря, бытие закончилось или вот-вот кончается.

Эпоха постмодерна рождает беспрецедентные проблемы и требует от человечества мобилизации всех ресурсов для творческого ответа на вызовы истории. Причем, кризисная активизация архаизирующих тенденций — специфический контекст ситуации исторического вызова. Иными словами *позитивные творческие ответы* на вызовы истории *должны формулироваться и реализовываться на фоне архаизации*, охватывающей ретроградные слои общества.

В российском обществе тренд архаизации присутствует всегда как значимая компонента реальности, и это задано базовыми характеристиками цивилизационной модели. Что же касается эпохи тотального переструктурирования, то здесь тенденция архаизации обретает особую энергетику. Зона архаизации растет в объемном отношении и демонстрирует поражающее воображение разнообразие.

Когда депутаты от КПРФ предлагают ввести в паспорт графы национальности и вероисповедания⁷, православные активисты борются с преподаванием теории эволюции, а монархисты предлагают восстановление самодержавья в России — эти разнородные акты объединяет архаизация. Реклама профессиональных ясно-видящих предлагающих коррекцию кармы и обрубание энергети-

⁷ Рассылка информационно-аналитического центра СОВА. Религия в светском обществе. 22 апр. 2014 г.

ческих хвостов на фоне всплеска неоязычества (родноверие, инглинги, учение волхва Доброслава, Союз Венедов, Церковь Нави и т.д.) — еще одно пространство архаизации. Фиксируемое социологическими опросами убеждение достаточно широкой массы респондентов в том, что носитель высшей власти должен объединять все основные функции управления страной — то есть преданность деспотической модели политического устройства также свидетельствует об архаизации, поскольку, по крайней мере, нормативная модель российского государства, давно уже исходит из принципа разделения властей.

Носители вектора архаизации коагулируются в сообщества и создают самые разнородные движения, кружки и секты. В информационном пространстве формируются заказники архаического сознания. Эталонный пример этого — газета «Завтра».

Особого внимания заслуживает *благочестивая фантазия*, резко актуализовавшаяся за последнюю четверть века, которая предлагает своей аудитории классические сюжеты: И обнесение, по секретному приказу Сталина, Москвы иконой Божьей Матери по воздуху на самолете в 1941 году, после чего враг естественно отступил. Правда данный сюжет имеет разночтения. Москву обносили и с Тихвинской иконой Божьей Матери и с иконой Смоленской Божьей Матери, но кто обращает внимание на такие мелочи. По другому мифу в октябре 1941 Сталин приезжал к блаженной Матроне в Царицыно.⁸ А митрополит Алексей (Симанский) ходил крестным ходом по передовой в 1941 году в Ленинграде. А в битве за Кенигсберг «в небе появилась Мадонна, и абсолютно у всех немцев отказало оружие».⁹ После чего город был естественно взят.

У рационального человека Нового времени приведенные сюжеты рожают чувство когнитивного диссонанса. Непонятно, как к этому относиться. Грубо говоря, что это за спектакль и кто из нас сошел с ума? Между тем, с историко-культурной точки зрения все достаточно просто. В определенном слое общества существует острый запрос на архаизацию, который фиксируют и удовлетворяют «окормляющие» эту аудиторию идеологи. Когда вы читает в газете высказывание «ктитор-офицера воскресной православной

⁸ Россия перед вторым пришествием. Сост. Сергей Фомин. Изд. Свято-Троицкой Лавры 1993. С.271.

⁹ Там же. 276.

семинарии корабельного храма святого преподобного воина Александра Пересвета»: «Пересвет признан величайшим воином последнего тысячелетия, победившим Челубея, страшное чудовище, созданное в тибетско-монастырских подземных казематах»¹⁰ — не надо удивляться. Это не треш и не хеппеннинг. Это — вдохновенная архаизация.

Можно задаться вопросом — почему названные тенденции актуализовались именно сейчас, а не тридцать — сорок лет назад? Дело в том, что окружающая нас реальность скачкообразно усложнилась. В Советском Союзе номинально существовала одна идеология. Отмечать ее в паспорте не было смысла. Отметка о конфессиональной принадлежности, по мысли инициаторов проекта, позволит различать «наших», людей первого сорта и «не наших» — приверженцев всех иных конфессий. Кроме того, татарину или узбеку естественно быть мусульманином. А русский-мусульманин: очевидный предатель и вероотступник. И это должно быть ясно каждому чиновнику, просматривающему, чьи бы то ни было, документы. Вектор простой — надо остановить усложнение реальности, сделать мир определеннее, минимизировать пространство приватной свободы. Женщина, избирающая стратегию натурального хозяйства и отклоняющая вариант участия в общественном разделении труда внутри системы рыночных отношений, эксплицирует базовые характеристики присущей ей картины мира, в которой обретаются две модели существования: архаически-крестьянская и соборно-советская.

Субъективная потребность в архаических моделях понимания и переживания мира, в архаических ритуалах и архаических практиках — свидетельство ментальной конституции, не согласующейся с изменившимся миром. В этом мире критически неуютно: непонятно, профанно, противоестественно. А архаическое открывается как свое, природненное, освоенное с младых ногтей. Как узнавание чего-то родного, безусловного и чаемого. Как то самое припоминание, о котором говорил Платон.

Тенденцию архаизации можно рассматривать как атрибутивную характеристику, маркирующую социально-культурные группы, исчерпавшие возможности развития и входящие в процесс схождения с исторической арены. В свою очередь, нечувствитель-

¹⁰ Алексей Тарасов. Танец с шашками. «Новая газета» №38. 09.04.2014

ность к феноменам архаического характера и отторжение этого типа сознания надежно маркирует социальные группы адекватные исторической реальности.

До сих пор, авторы, обращающиеся к проблеме архаизации, ограничиваются описательным уровнем представления интересующего явления. Между тем, архаизация ставит интересную теоретическую проблему. Она свидетельствует о закономерностях эволюции сложных социокультурных систем.

Для того, чтобы представить, интересующее нас явление, обратимся к одному частному высказыванию. Рассматривая перспективы реформы российской армии, известный военный аналитик Александр Гольц пишет «реалии таковы, что при отсутствии военных угроз Вооруженные силы могут лишь чрезвычайно медленно эволюционировать. Но риск в том, что любое военное столкновение продемонстрирует слабость российской армии. И в результате последует полное отрицание нынешних реформ, возвращение к наиболее заскорузлым формам военной организации. В этом случае российская армия окончательно утратит боеготовность и останется лишь неким милитаристским символом российской государственности».¹¹

Гольц затрагивает сложнейшие проблемы социально-психологического и общекультурного характера. Дело в том, что объективной оценки, с позиции Господа Бога, не существует. Любая оценка боеспособности реализуется из некоторого культурного и ценностного пространства. Ментальные характеристики военно-политической элиты нашей страны таковы, что в сознании этих людей советская армия предстает эталоном. То обстоятельство, что реальность радикально изменилась, а вместе с нею изменились и критерии оценки, не может быть в полной мере осознано этими людьми в силу ценностных установок и характеристик сознания. В таком случае рефлексорное движение по направлению к привычному и вожделенному естественно. Но нас интересует не сама проблема модернизации армии, а представленный автором механизм «отката».

Дано устойчивое состояние системы а). В этом состоянии она сложилась как единый социокультурный организм. Офицерский корпус, система военного образования, социальная позиция воен-

¹¹ Александр Гольц. Какая армия нужна России? «Норма» СПб. 2013. С. 20.

ного, психология, картина мира, мифы и предубеждения, сложившаяся система сословно-административной солидарности, корпоративный интерес, облачаемый в идеологические одежды интереса общегосударственного — все это и многое другое отлито в культуре и сознании миллионов людей, причастных к армии и ВПК. В последние десятилетия российская армия трансформируется, обретая состояние a_1 . Эта эволюция приводит к изменениям, как институциональным, так и общекультурным в системе оборонных ведомств. Однако, системообразующие характеристики названного слоя остаются незатронутыми. В результате в системе нарастают напряжения. Она стремится минимизировать изменения, а, попросту говоря, саботирует и выхолащивает реформы. И, прежде всего, сохраняет негативное отношение к тренду изменений, вождедея возврат к исходному состоянию.

Такой возврат невозможен в принципе. Советская армия идет в наборе со всем советским универсумом и исторической реальностью мира, предшествовавшего эпохе глобализации. Однако мифологическому мышлению свойственно игнорировать системные характеристики бытия и причудливо соединять блага идеального прошлого с привычными и приятными реалиями сегодняшнего дня.

Поражение в локальном военном столкновении задаст состояние a_2 . В результате предельно вырастут напряжения, как в самой армии, так и в обществе по поводу армии. Это напряжение может быть снято либо через деструкцию исходного целого, то есть а), обросшего трансформирующими элементами, не изменившими системного качества, и сбор нового объекта в), либо, через возвращение к исходному состоянию а). Качественные характеристики данного нам в опыте социокультурного целого заставляют полагать, что будет реализован вариант возвращения к исходному состоянию. В этом случае армия полностью утратит боеспособность, но общество обретет психологический комфорт, связанный с совпадением реальности с предзаданным в культуре образом.

К сожалению, для культуролога в таком исходе нет ничего неожиданного, поскольку *традиционный человек живет не в реальности, а в культуре*. Он воспринимает реальность через призму врожденной культуры. Феномен архаизации задан логикой трансформативного преобразования. Архаизация блокирует снятие ис-

черпавшего себя социокультурного целого. Она представляет собой специфический механизм самосохранения. В некоторых исторических ситуациях массовая архаизация позволяет затянуть процессы схождения с исторической арены и изменить сценарии трансформации уходящего целого.

В общефизических аналогиях этот процесс можно описать следующим образом: качественные характеристики субъекта действия таковы, что энергия преобразования в состояние в) оказывается неизмеримо выше энергии возврата в состояние а), которое будет сопровождаться *субъективно переживаемым* чувством комфорта, заданного возвращением к «истокам». (Объективно такая эволюция будет деградацией, но изнутри культуры субъекта действия этого не видно или почти не видно).

Иными словами, мы упираемся в культуру субъекта архаизации. Качественные характеристики ментальности, ценностные структуры, априорные установки, гносеологические барьеры блокируют движение субъекта по пути трансформации. Он может снимать дискомфорт от бытия в изменившемся мире лишь на путях архаизации.

Завершая данный исследовательский сюжет, надо отметить, что идеологические революции часто притязают на возвращение к сакральным истокам. Подлинная историческая реальность обозначенных истоков верифицирована быть не может. Здесь открывается пространство для безудержной идеализации и мифологизации заявленного прошлого. Такая апелляция мыслится как идеологическое основание для радикальной расчистки наличной социокультурной реальности и выстраивания качественно иного, нового универсума. Анализируя тренд возвращения к истокам надо различать возвращение как основание для революционного развития и возвращение как попытку спасти обанкротившееся основания настоящего. В истории человечества можно наблюдать реализацию обоих сценариев.

В революционные эпохи архаизация имеет смысл только как внутренний момент и предпосылка перестройки зашедшего в тупик общества. Если же идеи архаизации превращаются в самоцель — общество попадает в тупик архаизации: коммунизм, анархия, разрушение государства и цивилизации. Разрушение в самом буквальном смысле. В эпоху Реформации апостолы (агитаторы) из

среды вальденсов, таборитов, бегардов отрицали не только эксплуатацию, социальное неравенство, католическое духовенство, но и государство в собственном смысле, отрицали науку, города, сложные формы культуры.

Здесь в высшей степени показательна позиция вменяемых исторических персонажей относительно тенденции архаизации в эпохи революционного обновления. Смотрите позицию Лютера в отношении к коммунистическим сектам, персонально к Мюнцеру и возглавляемой им Крестьянской войне.

Социальные мыслители, находящиеся внутри процессов разворачивания идеологических революций, должны быть особенно чуткими, как в анализе глубинных оснований поднимающихся доктрин, так и характеристике тех социальных сил и тенденций, которые притекают под знамена новой идеологии. Последнее значимо особо, поскольку обретя численное доминирование, носители ретроградного сознания способны перетолковать и трансформировать любую доктрину. В данном случае в качестве критерия различения может служить направление вектора исторических устремлений, как в идеальной модели учения, так и в прихотливой практике адептов и сторонников движения.

Стадиальные характеристики российской культуры и логика исторического процесса

В последние годы в нашей стране довольно много говорят о модернизации. К сожалению, привычное многословие сочетается с минимальной конкретизацией предмета говорения. Понятие «модернизация» подается как самоочевидное. При этом ни само это понятие, ни проблемы, рождающиеся в ходе модернизации, ни ограничители и детерминанты, блокирующие модернизационные преобразования или диктующие тип модернизационного развития не проявляются. Модернизация звучит как лозунг дня и воспринимается как дежурная риторика.

Наше убеждение состоит в том, что уважающий себя исследователь не может позволить себе разговор на таком уровне. В порядке уяснения сути проблемы — «модернизация в России в начале XXI века» надо сформулировать понимание модернизации и в свете этого, обсудить некоторые явления отечественной реальности, которые позволят пролить свет на стадиальные и качественные характеристики субъекта/(он же объект) модернизации.

Вначале сформулируем ключевые положения, характеризующие наше понимание явления:

Как правило, модернизацию определяют как переход от традиционного общества к современному. При этом понятия «традиционное» и «современное» представляются самоочевидными. Между тем, в такой иллюзорной самоочевидности скрываются опасности ложных трактовок.

Под традиционным обществом следует понимать социокультурную целостность внутренне (в силу своей природы) ориентированную на гомеостатическое/равновесное состояние, минимизирующую воздействие окружающей среды, будь то среда

природная или социально историческая. Такая ориентация допускает, связанное с пространственным расширением, экстенсивное развитие. Важно, чтобы экстенсивное расширение не приводило к качественным преобразованиям социокультурного целого.¹ Главная характеристика традиционного общества — ориентация на статику. В этом отношении традиционное общество можно описывать как имманентно статичное. Такое общество изменяется в ходе исторического процесса, но это развитие происходит как бы «само собой», в соответствии с объективными законами социальной природы.

Современное общество можно описать как имманентно динамичное, то есть — располагающее внутренними источниками саморазвития. Подобная конфигурация формируется в результате качественного скачка культурного сознания исторического субъекта, когда на смену базовой ориентации на сакральный прецедент приходит устойчивая ориентация на оптимизацию или повышение эффективности в любой сфере социокультурного пространства в соответствии с принятыми в данной сфере критериями эффективности (например, отношение стоимости использованных ресурсов к стоимости полученного результата). В данном случае поступательное движение, повышение эффективности и конкурентного потенциала осознано подавляющим большинством в качестве личных и общенациональных целей, а социокультурные параметры общества конфигурированы так, что граждане располагают необходимыми для такого движения культурными ресурсами.

Такой переход осуществляется через разрушение традиционного общества и его культуры, переход от преимущественно крестьянского к урбанизированному состоянию, формирование автономной личности, переформатирование систем социальных связей и т.д.

Исходно переход от имманентно статичных, ориентированных на гомеостаз или экстенсивное развитие, традиционных обществ к обществам, ориентированным на безграничную историческую динамику, был реализован в достаточно узком ареале стран первого эшелона модернизации (прежде всего — Голландия, Англия; несколько позже — Франция). В данном случае динамика возникла *в результате саморазвития*, была порождена этими со-

¹ Более того, экстенсивное расширение чаще всего оказывается самым эффективным способом стабилизировать ситуацию и избежать качественного развития.

циокультурными целостностями из себя самое. В конфессиональном отношении безусловных лидеров объединяет протестантизм. В качественном отношении это культуры, востребующие личностный потенциал и порождающие автономную личность.

Отсутствие/(острый дефицит, нормативная приниженность, маргинальный статус) личности оборачиваются органической неспособностью к самопорождению исторической динамики. Отсюда — стратегии насильственной модернизации имманентно застойных обществ. Они формировались в традиционных культурах; доличностных, коллективистских, патерналистских, характеризующихся приматом целого и диктатом традиции.

Среди особенностей догоняющей модернизации (реализуемой в России, Османской империи и др. странах) — *навязанный* характер преобразований. Модернизацию запускает наиболее продвинутая часть элиты, осознающая жизненную необходимость преобразований. Эти процессы порождают раскол в обществе и разворачиваются против воли значительной части общества.

На первом этапе такой модернизации *заимствуются технологии и инфраструктура*. При этом разворачивается урбанизация, создается индустрия, идет трансформация традиционного общества, внедряется европейское образование, формируется наука, рациональная бюрократия и т.д. Все эти процессы сопровождаются существенными изменениями качественных характеристик целого. Изменяется и общее отношение к процессам модернизации. Сектор непримиримых противников перемен маргинализуется. Вызванный разворачиванием модернизации раскол сменяется на более сложную картину общественного размежевания по поводу перспектив и целей дальнейшей модернизации.

На ключевых, завершающих этапах модернизации *должны быть заимствованы идеи и институты, порождающие желаемые технологии и инфраструктуру*. Завершающий этап предполагает консолидацию общества вокруг целей и ценностей модернизации. На завершающем этапе традиционное общество размыто, а его культура утратила актуальность и маргинализована. Завершающий этап модернизации венчается переходом к саморазвивающемуся (имманентно динамичному) обществу.

Исследователи догоняющей модернизации работают с понятием *консервативной модернизации*. В исследованиях российской реальности эта категория имеет особенное значение. Консер-

вативная модернизация — стратегия, характеризующаяся рядом признаков и отличающаяся принципиальной неспособностью к завершению модернизации: то есть — к созданию имманентно динамичного общества.

Особенности консервативной модернизации

Она меняет предмет труда, технологию, способ производства, но, по возможности, сохраняет традиционный исторический субъект, базовые характеристики культуры широких масс, характер переживания реальности: В этой конфигурации труд переживается как социальный ритуал, реализуемый вне экономического измерения. Сохраняется традиционное, тотемистическое восприятие государства, которое осознается в образе сакральной власти. Сохраняется дополитическая ситуация, исключая публичную состязательность/конкурентность и политическое участие. Блокируется формирование общества в новоевропейском смысле. Более или менее урбанизированное население самоосознается и переживает себя по моделям, восходящим к архаической общине; неструктурированное, вне публичности, атомизированное за рамками родовых и семейных связей.

Человек, живущий в такой реальности, существует вне большого общества. Эта форма социальности качественно противостоит полису.² В реальности данного типа можно выделить как экономические, так и политические отношения. Однако подданные участвуют в этих сферах в модальности исполнителей указаний начальства и санкционированных властью ритуалов.

Логика возникновения консервативной модернизации в достаточной степени очевидна. Перед нами историко-культурный компромисс между императивом модернизации и устойчивыми характеристиками застойного, пронизанного архаикой социокультурного целого, не завершившего процессы включения в ткань государства и цивилизации широких масс подданных. Консервативная модернизация: одно из проявлений принципа само-

² «Полис — это городская гражданская община, конституирующая себя в качестве государства... Полис для эллина — «это люди, а не стены» писал афинянин Фукидид». /И.Е.Суриков. Солнце Эллады. История афинской демократии. СПб 2008 С.22.

организации больших систем сформулированного Ле Шателье-Брауном.³

Консервативная модернизация реализовывалась в России, Иране, Ираке, Ливии, ряде других стран. Она, так или иначе, решает задачи первых этапов индустриализации. Цена такого решения — деградация (либо застой и уродующее воздействие) вершинных этажей культуры, подавления ростков самодеятельности и блокирование потенциала качественного развития (поскольку качественное развитие требует разрушения целого, порождающего консервативную модернизацию). Решив задачи индустриализации, общество, переживающее консервативную модернизацию, вступает в эпоху застоя, за которым следует неизбежный исторический тупик, выход из которого просматривается только на путях революционных преобразований.

Для описания обозначенного круга феноменов используются и другие понятия. Если иметь в виду телеологию жестких (тоталитарных, авторитарных) политических режимов, рожденную задачами догоняющей модернизации, их можно обозначать как *диктатуры развития*. Это определение встречает возражения, которые сводятся к тому, что в реальности диктатура развития часто оборачивается диктатурой застоя и деградации. С этим можно согласиться, указав, что застой — неизбежная фаза эволюции диктатуры развития, вытекающая из базовых характеристик стратегии консервативной модернизации, но проблема глубже и заслуживает комментария.

Понятие «развитие» воспринимается нами как самоочевидное. Мы легко выделяем в развитии технологическую, экономическую, социально-культурную составляющие. И исходим из того, что смысл обозначенных диктатур, их телеология состоит в развитии, в снятии дистанции между лидерами и страной, ведомой диктатурой развития. Однако, глубинным побуждающим мотивом к мобилизации застойных обществ и формированию соответствующих режимов является задача *адаптации* к современности, к реалиям динамизирующегося мира *на условиях сохранения качественных характеристик застойного общества*. В некоторых случаях общества, попадающие в кластер диктатур развития, не обнаруживают

³ Суть принципа Ле Шателье-Брауна состоит в том, что находящаяся в равновесии большая система компенсирует внешние воздействия и минимизирует изменения в системе. Из множества возможных изменений система выберет то, которое будет минимальным.

признаков развития. Есть «железный занавес», есть единство власти и идеологии, ритуалы социальной мобилизации, культ вождя и другие признаки тоталитарного общества. Не хватает только развития.

Если исходить из того, что исходный побудительный мотив состоит в *адаптация к современной реальности*, то тоталитарный застой, позволяющий консервировать стадияльно предшествующие базовые структуры, вполне укладывается в эту категорию. Сложно обнаружить общепринятые признаки развития в коммунистической Албании или КНДР. Тем не менее, задачи адаптации этих обществ к реальности мира, существующего за рамками политических границ названных государств (адаптации на путях инкапсулирования), упомянутые политические режимы решали.

К проблематике нашего исследования имеет отношение понятие *идеократия*. С позиции культурологии, идеократия может быть определена как власть политической партии, конституированной вокруг тоталитарной идеологии. При этом названная партия замещает в сознании традиционного человека ячейку церкви в классическом средневековом обществе. Этот человек понимает и переживает партию как носителя сакральной доктрины, принятие которой является предметом веры и воспринимает такую «церковь» как правящую силу. В XX веке коммунистические и фашистские идеократии, чаще всего, формировали диктатуры развития.⁴

Глубинный импульс, запускающий процессы формирования тоталитарных и авторитарных режимов, инициированный победой исторической динамики и, как правило, решающий задачи догоняющей модернизации, состоит в стремлении, как минимум, *оградить себя и «наш мир» от разрушительной поступи истории*, а в идеале разрушить мир динамики, остановить общеисторический процесс и навязать миру свое, утопическое видение «правильного»/правоверного/справедливого, развития без качественного преобразования универсума, разрушающего мир традиции. Эти конфигурации предполагают эсхатологический итог: торжество коммунизма во всем мире, торжество фашизма, всемирный хали-

⁴ Бывали и исключения. Албания ЭнвераХоджи или Кампучия Пол-Пота сложно соотносится с идеей развития, как бы широко не трактовалось развитие. Кампучия Пол Пота и Иенг Сари — скорее эсхатологический проект, предполагавший не создание собственной версии современности, а возврат к первобытному коммунизму в чистом виде.

фат и любые другие мифологические конструкции, позволяющие соединить традиционное сознание с атомной бомбой (понимаемой как символ могущества и непобедимости).

В центре стратегических целей данного класса политических режимов — упразднение всемирно-исторической конкуренции стадияльно и качественно различающихся обществ. Преследуется цель создания качественно однородного мира, отвечающего базовым характеристикам традиционно-доличностных целостностей. Стратегический смысл тоталитарных обществ — отменить феномен античности и линию всемирно-исторического развития, порожденную античным полисом.

Обозначив самые общие рамки понимания модернизации, перейдем к рассмотрению некоторых реалий нашей жизни. Выступая на радиостанции «Свобода» по поводу пожара в пермском кубе «Хромая лошадь», известный адвокат Игорь Трунов, занимающийся делами потерпевших в терактах, техногенных катастрофах и других несчастных случаях, коснулся проблемы мародерства. Дело в том, что в законах РФ нет статьи карающей за мародерство. Это отличает законодательство РФ от законодательства советского, которое предусматривало уголовную ответственность за мародерство. Между тем, явление носит повсеместный характер.

Адвокат привел ряд примеров: После катастрофы самолета Москва-Пермь, (Рейс 821, 14 сент.2008 г. 88 погибших), «местные жители растащили алюминиевые части самолета и продавали их на сувениры родственникам погибших». После теракта в Норд-Ост — следователи разворовали вещдоки (личные вещи, деньги, золото, валюту погибших). Родственники погибших были вынуждены добиваться финансовой компенсации похищенного по суду. Техногенная катастрофа «Трансвааль парк» обернулась тем, что сотрудники МВД тащили вещи из личных ящиков сотрудников парка. Трупы погибших в Норд-Ост «выдавали родственникам голыми. Воровали до трусов и носков». Мародерствуют местные жители, пожарные, сотрудники МЧС, МВД, скорой помощи.⁵ К этому можно добавить, что, по состоянию на 18.02.10 прокуратура открыла четыре уголовных дела по фактам мародерства в ходе сноса жилых строений в поселке «Речник» (Москва).

⁵ Радиостанция «Свобода», программа «Грани времени». Ведущий Владимир Кара-Мурза. 08.11.09. 10.00–11.00. См. также И.Л.Трунов. Мародерство — преступление международного характера. / «Адвокат» 2004 /9.

Первая реакция на эту информацию: пафосное восклицание о нравственном одичании. Но это — штампы интеллигентского мышления. Одичания нет. Перед нами: *стадиальные характеристики* культурного сознания. Для того, чтобы разобраться в проблеме, надо обратиться к истории культуры.

Первичным источником законодательства выступает так называемое «обычное право». Обычное право представляет собой одно из древнейших явлений в истории человечества. В его основе лежит правовой обычай — исторически сложившееся правило поведения. Историки связывают возникновение обычного права с эпохой разложения общинно-родового строя и становления государства.

Одним из элементов обычного права, является «береговое право». Береговое право (*jus naufragii*) — право береговых жителей на присвоение судов, терпевших кораблекрушение у их берегов. «Это варварское право распространялось не только на вещи, но на весь экипаж и пассажиров. Живых брали в плен, мертвых же грабили догола, а иногда получали за них выкуп от семьи или родственников».⁶ Документы свидетельствуют о повсеместном распространении берегового права на морских торговых путях Средиземноморья, как в эпоху античности, так и Средневековья. Вошедшие во вкус жители прибрежной полосы устанавливали ложные огни и фальшивые сигналы с тем, чтобы судно село на мель либо разбилось о подводные камни. Более гуманные «ограничивались служением молебнов, вознося мольбы ко Всевышнему, дабы он ниспослал благословение берегу, то есть чтобы поблизости произошло как можно больше крушений»⁷. Профессиональные прибрежные мародеры находили идеологические обоснования своей практики. Туманы, штормы и прочие стихийные бедствия трактовались как гнев богов, обрушившийся на головы путников. А если уж боги прогневались, то грех не разграбить остатки чужого имущества.

С описанным бедствием борется уже римское законодательство, но безуспешно. В раннем Средневековье, с отступлением государства и цивилизации, береговое право переживает расцвет. С ним борется не только светская власть, но и церковь, угрожая винным отлучением от церкви (Латеранский собор 1097 г.). С этим

⁶ Береговое право. Словарная статья. — Викизнание. (09.11.09)

⁷ Там же.

явлением, так же как и пиратством, покончило только повсеместное утверждение зрелой государственности.⁸

Береговому праву соответствовало дорожное право, согласно которому всякая вещь, упавшая на дорогу с купеческой повозки или спины мула, принадлежит собственнику земли. Поговорка «Что с возу упало, то пропало» отражает этот правовой обычай, также уходящий вглубь веков и активно практиковавшийся еще в эпоху феодализма.

Самолет — воздушное судно. Понимание неба как океана, а самолета как судна пересекающего этот океан, носит универсальный характер и закреплено в частности в языке. Мы имеем в виду слова «аэропорт» и «морской порт», «Борт №» как обозначение конкретного самолета. В случае с катастрофой самолета Москва-Пермь, перед нами чистый пример массового поведения в соответствии с береговым правом.

Сделаем сильное допущение и предположим, что в службах, профессионально связанных с катастрофами и несчастными случаями, работают морально безупречные люди. Более того, в силу специфики рода деятельности и природы этих структур, там собираются худшие. Созерцание чужих несчастий ожесточает их сердце, отсутствие контроля и безнаказанность развращает, малая зарплата вводит в искушение погреть руки на углях чужого пожара. Но самолеты падают *в произвольных точках нашей страны*, а не в резервациях сохраняющих племена каменного века. Феномен массового поведения населения на месте катастроф, пока нет начальства, пока территория не оцеплена и человек предоставлен самому себе, свидетельствует о неправомерности нашего допущения. В пожарных службах и системе МВД попадают не самые лучшие люди, но в целом эти и другие службы отражают уровень нравственного развития общества.

Надо подчеркнуть, что практики, описанные адвокатом Труновым, не принадлежат постсоветской реальности. В 60-е — 70-е годы прошлого века автор слышал о том же от специалистов, участвовавших, по долгу службы, в работе комиссий на месте авиационных катастроф. Говорить об этом вслух не полагалось; потрясенные

⁸ Под зрелым или развитым государством понимается сложившееся централизованное государство, обладающее всеми атрибутами государственности: профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление, письменное право.

люди рассказывали об увиденном в частной беседе. На фоне всего сказанного вспоминается, что дом, в котором не живут, а значит, не охраняют, в русской деревне практически повсеместно грабят и, в конце концов, растаскивают. Не лезут в заколоченный, нищий, очевидно пустой сруб. Остальное «чистят».

В нашем случае грабеж и мародерство не является основой экономики, как это бывало у племен, промышлявших на караванных путях или Средиземноморском побережье, у варваров, грабивших окраины цивилизации, пиратов, рыцарей-разбойников и т.д. Акты вандализма разрознены, не разрушают социальную ткань и не представляют угрозы существованию общества. Они интересны как индикатор стадии исторического развития. Проблема стадийальных характеристик сознания жителей российской глубинки заслуживает подробного рассмотрения.

Вообще говоря, мародерство существует во всем мире. Военные действия, стихийные бедствия, техногенные катастрофы, революции создают почву для мародерства. В некоторых точках земного шара это явление носит массовый характер. Кадры хроники, зафиксировавшие растаскивание музеев Багдада в дни падения режима Саддама Хусейна, обошли весь мир. Однако, мера распространенности означенного преступления, привязка мародерских практик к определенным социокультурным, этническим группам существенно различаются от страны к стране. В модернизированных обществах мародерство — удел одиночек. Отношение к этому явлению в обществе остро отрицательное, практики пресечения — самые жесткие, либо достаточно жесткие. В обществах традиционных мародерство более или менее привычно. Государство борется с мародерами, но борется рутинно. Можно утверждать, что жесткость законодательства и правоприменительной практики, направленной на пресечение мародерства свидетельствует меру продвижения общества по шкале традиционное — модернизированное и силу модернизирующего импульса, волю политического класса к формированию современного общества. Наглядный пример связи стадийальных характеристик развития общества и масштабов мародерства демонстрирует пережившее катастрофическое землетрясение население Гаити. Кинохроника фиксирует, а журналисты описывают всплеск мародерства, активизацию бандформирований, полный крах государства и цивилизации. Примеры подобных обществ обретаются и значительно

ближе. Сравнительно недавно мы могли наблюдать весь спектр описанных выше феноменов во время революции в Киргизии.

В высшей степени характерно то, каким образом *самоорганизуется «глубинка»* российского общества. Как выстраиваются социальные отношения, какие нормы и ценности побеждают, какие практики реализуются. Назовем лишь два примера: феномен станицы Кушевской и практику рабовладения и работорговли в РФ.

История с Кушевской достаточно известна и на наш взгляд не нуждается в комментариях. А такое явление как рабовладение не в полной мере осознано. Между тем, по данным Центра ООН по предотвращению международных преступлений, Россия занимает первое место среди стран, где процветает рабство и жестокая эксплуатация людей. По данным Следственного комитета МВД России, количество проданных в рабство россиян за последние 3 года (по состоянию на 2008 г.) возросло более чем в 6 раз. В списке пропавших граждан РФ много детей и подростков. Отдельного разговора заслуживает сексуальное рабство. В России существуют несколько десятков организованных преступных группировок (ОПГ), занимающихся отловом «живого товара».⁹ При этом в России существует уголовная ответственность за куплю-продажу человека (ст. 127.1 УК РФ), а также за использование рабского труда (127.2).

В феврале 2011 года были обнародованы результаты опроса ВЦИОМ, в соответствии с которым:

- более 80 процентов россиян не могут назвать ни одной фамилии ученого-современника.
- почти треть россиян считает, что Солнце вращается вокруг Земли.
- каждый десятый опрошенный заявил, что радиоактивное молоко делается безопасным после кипячения.

Эти данные нуждаются не в оценке (здесь все ясно), а в осмыслении. Россия прошла все ранние этапы модернизации (которая растянулась на три века) с начала XVIII, при этом фронтальный охват всего общества, можно фиксировать, начиная с Великих реформ Александра II. Применительно к России понятие «модернизация» может иметь смысл только в значении завершающего этапа этого перехода.

⁹ Почему в России процветает Работорговля? Аргументы и Факты 5.05.2008.

Мы утверждаем следующее: *модернизация общества, стадийные характеристики сознания которого демонстрируют приведенные факты, в принципе невозможна*. Модернизировать можно лишь социум, обладающий историческим сознанием, и достаточным цивилизационным гумусом. Существует естественная, а значит непреложная, последовательность событий — сначала должен отвалиться хвост и выпасть шерсть, и только затем можно приступать к медленному чтению диалога «Тимей». Сделаем очень важное уточнение. Речь не идет обо всем обществе. Однако, российская реальность такова, что в нашем обществе присутствует значительный в своих объемах слой, который в силу качественных характеристик сущностно лежит за рамками исторического процесса. Можно назвать этот слой общества внутренними варварами или традиционно-архаическим сектором. Проблема не в номинациях, а в понимании и адекватном описании реальности.

Не слишком рассчитывая быть услышанным, все же оговоримся: наша позиция лежит не в плоскости оценок, а в плоскости познания природы явления. По нашему убеждению в российской культуре существует идеологическая или ценностная аберрация. Эта аберрация покоится на двух основаниях. Первое восходит к традиционно интеллигентскому народопоклонству. Народные массы трактуются как онтологически позитивная сущность. Допускается говорить об отдельных явлениях, моментах, тенденциях оговариваясь, что эти феномены не характерны для целого и не пятнают светлый лик народных масс, традиционную культуру, духовность и прочие ценности из данного арсенала. Любые построения и позиции, рисующие более сложную и неоднозначную картину, отторгаются до рассмотрения по существу.

Второе основание связано со сложным психологическим комплексом субъекта догоняющей модернизации, двойственного по своим культурным основаниям. Модернизация вносит в сознание носителя культурной/национальной/ цивилизационной идентичности ценностный конфликт. Она задает систему координат или ценностных предпочтений, в соответствии с которой прирожденная культура субъекта догоняющей модернизации рассматривается как отсталая, догоняющая, ведомая, по крайней мере, в некотором отношении. Все это характеристики негативные, снижающие и профанирующие. Вне принятия такой шкалы невозможно формировать модернизационное сознание. А с ее принятием возникает

описанный ценностный конфликт. Из данного противоречия вырастает невротическая реакция догоняющего, которая порождает массу идеологических построений. Этот и многословные, пафосные рассуждения об особых достоинствах «нашей» культуры/народа/вероисповедания, и декларации о равноценности и принципиальной несопоставимости всех культур, и апокалиптические пророчества о скорой гибели погрязшего в пороках Запада, на фоне которого расцветет невиданным цветом «наша», сохранившая в чистоте/полноте духовные богатства великой Традиции, и другие химеры.

В российском случае ситуация осложняется многовековой цивилизационной конкуренцией католицизма и православия. Стратегические итоги этой конкуренции достаточно очевидны и в комментариях не нуждаются.¹⁰ Сюда же ложится коллапс империи и исторические итоги XX века. Мы имеем в виду крах коммунистического эксперимента. В контексте всех этих коллизий любые построения, которые можно прочитать как негативные, ставящие под вопрос уверенность в скором историческом реванше, снижающие оценки наших конкурентных перспектив и проблематизирующие потенциальные преимущества (прекрасный народ, огромная территория, неисчерпаемые ресурсы, великая культура) воспринимаются в высшей степени нервно.

Понимая психологическую оправданность запроса на позитивно-прогнозный дискурс, мы остаемся в убеждении, что вещи следует называть своими именами и реальная картина должна быть представлена хотя бы профессиональному сообществу. Шансы на историческое выживание общества, переживающего системный кризис и отказывающегося признавать действительное положение вещей, ничтожны.

Вернемся к существу описываемого. Мы утверждаем, что приверженность береговому праву критериальна и указывает на варвара. Объемные характеристики традиционно-архаического сектора общества, его пространственная локализация, историческая динамика, воздействие традиционно-архаического сегмента на социокультурное целое требуют специального исследования. На данном этапе для нас важно зафиксировать само существование феномена. Откуда же взялся предмет нашего интереса?

¹⁰ За последние 60 лет весь православный мир, за исключением РФ и Белоруссии ушел на Запад, либо стоит в очереди на принятие в структуры западного мира.

Описывая механизм распада империи после Февраля 1917, академик Юрий Пивоваров пишет «Стоило «отменить» полицию, как империя рассыпалась в пух и прах».¹¹ На вопрос «Почему же это произошло?» отвечают другие исследователи: «Возмущение (крестьян) по поводу поправленных прав проявляется у них на тактическом уровне в виде насильственных актов... Поскольку «возмущение» — состояние субъективное, постольку претензии крестьян не ограничиваются решением конкретных вопросов. Они, так сказать, безбрежны, удовлетворить их в принципе невозможно. На протяжении тысячелетий агродеспотии для ограничения претензий общинников прибегали к аргументам военно-полицейского порядка. «Дискуссионное поле» ограничивалось с одной стороны частоколом штыков, с другой, заревом горящих усадеб. И когда разошедшийся крестьянин чувствовал у своей груди штык, он понимал — дальше нельзя».¹²

Переформулируем сказанное в общем виде. Без штыков, то есть без систематического насилия русский крестьянин *отказывается воспроизводить государство, частную собственность, цивилизацию*. Эти сущности принимаются им как непреодолимая реальность. Также как принимает реальность заключенный или человек, живущий под властью оккупационной администрации. Непреодолимая не значит должная. Реальность исторического бытия осознавалась как не подлинная, как царство Кривды. Стоит этой реальности пошатнуться и крестьянин сметает государство и цивилизацию. Его идеалы — Беловодье, Опонское царство — представляют собой идеализированный образ догосударственного бытия. Перед нами доисторическое сознание, понимавшее государство как внешнюю и принципиально временную сущность.

Грабили не только имения. Солдаты фронтовики «выступали застрельщиками первых крестьянских беспорядков. Направлены они были, прежде всего, против разбогатевших односельчан, хуторян. Нападавших интересовали продовольственные запасы, самогон, вещи. Поскольку государство не могло остановить погромщиков, все большее число крестьян присоединялось к беспорядкам... в рамках морально-экономического мироощущения, присущего

¹¹ Юрий Пивоваров. Истоки и смысл русской революции./В поисках теории российской цивилизации: памяти А.С.Ахиезера. М2009 С.42.

¹² Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа общинной революции./Октябрьская революция: От новых источников к новому осмыслению. М. 1998. С.135

крестьянам-общинникам, акция, не повлекшая за собой наказания, считается справедливой».¹³

Крестьянский идеал отрицает собственность и носит уравнительный характер. Хуторянин предал крестьянскую Правду, ушел на рынок, от которого всеми силами открещивался ориентированный на натуральное хозяйство общинник, поправ вековые устои догосударственного бытия, возжелал стать человеком цивилизации. А потому, *по справедливости*, имущество его обречено «на поток и разграбление».¹⁴

Онтологические основания крестьянской культуры.

С конца 60-х годов прошлого века формируется самостоятельная отрасль гуманитарного знания — крестьяноведение. Российское крестьяноведение позволило осмыслить и корректно описать миропонимание российского крестьянства.¹⁵

Предельно обобщая, его можно описать следующим образом: Сознание крестьянства носило родовой характер, характеризовалось стремлением к уравнительному землепользованию (отсюда идея «черного передела») отрицало институт частной собственности, наемный труд, ориентировалось на обычное право, нетоварное производство и натуральное хозяйство, бежало от рынка как сущности смертельной опасной для существования крестьянской общины, подозрительно относилось ко всем институтам и реалиям государства и цивилизации — городу, законам, высокой культуре и т.д.

Осмысливая специфику традиционного общества надо помнить о синкретически нерасчлененном характере культуры и сознания традиционного человека. Социальная антропология работает с понятием «досовременное общество», где подсистемы экономика, право, религия, политика и т.д. еще не дифференцировались. Каждое социальное действие в этих обществах одновременно затрагивает все эти сферы.¹⁶ Попросту говоря, традиционный крестьянин

¹³ Там же С.133—134.

¹⁴ Формула обычного права, встречающаяся еще в «Русской Правде» (XI в.).

¹⁵ См. работы: В. П.Булдакова, В.П..Данилова, А.И.Клибанова, С.В.Лурье, Л.В.Милова, Л.Н.Пушкарева, К.В.Чистова, Т. Шанина., В.А.Шкуратова. и др.

¹⁶ См: Моос М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.

не способен мыслить экономически. Оценка хозяйственной деятельности крестьянина в экономических категориях есть оценка из внешнего пространства. Для субъекта действия его работа вплетается в целостный контекст, где религиозное, моральное, экономическое неразделимы.

Это означает, что традиционный мир зиждется на основаниях, фундаментально отличающихся от принципов, на которых построено современное общество. Отсюда и переживание непреодолимой качественной дистанции. По мнению Теодора Шанина, крестьянское самосознание исходило из глубокого убеждения в существовании огромной пропасти между крестьянским «мы» и разнообразными «они»: государство, знать, «чистые кварталы» городов, те кто носят униформу, меховые шубы, золотые очки, и даже те, кто складно говорят.¹⁷

Шанин подчеркивал семейный характер организации как производственной, так и повседневной жизни крестьянского сообщества. Это задавало «специфическую стратегию выживания и использования ресурсов». «Семейное хозяйство функционирует как основная единица крестьянской собственности, производства, потребления, биологического воспроизводства, самоопределения, престижа, социализации и благополучия».¹⁸

Вырабатывая обобщающую характеристику исторической стратегии традиционного крестьянства, Т.Шанин говорит об «экономике выживания», О.Левис о «культуре нищеты» и «экономике нищеты», Дж. Скотт о «моральной экономике».

Один из ведущих крестьяноведов, американский антрополог Дж. Скотт предложил концепцию «моральной экономики». Ученый говорит об этике повседневного выживания. В основе всего лежит принцип «главное выжить», выражающей стремление крестьянского социума обеспечить всем своим членам прожиточный минимум в тех размерах, в которых это позволяют существующие ресурсы. Моральная экономика стоит на том, что государство и арендодатели, изымающие часть продукции, не должны вторгаться в пределы этого минимума. Это пред-

¹⁷ Шанин Т. Определяя крестьянство (Реферат) // Отечественная история. 1993. №2. С.13.

¹⁸ Шанин Т. Понятие крестьянства. // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М. 1992. С.11–12

ставление и служит топливом для бесчисленных восстаний.¹⁹

Характеризуя психологию крестьян в стадиальном отношении, Р.Пайпс называет сознание русского крестьянина «первобытным», фиксируя отсутствие способности к абстрактному мышлению.²⁰

Одной из ключевых проблем истории крестьянства в XX веке — так называемая «аграрная» или «общинная революция» 1917–21 годов. Об этом фундаментальном событии, во многом задавшем исторические судьбы страны, писали американский историк М.Левин, наши соотечественники А. Ахиезер, В.Данилов, Ю. Пивоваров, другие авторы. Исследователи фиксируют процессы архаизации деревни, пережившей аграрную революцию, социальную утопию как движущую силу этой революции, ее стихийный характер. Общинная революция во многом способствовала краху государства, и тем самым создала возможности максимальной реализации крестьянского миропонимания и мироустройства.

Обобщая наработки крестьяноведческих исследований, надо сказать следующее: Средний россиянин, живущий на рубеже XX–XXI веков и профессионально далекий от данного предмета, плохо представляет себе отечественную реальность начала века XX. Людям не свойственно задумываться о качественном различии человеческих сообществ, принадлежащих разным историческим эпохам. Иное, отстоящее во времени, понимается по аналогии с сегодняшним, которое переживается как естественное и единственно возможное.

Российское крестьянство не боролось за свои права, не отстаивало собственных интересов, не искало политических сил, которые могли соответствовать их устремлениям. Подобное понимание исходит из того, что крестьянство сущностно включалось в политическую и государственную систему. *Культура крестьянства, максимально актуализовавшаяся в сознании эпохи общинной революции, отрицала историческую, политическую и социальную реальность в которой пребывало последние 6–8 веков.*

Надо осознать, что, с точки зрения традиционного российского крестьянства, большое общество, государство, цивилизация со всем, что присуще этим реалиям: общественным разделением труда, рынком, социальным неравенством, эксплуатацией, разде-

¹⁹ Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии (Реферат) // Отечественная история. 1992. №5. С.6.

²⁰ Пайпс Р.Россия при старом режиме. М. 1993. С.207–208.

лением мира на город и деревню, культурной дифференциацией и т.д. — все это неправда, уклонение от вечной и неизменной истины синкретической целостности восходящего к неолиту догосударственного бытия.

Культура эта как могла самосохраняться, противостояла размыванию, самоизолировалась, сохраняла в сердце веру в Опонское царство, в котором реализован идеал победившего неолита, ждала Второго пришествия, которое мыслилось как победа Вечности над историей. Описанная нами низовая культура оказалась решающим фактором в крахе государства в 1917 году. В конечном счете, при всех колебаниях крестьянской массы, низовая культура обеспечивала победу большевиков в Гражданской войне, а значит — задавала вектор исторического развития на три поколения вперед.

Для описания подобной реальности хорошо подходит понятие Средневековье. В широком смысле Средневековье представляет собой паллиативную форму существования раннегосударственного человека в реальности государства. Этот человек уже признает, что он существует в истории (то есть, в государстве и цивилизации), но видит в этом нарушение космического порядка бытия, попрание Должного и ожидает со дня на день наступления сакральной Вечности.²¹ Таково миропереживание архаика, заброшенного в историю и не трансформированного большим обществом, не «переработанного» в человека, адекватного реалиям государства и цивилизации.

Новое время наступает тогда, когда объем людей частично (и часто минимально) вписанных в государство и цивилизацию снижается ниже некоторого критического предела. Когда жизнь в государстве перестает быть мучительной и не представляется более противоестественной массовому человеку. Тогда-то и приходит осознание того, что сроки Второго пришествия знать не дано. Скорее всего, этого не произойдет в ближайшее время и надо учиться жить достойно христианина в нашем мире, принимая его как *естественный порядок вещей*.

Надо сказать, что частные положения, дающие основания для приведенной выше характеристики культуры российского крестьянства, прописаны в работах специалистов-крестьяноведов. Однако обобщающий вывод *о неприятии истории, государства и цивилизации как онтологическом основании крестьянской культуры*

²¹ Периодически это миропонимание прорывается наружу и реализуется в движениях Уота Тайлера, Джироламо Савонаролы, «таборитов», Мюнцера.

не формулируется. Возможно, что это задано логикой процессов познания. На данном этапе исследователи обращаются к конкретным характеристикам явления, оставляя генерализующие и обобщающие суждения будущему. Но представляется, что дело здесь в ценностных барьерах. Сделанный нами вывод отмечается как жесткий, однозначный, подводящий черту под явлением, которое дорого людям, посвятившим свою жизнь исследованию крестьянского универсума.

Между тем, конкретные исследования однозначно подводят к такому суждению. Изданные еще в 70-х годах исследования А. Клибанова²² раскрывают догосударственный характер социального идеала российского крестьянства. Беловодье и Опонское царство, помещаемое народным сознанием в трансцендентном далеке, были идеализированным образом бытия неолитической земледельческой общины до общественного разделения труда, до социального неравенства, до эксплуатации, до государства и цивилизации. Причем, крестьянское сознание сохраняло нерушимую, пророческую веру в существование Беловодья. Как указывает С. Лурье, в середине XIX века в секте «бегунов» имели хождения паспорта Беловодья.²³ Из поколения в поколение крестьяне отправлялись на поиски заветной страны. Странники использовали особые рукописный путеводитель — «Путешественник», подробно описывавший путь в эту благословенную землю. Жившие на Алтае в Бухтарминской долине старообрядцы не раз отправлялись на поиски Беловодья и заходили вглубь Китайского Туркестана. В самую большую экспедицию из Бухтармы на поиски Беловодья в начале 1860 годов отправилось более двухсот человек.

Крестьянская мысль исходила из того, что на земле должна быть страна настоящего, справедливого бытия. Только она далеко. Перед нами догосударственное и принципиально *вне историческое сознание*.

Крестьянская культура не только отторгала государство, город и цивилизацию, но не понимала и трактовала ложно природу этих феноменов. Причем превратное толкование касалось не деталей, а фундаментальных оснований государства. Основа государства — Царь-Батюшка переживался крестьянами тотемистически и трак-

²² Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: период феодализма. М. 1977

Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М.1978

²³ С.Лурье Метаморфозы традиционного сознания. М.1994.

товался как «наш», доподлинно народный, крестьянский. Царь любит православный народ и желает ему добра. Только бояре да чиновники, обступившие трон, мешали царю реализовать крестьянскую утопию: великое поравнение, «черный передел», общинную жизнь без городов, рынка, постоянно наступающего государства и цивилизации.

К.Чистов описывает традицию сказаний о царе или царевиче—«избавителе», способном воплотить в жизнь идеал крестьянской «Правды».²⁴ Исследователь фиксирует хождение преданий о царе-избавителе с рубежа XVI—XVII веков до середины XIX века. Надо только дожидаться народного царя. Отсюда традиция самозванчества, которая далеко не иссякла с Емельяном Пугачевым. Так в 1861 году предводитель Кандеевского восстания (Пензенская губ.) Леонтий Егорцев выступал под именем вел. кн. Константина Павловича.

Среди исторических монархов крестьяне идеализировали Ивана Грозного. Легко понять почему. Разорение страны забылось, но то обстоятельство, что Царь Иван резал бояр, осталось в народной памяти, и этого было достаточно.²⁵ В преданиях, записанных в XIX в. праведность царя считалась производной от его «мужицкой» сущности. В ряде сказаний зафиксированных в Среднем Поволжье, Иван Грозный предстает истинно крестьянским царем «выбранным из бедняков по указанию свыше».²⁶

О.Сухова высказывает значимое суждение: «В процессе воплощения идеального образа должно было произойти самоуничтожение царя, ведь после утверждения «чистой» (абсолютной) воли существование монарха теряет всякий смысл. Поэтому предназначение «мужицкого» царя в оценках родового сознания прочитывалось как возвращение к «началу времен».²⁷ Царевич-избавитель призван был избавить русского крестьянина от истории, вернув его в сакральное «начало времен».

От царя постоянно ждали земли. Настоящий, народный царь мыслился русским крестьянином как *государь-поравнитель*. Все

²⁴ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVIII—XIX вв. 1967.

²⁵ Те же резоны работают на сакрализацию Сталина в низовом сознании. Правитель, бьющий элиту, сажающий тех, кто в шляпе, приближает мир к вождельным параметрам догосударственного бытия.

²⁶ Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX в. в национальном самосознании. М. 1992. С.82—92.

²⁷ О.А.Сухова. Десять мифов крестьянского сознания. М. 2008. С.311.

царские указы читались и истолковывались в этом смысле. Рождались фантастические, нелепые с точки зрения начальства слухи, начиналось брожение. В этом отношении показателен один эпизод. Первого сентября 1902 г. Николай II выступил перед старшинами и сельскими старостами в Курске. В своем выступлении царь призывал крестьян «не верить вздорным слухам» (имелись в виду слухи о черном переделе), и сказал следующее: «Помните, что богатеют не захватом чужого, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям Божиим».²⁸ Казалось бы все ясно. Однако, преломленные в крестьянском сознании слова царя трактовались причудливым образом. Опираясь на материалы дознания, проведенного уездным исправником, Сухова приводит следующую трактовку: «Государь говорил...что землю от помещиков можно отбирать не грабежом, как было в некоторых губерниях, а законом, и обещал крестьянам не оставить их своим попечением».²⁹

В XX веке, перед Первой русской революцией, появлялись лжеманифесты о грядущей земельной реформе, соответствующей идеалам крестьянской Правды. Со слов крестьян, исправник записал следующее: «..уравнять землю так, чтобы в каждом поле было по 3 десятины на одну душу...Земских и других начальников отменить, их вовсе не будет, а также не будет и судов, народ будет управляться своим порядком».³⁰ К этому трудно что-либо добавить.

Надо сказать о том, что фантастическая трактовка природы государства и царистские иллюзии не составляют привилегии России. Это — устойчивая характеристика определенной стадии развития крестьянского сознания. Обратимся к восстанию Уота Тайлера. Поводом для восстания стали чрезвычайные налоги, вызванные Столетней войной.

Вот — некоторые эпизоды этого восстания: После первого инцидента король посылает судью с военным отрядом с заданием провести расследование. Собираются все окрестные деревни, окружают судью и заявляют ему, что он — изменник короля, который по злому умыслу хочет выставить их недоимщиками. Судья клянется на Библии, что он никогда не будет устраивать расследований, и не будет судить неплательщиков налогов.

²⁸ Слепнев И.Н. Монарх, крестьянство и вопрос о земле в начале XX века.// Куда идет Россия?... Формальные институты и реальные практики. М, 2002. С. 263.

²⁹ ОА.Сухова. Цит. Соч. С.314.

³⁰ О.А.Сухова. Цит. Соч. С.316.

Далее — его заставляют сообщить имена всех присяжных, которые судили суды о неуплате налогов. После этого каждого из этих присяжных обезглавили, а дома сровняли с землей. Судья бежит от этих ужасов в Лондон. Восставшие отправляются в поход. Находят местных клерков, которые, записывали уплату налогов, отрубают головы, надевают на шесты и носят с собой для примера другим. Все это делалось в твердом убеждении, что судьи и чиновники нарушают закон и волю короля.

Как мы видим, английские крестьяне последовательно и беспощадно разрушают государство, но делают это именем короля. В интересующем нас аспекте разница между Россией и Англией стадийная. Восстание Уота Тайлера происходило в 1380–1381 годах, мы же описываем события начала XX века.

Вера в «нашего», народного царя были исключительно крепкой, пронизанной мощной энергетикой. Царь-Батюшка был одной из основ крестьянского космоса. Эта вера размышлялась долго и мучительно. Назовем три значимых события на данном пути. О.Будницкий указывает на то, что убийство Александра II 1 марта 1881 г. запустило двигатель «десакрализации».³¹ Для архаического сознания, восходящего к табуации всего, что связано с вождем, истина «Царя можно убить» явилась непоправимым ударом.

Вторым стало событие 9 января 1905 года. Кровавое воскресенье — один из ключевых моментов в истории России. Расстрел народного шествия с хоругвями, иконами и портретами монарха свидетельствовал о полном непонимании политической элитой страны природы низового сознания. Непонимании глубинных оснований легитимности существующей власти, базовых параметров картины мира. Вера в народного царя была расстреляна. В этом отношении не важны цифры погибших — 130 человек по официальным данным или 1216, согласно данным специальной комиссии — важен прецедент. На Кровавое воскресенье Россия ответила революцией. Положение в стране удалось стабилизировать только широкими реформами.

Третий момент нельзя назвать единым событием. То были Столыпинские реформы, возвестившие курс государства на разрушение общины и окончательную поруху всего крестьянского мира. С началом реформ Россия вступила в исключительно сложный, му-

³¹ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. М., 2000. С. 341.

чительный период размывания космоса, существовавшего веками, вступившего в период саморазложения и потому активизирующегося. Жизнь предъявила самому богобоязненному и послушному крестьянину бесспорную истину — правительство не просто рутинно борется против народной Правды. Поставлена цель: разрушить вековой крестьянский уклад.

Эта эпоха требовала максимальной стабильности, бережного и вдумчивого управления страной, готовой взорваться гражданской войной в деревне. Вступление России в Первую мировую войну (собственно говоря, не вступление, а разворачивание этой войны) обернувшейся миллионными жертвами, беженцами, разрухой и, наконец, неизбежным поражением, подвела черту. Российский народ может позволить своей власти почти все, кроме поражений в войне. Участие в войне такого масштаба, которая обернулась поражением, читается как антинародная политика и означает крах режима. Как только простой народ окончательно осознал, что эмпирический царь не есть Царь-батюшка народной мифологии, что он на стороне истории, что царь это — государство и цивилизация, он отвел Романовых в подвал дома купца Ипатьева и оставил их одни на один с лихими людьми в кожаных тужурках.

Последний момент, на котором необходимо остановиться — принципиальное отрицание частной собственности. Как указывает Л.Милов факторы самого разного порядка, задававшие формирование русской поземельной общины, привели к актуализации и закреплению древнейшей формы общинной организации — коллективной земельной собственности, превратив ее в системообразующее качество истории народного быта.³² Как считает Сухова, этика выживания во враждебной среде и представление об экономической справедливости диктовали патриархальной крестьянской семье «принцип общинного мироустройства: *существование — в обмен на равенство в бедности*».³³

Это — важное положение, позволяющее осмыслить процессы лежащие, казалось бы, за рамками общинного быта. Несколько отвлекаясь от темы, заметим, что в данной формуле заключен базовый принцип массового понимания Должного, а также природы советского общества. Тот, кому довелось жить в СССР, хорошо

³² Милов Л.В. Общее и особенное российского феодализма. //История СССР 1989. №2 С.49.

³³ О.Сухова. Цит. соч. С.224.

помнит этих людей — очень скромно живущих, честных советских тружеников — которых искренне возмущали всякие «хапуги», «ловчи́лы», все те, кто «умел устроиться», оскорблявшие своим существованием нравственное чувство простого человека. В ловчи́лы попадал и завбазой, который, понятное дело, ворует, и журналист, который получает такие деньжищи непонятно за что, и ученый. Одно из читательских писем в газету на тему советских богатеев заканчивалось словами: «Я не хочу жить так, как живет этот человек, я хочу, чтобы он жил так, как мы». Всеобщее равенство в бедности оскорбительно, убого и противоестественно для человека большого общества. Наследник крестьянской традиции воспринимал такой порядок вещей как естественный и единственно возможный. До тех пор пока неизбежные процессы дифференциации не размыли материк наследников крестьянской культуры, а достигательные ценности не проникли в массовую среду, советская власть стояла непоколебимо.

Равенство в бедности требует нерасчлененного коллективного целого, доминирования родового сознания над личностным. Современному горожанину трудно представить себе меру заданности форм жизни отдельного человека общиной. Община диктовала формы хозяйственной жизни (севооборот), пресекала ненужные с ее точки зрения занятия, требовала тотальной лояльности. Эти установки входили в повседневную практику, становились органикой сознания. Не так давно в прессе проскочило наблюдение городской женщины, переехавшей с мужем в деревню: деревенские женщины не ходят в лес, по грибы или по ягоды, самостоятельно. Они договариваются — «завтра идем по грибы», и сообща идут в лес.

Отсюда острая реакция общины на столыпинскую аграрную реформу. Специалисты сходятся во мнении, что государственная политика, направленная на уничтожение общины, привела к активизации общинной психологии и архаизации общественного сознания. Февральская революция ознаменовала собой конец эры ожидания царской милости по земельному вопросу, и послужила толчком к формулированию требований и наказов к будущему Учредительному собранию, в которых концентрированно выражены принципы общинного мироустройства.

Исследовав массив материалов губернских съездов крестьянских депутатов Среднего Поволжья, Сухова суммирует: По приговору Учредительного собрания все земли (монастырские, цер-

ковные, удельные, помещичьи и др.) объявляются общенародным достоянием безо всякого выкупа. Частная собственность на землю подлежит уничтожению. Все земли «не обрабатываемые собственным трудом» поступают в ведение земельных комитетов. Запрещается использовать труд наемных рабочих, запрещается сдача земли в аренду. В большинстве приговоров содержится требование введения уравнилельно-трудовой нормы землепользования. Автор подчеркивает, что «земля в понимании крестьянства не могла выступать товаром по определению». Частная собственность на землю не должна существовать в принципе.³⁴

Принцип уравнилельной справедливости доминировал абсолютно. К примеру, исходя из базовой установки — каждый владелец земли вправе обрабатывать лишь столько пашни, сколько может убрать собственными силами — крестьяне отнимали земли у солдаток, под предлогом того, что они сами землю обработать не в состоянии.³⁵

Так идея «черного передела» наконец-то нашла свое воплощение. Крестьянство «впервые в истории получило возможность реализации мифа о «золотом веке крестьянства» на практике». ³⁶ В этом и состояло содержание «общинной революции». У нас же есть возможность оценить феномен общинной культуры, осознать стадияльные характеристики этого явления, меру согласования описанной жизненной стратегии (не на пространствах Амазонии или острове Науру, а на 1/8 планеты) с логикой исторического императива, последовательно охватывающего все пространство земного шара историческим временем, включающего народы и континенты в государство и цивилизацию.

Для того, чтобы вписать российские реалии в общеисторический контекст имеет смысл соотнести их с социальной историей Европы. Описывая эволюцию культурных представлений и хозяйственных практик средневековой Европы, П.Буассонад указывает, что между VII и X веками на пространствах Западной Европы от Ирландии до Италии племенная/общинная земельная собственность уступает собственности индивидуальной. Периодические перераспределения земли уходят в прошлое, «а бывшие пользова-

34 О.А.Сухова. Упом. соч. С.276—291.

35 О.А.Сухова. Упом. соч. С.298.

36 О.А.Сухова С.303.

тели теперь стали их постоянными владельцами».³⁷ Существенно то, что эти процессы охватывали континент, захватывая англосаксов, кельтов, германцев. К концу первого тысячелетия нашей эры собственность на землю объединила варваров пришельцев и романизированное население погибшей Римской империи в одно стадильное целое.

К 1917 году, сельское население страны доминировало абсолютно. Поразным оценкам в городах и поселках городского типа жило 15–18 % населения. Таким образом, на исходе двух веков модернизации, *не просто немодернизированный, но сущностно догосударственный слой населения составлял подавляющее большинство*. Носители крестьянской культуры вступили в процессы трансформации крестьянского мира. Их сознание менялось, само крестьянство расслаивалось, выделяя из себя модернизированный сегмент. Но при всем этом крестьянство оставалось носителем описанной традиции, активизировавшимся и, оттого повышенно активным. Это — исключительно важное обстоятельство задало исторические судьбы страны в XX веке.

Внутренний враг или Историческая альтернатива

КУЛАК

Кулак — единственный универсальный агент модернизации в дореволюционной русской деревне. Отношение к нему российского общества и, прежде всего, крестьянства как примечательно, так и закономерно. Кулак — модернизированный традиционный крестьянин, вписанный в рынок, освоивший логику экономических отношений, ориентированный на оптимизацию производственной, хозяйственной и предпринимательской деятельности. Это капиталистический производитель и предприниматель в одном лице, работающий в сфере сельскохозяйственного производства. В сегодняшних весовых категориях, кулак попадает в сферу малого/среднего бизнеса.

Кулак — продукт распада традиционного мира, который естественным образом ненавидел кулака. Исходно слово это имело остро негативную окраску. Вот, что пишет Энгельгарт: «настоящий

³⁷ Проспер Буассонад. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. М.2010 с.93–95.

кулак ни земли, ни хозяйства, ни труда не любит, этот любит только деньги. Все у кулака держится не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздает под проценты. Его кумир деньги, о приумножении которых он только и думает...»³⁸

Перед нами в высшей степени показательное осмысление экономического человека из пространства крестьянской утопии, пространства идеализированного традиционного хозяйства вне рынка, большого общества и истории. Российский интеллигент славянофильской ориентации любовался традиционным крестьянином изо дня в день совершавшим вечный ритуал крестьянского труда. Такой труд разворачивался вне экономического измерения и задавался логикой натурального хозяйства. Крестьянин совершал его в некотором сомнамбулическом состоянии, близком к ИСС, как и полагалось трудиться архаическому человеку. Формы труда диктовал годовой цикл и погодные условия. Они были освящены традицией, усвоены на уровне автоматических телесных практик, не предполагали экономически рефлексующего сознания.

Сознание кулака и суть его деловой активности принципиально иные. Он проникся идеей экономической эффективности. В его сознании сформировалась способность оценить все экономически значимые реалии «в абстракции рубля», как говорил по этому поводу А.Ахиезер. Кулак видит хозяйственную деятельность не неизменным и вечным ритуалом, творимым в храме Божьего мира, а экономически рациональной деятельностью принципиально вариативной, постоянно оптимизируемой по критерию вложенные ресурсы/полученная прибыль. Дорастивать бычка до привычных кондиций, или продать его прямо сейчас, пока на рынке благоприятная ценовая ситуация, а на вырученные деньги закупить поросят, которых можно выгодно продать к празднику? Мучиться всей семьей на току, нанять батраков, или купить веялку? Какой из вариантов обернется большей выгодой?

Энгельгарт говорит именно об этом. Труд кулака и его семьи, земля и хозяйство для него — инструменты, с помощью которых «справный хозяин» зарабатывает деньги. Кулак распрощался с магическим отношением к природе. Он воспринимает мир инструментально. Позволим себе личную интонацию. В молодости нам объясняли, что «там» работают исключительно ради прибыли, в то

³⁸ Энгельгарт А.Н. Письма из деревни. 1872—1887. М. 1987. С. 521—522.

время, как в нашей стране все делалось для блага советского человека. Постоянно соприкасаясь с бесконечно тоскливым, уродливым убожеством, сделанным «не корысти ради», но для блага человека, так страстно хотелось попасть в комфортное, аккуратное, надежное царство победившего чистогана. Энгельгарт был противником капиталистического рынка и сторонником «моральной экономики». Тем ценнее свидетельство этого наблюдательного и доброжелательного к русскому крестьянину публициста.

Один из ключевых моментов, обуславливавших неприятие кулака идеологами «русского пути» состоял в кардинально различающемся отношении к деньгам. Энгельгарт инкриминирует кулаку постоянную заботу о приумножении денег. Моральный рефлекс отторжения ориентации на приумножение денег имеет на российской почве глубочайшие корни. Экстенсивная, дорыночная, ориентированная на натуральное хозяйство культура воспринимает деньги как неизбежное зло. Думать о них грех, иметь много денег — опасно и противоестественно. А если вдруг привалило сверх минимума, первая реакция — срочно избавиться от лишних денег: пропить, закупить престижной ерунды.

В этой связи приведем важный тезис А.А.Сусоколова — *«Отсутствие настоящей культуры использования денег является одним из главных препятствий на пути развития русской цивилизации»*.³⁹ Идея построения современного мира, в рамках «моральной экономики» отрицает деньги и товарное производство. В свое время Чаянов показал, что семейно-трудовое хозяйство, было нацелено не на получение прибыли, а на доставление средств существования его членам. В такой ситуации деньги, как и рынок, существуют в качестве периферийного элемента традиционного хозяйства. Они необходимы для уплаты налогов и покупки немногих предметов промышленного производства.

Как традиционный крестьянин, так и идеолог традиционного мира видят в деньгах орудие греха и попускание Господне. Они убеждены, что деньги можно накапливать из патологической скупости либо патологического же властолюбия. Между тем, бизнесмен относится к деньгам *инструментально*. Он приумножает капитал, с тем, чтобы развивать свой бизнес. То есть — самореализовываться профессионально и человечески. В русской деревне кулак был

³⁹ А.А.Сусоколов. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М. 2006. С.277.

первым персонажем, ставшим на путь освоения культуры использования денег. Инструментальное отношение к деньгам было предметом особой ненависти со стороны традиционалиста. Кулак не пропивал, а заставлял греховную субстанцию работать на приумножение собственного богатства, а значит — власти в деревне.

«КУЛАК-МИРОЕД»

Одно из главных обвинений кулаку состояло в том, что он разрушает традиционный сельский мир. За это кулака ненавидел традиционный крестьянин и жестко порицала русская интеллигенция. Для того, чтобы осознать данную коллизию и выработать к ней отношение, надо определить содержание исторической эпохи. После 1861 года Россия включилась в *макропроцесс перехода от общинной экономики к экономике рынка*.

Община погибла в силу того, что «перестала соответствовать новой социально-экономической ситуации, которую она же во многом создала. Стабильность общины как социально-экономического организма обеспечивалась консервативностью используемых технологий. Община сама стимулировала непрерывный прирост населения, и сама же сдерживала внедрение технологий, которые позволили бы прокормить население».⁴⁰

Исторический императив востребовал в России экономического человека, то есть — включенного в товарное производство субъекта рыночной экономики. Характеристика «мироеда» вытекала из логики социальных и экономических взаимоотношений кулака и окружавшего его мира традиционного крестьянства. В сравнении с традиционным общинником, кулак обладал мощными конкурентными преимуществами (мы говорим не о богатстве, а о *качестве сознания*, которое породило это богатство), которые он использовал, извлекая прибыль и разрушая традиционную среду. Традиционный сельский мир выступал в качестве экологической ниши или ресурсного пространства, в котором оперировал кулак.

Но, в данном случае, дело не в логике конкуренции стадийально предшествующего, и стадийно последующего типов сознания. Характеристика «мироед» описывает *общеисторическую функцию кулака*. Кулак разрушал архаический синкретизм и утверждал на сцене новое историческое качество, выводил русскую глубинку из

⁴⁰ Сусоколов. Там же. С.132.

поздненеолитического оцепенения и включал ее в эпоху Нового времени.

До эпохи Великих реформ Россия во многом напоминала особый класс обществ, таких как эллинистический Египет или Иерусалимское королевство (а может быть, территории Меровингов эпохи Темных веков). В городах этих во многом эфемерных, неустойчивых государств, существовало население, погруженное в европейскую культуру. Однако города были погружены в мощную и необъятную сельскую округу, говорившую на других языках, молившуюся другим богам и принадлежавшую иной стадии исторического развития. В описываемую эпоху стадияльно-культурная интеграция России была остроактуальной исторической задачей. Ее альтернатива — распад России и внешнее управление, (которое решало бы те же задачи).

В контексте деградации сословного общества и разворачивания капиталистических преобразований, стадияльная и культурная интеграция населения России (об обществе в ту эпоху говорить не приходится) не имела альтернативы. Эту процессы продвигали и министр государственных имуществ граф Киселев, и земские школы, и государственная программа обучения грамоте призванных в армию. Но *основным и безусловным фактором модернизации* российского крестьянства *выступало кулачество*. Кулак не оставлял традиционному крестьянину выхода. Он вынуждал его либо стать экономическим человеком (то есть, тем же кулаком), либо идти в батраки (то есть, вписываться в рыночную экономику в статусе наемного работника на селе), либо уходить на заработки в город (так же, в статусе наемного работника). Традиционный сельский мир всеми силами стремился оградить себя от рынка и не пустить историю в деревню. Он был нетрансформативен и подлежал снятию. Русский кулак-миroeд реализовывал неизмеримо более щадящий вариант разрушения традиционного мира, нежели тот, который был через тридцать лет реализован большевиками.

Кулак являл собою наглядную, осязаемую альтернативу традиционно-крестьянскому универсуму. Самым скандальным было то, что кулак — «свой»: не барин, не городской, а нашенский, из крестьян. Факт его существования удостоверял, крестьянина в том, что можно жить совсем по-другому. В полном раздоре с вековыми и непреложными императивами крестьянской культуры. Мало того, он преуспевал и очевидно, чем дальше, тем более доми-

нировал на селе. При этом кара Божья не падала на голову кулака. В этом обстоятельстве был очевидный вызов небесам, что рождало метафизический протест. Протест и импульс пустить «красного петуха». Однако, одновременно рождался соблазн пойти по этому — внушающему иррациональный ужас, неизведанному, но такому притягательному пути. Отсюда раздразни в мыслях и чувствах и еще большая агрессия от утраты душевного спокойствия.

То, что кулака ненавидел традиционный хлебороб ожидаемо и закономерно. Совсем другое дело — российская интеллигенция. Глубинное основание этого — общее неприятие логики исторической эволюции, неприятие капитализма и чаяния социализма. Антикулацкий пафос погрязшего в эсхатологических утопиях дореволюционного интеллигента вытекал из народнических убеждений. Вера в то, что социализм сначала должен утвердиться в России и основной «ячейкой» его станет крестьянская поземельная община, делала из кулака злейшего врага, разрушавшего самые дорогие упования интеллигента. Чайания «абсолютного добра» здесь, на Земле, вера в замечательный народ, таланты которого раскроются после краха деспотии, народ, который создаст прекрасный справедливый мир будущего, составляла символ веры российской интеллигенции. Антикулацкая установка — еще одно свидетельство фундаментальной неадекватности дореволюционного интеллигента. Мы говорим об идейном банкротстве, неспособности осознать логику истории и увидеть смертельную опасность, которая состояла в том, что интеллигентские чаяния «светлого будущего» соответствовали любовному томлению самца богомола. Когда мечта о народной свободе воплотилась, народ попросту вырезал большую часть интеллигенции.

Типологически эта ситуация близка интеллигентскому отторжению «лукавого раба», в последние десятилетия советской эпохи. С начала шестидесятых годов «лукавый раб» превратился в один из основных факторов деградации коммунистического проекта. Совокупными усилиями директоров заводов, выпускавших «левую» продукцию из накрученных ресурсов, цеховиков, самых разнообразных спекулянтов, фарцовщиков, мелких и средних воришек советская реальность размывалась, а коммунистическая утопия утрачивала остатки общественного кредита. Жизнь неопровержимо свидетельствовала о том, что люди думают о себе, и обустраивают *свое собственное* благополучие. Идея «светлого будущего» явственно оборачивалась химерой, а коммунистическая риторика — ка-

зенной демагогией лишенной какого-либо содержания. Для убежденных антикоммунистов, советский лукавый раб был важным тактическим союзником. При том, что он нарушал не только нормы советского закона, но, при случае, и общечеловеческие нравственные заповеди, лукавый раб работал на разрушение советского проекта. Что же касается типичного интеллигента- шестидесятника, который вздыхал о золотой эпохе нэпа и чаял социализма с человеческим лицом, то он сторонился «спекулянта» (хотя и пользовался его услугами) видя в нем человека второго сорта.

Традиционный общинник ненавидел единоличника не за богатство. Он видел в нем предавшего общинный мир, перешедшего на сторону правительства (то есть, государства, истории и цивилизации). Имея в виду выход из поземельной общины, Сухова пишет о противостоянии «общинников» — «собственников»: «Противопоставление этих новых социальных групп в российской деревне получило усиление за счет указания на переход выделившихся в правительственный «лагерь». Вот свидетельство участника событий. «Обо днях пошли наши ребята подсолнухи ночью побережь. А «мирские»-то; «смотри» кричат «господа помещики на свои поместья пошли» да камнями в них».⁴¹ Помещик для общинника — тот, кто предал родовой мир, стал собственником. Это не экономическая коллизия; это столкновение духовно-нравственных устоев.

Собственническое мировоззрение противостояло мифологеме уравнительной справедливости. Община стала непреодолимым препятствием на пути интенсификации производства. Исследователи указывают на то, что «сельская община тормозила рост сельскохозяйственного производства, заставляя общинников поддерживать низкую урожайность и тем самым сохранять стабильность самой общины».⁴² Вот свидетельство участника событий: «Если у кого есть охота развести сад, крестьяне относятся к нему с презрением... просто-напросто поломают все деревья. А если огородину: расхитят».⁴³

Однако, на рубеже XIX—XX веков история уже стучала в двери отгораживавшегося от всего и вся крестьянского мира. Тот же Энгельс замечает, что в каждом крестьянине сидит кулак. Ему всего лишь не удалось развернуться реализоваться. «Каждый крестьянин, если обстоятельства тому благоприятствуют, будет самым

⁴¹ Сухова указ соч. С.268—269.

⁴² Суколов. Упом. соч. с. 124

⁴³ Сухова С. 271.

отличным образом эксплуатировать всякого другого...известной дозой кулачества обладает каждый крестьянин... разве лишь в редком из них нет кулака в зародыше».⁴⁴ Крестьянин-общинник ненавидел кулака, тем более, что чувствовал потенции пробуждающейся личности в себе самом. Объективная реальность формировала культурные, психологические, экономические предпосылки перерождения архаического общинника в раннебуржуазного предпринимателя. Архаизация крестьянской культуры была ответом заказчика первобытного коммунизма на эти процессы.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО.

Сельский предприниматель не полноценный внутренний враг, а скорее альтернатива традиционно-крестьянскому миру. Л.Милов определяет «пашенного крестьянина» как основного хозяйственного типа в истории русского этноса.⁴⁵ Согласимся, заметив, что пашенное земледелие в качестве доминирующего вида занятий выступает идеальным консервантом архаического универсума. Стоило включить крестьянское сообщество в другие формы экономической активности, и сельская община вступала в процессы необратимой трансформации.

Универсальным агентом такой трансформации выступал рынок. Сельские поселения по разным причинам (инициатива помещика, удобное расположение на торговых путях, близость к рынкам сбыта, близость к источникам сырья и др.) переориентировались на производство товара и/или торговлю. Дело это оказывалось прибыльным, поэтому универсум «моральной экономики» не активизировался. Угрозы существования целого не просматривалось. Люди находили стабильную работу, кто-то богател, кто-то нет, но все были при деле. Вот список объектов в крепком торговом селе Владимировка на реке Кирпичной, впадающей в Волгу: две церкви, двухклассное мужское училище, два водочных склада, 4 питейных заведения, 2 кирпичных завода, 12 торговых лавок, 11 кузниц, пожарный обоз, 3 хлебных магазина, 140 ветряных мельниц.⁴⁶

⁴⁴ Энгельгард. Там же.

⁴⁵ Милов Л.В. Общее и особенное российского феодализма.//История СССР 1989. №2.

⁴⁶ Наши села. http://www.vahtubinske.ru/istorija_akhtubinska/nahi_sela/44-1-0-131

Надо сказать и о том, что не только непосредственное занятие предпринимательством, но и работа в этой сфере (на технических или подсобных должностях) разительно изменяет сознание человека. Мы могли наблюдать такую трансформацию в последние 20 лет. Через два года психология типичного советского интеллигента ушедшего в бизнес меняется радикально. Другая картина мира, другое позиционирование во вселенной, решительное расставание с интеллигентскими мифами и заморочками. С крестьянином, освоившим профессию мукомола, происходило то же самое. Крестьянин, занятый отхожим промыслом, не равен сидящему на земле человеку, для которого вселенная качественно однородна и заканчивается за околицей.

Рынок разлагал целостность патриархального мира, который перерождался незаметно для себя. Крепкий достаток — лучший и самый убедительный аргумент. В охваченных рыночными отношениями зонах, где развивались промыслы и торговля, наверняка были свои проблемы и конфликты. Но эти регионы качественно отличались от задыхавшейся от малоземелья и замкнутой на себе самой глубинки. Прелесть торгово-промышленных сел и ценность их как эффективной стратегии модернизации состояли в том, что здесь перерождение традиционного населения происходило целиком. Люди включались в общенациональный рынок и выпадали из архаики незаметно для себя. В этих регионах идеи «черного передела» и упования на возвращение к «началу времен» были категорически неактуальны, ибо жизнь и благополучие людей задавались существованием большого общества и цивилизации. Кулак появлялся в самой гуще крестьянского мира, торговые села и слободы разъедали этот мир по краям, откусывая от него по кусочку.

В чем причина: Как могло сложиться такое положение вещей?

Итак, в начале XX века российское общество включало в себя огромный объем населения по своей природе традиционно-архаического, частично (сплошь и рядом минимально) вписанного в реальность большого общества, государства и цивилизации. Здесь надо сказать, что сосуществование государственного и догосударственного слоев и, соответственно, культур в рамках традиционного общества нормально. Проблема была в том, что традиционно-

архаический слой общества доминировал в стране, которая *два века* шла по пути модернизации.

В традиционном государстве веками и тысячелетиями существуют анклав догосударственного бытия. Этот пласт общества сложным образом соотносится с реальностью государства. Чем традиционнее и архаичнее общество, тем мощнее и обширнее данный пласт. При всей устойчивости, такая ситуация не остается неизменной. Идет постоянный процесс размывания и претворения догосударственного сектора. Медленно, но неуклонно, в чреде поколений люди вписываются в государственное бытие, их сознание, образ жизни меняются. Однако, в разных странах процессы ассимиляции догосударственной архаики разворачиваются по-разному. Объемы догосударственного пласта общества существенно отличаются по континентам, локальным цивилизациям и конкретным странам.

В традиционных немодернизированных обществах объем описанных нами слоев достаточно значителен, хотя и варьируется от страны к стране. Иными словами, традиционное государство научилось сосуществовать с догосударственной архаикой, присутствующей в ее теле. Оно медленно перерабатывает архаический субстрат, приобщая его к большому обществу. При этом, объемные характеристики социальной периферии традиционного государства могут быть достаточно большими, а мера архаизации — широко варьироваться.

Модернизация задает иное соотношение описываемых явлений. Переход от традиционного, к имманентно динамичному обществу, *невозможен без снятия догосударственной архаики*. В момент завершения процесса исторического перехода к имманентной динамике пласт носителей догосударственного сознания минимизируется до ничтожных значений. Он выдавлен на абсолютную периферию, четко маркирован и не оказывает серьезного влияния на социокультурные процессы.

Перемалывание архаического слоя, взламывание анклавов догосударственного бытия, снятие условий, позволяющих сколь угодно значительным группам изолировать себя от большого общества и, наконец, *разрушение, и размывание культуры и сознания, присущих этим общностям — необходимое условие модернизации*. Иными словами, *процессы модернизации неотделимы от коренной реконструкции догосударственного пласта общества, предполагаю-*

щей уничтожение этого феномена. Уничтожения, в смысле прекращения процесса воспроизводства, претворения того человеческого материала, который может быть адаптирован в динамизирующееся государство и выведения из бытия тех, кто не вписывается в новую реальность. Все эти процессы носят достаточно драматический характер. Иногда это полноценная трагедия, но такова плата за переход на следующую стадию исторического развития. Подробнее данная проблематика рассмотрена в монографии автора.⁴⁷

Вернемся к вопросу о различиях в процессах ассимиляции догосударственной архаики. Наиболее интенсивно эти процессы шли в Европе, что задано качественными характеристиками европейской цивилизации. Протестантско-католический мир стал лоном динамики, сформировал евро-атлантическую цивилизацию и породил из себя в XIX–XX веках клуб лидеров мирового развития, который только к концу XX века пополняется странами, принадлежащими другим локальным цивилизациям.

Запад характеризуется высокой энергетикой цивилизационного начала, которое агрессивно и целеустремленно. Даже проиграв варварам военно-политически, в эпоху крушения Рима, цивилизационное начало Запада сравнительно быстро «перелопатило» варварское общество, сформировав динамичный европейский феодализм. А уж когда западно-европейская цивилизация у власти, она работает во всю мощь. Именно поэтому Запад стал родиной исторической динамики.

Эти различия хорошо просматриваются в стратегиях христианизации, реализованных на православном Востоке и католическом Западе. Что касается византийского православия, вопрос о доминирующей стратегии христианизации заслуживает специального рассмотрения, но что касается православия российского, то эта ситуация описана и документирована достаточно полно. Православие боролось за политическое господство, подавляло явные центры языческой культуры, рушило идолов, било волхвов и на этом успокаивалось. Борьба с языческими практиками шла (и по сей день идет) в той мере, в какой эти практики являют себя как активно языческие и как *осознанная* альтернатива православию. Российское православие обнимает языческий космос, формируя христиано-языческий синкретическое целое.

⁴⁷ См: Яковенко И.Г. Политическая субъектность масс. Культурологический аспект политической жизни в России. М., 2009.

Католическая Европа более агрессивна и последовательна. Она мирится с язычеством ровно до тех пор, пока не накапливает сил для очередной итерации по подавлению, изживанию и уничтожению традиционного политеизма и связанной с ним архаической культуры. В России рядом с инициатическими школами и практиками в монашеской/старческой среде и христиански просвещенной культурой митрополичьего/патриаршего двора уживались невежественный клир и фантастически невежественные миряне. Их благочестие опиралось на особый, недостаточно изученный и осмысленный комплекс низовой религиозности. Специалисты говорят о двоеверии, которое сменяется народным православием.

Здесь надо оговориться. Одна из универсальных особенностей культуры состоит в том, что носители этой культуры осмысливают ее базовые характеристики как особые достоинства и преимущества. Это коренится в человеческой психологии; иначе и быть не может. Синкретическое объединение пластов и феноменов, принадлежащих разным эпохам и стадиям развития, относится к *сущностным особенностям российской цивилизации*. Поэты и идеологи этой цивилизации усматривают в описанном особую прелесть и непреходящую ценность.

Наши оппоненты скажут, что вера это не мертвое знание догматов и базовых сюжетов Писания, вера есть духовный опыт. В российской реальности этот опыт, безусловно, присутствовал. Но, то был опыт политеистически-монотеистического синкрезиса. Конечно же, это вера, но не монотеистическая и не христианская. Здесь как-то сами вспоминаются слова Маржерета, сказанные им в начале XVII века: «Невежество русского народа есть мать его благочестия. Они ненавидят учение и особенно латынь. У них нет ни одной школы, ни университета. Одни священники наставляют юношество чтению и письму, но впрочем, и этим занимаются немногие».⁴⁸

Применительно к нашей теме значимо следующее — в Европе с уничтожением язычества уничтожались архаика и доосеовое сознание. В России архаика и доосеовое сознание органично входило в цивилизационный синтез. Существенное, если не коренное, отличие русской истории от европейской в том, что на Западе цивилизация выжигала варвара и архаику каленым железом, насильственно приводя детей поработенных или уничтоженных варваров

⁴⁸ Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. М. 2003. С. 155.

к нормам цивилизации. Для Запада типичны крестовые походы против ереси богумилов в Боснии, века Инквизиции, или тактика Тевтонского ордена в его борьбе с пруссами.⁴⁹

Как советские, так и постсоветские историки и публицисты любят пенять Западу на это и сравнивать его стратегию с нашей колонизацией инородческих окраин, которые России обнимала мягко.⁵⁰ Добавим, и это чрезвычайно важно, что точно так же — мягко обволакивая, русская власть ассимилировала внутреннего варвара и архаика, который в объемном отношении на порядки превосходил людей государства и цивилизации.⁵¹ Здесь мы сталкиваемся с разной стратегией по отношению к стадияльно предшествующему населению. То же происходило в латиноамериканских колониях Испании. Архаика консервировалась в Османской империи, Иране и других восточных обществах. В результате формировались синкретические культурные комплексы, в которых доосевое сознание соединялось с монотеистическими представлениями.

Мягкая стратегия ассимиляции и многовековое сожительство государства и архаики заданы *качественными характеристиками* российской цивилизации, которая ценностно ориентирована на максимальный уровень синкрезиса.⁵² Борьба с архаикой неотделима от вытеснения ее более высокими формами культуры. Однако движение к целостному, доктринально выстроенному православному комплексу, означало бы продвижение по шкале стадияльного восхождения; движение вдоль вектора исторического времени. Такая эволюция строго противостоит генеральной интенции русской культуры, обращенной к исходной точке. Это — путь католического Запада, путь протестантизма. Еще в середине XIX века иерархи

⁴⁹ Конечно же, в этой политике присутствовала и борьба за жизненное пространство. Однако покорение язычников более или менее универсально для средневековой христианской государственности. Различие в том, что католический мир ставил потомков покоренных язычников перед альтернативой — стать «добрыми католиками» или погибнуть.

⁵⁰ На самом деле бывало по-всякому. Мягкая ассимиляция происходила в том случае, если российская власть не сталкивалась с сопротивлением. В случае упорного сопротивления, практика российской колонизации ничем не отличалась от практики Тевтонского ордена. Смотри судьбу адыгских народов.

⁵¹ О внутренней колонизации и отношении к коренному русскому населению как к колонизируемым инородцам смотри: Александр Эткинд. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.2013.

⁵² Подробнее см: И.Г.Яковенко. Познание России: цивилизационный анализ. М.2012.

церкви и идеологи сословного общества противостояли переводам Библии на живой русский язык. Дело перевода продвигалось усилиями интеллигенции, ориентированной на ценности модернизации. А в 1870 годы Константин Леонтьев утверждал, что, держа своих православных подданных в темноте, свирепый Оттоманский режим защищает их от растлевающего влияния Запада.

Идеологи и носители идентичности сами были пронизаны архаикой, находили в этом особую, трудно выразимую ценность, пуще огня боялись оскверниться эллинской премудростью и утратить «мезолитическую» невинность. Что же касается народных низов, то здесь государство ограничивалось требованием соблюдения внешних форм благочестия. Упомянувшийся нами Маржерет утверждал, «Однако невежество народа таково, что треть его не знает Отче наш и Символ веры».⁵³ Примечательное замечание. Как полагают современные исследователи, исходно Маржерет был гугенотом. Понятно, что для протестанта, российская религиозность представлялась языческой дикостью. Несколько отвлекаясь от темы, любопытно было бы задаться вопросом: какой процент россиян в начале XXI века знает Отче наш и Символ веры? Проявляя осторожный, и, надеемся, не чрезмерный оптимизм можно полагать, что 1,5 % наберется.

Все это вполне объяснимо. Православная доктрина, положенная на ранне-варварское общество, на глубокой периферии Ойкумены, в ландшафтно-климатических условиях, мало благоприятных для разворачивания цивилизационного процесса; — ничего другого из этих слагаемых получиться не могло. Однако такой синтез обернулся неспособностью к имманентному саморазвитию, исключительно мучительными попытками модернизации, гигантским самоистреблением в XX веке и, наконец, вымиранием остатков традиционного общества, происходящим на наших глазах.

Существовала ли альтернатива общинной революции

Как мы знаем, модернизация российского общества начинается во второй половины XVII в. С начала XVIII в. в России развивается более или менее широкое наступление модернизации.

⁵³ Маржерет.. Там же. С.155.

Смысл поставленного нами вопроса в следующем: можно ли было модернизировать общество таким образом, чтобы к началу XX века традиционно-архаический сектор не составлял большинство? Этот же вопрос можно сформулировать по-другому: существовала ли историческая стратегия, которая позволила бы провести Россию через XX век без революционных потрясений и страшных катаклизмов, ознаменовавших советский этап отечественной истории? И, наконец, если существовал другой сценарий модернизации, возникает классический русский вопрос: Кто виноват в событиях XX века?

Природа крестьянского сознания была задана исторической объективностью. Поведение крестьянства задавалось этой природой и историческими обстоятельствами. Культура традиционного крестьянства, заданные этой культурой ресурсы понимания и объяснения мира были критически неадекватны той исторической реальности, в которую попал данный слой российского общества после 1861 года. В рассматриваемом нами историческом сюжете традиционное крестьянство выступает в объектной модальности. Единственный путь обретения адекватности, существовавший для традиционного крестьянина, состоял в выпадении из врожденной ему культуры.

Впрочем, речь идет о людях, наделенных свободой воли и ответственностью за содеянное, которые не были абсолютным объектом непостижимых для них внешних воздействий. Каждому из них была дана потенциальная способность различать добро и зло, свое и чужое, справедливое и несправедливое. Перед нами не девственные дикари каменного века, а люди вписанные, хотя бы и самым предварительным образом, в государство, приобщенные мировой религии. Каждому из них была предъявлена, хотя бы священником, нравственная норма цивилизованного классового общества. Они знали о том, что брать чужое грех, что жечь, убивать и насиловать — грех сугубый. Рядом с ними жили выходцы из крестьянской среды, реализовавшие иной путь — кулаки, единоличники, мелкие торговцы. То есть, им были даны образцы другой общекультурной и нравственной ориентации, реализованные не марсианами в меховых шубах и золотых очках, а «своими», исходно такими же, как они сами. Традиционный крестьянин также совершал выбор. Другое дело, что объективные обстоятельства, задававшие стадиальные характеристики сознания крестьянской массы, смещал этот выбор в известном нам направлении. Доличностный человек во всем мире склонен к доморальному, стадному

поведению. Он более или менее стабилен и ожидаем в своих реакциях в устойчивой традиционной среде. А в резко изменяющемся мире становится агрессивно неуправляемым и совершает немислимые для внешнего наблюдателя вещи.

Принимая во внимание все обстоятельства, и делая все оговорки надо подчеркнуть, что изложенное выше не снимает ответственности. Здесь стоит процитировать старейшего российского крестьяноведа В.П.Данилова, человека социалистических ориентаций дожившего до XXI века и негативно воспринявшего аграрную политику постсоветской России: «В известном смысле можно сказать, что сталинский вариант накопления капиталов для индустриализации путем катастрофического разорения и беспощадной эксплуатации деревни явился историческим наказанием крестьянству и стране за противодействие объективно необходимому процессу первоначального накопления и товарно-капиталистической модернизации».⁵⁴

Тем не менее, сугубая, преимущественная ответственность за происходившее, лежит на так называемом «образованном обществе». По своему культурному статусу, в силу образования, кругозора, жизненного опыта люди из образованного общества имели шанс адекватно воспринимать и оценивать происходящее, а значит — формировать вмняемую стратегию исторического развития. Общество было не однородно. Самодержавье как отдельный институт, церковь, интеллигенция, бюрократия, дворянство, российская буржуазия по-разному позиционировались и участвовали в происходящем. Различались их возможности, их роль и место в историческом процессе.

Кроме того, выделенные нами группы сами по себе были неоднородны. Российская интеллигенция порождала как террористов-народовольцев, так земцев и либералов-западников. Российская бюрократия была не менее гетерогенна. Бюрократия это — Сперанский, граф Киселев, Столыпин, наконец, это граф Витте. Можно вспоминать имена ярких чиновников второго ряда, таких, как полковник Зубатов. Всех этих людей объединяло понимание того, что мир необратимо изменяется, а потому единственный способ сохранить дорогую им Россию — изменяться, находить новые решения, отбрасывать отжившее и неэффективное. Однако, основная масса

⁵⁴ Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России. [http:// www.ladim. org/ st006.php](http://www.ladim.org/st006.php)

бюрократии, как минимум, была не на уровне вызовов времени. Она либо не понимала мира, в котором ей довелось жить, либо боялась этого мира и пыталась остановить течение времен как Победоносцев, либо жила элементарными социальными инстинктами, делала карьеру, решала собственные проблемы.

Историческая ответственность, на тех, кто консервировал архаику: сохранял крепостное право до второй половины XIX века, противостоял разложению общины в 70—90 годы, тех, кто идеализировал архаический комплекс и видел в ней ростки светлого будущего. На тех, кто в начале XX века не смог оценить всей серьезности ситуации и не обеспечил широкой земельной реформы способной удовлетворить ожидания крестьянских масс. Это — царизм, церковь, бюрократия, помещики, идеологи и поэты традиционных устоев, носители интеллигентской мифологии. Одним словом, основа автократического средневекового общества, делавшая все, что в ее силах для того, чтобы Новое время в России не наступило.

Если широкие народные массы как целое в данной ситуации были скорее объектом, ибо актуальная культура крестьянства была неадекватна исторической реальности, то модернизированные слои общества имели шанс двигаться к адекватному осмыслению реальности. Однако вместо этого шло развитие в исторически тупиковом направлении. Здесь нам видится с одной стороны вина, а с другой — трагедия российской элиты.

Трагедия ее в следующем: объективные характеристики элитного сознания были таковы, что осознание реального положения вещей и исторических перспектив блокировалось мощнейшими механизмами. Всякая культура ориентирована на бесконечное воспроизводство и минимизирует изменения. Такова природа самоорганизации. Груз традиционных установок, давление традиционной ментальности блокировало движение к осознанию реальности, поскольку такое осознание означало отказ от системообразующих установок и начало процессов перехода к иному качественному состоянию. Механизмы, блокирующие движение в направлении радикальных подвижек, ломаются на следующих этапах общего кризиса, когда крах становится очевиден невооруженным глазом, а мера рационализации сознания не позволяет игнорировать реальность, замещая ее эсхатологическими мифами и совершенно пустыми упованиями (вспомним Тютчева, Леонтьева предлагавшего «подморозить Россию», мифологию панславизма). На этом этапе российские

интеллектуалы оказались более сынами своей культуры, нежели свободными мыслителями, способными преодолеть давление врожденной традиции и прозреть истинное положение вещей.

Вина российских интеллектуалов состоит в том, что они не смогли преодолеть описанную выше инерцию сознания. Между тем, европейское образование давало им шанс формирования независимой позиции. Давало метод, знакомило с опытом преодоления исторической инерции, с примерами личностного самостояния. Они читали Чаадаева и Маркиза де Кюстина, знали о Сократе и Лютере, но бредили Робеспьером или Жозефом де Местром.

Другой аспект вины российской элиты в сословном эгоизме. Россия — крестьянская страна. С самого начала модернизация идет за счет крестьянства. Мера «разверстки» тягот модернизации, и ее преимуществ по разным социальным группам не равномерна и не справедлива. Аристократия, дворянство, растущая буржуазия перекладывали большую часть тягот на народные низы, а прибыли и преимущества оставляли себе. Особенно кричащим это положение становится со второй половины XIX века и выходит на уровень неразрешимого кризиса в начале XX века. К этому времени модернизация дошла до российской глубинки. Ресурсы отгораживания общины от большого общества были полностью исчерпаны. В ответ разворачивались процессы активизации российского крестьянства. В такой ситуации страну могли спасти только самые широкие и радикальные реформы.

Однако такие реформы ставили крест на стратегических установках и амбициях элиты и потому отвергались. Стратегия самодержавной модернизации была нереализуема по исходным установкам. Царизм ставил перед собой принципиально невыполнимую цель: модернизировать Россию и одновременно сохранить сословное общество. Когда сословная конструкция рухнула, она похоронила под собою старую Россию. В этом отношении Советы были гигантским шагом вперед. Они подтверждали и закрепляли завоевания нормальной буржуазной революции — упразднение сословного разделения и формальное равенство всех и каждого.⁵⁵

Мало того, царизм буквально до последнего дня, до подписания Николаем II отречения от престола, стремился сохранить самодержавье. В глазах высшей государственной элиты автократи-

⁵⁵ Равенство чисто формальное. Но и такое, формальное равенство в широкой исторической перспективе — шаг вперед по отношению к сословному обществу.

ческий принцип был ценностью религиозного порядка. Понятно, что на этом фоне говорить о вменяемой политике в крестьянском вопросе не приходится. Архаическое крестьянство сущностно связано с идеей самодержавья. Кулак прекрасно уживется и с конституционным монархом, и с президентом. А батраку вообще наплевать на формы политической власти, лишь бы жить не мешали. Царизм нуждался в законсервированном патриархальном крестьянине.

Необходимо сформулировать принципиально значимое положение общего порядка: Политика в крестьянском вопросе вытекала из базовой установки российской элиты, которая испытывала *органическое отвращение к капитализму* и к той политической и социальной реальности, которая формируется капитализмом. Российские аристократы, крупные чиновники, интеллектуалы этого круга бесконечно презирали мир, в котором правят все эти адвокаты, банкиры (они еще и евреи!), дети лавочников. Мир, в котором разбогатевшие плебеи, вчерашние «чумазы» забыли свое настоящее место и заняли место аристократов, бесконечно пошл, противоестественен, наконец, богооставлен.

При том, что культурная дистанция между ними была огромна, элита позавчерашней российской монархии и патриархальное крестьянство в смысле глубинных оснований, были ближе друг к другу, нежели к капиталистическим слоям общества. Носители государственной традиции понимали, если возобладают торгаши, буржуа и университетские профессора — с самодержавьем будет покончено. Поэтому правящий режим, как мог, подмораживал Россию, запирали крестьян в общинном гетто, препятствовал размыванию традиционного мира. Политический класс делал все, для того, чтобы в России не сложилось полноценное буржуазное общество, которое, в этом случае, обречено стать доминирующей силой в стране. Ему это удалось.

Дело не только в сословном эгоизме правящих и привилегированных слоев. Проблема глубже. Перед нами не только эгоизм, заданная логикой политического позиционирования солидарность, преследование корпоративных интересов. Мы имеем дело с *метафизическим протестом* против направления вектора всемирно-исторического процесса. С попыткой остановить часы и нащупать такой путь развития, который обеспечивал бы могущество с величием, но без буржуазного перерождения. Решить эту задачу россий-

ское самодержавье так и не смогло. В течение некоторого времени это удавалось тем, кто пришли после...

В процессах консервации российской деревни можно выделить три измерения: правовое, экономическое и культурное.

В правовом аспекте, сословное общество предполагало исходное неравенство людей. И после Великих реформ, российский крестьянин рождался в общине. Сословный статус и принадлежность общине не были предметом его выбора. Порядком вещей, он оказывался, фактически прикреплен к земле. В одной стране существовали две системы норм. Люди, принадлежавшие к одним условиям, могли быть полноценными собственниками, в том числе и земли, и полноценными субъектами экономической деятельности. Представители других сословий были формально, либо практически ограничены в правах и возможностях.⁵⁶ Рождаясь внутри общины, крестьянин был обречен жить в мире *доэкономической хозяйственной деятельности*. Вырваться из этого круга могли единицы. Масса была обречена своей судьбе не только культурно, но и объективно-правовыми обстоятельствами. Будь эти обстоятельства другими, процессы разложения патриархальной деревни шли бы энергичнее.

Власть не втягивала крестьянина в рынок (а значит — не приобщала его к большому обществу, государству и цивилизации), а загоняла в дотоварное хозяйство. Выкупные платежи висели на шее крестьянской семьи, блокируя процесс первоначального накопления. На путях прогрессивного развития стояли институциональные и культурные барьеры.

Проблема исторической адекватности

Одно из объяснений происходящего состоит в том, что зашедшая в тупик культура в принципе лишена возможности адекватной оценки реальности. Речь идет о неадекватности социокультурного организма как целого. Если в силу ценностных, гносеологических и других барьеров носители культуры не могут адекватно постигнуть реальность, то такое общество переживает историческую катастрофу. Мы говорим о культуре как целостности. Отдельные люди мо-

⁵⁶ Предприятиями могли владеть даже крепостные предприниматели. Но эти исключительные случаи не составляли общего правила.

гут понимать реальность, говорить и писать об этом. Но их позиция не становится сколько-нибудь значимым фактом реальности.

Этот класс ситуаций — утраты обществом исторической адекватности — заслуживает специального исследования. История XX века дает нам достаточно примеров подобного развития событий. Неадекватным бывают стадияльно отсталые, модернизирующиеся в кризисных точках модернизационного процесса, общества, зашедшие в тупик. Утрата адекватности и есть параметр, фиксирующий общество, зашедшее в тупик. Проблема в том, что это состояние фиксирует сторонний наблюдатель, либо историк постфактум. Общество КНДР очевидно в тупике. Однако, похоже на то, что большинство корейцев об этом не подозревают. Как показывает история XX века, выход из такого тупика часто реализуется через внешнее управление. На ранних этапах истории тупик адекватности завершался куда печальнее: завоеванием и исчезновением — смотри пример Византии.

Адекватность может быть утрачена отдельным обществом, а может локальной цивилизацией. И тогда как масштаб явления, так и рисунок развития ситуации совершенно иной.

Культура и образование

Обратимся к культурному измерению консервации традиционного российского общества. С 1800 по 1917 год Россия воевала несчетно. Русские войска воевали в Австрии, Пруссии, Франции, Венгрии, Персии, Корее, Польше, Средней Азии. Русский военный флот громил турок в бухте Наварина, жег турецкий флот в бухте Синопа, терпел поражение в Крыму и разгром в Цусиме. Русская армия воевала за свободу и независимость Греции и Болгарии, ногромила народы Польши, Венгрии и Северного Кавказа, боровшиеся за свою свободу.

В результате войн XIX века Российская империя получила Финляндию, Молдавию, Армению, Азербайджан, Северный Кавказ, Среднюю Азию. Закрепила за собой Грузию, очистила Черноморское побережье, приблизилась к границам Афганистана. Война за Северный Кавказ растянулась на полвека (1816—1865). Покорение Средней Азии заняло сорок лет (1839—1881). С первых десятилетий XIX века численность российской армии составляла более 900 тысяч человек.

Чего стоила эта политика, и в какой мере она была осмысленной? В частности, соответствовала ли она, каким бы то ни было, интересам народа- создателя империи?

Из всех имперских приобретений прошлого века за Россией остался Северный Кавказ. О том, что такое Северный Кавказ сегодня и каковы российские перспективы в этом регионе — судить читателю. Российская элита гордилась тем, что помимо воли русского царя «ни одна пушка в Европе не выстрелит». Годами держала свои военные контингенты во Франции. Соперничала с безусловным лидером капиталистического мира эпохи — Британией. Перед нами имперская политика, реализуемая в XIX веке элитой, демонстрирующей политическое мышление и кругозор правителей Османской империи.

В 80-е годы XIX века треть бюджета страны уходит на содержание армии и флота.⁵⁷ В 1905 году в России насчитывалось приблизительно 70 000 школ, вместо необходимых 250 000.⁵⁸ Зато к 1914 году российская армия насчитывает 1,3 млн. солдат, состоящих на службе в мирное время.⁵⁹

Если бы половину несметных ресурсов, которые были потрачены на реализацию описанной политики с 1800 по 1917 год, была потрачена на развитие собственно России, на прогрессивное продвижение имперской метрополии, Россия к 1917 году была бы другой страной. Мы имеем в виду создание инфраструктуры европейского уровня. Курс на упразднение сословного общества. Создание системы всеобщего начального образования и форсированное развитие средне-специального и высшего образования. Действенную политику поощрения предпринимательства. При этом не требовалось что-либо изобретать. Модели и образцы государственной политики, направленной на форсированное развитие общества, отработывались в европейских странах.

Всего этого не было сделано в силу мировоззренческих и ценностных оснований. Российская элита мыслила пространственными категориями и видела статус государства как величину, производную от площади контролируемой территории и числа покоренных поданных. Армия (и, шире, оборонный комплекс) выступала единственным фактором, побуждавшим российскую элиту к развитию

⁵⁷ Жорж Соколофф. Бедная держава. История России с 1815 года до наших дней. М. 2007. С. 143.

⁵⁸ Жорж Соколофф. Там же. С. 234.

⁵⁹ Жорж Соколофф. Там же. С. 220.

экономики. Что же касается того, что на современном языке называется «человеческим капиталом» то данная материя была для нее непостижима. Народу надлежало оставаться в спасительной темноте.

Дело не в том, что царская Россия была империей. Дело в том, что это была *азиатская империя*. Советская власть ставила перед собой ту же цель — достижения мирового господства и расходовала на достижение поставленной цели куда больше ресурсов. Однако у нее хватало ума осознать, что всеобщее образование — один из ключевых ресурсов борьбы за мировое господство. Образование, начальное, а потом и среднее, пусть идеологизированное и урезанное, стало всеобщим достоянием. Власть находила деньги на библиотеки в сотнях тысяч населенных пунктах и в каждой школе. Газета, радио, а затем и телевизор последовательно включали крестьянина в большой мир, переходили на уровень рефлексов, становились базовой культурной потребностью. Миллионы людей перемещались в государство и цивилизацию. Не будем обсуждать параметры этого государства. В любом случае то был качественный скачек.

Выскажем принципиальное суждение общего характера: Проблема жизни и смерти царской России упиралась в институт частной собственности. Как было показано выше, в стране существовало две культуры, два правовых и моральных пространства различавшихся отношением к собственности. Такая ситуация могла сохраняться до тех пор, пока модернизация не затронула гигантский материк российского крестьянства. Модернизационная активизация крестьянства делала невозможным сосуществование двух полярно расходящихся норм. Либо собственность победит общинный коллективизм, либо крестьянская норма победит частную собственность. Однако власть делала все для того, чтобы сохранить исходную ситуацию. *Элита старой России нуждалась в двух народах и двух культурах. Она не видела себя во внесловном обществе.* Консервируя средневековые порядки, она *блокировала* утверждение всеобщего, безусловного права частной собственности.

Частная собственность обладает гигантским преобразующим потенциалом. Достаточно одному — двум поколениям прожить в обществе, гарантирующем святость частной собственности и параметры культуры личности, общественных отношений претерпевают необратимые изменения. Этот институт меняет все — психологию, мировосприятие, жизненные ценности. Потому традиционные культуры, противостоящие формированию автономной личности,

и блокируют утверждение частной собственности, что безусловная частная собственность есть самый эффективный и самый надежный могильщик традиции.

Экзистенциальный опыт, переживание собственника — дома, земельного участка, мельницы, лавки — любой собственности как абсолютно твоей, защищенной от любых посягательств *онтологизирует человека, приобщает его к бытию*, утверждает на этой земле в качестве безусловной и очевидной реальности. Осознание того, что до тех пор, пока существует это государство (*твое* государство, ибо государство, которое гарантирует *твою* собственность, это именно *твое* государство), твоя собственность защищена от любых случайностей, приобщает человека к государству, большому обществу и цивилизации. В русской культуре существует завет, запрещающее произносить эти слова и фиксировать их на бумаге. Если не нарушить это завет, и не делать описанные нами проблемы предметом обсуждения — *завтра не будет ни русской культуры, ни России*.

Собственность не может быть гарантирована государством и только государством. Право частной собственности должно быть всеобщим. В нормальном случае *это* нравственная и правовая *конвенция, разделяемая всем обществом* (Вспомним великую английскую сентенцию «My house is my castle»). Если же такой конвенции не сложилось, собственность — фикция. В нормальной ситуации государство гарантирует и защищает собственность всеми доступными ему средствами, а собственник имеет нравственное и юридическое право *защищать свою законную собственность любыми доступными ему способами*. И рассматривает это право как безусловное. Государство гарантирует законные права и жизнь гражданина до тех пор, пока он не нарушает право частной собственности другого человека. Удалось бандиту ограбить чужой дом — его удача. Застал хозяин бандита, и пристрелил на месте преступления — преступнику не повезло. Что же касается хозяина собственности, то он реализовал свое законное право.

В реальности пореформенной России, утверждение всеобщего права частной собственности было возможно только через широкую земельную реформу. Такая реформа должна была дать каждой крестьянской семье достаточный земельный надел. Только в такой конфигурации можно было *обменять верность общинному идеалу миллионов на собственность*. Надо было купить крестьянина, сыграть на крестьянской тяге к прочному достатку.

Модернизация и проблема целей

Модернизации «вообще» не бывает. Осмысливая модернизационные процессы важно осознать, какие цели ставят перед собой реформаторы. Целеполагание задает как характер модернизации, так и ее конечные результаты. Канцлер Германии Адольф Гитлер за короткий срок реализовал мощный рывок экономики страны. С 1933 по 1944 годы наблюдался энергичный рост производства, развивалась инфраструктура. Ресурсная база немецкой экономики выросла необозримо. На развитие промышленного потенциала Германии работали сотни тысяч европейцев. Однако эта стратегия не увенчалась успехом.

Причины описанного лежат как в пространстве целей — мировое господство, так и в пространстве методов достижения поставленных целей, которые были чудовищны в моральном отношении и ретроградны в историческом аспекте. Гитлер хотел остановить мировую историю и пустить ее по другому руслу. Итог данного предприятия был закономерным. Сформировалась общемировая коалиция, противостоявшая фашистской Германии. Военно-политический крах, оккупация, раздел страны и многие другие бедствия стали закономерным воздаянием германскому народу за тот исторический выбор, который был реализован в 1933 году.

Пример Германии позволяет понять общую логику отечественных процессов. Какие цели ставили перед собой российские реформаторы? Выше был заявлен тезис: политическая мудрость российской элиты, ее философия противостоит логике всемирно-исторического процесса. Поэтому здесь и реализуется так называемая «консервативная модернизация». Смысл этой стратегии в том, чтобы освоить необходимые западные технологии, но категорически отсечь от них все то, что порождает эти технологии: нормы, ценности, социальную динамику, дух свободы и т. д. А дальше, опираясь на западные инструменты, противостоять этому самому Западу и по возможности подгрести его под себя. *Стратегическая цель модернизации: не пустить историю в Россию.*

Поэтому реформы в России проводятся по одному алгоритму: реформировать так, чтобы по возможности ничего не изменить. Надо сохранить все системообразующие параметры целого. Подкрасить фасады, изменить вывески, впустить в круг избранных самых энергичных и честолюбивых снизу, а после этого наглухо

зацементировать ситуацию. Глядишь, все образуется и пойдет по-старому.

Такая задача обуславливала собой параметры реформ. Власть делала все для того, чтобы *сохранить сословное общество*, спасти от размывания дворянство, оставить крестьян в гетто *передельной сельской общины* и не дать возвыситься всем этим миллионщикам, журналистам, адвокатам. Российская власть рассталась с крепостным правом, но делала все, что в ее силах, для того, чтобы капитализм в России не наступил. Здесь срабатывало то, что раньше называли «классовый интерес»: стремление к самосохранению сословного общества со стороны привилегированного сословия. Но было и нечто сверх этого. Буржуазное общество вызывало у российского вельможи метафизический протест. То было нечто бесконечно пошлое и абсолютно немыслимое у нас, на Святой Руси. Как историк культуры свидетельствую: исторически последующее всегда осознается идеологами исторически предшествующего, как вызов сакральным ценностям, торжище безнравственности и гибель Вселенной.

Правящее сословие России отторгало рыночную экономику, деньги, все то, что входит в сферу финансово-денежных отношений на безусловно-рефлекторном уровне. Эти люди создавали для себя мир, в котором нет места перечисленным материям. Придворный ювелир эпохи последних Романовых, Арон Симанович замечает: люди, принадлежавшие к элите «были в хозяйственно-бытовых вопросах (как покупка или продажа каких-либо ценностей или получение кредитов) совершенно беспомощны».⁶⁰ И далее, указывает на то, что «большинство лиц из царского окружения были очень ограничены, неопытны и беспомощны в самых обыденных жизненных вопросах».⁶¹ Из контекста видно, Симанович говорит о финансово-денежной стороне жизни.

Это наблюдение заслуживает развернутого комментария. Во-обще говоря, отказ от освоения новых компетенций атрибутивен для традиционного субъекта, противящегося включению в реальность Нового времени. Новые компетенции связаны с альтернативной картиной мира, требуют/порождают изменение системы мышления, трансформируют личностные ориентации, а по всему этому представляются дьявольскими, профанными, оскорбитель-

⁶⁰ Арон Симанович. Распутин и евреи. Русско-еврейский диалог. М. 2005. С. 77.

⁶¹ Арон Симанович. Там же С.80.

ными для сословного статуса. Так работают механизмы самосохранения культуры. Но мы говорим не о патриархальном крестьянине или жителе пригородной слободы, а об аристократии — о среде, в которой формировались доминирующие мировоззренческие конвенции, человеческие репутации, оценки. О кадровом резерве управленческой элиты огромной империи в начале XX века. Эти люди знали французский, азы истории и географии, владели правилами этикета, умели тратить деньги и бороться за благосклонность монарха. С их точки зрения перечисленного было достаточно для того, чтобы понимать окружающую их реальность и управлять миром. Все же, что связано с презренными деньгами ложилось на плечи людей второго сорта — управляющих имениями, адвокатов, банкиров, к услугам которых они прибегали. Русский аристократ был выше буржуазных забот и экономических компетенций. Сохранить такое положение вещей являлось приоритетной стратегической задачей.

Заметим, что при всех идеологических трансформациях, советская ментальность покоилась на точно тех же основаниях. Идеал коммунизма предполагал упразднение, как денег, так и экономики. Поскольку на этапе социализма презренные деньги сохраняются, экономическая наука, экономисты и бухгалтеры нужны. Но это — люди второго сорта. В сознании массового советского человека, бухгалтер — увядающая, вгоняющая в тоску женщина или печального вида мужчина в сатиновых нарукавниках, сидящий за арифмометром и занимающийся бесконечно скучным, малопонятным делом, недостойным настоящего мужчины. Для среднего советского человека знакомство с азами рыночной экономики завершалось куцым разделом вузовского курса политэкономии капитализма. Литературы, позволяющей разобраться с природой нормальной экономики, практически не издавалось. Советским правительством руководили профессиональные революционеры или инженеры-управленцы. Экономист Павлов пришел за восемь месяцев до краха СССР.

Но если бы на стороне исторической инерции стояла лишь правящая верхушка, у нее бы ничего не получилось. Истории противостоял союз верхов и низов. Верх — царизм, православная церковь, дворянство. Низы — традиционное патриархальное крестьянство и отчасти богобоязненный городской обыватель. Патриархальный крестьянин жизненно необходим азиатскому деспотизму. В

нем — его социологическое основание. Патриархальный крестьянин боится и ненавидит город, а с ним все то, что воплощает силы исторической динамики. Ему нужен «царь-батюшка» как гарантия того, что кулаки с купцами не разрушат неподвижный мир вековой традиции. А потому стоящее на позициях первобытного коммунизма крестьянство, отторгающее город, зрелые рыночные отношения, товарное производство, реальное государство и историю как силы, влекущую дорогой им мир архаики прочь от идеала Опонского царства, надо было законсервировать. Силы же, разрушающие эту стихию, следовало давить и гнобить.

Все силы, блокировавшие движение истории на отечественных просторах, *получили свое*. Они *были уничтожены* после 1917 года. Формы уничтожения и последовательность событий варьировались. Последней, в 70-е годы прошлого века, стигнула традиционная российская деревня. Полувековая длительность процесса переработки обусловлена гигантским объемом российского крестьянства. И потом, советская власть полвека питалась исторической энергией, извлекаемой из разрушаемого мира традиционного крестьянства. Когда этот мир кончился, пищевой цикл советского вурдалака сломался, и он буквально за десятилетие сошел с исторической арены.

Агентами исторического процесса в России были: буржуазные слои города, либеральная интеллигенция, кулачество на селе, промышленник-старообрядец, вырастающая из крестьянской среды торгово-предпринимательская стихия. Им противостояли: бюрократический аппарат, аристократия, дворянство, радикально мыслящая интеллигенция, необозримый океан традиционного крестьянства. Весовые пропорции этих сил были, очевидно, неравны. Доминировали силы исторической реакции. Совокупными усилиями верхов и низов формирование буржуазного общества в России было заблокировано. Именно поэтому, и только поэтому, в 1917 году победили большевики.

Для того чтобы гарантировать стране пристойное будущее, надо было: разрушить сословное общество, провести земельную реформу таким образом, чтобы на селе появился широкий слой частных собственников, располагающих наделом, достаточным для успешного ведения хозяйства, последовательно развивать инфраструктуру экономики. Жизненно необходимым было фронтальное наступление на безграмотность — всеобщее начальное образова-

ние, широкая программа экономического и агрономического просвещения. Такая политика гарантировала экономический и обще-социальный эффект, но это означало гибель «старого режима» и превращение страны в нормальное капиталистическое общество. Один из крупнейших славяноведов второй половины XIX века, славянофил и панславист В. И. Ламанский в речи, произнесенной 10 ноября 1894 года, заявил, что войны против революционной Франции конца XVIII — начала XIX веков и венгерская кампания 1848 года были ненужными вмешательствами в дела европейских государств. «В сто раз лучше было бы, если бы мы... хотя бы часть этих громадных денег положили в первых годах нашего столетия на освобождение крестьян, народное образование и на улучшение наших путей сообщения».⁶² К этому мало что, можно добавить.

С 1861-го по 1917 год в России реализовывалась последовательная политика консервации патриархального крестьянства как целостного социально-культурного феномена. Сама реформа была замыслена таким образом, чтобы крестьянин остался в зависимости от помещика. Помещики сохраняли собственность на все принадлежавшие им земли, однако обязаны были предоставить в пользование крестьянам придомовый участок и полевой надел. Земли полевого надела предоставлялись *не лично крестьянам, а в коллективное пользование сельским обществам*, которые могли распределять их между крестьянскими хозяйствами *по своему усмотрению*. Община отвечала по налогам «круговой порукой», а значит, руководила крестьянином. «Выкупная операция» с рассрочкой в 49 лет привязывала крестьянина к помещику, задерживала уход в город бедняков и тормозила развитие капитализма. Выкупные платежи висели на хозяйстве мертвым грузом и мешали подняться. Причем выкупать земли пришлось не только крепостным, но и удельным и государственным крестьянам.

Обобщая, в пореформенной России сложилось две правовые системы. Люди из «приличного общества» пребывали в правовом поле, гарантирующем частную собственность и нормальные рыночные отношения, а смерды так и не стали субъектами рыночных отношений и остались в общине, из которой они могли выйти через пятьдесят лет.

⁶² В.И. Ламанский: конфликт мировоззрения ученого.// Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. М.2009. С.163.

Заметим, описанная выше ситуация хорошо накладывается на современную эпоху. К концу 90-х годов в постсоветской России сложилось сословное общество, в котором занятия бизнесом позволено и, более того, гарантировано *лояльным властью* «грандам». Что же касается остальных подданных, то здесь формальное равенство перед законом маскирует практическую невозможность преодолеть сословные барьеры и «подняться». Тому, кто сомневается в этом стоит попробовать открыть и зарегистрировать свой бизнес, а затем проработать в нем хотя бы годик. Это предприятие пополнит жизненный опыт, а возможно, наведет на некоторые размышления.

Далее политика государства последовательно душила ростки капитализма на селе. Положение о найме на сельские работы 1886 года делало шаг назад к внеэкономическому принуждению работника. Закон о семейных разделах 1886 года блокировал естественные процессы распада патриархальной семьи, оказавшейся перед необходимостью ведения товарного хозяйства. Раздел мог произойти с согласия главы семьи и санкционировался решением 2/3 сельского схода. Взрослые семейные люди, имевшие детей, должны были дожидаться смерти «большака» для того, чтобы завести *свое хозяйство*. Власть прописывала крестьянину школу послушания отцу и сельскому сходу. Далее, власть последовательно поддерживала общину и противостояла процессам ее эрозии. Она запретила внутриобщинные земельные переделы в 1893 году. Закон от 14 декабря 1893 года запрещал выход из земельной общины без ее согласия даже при досрочном выкупе надела. Вменяемый министр финансов К. Х. Бунге, категорически возражавший против запрета на продажу и залог крестьянами своей земли, видевший огромную опасность для государства в такой политике, предупреждал, что этот запрет «разрушит у крестьян понятие о праве собственности, чем *создается угроза дворянскому землевладению*».⁶³ Сановные ма-разматики из Государственного совета думали иначе.

Особая тема — сознательное консервирование невежества. На докладе из Тобольской губернии о низкой грамотности населения Александр III наложил резолюцию: «И слава Богу!». Эта установка породила знаменитый «указ о кухаркиных детях» 1887 года запрещавший детям простолюдинов поступление в гимназии. Социаль-

⁶³ И.В.Чернышов. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. М. 1918. С. 233

ная динамика неотделима от образования. Блокируя эти каналы, власть загоняла простолюдина в гетто. Школьное обучение не было обязательным. Всеобщее начальное образование вводится только П. А. Столыпиным. Причем, по свидетельствам историков, данная программа *встретила сопротивление господствующих классов*. В то время как треть бюджета уходила на армию и флот, народное образование страдает от хронического недофинансирования. Церковно-приходская и земская школы охватывали сначала ничтожную, потом — очевидно недостаточную часть сельского населения. Согласно переписи 1897 года двое мужчин из пяти и одна женщина из пяти умеют читать.

Совершенно отдельный сюжет российской драмы — уничтожение системой крупных чиновников, предлагающих реформы, способные вывести страну из тупика. В 1881 году Бог дал России талантливого министра финансов Николая Христофоровича Бунге. Министр начинает с отмены подушной подати в 1892 г. и учреждения Крестьянского поземельного банка, выдававшего крестьянам долгосрочные кредиты для покупки земель. Он полагал, что при разумной политике община тихо отомрет. В условиях аграрного кризиса, министр финансов призывал правительство строить аграрную политику не на консервации общинного строя, а на частном крестьянском землевладении. Бунге планировал отмену круговой поруки, пересмотр паспортного устава, снижение выкупных платежей... Далее, Бунге развивал переселенческое движение, что было необходимо в связи со строительством Великой Сибирской магистрали и решало проблему малоземелья. Как отмечает Данилов, то была программа, создававшая условия для органического развертывания процессов модернизации крестьянского хозяйства.⁶⁴ Однако такая политика вела к вытеснению дворянства из экономической жизни.

Осенью 1885 года «консервативные» силы развернули кампанию в печати и правительственных кругах и добились отставки министра финансов. Реформы Бунге были отвергнуты, началась полоса контрреформ. Обеспечивается укрепление власти общины над своими членами; идет ужесточение круговой поруки и ограничение выхода крестьян из общины, усиливается фактическое прикрепление крестьян к земле. В 1889 году вводится институт земских

⁶⁴ В.П.Данилов. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001). <http://www.ladim.org/st006.php>

начальников. Крестьяне ставились под контроль представителей местного дворянства. Сохраняются телесные наказания.

В 1905 году главноуправляющий землеустройства и земледелия Николай Николаевич Кутлер разработал проект либеральной аграрной реформы, предполагавшей отчуждение части помещичьих земель и наделение ею крестьян. Предлагалось возмездное отчуждение земель сдаваемых в аренду (до 40 % помещичьей земли). Земля передавалась в земельный фонд, контролируемый государством. Далее эти земли выкупаются через Крестьянский банк *на правах частной собственности* безземельными крестьянами.

Здесь требуются пояснения. К концу XIX века в России в очередной раз критически растет численность сельского населения. Сказывались социально-культурные последствия отмены крепостного права. Развитие акушерства, прививки и другие меры снижали детскую смертность. Патриархальная деревня остро страдала от малоземелья. Традиционный крестьянин видел одно решение проблемы — «черный передел». Существо этой концепции рассматривалось нами выше.

Консервация общины и сохранение архаического уклада *препятствовали росту товарности крестьянского хозяйства*. Продуктивное зерновое хозяйство складывалось в крупных имениях с агрономами, современной техникой и наемной рабочей силой. Товарное производство создавал кулак, которого ненавидел крестьянин и костил российский интеллигент. Выход из малоземелья лежал на путях интенсификации производства. Попросту говоря, на место ориентированного на натуральное хозяйство традиционного крестьянина должен был прийти капиталистический фермер. Но это требовало другой инфраструктуры, капиталов, другого социально-политического климата и, наконец, остро недостающей земли. Как было сказано выше, либеральный проект аграрной реформы давал шанс *обменять верность общинным установкам крестьян на частную собственность*. Это была бы подлинная революция сознания огромной части российского общества. Перемещение людей из доисторического времени в пространство государства и цивилизации. Проект Кутлера предлагался в разгар Первой русской революции, когда обстановка располагала к реалистичности и требовала смотреть в будущее. Надо было всего-навсего пожертвовать частью во имя сохранения целого. Политический класс империи имел шанс пустить историю страны по

такому пути, на котором внуки царских сановников избегали судьбы стамбульской проститутки, а внуки — судьбы парижского таксиста. Придворная клика добилась отставки Кутлера.

Чем больше вникаешь в историю нашей страны, тем яснее становится: российской элитой двигал абсолютно безошибочный инстинкт. Не отвлекаясь на ненужные телодвижения и отбрасывая спасительные идеи, она неуклонно шла к собственной гибели.

Вряд ли стоит подробно описывать аграрную реформу Петра Аркадьевича Столыпина. Она включала: разрешение на выход из общины на хутора, укрепление Крестьянского банка, принудительное землеустройство и усиление переселенческой политики, направленной на ликвидацию крестьянского малоземелья. Реформа обеспечивала утверждение частной собственности на землю, стимулировала интенсификацию хозяйственной деятельности и увеличения товарности сельского хозяйства.

Реформа исходила из неделимости помещичьей земли, а потому не решала аграрный вопрос. Недостаток земли крестьяне вынуждены были восполнять арендой у помещиков и станичных обществ. В этом состоял главный изъян столыпинской реформы. Реформа встретила противодействие на селе. В 1911 году выход из общины резко сократился. Тем не менее, столыпинские преобразования давали некоторый шанс избежать катастрофы и эволюционно вывести страну из тупика, разрешив конфликт между императивом модернизации и сословным характером российского общества. Такая политика встретила жесточайшую волну противодействия. Дом премьер-министра взрывают эсеры-максималисты (август 1906-го). При дворе начинается возня с целью убрать премьера. Противостоявшая премьеру придворная среда убеждала царя: поскольку революция побеждена, никаких реформ не требуется. Таков был уровень государственного мышления правящей верхушки. В сентябре 1911 года премьер-министр убит террористом Дмитрием Богровым, агентом Киевского охранного отделения, при крайне сомнительных обстоятельствах.

Заключительный аккорд самоубийства сословной монархии в России задан развязыванием Первой мировой войны. Реформы шли исключительно сложно и болезненно. Патриархальная масса отказывалась идти на отруба. Нужны были двадцать лет мира, о которых мечтал Столыпин, для того чтобы большая часть крестьян вышла из общины, и буржуазная модель социальности утвердилась

в крестьянской среде. В 1914 году от проигранной войны с модернизирующимся азиатским государством, за которой последовала революция, Россию отделяло меньше десятилетия. Вступление, а практически *полноценное участие в развязывании войны* во имя малопостижимых интересов «братьев славян», о существовании которых либо не подозревали, либо имели самое смутное представление 90 % подданных, было чистым безумием. России противостояли три империи: Османская, Австро-Венгерская и Германская. Если Османы, что называется, дышали на ладан, то Австрия была не слабее России, а Германия заведомо превосходила Россию своим потенциалом. Война потребовала чудовищного напряжения сил, обернулась небывалого масштаба жертвами и лишениями. Общество не выдержало и государство рухнуло. С февраля 1917 года разворачивается «аграрная, или крестьянская, революция», длившаяся до 1922 года. Именно аграрная революция привела к власти большевиков и ознаменовала собой «октябрьскую катастрофу».

Утвердись в России нормальное буржуазное общество — радикально большевистская линия исторического развития была бы заблокирована. Повторим: в начале XX века можно было обменять крестьянский идеал общинного мироустройства на частную собственность. Но для этого требовалась широкая земельная реформа. Конфискация поместий, раздача удельных земель. На это элита «старого мира» сподобилась в 1920 году, при Врангеле, когда земли давно уже были разобраны, и было поздно. Практическая реализация реформы началась в сентябре 1920 года, за пару месяцев до эвакуации Белой армии из Крыма.

После снятия Хрущева ходил анекдот, в котором опальному вождю приписывалась инициатива присвоения звания Героя Советского Союза Николаю II «за создание революционной ситуации в России». Парадокс в том, что в содержательном отношении эта посылка — чистая правда. Александр III и Николай II сделали все, что было в их силах, для того, чтобы в России разразилась крестьянская революция и к власти пришли яковинцы.

Теперь поговорим о феномене революции. В последнее десятилетие понятие «революция» выпало из употребления. Сложилась негласная идеологическая конвенция, согласно которой революция есть нечто неприличное, чуждое русскому духу, наносное и

приблудное. Революции планируют и провоцируют по всему миру недруги России. Надо со всей решительностью заявить: все это — реакционно-охранительная мифология. Один категорически немодный сегодня социальный мыслитель назвал революции «локомотивом истории». Революции — неустранимый и в этом смысле нормальный элемент исторического процесса. Революции заданы диалектическим противоречием между моментом структурности, задающим неизменность и устойчивость социокультурных феноменов и императивом всеобщего изменения, лежащим в природе исторического процесса. Они протекают в самых разных формах и сопровождают собою всю историю человечества.

В ходе своего развития европейская цивилизация пережила три великие революционные эпохи: возникновения христианства, духовного освобождения от пут Средневековья (эта революция нашла свое воплощение в Возрождении и Реформации) и Великих буржуазных революций. Наше понимание истории состоит в том, что названные революции были вехами на путях к свободе. Февраль 1917-го и август 1991-го лежат в том же кластере. Другое дело, что сплошь и рядом добро побеждает в четвертом акте драмы, а вслед за шествием с пением «Марсельезы» на сцену выходят господа якобинцы. Ритм истории не совпадает с краткой человеческой жизнью.

Революции (не верхоушечные перевороты, а именно революции) заданы логикой всемирно-исторического процесса. В этом смысле они неизбежны и целительны. Даже самые печальные, инспирируемые архаикой и объективно устремленные на поворот истории вспять, как большевистская в России или хомейнистская в Иране, решают определенные исторические задачи, с которыми не мог справиться предшествующий режим, и после реализации этих задач выводят свои общества к дальнейшему поступательному развитию.

Важно понять природу революционного сознания. Революция — это праздник в самом строгом смысле этого слова. Время идеального бытия. Природа такого переживания любой революции коренится в эсхатологических смыслах, лежащих в основаниях великих мировых религий. Захваченное революционным потоком общество живет в непоколебимом убеждении — старый режим рухнул и вслед за этим в самом недалеком будущем настанет новая счастливая жизнь. Революция — фазовый переход, в ходе которого большая часть общества погружается в иллюзию. Но без этой иллюзии революции не побеждают.

В некотором смысле Октябрь 1917-го, безусловно, был катастрофой. Важно осознавать железную обусловленность данного события. Оно было задано качественными характеристиками российского общества, оказавшегося неспособным нащупать эволюционный путь развития в конкретной исторической ситуации рубежа XIX—XX веков. При этом сугубая ответственность падает на модернизированные слои общества, погруженные в высокую культуру, прошедшие школу рационального мышления, но не продемонстрировавшие способности дать ответ на вызовы истории. Российская элита явила себя не «единственным европейцем», а азиатским вельможей, критически не соответствующим реалиям эпохи.

Прелесть истории (и сила истории) в том, что ее нельзя обмануть. История XX века показала: патриархальное крестьянство должно было исчезнуть. Если один сценарий схождения с исторической арены этого пережиточного феномена был заблокирован совокупными усилиями правящей элиты и широчайших народных масс, то реализовался другой, страшный и кровавый. Мудрый — следует своей судьбе. Глупого и упирающегося судьба тащит насильно.

Смысл настоящего исследовательского сюжета не в том, чтобы обличать людей, живших более ста лет назад. Смысл в извлечении урока. Политический класс современной России, люди, прочно вошедшие в верхний дециль, ищут гарантий своего благополучия на абсолютно традиционных путях. Это: групповая и сословная солидарность; манипулирование массовым сознанием; формирование пирамиды коррупционной солидарности минимизирующей ответственность каждого коррупционера, поскольку «всех не перестреляешь»; поиски внешнего врага и т.д. Неотделимая от собственности власть существует над законом. Подданный *лишен незыблемых прав* и существует в качественно ином правовом и психологическом пространстве. Власть по возможности следит за выполнением пакта, который провластные идеологи выдают за неписанный общественный договор застоя («мы» обеспечиваем принятый в обществе минимум и даем вам сегодня чуть больше, чем давали вчера, а «вы» не лезете в наши дела), и полагает, что этого достаточно для обеспечения гарантий собственного благополучия. Мы сталкиваемся с тем же презрением к быдлу, с той же уверенностью, что «они» никогда не поднимут голову, с иррациональной, логически не объяснимой убежденностью в том, что принадлежность к правящему сословию выводит человека из сферы

действия норм и оценок, обязательных для нижестоящего уровня.

Это — опасные иллюзии. Общество, разделенное на различающиеся сословия и существующие вне права, не может быть стабильным вообще, а в эпоху напряженной исторической динамики в особенности. Однажды, на фоне кризисных процессов, которые могут сложиться в силу самых разных обстоятельств, честолюбивые демагоги и политиканы, возглавив процессы «санации» и обновления, бросят толпе на растерзание образцово-показательных неправедных богатеев и сдадут тот сегмент правящего сословия, к которому они не принадлежат. И это — самый шадящий сценарий. Можно представить себе куда более грозное развитие событий.

Собственность, социальный статус, свободу и, наконец, *жизнь российских «грандов»* может гарантировать только верховенство права, демонтаж традиционной власти-собственности, формирование бессословного общества в котором законные права и законная собственность последнего обывателя будет также незыблема, как и позиции нобилитета. В обществе существует огромной силы запрос на такую конфигурацию политико-правового пространства, в котором судьи и нотариусы, оформлявшие рейдерские захваты чужого имущества, отправляются на 10 лет строго режима, силовики не «крышуют» бизнес, не перераспределяют в свой карман чужую собственность, не подкидывают наркотики, и не обируют подданного, а власть, буде у нее возникнет такое желание, выкупает сносимую недвижимость за цену, соответствующую удвоенной рыночные стоимости, как земли, так и строений.

Все это — минимум преобразований, гарантируемых классической буржуазной революцией. Российская целостность не демонстрирует способности к реализации такой программы. Пространство альтернатив простое: либо названная программа будет выполнена, либо Россия как целое исчезнет.

Печальное размышление

Говоря об исторической несостоятельности правящей элиты старой России, в какой-то момент останавливаешься и замолкаешь. Дело не в том, что прошел целый век, и не в том, что те, кому выпало дожить до катастрофы, сполна испили чашу исторической ответственности. А потому обличать проигравших — занятие лег-

кое, но этически небезупречное. Дело в том, что политическая элита Империи была обусловлена стадийными и качественными характеристиками России. В этом смысле она была плоть от плоти русской культуры. А проблема состояла в том, что эта сущность попала в неадекватную ее природе реальность начала XX века.

Мы не отдаем себе отчета в том, в какой мере средний (массовый) человек является культурным автоматом. Насколько он задан культурой, усвоенной с молоком матери. Крах старой России был кризисом исторического снятия исчерпавшей себя культурной парадигмы. Что же касается российской элиты, то она была воплощением этой культуры, и не более того. Она действовала в строгом соответствии с заложенными в нее программами, и исчезла вместе с обреченной культурой. Правящая элита, как носитель идеологии, мифов и фобий, задана доминирующей культурой более жестко, нежели дистанцированные от власти интеллектуалы и интеллигенция. Ее аналитический потенциал жестко ограничен забором из мифов, априорных моделей и ценностей. Если бы российская элита повела себя каким-либо иным образом, она перестала бы быть самой собой.

Печальная истина состоит в том, что культура пребывает в человеческих сообществах. А это означает, что как эволюция, так и снятие больших культурных феноменов происходят через эволюции и распад человеческих сообществ. Эволюция культур/локальных цивилизаций объективируется в эволюции обществ — носителей этой культуры. А снятие культур, исчерпавших возможность эволюции, происходит через *гибель* обществ ее носителей. *Эти процессы сопровождаются исключительно жестким переформатированием целого, требующего физической гибели масс людей и исчезновения целых социо-культурных категорий.* В результате прежняя реальность необратимо утрачивается, и формируется новая конфигурация.

Российская элита должна была погибнуть. Она должна была делать все, что в ее силах, для ускорения гибели обреченной целостности. Этот сценарий развития событий имеет статус универсальной исторической закономерности.⁶⁵ Российская элита действовала в соответствии с программой самоуничтожения зашедшей в тупик нетрансформативной целостности и исчезла вместе с возглавляемым ею обществом.

⁶⁵ Подробнее см.: И.Г.Яковенко Ловушки исторического тупика./ И.Г.Яковенко Мир через призму культуры. М.2013.

Качественные характеристики российского общества, и жестокая диалектика модернизации

Процессы догоняющей модернизации разворачивают, по необходимости опираясь на традиционно-архаический субстрат. Но, как было сформулировано выше, *варвары и архаики должны исчезнуть к моменту завершения первого этапа модернизационных преобразований, то есть — индустриализации*. Как правило, часть этих людей погибает на стройках модернизации («А по бокам то все косточки русские/Сколько их Ванечка, знаешь ли ты?») ⁶⁶, часть попадает в мясорубку карательной политики государства. Часть вымирает, попав в резко изменившиеся условия. Остальные включаются в процессы широких преобразований и *в чреде поколений* преобразуются в людей цивилизации. Более подробно эти процессы будут рассмотрены ниже. Если же архаический субстрат сохранился и пережил индустриализацию, то дальнейшее продвижение по пути модернизации невозможно. Более того, существует опасность *качественной деградации социального целого*, сохранившего традиционно-архаическую компоненту. Переход от советской модели экономики к постсоветской реальности вылился в затяжные и исключительно болезненные процессы распада советской промышленности и деградации инфраструктур. По нашему убеждению этот рисунок переходных процессов задавался качественными характеристиками социокультурного целого.

Модернизация в России станет возможной тогда, когда число людей способных к мародерству снизится до ничтожно малых значений. Когда потенциальный мародер будет опасаться не человека в погонах, задерживающего его по долгу службы (тем более, что с ним всегда можно договориться), а того, что его поймает за руку и прибьет на месте сосед, сотрудник, любой очевидец. Произойдет же это лишь тогда, когда окончательно пресечется архаическое догосударственное сознание.

Но что случилось с племенами, жившими по берегам Средиземноморья и промышлявшими в соответствии с береговым правом? Они исчезли. Часть не оставила потомков, другие вошли в племена и народы исторической эпохи. Береговое право, так же как и пиратский промысел, работоторговля, стратегия варварского

⁶⁶ Н.А. Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо».

грабежа — феномен встречи доисторического человека с историей и цивилизацией. Эти варварские практики возникают при соприкосновении двух космосов. Они возможны до тех пор, пока на берегах, где проживают мародеры, *история еще не наступила*, а море *уже освоено цивилизацией*. Так мы возвращаемся к проблеме специфики российского государства и российской цивилизации. Историческая Россия представляет собой общество, в котором сосуществуют два мира, два стадияльно расходящихся пласта сознания и культуры. У каждого из них свой субъект и миры эти находятся в сложном, драматическом соотношении.

Нельзя сказать, что людям, приверженным практикам берегового права, нет места в будущем. На самом деле, им не должно было оставаться места в прошлом. То, что они живут рядом с нами — *свидетельство глубоко периферийного статуса России*, свидетельство специфики цивилизационной модели и качественного своеобразия российской модернизации, которая в принципе не может быть завершена.

Существует накатанный публицистический дискурс о неэффективности управления в России. То ли в неэффективности виноват существующий режим, то ли большевики, то ли перед нами сквозная характеристика России. Обычно нищету и неустроенность масс противопоставляют немереным ресурсам и видят в этом несоответствии вину власти. Все так, но другим это управление быть не может. Управление — функция качественных характеристик социокультурного целого. Оно задается стадияльными и качественными характеристиками сознания *всего* общества. Эти характеристики диктуют как субъект, так и объект управления. Субъект управления не «команда» правителя, не 50 или 500 человек, а пирамида, насчитывающая миллионы людей. Уровень мышления, навыки и традиции администрирования, нравственные убеждения, устойчивая картина мира (сакральный статус власти стоящей над законом, деление общества на пастырей и пасомых, великая империя, личный и кастовый интерес как магистральный фактор) задают стиль и меру оптимальности управления. Не менее значимы характеристики объекта управления. Они также катастрофически неадекватны. Назовем только низкую исполнительскую культуру, склонность к хаотизации универсума, проблемы с трудовой моралью.

Значимы и традиции, объединяющие пастырей и пасомых. Мы имеем в виду *отсутствие идеи общего интереса*. Высокий уро-

вень репрессии, встроенный в систему взаимодействия власть-подвластные. Всеобщая, всепроникающая коррупция как универсальный социальный клей и норма жизни, жизнь не по законам, а по «понятиям», патернализм, атомизация, пассивность. Вечные претензии народа к власти и власти к народу, их сущностное отчуждение. Это и многое другое не оставляют шанса на эффективное управление. Миф о прекрасном народе и фатально скверных правителях психологически комфортен, но несостоятелен.

Массовое мародерство, вандализм стоят в одном ряду с другими стихийными проявлениями традиционно-архаического сознания. Этот ряд представляется более или менее очевидным. Наше убеждение состоит в том, что тип сознания, эксплицирующий себя в погромах и мародерстве системен. Он включает патерналистское общество, сакральный статус власти, неразделимость власти-собственности, коррупцию, клиентельный механизм структурирования социальных отношений, неписываемость в рынок, тягу к редистрибутивным механизмам и так далее. Наконец, *особый тип социума, в котором выполнение социальных функций принудительно*. Обозначим контуры некоторых из этих характеристик, значимых в контексте нашего рассмотрения.

Феномен халявы

Характеризуя отечественную реальность, Борис Стругацкий назвал Россию страной халявщиков. По словам писателя, сформировалась масса народа, «которую характеризует мощная страсть к халяве».⁶⁷ Сказано жестко, но точно. Ориентация на халяву действительно доминирует и охватывает все общество. В данном случае моральные оценки бессмысленны. Это явление имеет прямое отношение к теме модернизации. Оно задано логикой исторической эволюции. Сверх всего, ориентация на халяву сохраняет устойчивый порядок вещей и отвечает кастовым интересам политического класса.

Откуда берется ориентация на халяву, как жизненную стратегию, в рамках общеисторической эволюции? Исходное состояние — архаический человек. Его характеризует генеральная ориентация

⁶⁷ Свобода. Передача «Время свободы», ведущий Андрей Шарый. 01.01.2010

на минимизацию трудовой деятельности и, соответственно этому, минимизацию потребления. В балансе времени мезолитического человека труд занимает не более 20–30%.⁶⁸ Остальное время отдано общению, ритуалам, наркотическим практикам, культурным играм (например, имитации трудовых палеолитических практик — собирательства, рыбалки — не ставящей целью осязаемый результат), созерцательному времяпровождению, праздникам. В такой реальности сфера потребностей развивается в невещественном направлении — в пространстве общения, разнообразной групповой психотерапии на фоне наркотизации и т.д. Хозяйство архаика нерыночное, натуральное. Его окружает бедная предметная среда. Абсолютный минимум вещей, как правило, сделанных своими руками, минимум продуктов питания, при практическом отсутствии оплачиваемых услуг.⁶⁹

Конечное состояние, достигаемое в высоко динамичных обществах, трудоголик-потребитель. Он много и напряженно трудится. Мотивы к социально ценной деятельности внутренние. Труд переживается как самоценность поглощающая всего человека, а работа — как естественное состояние. В свободное от работы время трудоголик тратит (или вкладывает) заработанные деньги, потребляя безгранично широкий ассортимент товаров и услуг самого разного качества и цены. Традиционные формы внеуродового поведения — общение, ритуалы, наркотические практики и др. — спрессованы во времени и пронизаны потреблением товаров и услуг. Потребляя трудоголик самоосуществляется с той же энергией самореализации, как и в трудовой деятельности.

Между этими полюсами возникает тяжелая палиация — ориентации на халяву. Собственно, она не одинока. Ориентация на халяву лежит в ряду хищнических и паразитарных стратегий. Еще в эпоху неолита, с возникновением любых запасов и хранилищ продуктов человеческого труда, возникает потенциальная возможность этого типа жизнеобеспечения. Теперь можно отнять насильственно, украсть, получить обманом, получить в качестве подаяния, подарка, раздачи. Халява предполагает получение благ даром, либо за усилия неадекватные стоимости этих благ.

⁶⁸ См. например: Владимир Кабо. Первобытная доземледельческая община. М.Наука. 1986.

⁶⁹ Так называемая древнейшая профессия — проституция появляется уже в городском обществе.

В общем случае люди любят получать подарки. Разнообразные сюрпризы расцветивают нашу жизнь. Однако, окказиональный подарок — вещь чрезвычайная. В самом современном человеке живут древние представления, согласно которым подарок без «отдарка» ведет к магическому овладению одариваемого дарителем. Людям свойственно дарить со своей стороны дарителю и соблюдать баланс подарков и отдарков. Халявщик ориентирован на безвозвратное, односторонние подарки, вспомоществования и подношения. Это может стать генеральной жизненной интенцией. Тогда и можно говорить об обществе халявщиков. Даритель — Власть, иерархия любой природы и любого уровня, сильные и богатые люди. Одаривание халявой — способ закабаления, овладения халявщиком. Дарят за выражение лояльности, покорности, по праву рождения и т.д.

Подобная стратегия иждивенчества появляется в классовом обществе. Уже на этапе его формирования поднимающаяся родовая верхушка кормит за свой счет самых бедных, устраивает праздники, повышая социальный статус и обменивая розданное на власть в общине. Патримониальная власть одаривает подданных. Рим родил лозунг «хлеба и зрелищ». Разбрасывание монет в день вступления во власть очередным императором — традиция. Благотворительность — атрибут сакральной власти. Эти традиции поддерживали целостность общества, но одновременно, формировали паразитические настроения и взращивали охлос.

Утверждение ориентации на «халяву» и появление значительного в объемном отношении слоя общества, взыскующего «халявы» — безусловное свидетельство кризисных процессов, предвестник деградации и схождения с исторической арены. Закат Римской империи был заложен традицией хлебных раздач. Вначале хлеб в Риме раздавался плебсу от имени государства. Традиция возводит бесплатные раздачи хлеба беднякам (*plebs urbana*) к Марку Порцию Катону Утическому (95—46 до н.э.). Однако, начиная с эпохи Юлия Цезаря, хлебные раздачи идут от имени императора. Правители осознали ресурс легитимации, задаваемый поддержкой городской черни. Раздачи получили характер милости, которую добрый правитель оказывал хорошим гражданам. Одним хлебом дело не ограничивается. Складывается практика празднеств и увеселений от щедрот правителя: гладиаторские бои, спектакли, состязания на ипподроме. Отсюда знаменитый лозунг «Хлеба и зрелищ».

Праздники за счет императора шли неделями. Праздная чернь становилась самой надежной опорой правителя. Историческая деградация Рима не сводится к описанному, но, безусловно, связана с реализацией этой тенденции. Слова апостола Павла «Кто не работает да не ест» (Фесс 3.12) — описывают естественную нравственную реакцию на загнивающее позднеримское общество, со стороны носителей нового религиозного сознания.

В эпоху Средневековья подаяние — общая практика, освященная церковью и норма жизни для состоятельного человека. Бедный видел себя в праве ожидать подаяния. Протестантизм изменяет отношение к нищенству. Взрослый, здоровый и трудоспособный человек должен работать и не имеет морального права на подаяние. Заметим, что новое отношение к милостыне характеризует общество, породившее историческую динамику.

В России во все времена хватало бродяг и нищих. Россия формировалась в зоне рискованного земледелия, крестьяне были привержены рутинным технологиям. Скопидомство, забота о создании запасов «на черный день» не свойственна российскому национальному характеру. «Уйти в кусочки» — судьба разорившегося человека. При всем этом, объем обозначенного сектора общества колебался от эпохи к эпохе (Смута, голодные годы), но не выходил за некоторые естественные пределы. В сообществе нищих наряду с теми, кого постигло несчастье, присутствует масса людей изначально ориентированных на паразитарные и хищнические стратегии: спившиеся, сошедшие с круга, профессиональные нищие, бродяги, калики перехожие, преступники, скрывающиеся под личиной убогого человека. Как соотносились между собой в объемном отношении эти множества, сказать трудно. Сочувствуя сирому и убогому, русская литература и демократическая публицистика центрируется на жертвах несчастий и социальных обстоятельств. Однако, люди практического взгляда на вещи, опираясь на твердые нравственные принципы и жизненный опыт, различают человека, которого вывело на паперть несчастье, и паразита. Есть основания полагать, что за вычетом эпох стихийных бедствий, разорившиеся трудяги и профессиональные паразиты делили множество мирских захребетников примерно пополам.

Генезис современного российского халявщика уходит в советскую эпоху. Искус получать побольше, а работать поменьше побе-

дил в 1917. И одержал окончательную победу в ходе Гражданской войны, поскольку отвечал чаяниям большинства. В общинной революции участвовали все. «Справный хозяин», человек мечтавший подняться грабил помещичью усадьбу вместе с пьянью и голью перекатной. Различались цели и движущие мотивы этих персонажей: пропить или преумножить.

Можно задаться фундаментальным вопросом: почему в начале XX века идея «взять и поделить» победила? А.Ахиезер указывал на то, что интенсивно разворачивавшийся распад традиционного мира активизировал традиционалистские ценности и способствовал архаизации сознания. Большевицкий лозунг «Грабь награбленное!» оформлял уравнительную интенцию традиционной крестьянской культуры. С этим трудно поспорить, но базовые детерминанты лежат на более глубоком уровне: Отношение к частной собственности фиксирует степень дробления синкретиза. Для того, чтобы принять частную собственность как нравственную максиму, человек должен пройти процессы распада архаической целостности и достигнуть такого уровня автономизации, который *требует* разделения материальной субстанции человеческого бытия на части, принадлежащие отдельным человеческим существам.⁷⁰

Ответ на поставленный нами вопрос состоит в том, что на пространствах Российской империи потенциал личностного сознания в объемном отношении безусловно и абсолютно проигрывал доличностному, массово-коллективному, в рамках которого нерасчленимому «мы» соответствовало нераздельное «наше», «общее». Дело в том, что русская культура *доличностная и антиличностная*.⁷¹

Дальнейшее развитие событий подтвердило старую как мир истину относительно эфемерности благополучия построенного на награбленном. Коллективизация добила последний массовый слой трудоголиков (справного хозяина, кулака). Классический сталинский период стоял на принудительном труде, который в принципе не может формировать трудоголика, а в массовом порядке формирует халывщика. Послесталинская трансформация лагеря в богадельню расширила пространство ориентации на халяву. Масса рабочих мест в городах не предполагала какой-либо работы вообще. Люди

⁷⁰ Ибо собственность представляет собой социальный базис личностной автономии.

⁷¹ Подробнее см: Яковенко И.Г. Россия и репрессия. Репрессивная компонента отечественной культуры. М. 2011.

шесть раз в неделю приходили на работу в 9 утра и уходили в 6 вечера, получая за это пособие по скрытой безработице. Таковы вывихи позднего, загнивающего социализма.⁷² Осознание того, что все мы занимаемся фиктивным делом, не могло не разлагать моральные устои общества. А уж крах социализма и эпоха «первоначального накопления» создали феерические предпосылки для халявы.

Разберем ситуацию — человек, выбитый из мира архаики, где халява («На радостях ставлю всем по кружке пива»), если и приветствуется, то носит случайный характер, попадает в общество потребления. Культура работает на пропаганду достижительных ценностей. Советское ограничение потребления попрано и за окном разворачивается ярмарка тщеславия. Иметь очень хочется, но работать (а значит, осваивать новое, самоизменяться, рисковать, падать, подниматься) этот человек не умеет, не способен и, наконец, не хочет. Остаются хищнически-паразитарные сценарии: идти в «братки», в «менты», ориентировать себя на поиск любой халявы.

Общество взыскует халявы. Формы могут быть любые. Важно чтобы это была именно халява. Вспомним бешеную популярность разнообразных пирамид и пузырей в 90-е годы. Постсоветский обыватель представлял себе рыночную экономику в строгом соответствии с советской идеологической карикатурой на капитализм. Работать не надо, деньги появятся из ничего. Время пирамид и «братков» прошло. Люди тянутся в чиновники, в госкорпорации, идут на аферы, ищут черные схемы. Главное, чтобы пришло много денег ни за что. Никаких моральных проблем в этой связи не возникает.

Борис Стругацкий прав. Страна грезит халявой. Люди не хотят трудиться, а хотят получать без труда. В магазинах появился коньяк «Трофейный», оформленный в стиле «милитари» и разлитый в плоские фляжки. Халява — это мечта о веселой, радостной жизни, достойной настоящих мужчин.

Качественная альтернатива халяве — энергичные трудового-лики. Их подавляет системное качество традиционной культуры. Они раздражают, ибо выделяются, вызывают зависть, указывают на нашу лень, неспособность действовать, пассивность. Мало того, трудовоголик меняет стандарты деятельности и требует профессионализма, компетентности и ответственности. Халявщик работает спустя рукава, он халтурщик по определению. Трудого-

⁷² Это не умозрения историка культуры. За этим тезисом стоит жизненный опыт автора.

лик требует принципиально иного стиля и качества работы. То есть — не дает нормально жить. Их давит бюрократия, ибо трудово-голики динамичны, мешают спокойно жить, амбициозны. Нарушают правила игры, отказываются платить дань, а в перспективе непременно возьмут власть и перелопатят все общество. Отказ от объектности, политической и духовной, тенденция к выходу из коррупционных моделей поведения разрушает устойчивый постсоветский универсум.

Советское воспитание и крестьянская психология задали картину мира, которая не различает предпринимателя и халявщика. Трудятся шофер и грузчик, а владелец магазина получает деньги из воздуха. В этом смысле разворачивание рыночной экономики многие восприняли как победу ориентации на халяву. В массовом случае халявщика путают с любым человеком, одержимым желанием делать деньги. В данном случае решают средства достижения заветной цели. Если в качестве способа разбогатеть молодой человек рассматривает брак с богатой пожилой вдовой — перед нами халявщик. Если способ разбогатеть — бизнес идея, инновация, новая технология, внедрение которых принесет состояние, поскольку увеличит общественное богатство, создаст товары или услуги привлекательные для потребителя по конкурентной цене; перед нами *позитивный достижитель*. Один из вариантов трудово-голика, о котором шла речь выше.

Проблема России в том, что халявщиков масса, а позитивных достижителей критически мало. Однако, еще страшнее другое. Общество устроено таким образом, что *перспективы успеха при движении по халявному сценарию выше перспектив позитивного достижения, которые последовательно минимизируются*.

Существование паразитически ориентированного слоя видимо неизбежно. Проблема в его объемных характеристиках и в социально-культурном статусе ориентации на халяву. Хлебные раздачи в Риме знаменовали собою формирование зрелого большого общества, форму компромисса богатых и бедных, складывание империи. Однако хлебные раздачи могут превратиться в стратегию жизни широких масс и тогда общество, ведомое лозунгом «хлеба и зрелищ», уверенно идет по пути к историческому небытию. Если живущий на пособие — лузер, статусно низкий персонаж. Если жизнь на пособие — путь неудачника и «приличный человек» сторонится иждивенца и обходит его стороной; объемные характеристики этого слоя не выходят за критические пределы. Любая другая

конфигурация ценностного пространства свидетельствует о кризисных процессах.

Историческая динамика в принципе не возможна без мобилизации энергии всего общества. Россия знает опыты принудительной мобилизации. Принудительная мобилизация характеризуется чудовищной растратой ресурсов, низким КПД, узким временным диапазоном и откатом в деградацию или застой по завершении эпохи «*Sturm und Drang*». Из этого не следует, что в нашей стране не было искренних трудоголиков. Были во все времена. В некоторых сферах формировались локальные зоны востребовавшие и поощрявшие трудоголизм. Но не было условий роста этого феномена вширь. Системное целое эффективно локализовывало данную тенденцию, тормозило энергию людей, не давало ей развернуться и преобразовать целое. Кулака и предпринимателя ждал скорбный финал, а персонаж романа Стругацких «Понедельник начинается в субботу» — энтузиаст «нашего», общего дела вымирал с размыванием исторической перспективы построения Светлого будущего.

Насильственная мобилизация исторической энергии масс сегодня невозможна. А создание социально-культурного механизма такой мобилизации будет означать смерть устойчивого качества. Раб-трудоголик — голубая мечта крепостников; однако, это химера. Трудоголик субъектен по своей природе. Если он и складывается внутри ситуации несвободы, подъяремности, то в силу природы идет по пути субъективации. Ему не безразличны судьбы результатов своего труда, он хочет адекватной награды. Наконец, он желает преобразовать окружающий мир таким образом, чтобы этот мир идеально соответствовал трудоголику. А это прямиком ведет к демократии, правовому обществу, свободе инициативы, подконтрольной обществу бюрократии, смерти олигархии, удушению коррупции и т.д.

Вообще говоря, трудоголик — смертельный враг халтящика. В широкой исторической перспективе между ними идет борьба на уничтожение. Нам представляется, что определиться в этом противостоянии — нравственный долг рефлексирующего человека.

Феномен халтуры

Начнем с того, что халтура — гигантская, практически необозримая тема. Это явление пронизывает всю российскую реальность

и имеет тысячи ликов, закреплено в культуре, психологии, фольклоре. Халтура относится к базовому словарю и не требует пояснений. О ней можно писать увесистые монографии. Мы лишь затронем эту неоглядную тему. Слово «халтура» имеет два поля значений: 1) Подработка, шабашка. Легкий побочный заработок, выполняемый помимо, или за счет основной работы. 2) Заведомо плохая, небрежная, низкокачественная работа и результат такой работы.

Всякий, кому пришлось жить в СССР, знает: пристойным было качество продукции оборонных предприятий, а также отраслей технологически связанных с «оборонкой» — авиапром, атоммаш и др. Она могла быть громоздкой, кондовой, старомодной. Но это было нечто надежное, работающее, добротное. Все же, что выпускалось на потребу гражданам (то, что составляло предметное тело культуры, тот мир, в котором рождался, жил и умирал советский человек), скорее всего, или наверняка, или точно было халтурой. Качество нестабильно. Иногда, если повезет, мог попасться нормальный экземпляр. Но это, если повезет. Следующий — обязательно с дефектами и недоделками. В любом случае не та раскраска, не та фурнитура, не та упаковка, не тот дизайн, самые разные изъяны.

Все то, что делалось для обычного частного человека, для рядового потребителя (не для ЦК, генералитета или Обкома КПСС) было либо второсортно, либо откровенно халтурно. Советские детские книжки могли быть оформлены прекрасными художниками. Однако, отечественная бумага, полиграфическое оборудование, отечественные краски делали эту книгу уступающей мировому уровню.

Иными словами, только военная приемка и зарплата на 30—50% процентов выше, а также лучшее оборудование, лучшее сырье, лучшие комплектующие и материалы обеспечивали терпимое качество продукции адресованной тотему государства и жреческому сословию. В народном хозяйстве в ситуации тотального дефицита, где потребитель бился за доступ к продукции и жил по принципу «лопай что дают», результаты труда не могли не быть тотальной халтурой. Общий принцип второсортности всего, что для народного потребления, главенствовал. Радиолампы или другие элементы, забракованные военной приемкой, шли в народное хозяйство. Оборудование, сырье, качество кадров, зарплата — все было второсортным. Халтура не могла ни быть всепроникающей.⁷³

⁷³ Еще в 60-е годы «наверху» обсуждался вопрос: можно ли делать крючки для женских бюстгалтеров из стали, которая относилась к стратегическим материалам.

В общем случае, базовый экономический механизм ориентировал работника на халтуру. Посредственное качество закладывалось с самого начала, вытекало из всех факторов производства. В частности, механизмы оплаты труда конструировались таким образом, что добросовестно работающий человек не выполнял нормативов. Чтобы заработать среднюю зарплату, надо было халтурно, «по быстрому» сделать большой объем работы. В середине 70-х годов автора поразил факт: Одно из советских предприятий изготавливало грузовой автомобиль в двух вариантах: на внутренний рынок, и на экспорт. При этом, слесарь собиравший радиаторы (а это — довольно громоздкая операция требующая пайки) работал по двум нормативам. В течение рабочего дня требовалось собрать 35 радиаторов для отечественных грузовиков и 4 (четыре) для экспорта. Как мы понимаем, отечественный радиатор, скорее всего, также был работоспособен и в момент приемки на ОТК не протекал. Но качество сборки, чистота исполнения, эстетические характеристики изделия, время наработки на отказ отличались разительно.

В СССР существовали отдельные зоны, в которых требовалось настоящее качество (УПДК, ХОЗУ Кремля и др.). В этих местах создавались соответствующие условия, там собирались мастера своего дела, формировалась нормальная атмосфера. На этих объектах работали совершенно иные принципы организации производства. Все остальное пространство было царством халтуры. Здесь добросовестный работник, мастер своего дела и, наконец, высококлассный специалист появлялись независимо от внешнего контекста, а часто и вопреки. Прекрасные врачи или педагоги были во все времена, их ценили. Как складывались отношения этих специалистов с начальством и коллегами — специальный вопрос.

Халтура это и определенный стиль работы: без напряжения, с разговорчиком и перекурами. Это и хамское, наплевательски-презрительное отношение к самой работе, к предмету труда, к будущему потребителю. Это и тип личности. Халтура пронизывала собой все срезы общества и обретала статус черты национального характера. Мы далеки от мысли, что во всем виноваты большевики. Наше убеждение состоит в том, что сами Советы и органичный для них стиль работы были порождением национального гения.

Вообще говоря, проблема качества возникает в большом обществе и порождается ситуацией рынка. Патриархальный крестьянин ориентировался на валовые показатели. Главное было

вырастить, собрать и не потерять урожай. Вопросы качества не возникало. Торговля сталкивает производителя товарной продукции с проблемой качества. Здесь возможны две стратегии. Одна описывается русской поговоркой «Не обманешь, не продашь»; другая предполагает ценность репутации, борьбу за клиента и деловую этику. Вторая из этих стратегий начинает доминировать и побеждает по мере формирования зрелого рынка, на котором продавец борется за покупателя. До тех пор, пока этого не произошло, можно обходиться сентенцией «не обманешь, не продашь». А зрелый рынок в России складывался в начале XX века. Применительно к массовому человеку это означало, что надо не только много и напряженно работать, но еще нельзя халтурить, так как халтуру не продашь. Понятно, что власть трудового народа, отменявшая проклятый рынок, стала для «нашего человека» спасением. Он мог и дальше оставаться самим собой. К сожалению, так работают механизмы самоорганизации социокультурного целого, минимизирующие изменения больших систем.

Насколько можно судить из сегодняшнего дня, в царской России тенденция добросовестного отношения к работе противостояла напиранию не нее тенденции халтуры. Наряду с базаром, где покупателю впахивали грошовую и низкокачественную продукцию, существовал серьезный сектор экономики, создававший продукцию мирового уровня. На заводах гибкая система штрафов за любые нарушения технологической дисциплины эффективно воспитывала вчерашнего крестьянина. Квалифицированный рабочий был в дефиците и получал очень хорошую зарплату. Все это создавало стимулы формирования высокой трудовой морали, профессионального роста, основания для самоуважения настоящего мастера. Инженерно-технические работники входили в сословие «господ» и были жизненно заинтересованы как в поддержании своего реноме, так и в успехе предприятия на котором они работают. Для этого надо было напряженно и добросовестно трудиться. Развитие рынка вело к тому, что зрелый сектор рыночной экономики наступал и навязывал свои стандарты гигантскому традиционно-патриархальному миру.

Надо осознать, что халтура – родовая характеристика плановой, редистрибутивной экономики. Рынок изживает и отторгает халтуру, а вместе с нею целый мир, ее порождающий – определенное отношение к труду, тип работника, систему взаимоотношений в произ-

водстве и распределении и т.д. Соответственно, рынок неотделим от ориентации на конкурентоспособное качество и порождает другую, культурную, психологическую и социальную среду. Общество либо принимает рынок и конкурентную экономику, либо отвергает их и ищет альтернативу. К примеру, Реформация была феноменом, адаптирующим позднесредневекового человека к зрелому рынку и конкурентной среде. Но возможен и другой выбор — стратегическая ориентация на минимизацию усилий и максимизацию благ. В нашей терминологии, это ориентация на халяву и халтуру.

Говоря об отношении к труду и качественных характеристиках отечественного работника нельзя не упомянуть старообрядчество. Нормальный работник формировался общим ходом событий, по мере складывания общества свободных людей, экономически интегрированных системой рыночных отношений. Однако, помимо универсальных социокультурных факторов и детерминатив, разворачиваются и процессы специфические религиозного осмысления труда. Здесь особую роль сыграло российское старообрядчество.

В старообрядческой среде с начала XVIII века утверждаются представления о «богоданности» честно нажитого богатства. «Торговля была признана делом полезным для укрепления Старой Веры, а организационно-хозяйственный труд уравнен с «благим» физическим трудом».⁷⁴ Поясним, «организационно-хозяйственный» это — труд капиталиста, которого скопом презирали все остальные сословия России. В старообрядческой среде формируется безукоризненная предпринимательская этика. «Старообрядческие учебники по Закону Божьему требовали уважать чужое добро как свое собственное... Религиозное оправдание занятий предпринимательством окончательно оформилось на рубеже XIX—XX вв. — в проповедях выдающихся старообрядческих начетчиков».⁷⁵

Иными словами, в силу специфики исторического процесса в России, старообрядческая среда стала лоном формирования того идейно-ценностного комплекса, который мы вслед за Вебером называем протестантской этикой. Эта система представлений включала безукоризненное отношение к труду. Старообрядческая среда задавала стандарты тщательной работы и преданности делу. Известный меценат, заботившийся о быте и условиях жизни своих

⁷⁴ Ю.Н.Боровиков Отношение к предпринимательству в старообрядческом обществе.//Вестник РГГУ №10/08. М. 2008. С.169.

⁷⁵ Там же С. 170—171.

рабочих, Т.С. Морозов, добиваясь высокого качества продукции, активно использовал систему штрафов. Предприниматель объяснял свои действия тем, что «хотел приучить ткачей к тщательной работе, штрафуя их за пороки в ткани».⁷⁶ Как видим, ориентация на халтуру не была единственной тенденцией развития российского общества. Но история пошла другим путем.

Размышляя об истоках исторического поражения тенденции, представленной Тимофеем Саввичем Морозовым, стоит заметить, что образ халтурщика плотно корреспондирует с наиболее архаизованными слоями общества. Это архаики и частично модернизированные выходцы из традиционно-архаической среды. Поголовно грамотные старообрядцы, искусные в полемике и сильные в начетничестве, погруженные в нескончаемые дискуссии были далеко не самым архаичным слоем российского общества. Старообрядца отличало осмысленное отношение к религии, знание и понимание догматов. То был человек, принадлежащий осевому времени. Не приняв Никона и Петра I, они просто-напросто прокладывали свой собственный путь в Новое время. Прокладывали его весьма успешно но потому, что у них были для этого ментальные предпосылки.⁷⁷

Халтурщик, не столько не хочет, сколько не способен (без серьезного насилия над самим собой) работать с постоянной мобилизацией сознания. Концентрация сознания на процессе трудовой деятельности — фундаментальная характеристика человека Нового времени. Архаик и традиционалист работают по-другому, инстинктивно, пребывая в сложно выразимом состоянии особого контакта с реальностью, которое специалисты называют «плавающим» сознанием. Что-то подобное для современного человека может наступить на фоне долгого, ритмически акцентированного танца или длительно исполняемого ритуала. Если прибавить к этому легкую наркотизацию, мы получим искомое состояние особого контакта с миром. Характеризуя данную феноменологию, специалисты говорят о спонтанных выпадениях в «измененное состояние сознания» и возвращениях в бодрствующее состояние.⁷⁸ Халтурщик

⁷⁶ Рябушинский В.П. Купечество московское.//Неделя. 1991. №47 С.8.

⁷⁷ Первые жаккардовые станы появились в старообрядческих мануфактурах. С.В. Морозов первым приступил к ввозу паровых машин. Староверы первыми использовали на текстильных фабриках электричество. (Ю.Н.Боровиков. Упом соч. С.173.)

⁷⁸ В.М.Хачатурян. «Вторая жизнь» архаики: архаизующие тенденции в цивилизационном процессе. М.2009. С. 52.

это паллиативный персонаж со стадийными характеристиками сознания соответствующими неолиту, которого история забросила в индустриальную эпоху. Данная коллизия имеет два решения: либо индустриальная эпоха навязет архаику свою нормативность, перелопатит архаическую среду и впишет детей и внуков архаика в современный мир, либо архаик навязет свою органику индустриальному обществу, переделав его под себя.

Культура «братков»

С халявой в широком смысле соотносится культура организованного преступного сообщества. Оргпреступность — один из вариантов потребительски-хищнической жизненной стратегии. Применительно к нашей теме, это явление примечательно в двух отношениях:

Прежде всего, заслуживает осмысления взрыв оргпреступности в конце 80-х — начале 90-х, в эпоху передела собственности. В эту сферу ринулись массы энергичных молодых людей. Братки охватили собой всю страну, «от Москвы до самых до окраин» и довольно долго (с конца 80-х годов до середины двухтысячных) были существенным фактором нашей жизни. По разным оценкам на пике взрыва оргпреступности число группировок колебалось от 8 до 11 тысяч, а общее число «бойцов» насчитывало до 80 тысяч человек. Эта статистика заслуживает осмысления. Десятки тысяч молодых парней уходивших в ОПГ не видели в таком профессиональном выборе нравственной проблемы.

«В середине 90-х годов, по данным одного исследования, проведенного ВНИИ МВД РФ в г. Москве, из опрошенных школьников 70% хотели стать элитными проститутками, а 40% мальчиков — киллерами и «авторитетами».⁷⁹ Попросту говоря, это означает, что государство в России *навязано* широким слоям населения. Стоит власти в России просесть, и архаический субстрат легко самоорганизуется в органичные для себя структуры варварского мира, промышляющие грабежом окраин цивилизации. Ровно те же процессы разворачивались по завершении Первой мировой. Разница лишь в масштабах. Более глубокий уровень распада го-

⁷⁹ Генерал-лейтенант А.И.Гуров «Организованная преступность в России». 2002 г. http://www.aferizm.ru/criminal/ops/op_gurov/op_gurov.htm

сударства задавал более длительный и мощный всплеск варварской стихии.

Во вторых, примечателен культурный статус блатного мира, место его в целостности национальной культуры. Мифология преступного сообщества, блатной шансон, бесконечные сериалы, книги, дядя Коля из соседнего подъезда, у которого три «ходки». Все это вместе складывается в прекрасный и волнующий миф. Время братков прошло; сегодня бизнес «крышуют» правоприменяющие органы. Карьера налогового полицейского или бюрократа перспективнее. Но образ идеального бытия, героического, настоящего, «нашего», того невыразимого, что волнует и колышет грудь, связан с традиционной по своему генезису преступностью.

О чем это говорит? Не каждому дано хладнокровно перерезать глотку врагу и идти под пули. Тут сказываются и личностно-психологические характеристики, и мера включенности в мир модерна. Однако, «наш» человек, массовый россиянин, избирающий легитимный жизненный сценарии, *хранит в своей душе образ варвара*. Лично он к этой жизни не приспособлен (обстоятельства не сложились, родственники, семья, дети), но в некотором идеальном, героическом бытии, он с ними.

Мы имеем дело с паллиативным персонажем. Человек, принадлежащий миру цивилизации, испытывает к преступному сообществу спокойное презрение и не находит в этой материи ничего загадочного, значительного и притягательного. Цивилизованному человеку эстетизация и героизация преступного мира, прежде всего, омерзительна, ибо безнравственна. И, кроме того, социально опасна, поскольку актуализует силы Хаоса. Сталкиваясь с такой позицией, интеллигентный носитель традиционно российского сознания говорит о самодовольном мещанстве, о филистерстве западного обывателя, которому не понять трагической глубины русской души. Нет тут ни глубины, ни загадки. Просто, если хорошенько потерять россиянина, слушающего группу «Лесоповал», обнаружится нормальный варвар.

Перед нами две паллиации. Браток настолько вписан в цивилизацию, чтобы управлять автомашиной, пользоваться Интернетом и понимать логику банковских операций. Но не настолько, чтобы видеть в постоянном и напряженном труде, что-либо, кроме участи неполноценного подъяремного, недостойной настоящего мужчины. Люди, восхищающиеся миром «братков», вписаны более

обстоятельно, но, тем не менее, частично. Ценностно и онтологически они еще «там», в мире военной демократии. По сердечной склонности все они — духовные братья прибрежных мародеров.

Низовая или варварская преступность

«Братки» — профессионалы преступного мира. Они связаны с более или менее существенными потоками денег и ресурсов. Однако, мир криминала неизмеримо шире оргпреступности. Мародерство, с которого мы начинали наше исследование, воровство на работе, подворовывание при любом удобном случае, разворовывание всего того, что «плохо лежит» и того, что можно поднять и унести — рутинная реальность нашей жизни.

На железнодорожных вокзалах нашего отечества развешаны впечатляющие по размеру красочные плакаты, убеждающие россиян в том, что *украденный рельс* ведет к гибели сотен человеческих жизней.⁸⁰ Авторский замысел обрел впечатляющий зрительный образ. Плакаты висят в таких местах, что их трудно не заметить. Вся эта наглядная агитация стоит денег, и если администрация РЖД создает и поддерживает ее, то имеет к этому свои резоны.⁸¹

Наше убеждение состоит в том, что такие явления, как кража рельсов, кража детей и торговля человеческими органами, работорговля и использование рабского труда являются необходимым и достаточным основанием для того, чтобы граждане РФ настоятельно потребовали от властей выхода России из моратория на смертную казнь. В противном случае, настанет день, когда мы увидим плакаты, убеждающие нас, что есть жаренных на вертеле младенцев не только грешно, но отрицательно сказывается на демографической ситуации в стране.

Любые ценностные суждения по поводу обозначенных явлений лишены смысла. Существует класс действий, которые выводят субъекта этих действий из государства и цивилизации. Эти эксцессы абсолютно нетерпимы, а люди, их совершившие (будь

⁸⁰ «Один украденный рельс ставит крест на сотнях жизней. Помните, кража и порча железнодорожного имущества приводит к гибели людей». Автор встречал такие плакаты в Нижнем Новгороде и Москве.

⁸¹ Например см. сообщения в СМИ: Воровство рельс привело к крушению: В Перми украли 150 метров железнодорожного полотна.. http://www.rifey.ru/projects/tsn/show_id_15043/10-06-2013-vorovstvo_rels_privelo_k_krusheniyu/

это исследовано, доказано в судебном заседании в соответствии со строгой судебной процедурой), подлежат уничтожению. Другого способа сохранения государства не существует.

Разумеется, возврат смертной казни требует учета реалий российской правоприменительной системы. Необходимо особое судопроизводство, гарантирующее обвиняемых от ложного обвинения (суд присяжных, пресса, публикация обвинительных заключений и т.д.). Но доказанное событие преступления по узкому кругу статей должно завершаться приводимым в исполнение приговором, о чем сообщается в СМИ.

Мы отдаем себе отчет в том, что высказанное суждение уязвимо для патетической и многословной критики, но полагаем своим долгом заявить собственную позицию. Тот, кто ворует рельсы и сдает их в металлолом или использует для каких-либо иных целей, безусловно — человек. Потому он и подлежит суду. Но этот человек находится за рамками цивилизации.

«Азиатчина» или к вопросу о коррупции

Коррупция как явление сложна и многообразна. Истоки коррупции кроются в природе культуры и сознания, соответствующих раннему государству. Любой носитель властной иерархии осознается и переживается таким сознанием как наместник верховного правителя. Это — локальная копия языческого божка, всевластного и всесильного в пределах подведомственности. Природа такой сущности хорошо описывается дореволюционной присказкой «Он тебе царь, и Бог, и воинский начальник».

Обычно коррупцию связывают с чиновничеством и некими «верхами», видя в этом явлении зло, внешнее относительно простого человека. Это иллюзия. Исторически корни российской коррупции теряются в глуби веков. Похоже, на то, что возраст коррупции не менее возраста российской государственности. Причем она не исчерпывается сферой «начальников» и самых разнообразных чиновников, но универсальна и повсеместна; входит в картину мира также, как солнце и вода. Когда лисица из народной сказки говорит волку с медведем: «Поклонитесь воеводе быком да бараном» все понимают, о чем речь.

«В этом отношении характерна реакция крестьян на коррупцию в среде сельской администрации. В крестьянском представлении отсутствовала негативная оценка необходимости дать взятку, напротив такая поговорка: «Сухая ложка рот дерет», привычка «подмаслить» отношения с любым представителем местной власти отражала норму поведенческой практики».⁸² В том же ряду стоит поговорка «не подмажешь — ни поедешь». Но дело даже не в устном народном творчестве. Практика подношений пронизывает нашу жизнь с ранней юности и до гробовой доски. Она тотальна и повсеместна.

По видимости этому тезису противостоит всеобщее осуждение коррупции. Однако, это не так. Ритуальная практика осуждения — существенный элемент традиционной культуры, которая требует от своих носителей демонстративной приверженности сакральному «Должному». При этом реальное поведение носителей традиции не имеет ничего общего с данными декларациями.

В дискурсе осуждения коррупции следует различать две модальности. Есть рутинное осуждение мздоимства и лихоимства, трактуемых как внешняя по отношению к субъекту высказывания, враждебная сила. Во взятках и поборах виноваты самые разнообразные «они» — крапивное семя, чиновники, инородцы, самые разнообразные начальники, от которых зависит жизнь простого человека. Это — род ритуальных lamentаций о несовершенстве мира. Здесь традиционный субъект фиксирует своих позиционных противников — агентов государства и раскрывает магистральную цель их существования: пить кровь простого человека и нести поруху нашему миру. Причем, ситуация, в которой субъект высказывания сам, по собственному почину «дал на лапу» и дело его выгорело, в описываемом жанре не фигурирует никогда. Это и не взятка вовсе, и вообще не считается. Взятка это когда тебя поймали пьяного за рулем и слупили пять тысяч.

Вторая модальность осуждения коррупции связана с протестом против «беспредела», то есть — глубокого разложения государственных органов и формирования ситуации критического уровня неопределенности. Когда за большие деньги можно абсолютно все, а тот, кто не располагает большими деньгами или властным ресурсом, лишен любых правовых и иных гарантий. Если сосед «по пьяни» учинил скандал в кафе, полиция составила акт, но, через

⁸² О.А.Сухова. Десять мифов крестьянского сознания. М. РОССПЭН. 2008. С231.

родственника, работающего в МЧС, дело удалось замять: это житейская ситуация. А если сын местного босса насмерть сбил беременную женщину и скрылся с места преступления; есть свидетели, все знают, но ничего сделать нельзя — это беспредел.

Наивно полагать, что практика крышевания бизнеса, обирания водителей на дорогах и откатов за выполнение государственных подрядов задана «плохими» госслужащими. В основе этих социальных отношений лежит *общественный договор* между чиновником и гражданином РФ, будь он предприниматель или другое частное лицо. Гражданин РФ *сам* идет под крышу, *сам* платит откаты чиновникам и поборы дорожной полиции.

Отношения власти-подчинения всегда несут в себе баланс благ/преимуществ и обременений. В этом — суть общественно-го договора по поводу учреждения государства и характера властных отношений. Договора, фиксирующего условия, на которых подвластный соглашается на власть, а власть формулирует свои обязанности, вытекающие из властного статуса. За «крышевание» приходится платить, но зато предприниматель огражден от честной конкуренции за потребителя в пределах территории подведомственности крышующего начальника. Кроме того, в любой экстраординарной ситуации бизнесмен может обратиться за помощью, которая реализуется во внеправовом пространстве. Объемы откатов впечатляют, но откат оказывается условием получения государственного подряда вне конкурса и гарантирует формальный контроль качества выполнения подряда. В таких условиях, делая откровенную халтуру, можно не только покрыть откат, но и хорошо заработать. Дорожную полицию никто не любит, но практика поборов означает, что за любое нарушение (к примеру, вождение автомобилем в нетрезвом виде) можно откупиться.

При всей всеохватности описываемых практик, в нашей стране существуют зоны, в которых утверждаются альтернативные принципы поведения. Участники движения «синие ведерки» не дают на лапу, а платят штрафы и борются с произволом чиновников и хамством на дорогах. В правовом пространстве разворачивается деятельность общественных организаций в защиту прав потребителей. Правозащитное движение в целом находит нравственно допустимые и лежащие в рамках закона, формы защиты прав граждан. Каждый россиянин совершает выбор — быть ему гражданином европейского правового государства или подданным азиатской деспотии.

Возвращаясь к доминирующим в нашем обществе представлениям, приведем наблюдение: Однажды автору довелось услышать высказывание простой женщины относительно родственника, прошедшего курс лечения от алкоголизма: «Нам такого не надо; он стакан в руки не берет. Пусть пьет как все люди, но в меру». В массе своей российское отношение к коррупции соответствует данному высказыванию. Так мы переходим к следующему сюжету.

Кое-что о русском моральном сознании

Обращаясь к названной теме, следует описать специфический блок традиционного российского сознания, который позволяет понимать (интерпретировать) и нормативизует поведение человека, *профессионально распоряжающегося некоторым ресурсом*. Это может быть как госслужащий/чиновник, офицер, иерарх церкви, так и руководитель частного бизнеса/управляющий имением, главный инженер частного предприятия, руководитель акционерного общества.

Отечественное моральное сознание исходит из того, что человек причастный к распоряжению какими бы то ни было значимыми ресурсами с необходимостью «ворует». Не важно, ворует в буквальном смысле или извлекает блага и преимущества из своего статуса, используя более сложные и менее криминальные стратегии; в любом случае он наживается на статусе руководителя/хранителя/распределителя некоторых ресурсов с пользой для себя. Все эти стратегии покрываются общим приговором «ворует».

При этом параллельно он, как правило, получает неплохую зарплату, и те или иные блага как соответствующие статусу и в награду за свой труд. Однако ни привилегии, ни жалование не мешает любому «начальнику» воровать. Русский человек не может представить себе мир, в котором торжествует законность, и люди живут в соответствии с нормативной моделью. Он убежден в том, что это противоречит человеческой природе и природе вещей. Великая русская пословица — «У колодца напиться, да не облиться», именно об этом. Не может человек, имеющий доступ к значимому ресурсу, пронести руку мимо своего кармана. Воровство естественно, объяснимо греховной природой человека и допустимо. Этот тезис составляет первую часть описываемого нами этического комплекса.

Второй тезис состоит в *моральном ограничении масштаба такого воровства*. Брать/воровать *следует в меру*. На этой мере стоит наша отечественная культура. Вот как описывает данный феномен Николай Вардуль «Это и признание не формализованного в законе, но большинством разделяемого понятия о мере: воруй, но меру знай! Это не жизнь по воровским понятиям, все гораздо глубже».⁸³ Иными словами, признавая начальственные хищения как неустрашимый момент бытия, русская культура требует *соблюдения меры в практике незаконного обогащения*.

Перед нами в высшей степени устойчивый и важный момент национального сознания. Это то, что объединяет патриархального крестьянина и аристократа, купца и интеллигента. Вся русская литература XIX века полна отсылками к описанному представлению. Обращенная к квартальному реплика городничего «Не по чину берешь» (Н.В.Гоголь «Ревизор», 1836) — об этом. Мера поборов и приношений задается чином и устанавливается обычной практикой. Нарушение этой меры осуждается.

Помещик — герой русской литературы второй половины XIX века — обсуждая поведение вконец заворовавшегося управляющего имением со своими друзьями, говорит: «Я понимаю, есть у тебя известный процент, но ты используй его с деликатностью». Литература советской эпохи носила воспитательный характер и предполагала, что общество живет в соответствии с нормативной моделью. В ней допускалось изображение «отдельных» пережитков прошлого и нарушений социалистической законности. Поэтому описанный нами комплекс не фиксировался. Тем не менее, данная система представлений прошла через всю советскую эпоху, во многом определяла собою реальность и перешла в постсоветскую эру.

Любые начальники воровали, воруют и будут воровать. Воровство начальников воспринимается как антропологическая универсалия. На этом стоит социальная философия русского человека.⁸⁴ Если конкретный руководитель совсем не ворует, работающие рядом обращают на это внимание и фиксируют как особый случай, как нарушение социальной нормы.

Понятие «беспредел», как характеристика скандального на-

⁸³ Николай Вардуль. Сын пулеметчика. Памяти Александра Лифшица. /Новая газета. №47(2042) 29.04.2013.

⁸⁴ Отсюда звучащие в среде простонародья протесты против повышения зарплаты «начальникам»: Сколько ни плати, все равно будут воровать.

рушения устойчивых моральных норм, часто звучащая в постсоветскую эпоху, порождается описанным нами комплексом представлений. Если «откат» на строительство коммунального объекта укладывается в 20% от объявленной суммы, это — нормальная практика. Здесь любые осуждения неуместны и звучат как фальшивый ригоризм. А когда «откат» составляет 70% — это уже беспредел.

В стадийном отношении описанный блок представлений восходит к распределительной системе хозяйственных отношений, характерной для групп палеолитических охотников и собирателей. Старейшина в родовой общине и «большак» с «большухой» в традиционной крестьянской семье (существовавшей до конца XIX века) распределяли все значимые ресурсы большой семьи и использовали преимущества, вытекающие из традиционного, заданного сакральным старшинством, статуса распределителя.

Подробнее об этих преимуществах можно почитать в работах антропологов изучающих крестьянский быт. Вспомним, например, такое явление, как «снохачество», то есть — сожительство «большака» с женою своего сына. Это была достаточно распространенная практика. О снохачестве писали Лесков и Энгельгарт, снохачество осуждали церковные соборы. Когда ты монопольно распоряжаешься семейным бюджетом, это выгодно отличает тебя от безденежного мужа и помогает завоевывать сердца молодых, но бедных женщин.

Другой источник — раннее, пронизанное варварством и архаикой, государство в котором чиновник не получал зарплаты, а кормился «с места». Формально кормления исчезают в Московии в XVI веке. Однако практика кормления доживает до конца XIX века в представлениях о социальной норме крестьянской и мещанской среды. Рутинная борьба со взятками и подношениями бесперспективна, ибо подношения есть норма культуры, объединяющая взяточников и взяткодателей.⁸⁵

В широком смысле высокий уровень коррупции и то, что мы называем беспределом чиновников/местных властителей — атрибуты «азиатчины». Лет сто назад бытовало такое емкое понятие, описывающее базовые характеристики традиционных обществ Азии, Африки, Латинской Америки. Качественное своеобразие ев-

⁸⁵ Возможна лишь жесткая борьба на уничтожение, прибегающая к провокациям и показательным судебным процессам.

роатлантической цивилизации и ее фундаментальные конкурентные преимущества базировались и базируются на универсальном статусе закона и разрушении оснований «азиатчины».

В России эти основания бережно сохраняются и воспроизводятся. Само российское государство, система права и административная практика устроены таким образом, чтобы каждый чиновник мог брать. И так что, на определенном уровне, нельзя не нарушить законы и не участвовать в коррупционных схемах. Жить по законам и инструкциям невозможно. Законы нарушают практически все активно деятельные люди. Нам сложнее судить о системе хозяйственных отношений до 1917 года, но в СССР активный хозяйственник постоянно нарушал законы и нормативные акты. Причем нравственных проблем в этом никто не видел. Все так живут. Нарушения самых разнообразных писанных норм может не нести в себе признаков коррупции и быть вынужденным. Но здесь, в пространстве нелегального, нет этических и качественных границ. Вынужденные нарушения финансовой дисциплины перетекают в приписки. Необходимые подношения, взаимные услуги, коробки конфет и бутылки коньяка сами собой сопрягаются с соучастием в откровенных хищениях, черных схемах, распилах и т.д. Рано или поздно сила вещей побеждает. А рядом с тем, кто пользуется служебным положением умеренно и ворует в некоторых рамках, располагаются откровенные бандиты, преступившие любые человеческие и божеские законы. Такова российская реальность. Массовое осуждение ни о чем в данном случае не говорит. Бизнесмен возмущается тем, сколько берут, и сколько нахлебников.

Самый простой и психологически комфортный ход мысли — обвинить в сложившемся положении вещей своекорыстных политиков и чиновников. Но это не так. Самый большой бонус от сохранения традиции коррупции, разумеется, получают люди государства. Но все остальные, большие и малые россияне — рабочие и крестьяне, служащие, предприниматели, люди свободных профессий — родились в обществе, где постоянно, тысячекратно нарушаются законы, даются взятки и подношения, «дела» устраиваются в системе личных связей, в обход нормативных актов. Они прожили в этом всю жизнь и категорически не могут представить себе другого мира. *Вопреки любым декларациям, в России существует устойчивый консенсус по поводу «азиатчины», как системообразующей характеристики нашей жизни.*

В отличии от мародерства или братков интересующее нас явление пронизывает собой все общество, также как страсть к халяге. Говорить о каком-то сегменте общества здесь не приходится; это характеристика целого. Исключения носят индивидуальный характер. Коррупция не отторгается обществом, ибо *не вызывает нравственного протеста*. Школьник не говорит соседу по парте: «Я не буду с тобой дружить. Твой отец-гаишник — взяточник».

Лет семь-восемь назад в Москве сложилась новая культурная практика: На асфальте, на пешеходных дорогах, молодые люди аршинными буквами пишут признание в любви Наташам, Ларисам и Маринам. Тексты эти располагаются таким образом, чтобы дама сердца могла видеть их из своего окна. Это впечатляет. Но кто ответит на вопрос: почему я не встречаю текстов: «Сидоров из пятидесят седьмой квартиры — взяточник»?

Нравственный протест *начинается с себя*. С того, что субъект рефлексии формулирует некоторые нравственные нормы, а далее осмысливает своей собственное поведение и *требует от себя безусловного следования* этим нормам. И только после реализации такого требования, он обретает моральное право обличать кого-либо и требовать от других соблюдения провозглашенных максим. В этом и только в этом случае в обществе *формируется атмосфера*, в которой следование отторгаемой практики обрекает человека на всеобщее презрение и замыкает в среде себе подобных.

По существу надо вести разговор о нравственном распаде общества. С умиранием традиционных регулятивов, с уходом из жизни патриархального Страх Божия, с окончательным размыванием традиционного Должного мы попали в мир, где все позволено. Эти практики объединяют чиновников и бизнесменов, власть и подвластных, простой народ и интеллигенцию. Формирующееся на наших глазах гражданское общество выявило два интересных для нас сюжета: капиталы и недвижимость за рубежом у чиновников и депутатов и липовые диссертации чиновников и политиков.⁸⁶ С вывозом капитала все вроде бы понятно. Объем диссертационного бизнеса также впечатляет. Липовые диссертации интересны тем, что их пишут за деньги вполне приличные люди. Мало того, «негры» (анонимные авторы) не скрывают своего участия в таких

⁸⁶ См. например: И.Курило. Фальшивые диссертации и имитационная наука. Знак вопроса 2013/1 С.36–40.

делах. Написание научного труда под чужим именем не воспринимается как деяние морально предосудительное.

В первой половине 90-х годов в российскую жизнь пришла заказная журналистика и черный пиар. Возникли «телевизионные киллеры». По началу, это поражало, поскольку совсем недавно в эпоху Перестройки журналисты воспринимались как мужественные глашатаи правды, как разрушители затхлой атмосферы позднего совка. Но очень скоро мы привыкли. Продажность стала одним из вариантов профессиональной нормы.

Я уже не говорю о врачах, участвующих в криминальной пересадке органов. Но это — откровенный криминал. Рядом с ним разворачивается широкое пространство поведения, неприемлемого с точки зрения профессиональной этики врача, криминальный характер которого сложно доказуем: В частных клиниках складывается практика «разводки» клиента. Его провоцируют на выбор дорогих курсов лечения, которые лишены какого-либо смысла, кроме повышения материального благосостояния лечащих врачей.

Можно вспомнить об эпидемии «наперсточников» на улицах наших городов в начале 90-х годов. О разнообразных пирамидах, всплеск которых пришелся на те же 90-е. Надо упомянуть десятки тысяч семей обманутых дольщиков, отдавших последние деньги и оставшихся без жилья.

Эти примеры лежат на поверхности и первыми приходят в голову. Пора переходить к выводам: Вместе с советской реальностью из жизни ушли более или менее устоявшиеся механизмы правового и морального регулирования общественных отношений. На этом месте складывается новая институциональная структура и соответствующее ей моральное сознание общества. Причем, утвердившаяся система права и система правоприменения критически неадекватны реальности. И, далее, *моральное сознание не соответствует социальным, политическим и экономическим параметрам современного общества*. Оно не способно регулировать социальные отношения. *В России критически нарастает уровень энтропии.*

Возможно в самое последнее время в среде «рассерженных горожан» можно наблюдать тенденцию к пересмотру консенсуса по поводу азиатчины, как органической основы нашей жизни. Если это действительно так, мы присутствуем при начале качественного перехода цивилизационного порядка, связанного с формированием гражданской модальности нравственного сознания.

Богатство праведное и неправедное

В русской культуре отсутствует огромной важности различение праведно и неправедно обретенного богатства. Убеждение в том, что «La propriété, c'est le vol» («собственность есть кража» Прудон) и большие деньги всегда уворованы, в том смысле, что само их наличие есть нарушение непреложных нравственных устоев, блокирует возможность формирования нравственных оснований постсредневекового, внесловного общества.

Для сословного общества статусное неравенство, из которого следует разительное отличие образа жизни, культуры и стандартов потребления, атрибутивно. Роскошь обязательна для высших сословий, но она не вытекает из буржуазно понимаемой собственности, а является следствием богоустановленного порядка вещей и задана *мерой прикосновенности к высшей власти*. Традиционный человек восстает и осуждает *приватное богатство*, не полученное из рук высшей власти, а нажитое автономно, своим трудом и своим талантом, объявляя его уворованным и неправедным.

Здесь мы сталкиваемся с интересным феноменом. Оценивая некоторое явление как греховное и безнравственное, культура программирует абсолютное доминирование безнравственных стратегий в данной сфере. Советский обыватель жил в непреложном убеждении, что в торговле все воруют. Не будем обсуждать меру истинности данного суждения. Но если в обществе живет всеобщее убеждение — «воруют», то работники торговли *не могут не воровать*. Суггестия культуры, непреложность общественного приговора диктовали и отбор кадров, и ожидания людей, и их поступки.

Нет смысла задаваться схоластическим вопросом: что в этом случае было первично — яйцо или курица. На работе в СССР воровали везде, где можно было хоть что-нибудь унести. Однако объемы хищений лимитировались личными нуждами расхитителей. Медсестра могла унести спирт и вату, работница столовой — еду и продукты. Но тащить больше того, что потребуется мужу и детям, не было смысла. А продавать унесенное было по-настоящему опасно.⁸⁷

⁸⁷ Человека, пойманного с поличным на проходной, могли пожуричь или лишить премии. А пойманный на продаже унесенного с работы, рисковал уголовным наказанием.

В советской экономике присутствовали всего две зоны — советская торговля и сфера обслуживания — в которых существовала возможность на месте обернуть сворованное в живые деньги. Естественно, что криминальные стратегии тянулись к названным сферам. Однако из этого не вытекало с необходимостью всеобщего и обязательного воровства. Но массовое сознание, воспитанное на крестьянском неприятии рынка, торговли и других реалий городской культуры, пребывало в твердом убеждении «торгует, значит ворует».

В культуре дореволюционного общества крестьянской уравнительной психологии противостояло буржуазное сознание, прекрасно различавшее праведное состояние и преступно нажитое богатство. Люди первого круга были рукопожатны. Вторых приличные люди сторонились, и они общались в своем кругу (казнокрады, вороватые чиновники, бизнес, грабивший колониальные окраины и т.д.). Внимательный читатель найдет свидетельства описанного в русской литературе второй половины XIX — начала XX веков. Мы — люди старших поколений — застали современников событий и постигали существо российской реальности «до 1917 года» в личном общении.

С приходом большевиков победило сознание воинственно антибуржуазное. Частная собственность была объявлена социальным злом, а любое богатство, нажитое в рамках свободной рыночной экономики, преступным и несправедливым по самой своей природе. Торжествовала старая пословица «От трудов праведных не наживешь палат каменных», которая коренилась в глубине крестьянской психологии. Три поколения советских людей прожили жизнь в культуре, трактовавшей предпринимателя и капиталиста в стилистике журнала «Крокодил». Буржуин это — людоед с огромным животом, во фраке, с сигарой во рту и мешком золота в руках, который сидит в повозке, влекомой массой изможденных рабов капитала.

Когда пожилой читатель «Советской России» говорит, что Ходорковский вор, он не имеет в виду нарушение буквы или духа какого-либо закона. Ходорковский вор, поскольку трудовой человек не может никак и ни при каких обстоятельствах заработать ни то, что миллиард, но и миллион долларов. Само существование миллиардных состояний есть вызов небесам и угроза власти. И когда эта власть, наконец, карает преступника, он — простой советский человек — проникается чувством глубокого удовлетворения. Он с самого начала знал, что все своровано. Власть признала и наказала хотя бы одного жулика, и это уже хорошо.

И вот, общество, в котором образ бизнеса и представление о деловой этике формировали журнал «Крокодил» и телесериал «Следствие ведут знатоки», включилось в рыночную экономику. Снижение больших денег перестало быть занятием криминальным, но осталось в массовом сознании делом глубоко безнравственным.

В США или Канаде богатые потомки бутлегеров давно уже, пару поколений как отошедшие от криминального бизнеса, остаются белыми воронами. На них лежит пятно недостойного источника семейных состояний, и «приличные люди» сторонятся криминальных нуворишей. В этих обществах деловая репутация и нравственный облик династии — одна из важнейших характеристик, ядро семейной идентичности. В постсоветской России деньги не пахнут.

По существу, описываемая нами ситуация называется «нравственной дикостью». Бизнес есть самостоятельный род деятельности. В зрелом обществе устойчивая и серьезная сфера человеческой деятельности с необходимостью формирует соответствующий комплекс культуры, регулирующий, наделяющий смыслом и интегрирующий в общекультурное целое данную сферу: нормативно-ценностные структуры, мифы и символы, оформляющие некоторую сферу, наделяющие людей, ей принадлежащих, достоинством, вписывающие их в мир. Поминавшийся нами ранее Тимофей Савич Морозов существовал не в безвоздушном пространстве. За его спиной стояла особая культурная среда, идейно-ценностный комплекс. Вне этой среды Морозов не возможен.

То, с чем сталкиваемся мы сегодня, отсылает к морали варварских дружин, VIII—X веков в которых торговля и грабеж перемежались и органически перетекали друг в друга. Сегодня ты имеешь автомастерские, в которых отстаиваются краденные автомобили (при этом доходы от авторемонта и продажи краденного сливаются). Завтра — поставляешь девушек в бордели Арабских Эмиратов. Послезавтра — выигрываешь госзаказ на строительство рынка. Потом вступаешь в партию начальников и становишься депутатом регионального заксобрания.

Все это, вне каких-либо моральных различий. Бандиты сплошь и рядом позиционируют себя как предприниматели и это не вызывает ни у кого протеста. Кто определит, где кончался бизнес Надежды Цапок (генерального директора и учредителя ОАО «Артекс-Арго» и матери Сергея Цапка) и начиналось ОПГ

«Цапковские»? Заметим, преступное сообщество орудовало годами. Об этом знали сотни людей. Почему бизнес-сообщество Краснодарского края не дистанцировалось прилюдно от «фирмы» «Артекс-Арго»? Опасалось мести со стороны Цапков. Сомнительно. В краснодарском бизнесе есть люди, задевать которых было бы для Цапков самоубийственным? Либо дело в том, что весь краснодарский бизнес замазан преступной практикой и показывать на кого-либо пальцем опасно.

Российское общество не различает коммерсанта и бандита. Этому есть бесчисленные свидетельства от анекдотов о «новых русских», до интернет-полемики. Но и в среде предпринимателей ситуация не лучше. В российском бизнесе не складывается движения, направленного на самоочищение бизнес-среды. Солидные бизнесмены дистанцируются от вчерашних бандитов и бандитских практик, но это различие не обретаёт статуса общественно значимого движения.

Со своей стороны, власть зорко следит за тем, чтобы все предприниматели были «замазаны» и пресекает попытки выйти из серого пространства. Бизнес должен быть зависим от власти, и ориентироваться только на власть; а для этого он должен быть «на крючке». Социальные верхи *должны быть сцементированы криминальной солидарностью*. Появление «чистеньких» и располагающих серьёзными ресурсами, создаёт смертельную опасность для власти предрежащей. Разорение ЮКОСа стало предупреждением для всех остальных.

Власть разрешает бизнесу наживать несправедное богатство, параллельно, втихую натравливает традиционалистскую массу на богатеёв и копит досье на каждого крупного бизнесмена. Так, что несчастный обложен с двух сторон. С одной стороны — чиновник, вымогающий взятку, либо поборы на выборы, и в то же время копящий криминал. С другой — традиционалист, ненавидящий богатеёв. Такая диспозиция гарантирует лояльность.

Модалности рабского сознания и диалектика исторического процесса

В русском языке есть два понятия, заслуживающие серьёзного внимания — «раб добродетельный» и «раб лукавый». Раб лукавый и ленивый восходит к Евангелию (притче о талантах). В притчи о та-

лантах лукавому рабу противопоставляется «добрый и верный раб» (Матфея, 25:26; Луки, 19:22).

В советское время понятия лукавого и добродетельного раба воспринимались как старомодные, соотнесенные с патриархальной дореволюционной реальностью. Средний советский человек Библии не читал и обходился интуитивным пониманием названных сущностей. Он знал, что «там», за рубежом существуют рабы капитала. Мы же — совсем другое дело. В идеократическом государстве, где рабов убеждали в том, что они — подлинно свободные люди, слишком пристальный интерес к феномену рабства противопоказан.

Заклинание: «Мы не рабы, рабы не мы» — фраза из первой советской азбуки «Долой неграмотность: Букварь для взрослых», выпущенной Политотделом Реввоенсовета Южного фронта в 1919 году. Эта фраза стала одним из самых распространённых лозунгов-идеологем эпохи ликвидации неграмотности среди взрослых (1920–30 годы). А потому, нам — советским людям не пристало разбираться в тонкостях рабской психологии. Кроме того, советская власть столь же последовательно и целеустремленно, сколь безуспешно формировала добродетельного раба и изо всех сил обличала раба лукавого. В свете этих обстоятельств, пристальное внимание к названным персонажам и исследование данной дистинкции в советской реальности было неуместным.

В постсоветскую эпоху означенные понятия практически выпали из употребления. Между тем интересующие нас конструкции описывают важную культурную и психологическую реальность. Причем, тема далека от академической отстраненности. Постсоветская эволюция российского общества — когда, казалось бы, для каждого россиянина возникла потенциальная возможность избрания пути, на котором формируется личность и обретается свобода — свидетельствует о мощной тенденции бегства от свободы, массовой потребности делегировать свою субъектность какой-либо инстанции, потребность сбиться в стадо. Однако, публикаций, касающихся интересующего нас предмета, не обнаруживается.⁸⁸ Возникает

⁸⁸ Проблема затрагивается в публикации: А.Пелипенко, И.Яковенко. Быдло или сумерки одного мифа. «Родина» 1996/4.

Более подробное обращение к проблеме добродетельного раба см: И.Г.Яковенко. Познание России: цивилизационный анализ. Гл.7 Идея завета и идеология служения. К онтологии российской культуры. М. РОССПЭН. 2012.

ощущение, «слепого пятна» в глазу, то есть — культурного запрета на рассмотрение этих материй.

Итак, приступим. По существу добродетельный раб — искренний и очень простой человек, принимающий мир сословного неравенства как богоустановленный порядок вещей. Он принимает выпавший на его долю статус раба и избирает для себя позицию честного человека, который живет и трудится «не корысти ради». Лукавый раб выступает антиподом добродетельного раба и являет собою продукт *полураспада* традиционного мира. В сознании лукавого раба индивидуальное начало уже проснулось и активно тянет одеяло на себя. Но это варварская индивидуальность, не дисциплинированная и не оформленная нравственным началом. Лукавый раб не мыслит категориями общего интереса. Он безразличен к болям и страданиям других людей, и твердо убежден в том, что все и всяческие высокие слова — ерунда, с помощью которой дураят глупых и легковверных. С этих мировоззренческих позиций лукавый раб не покладая рук работает на ниве самоублажения и улучшения своего положения, используя для этого все доступные ему способы.

Понятно, что при сравнении лукавый раб проигрывает рабу добродетельному. В каком-то смысле, позиции добродетельного раба можно даже симпатизировать. Здесь можно усмотреть христианское смирение, выбор нравственной позиции в жестко заданных обстоятельствах. Однако, всю свою жизнь, автор яростно отторгал добродетельного раба, видел в нем полюс растожествления, поскольку отчетливо понимал — *крепостники существуют до тех пор, пока в мире остаются добродетельные рабы.*

Наше счастье и основания для осторожного исторического оптимизма состоит в том, что *добродетельный раб не вечен*. Как социокультурный феномен, добродетельный раб укоренен в традиционном сословном обществе и устойчиво воспроизводится в том случае, если эта жизненная стратегия не вступает в конфликт с базовыми общебиологическими детерминативами. Если добродетельный раб живет, самосуществляясь в своем качестве — честно трудится, сберегает хозяйское добро, поучает молодежь, следит за порядком, сообщает о всех неполадках по начальству, информирует барина о нерадивом управляющем и прегрешениях старосты — и эта жизненная стратегия позволяет ему жить в достатке (соответствующим стандартам своего социального слоя), рожать и воспитывать детей, дожидаясь рождения внуков. Если при этом его недолюбли-

вают немногие лукавые рабы, но уважают соседи и начальство — добродетельный раб воспроизводится в чреде поколений.

Если же сознание добродетельного раба и вытекающая из него жизненная позиция вступают в конфликт с окружающим миром, и добродетельный раб становится маргиналом, нищим неудачником, всеобщим посмешищем, этот социокультурный тип вымывается из реальности. Дети добродетельного раба формируют иное понимание мира, ищут и находят другие жизненные стратегии.

Советский эксперимент интересен в том отношении, что идеологические институты, системы образования и пропаганды, советское искусство были ориентированы на формирование добродетельного раба (на советском языке это называлось «коммунистическая убежденность», «преданность нашему делу», «активная жизненная позиция»). Что же касается советской реальности, то она объективно, в силу своей природы, работала на разрушение, вымывание и уничтожение обозначенного персонажа.

Исходно коммунистический проект базировался на эксплуатации энтузиазма уверовавших, а также эксплуатации социально ценного человеческого материала, сформированного в предшествующую эпоху. Вне зависимости от своего отношения к советской власти, последние честно трудились потому, что по-другому жить и работать не могли, и не умели. Люди, сформировавшиеся в нормальных условиях — в конкурентной рыночной экономике, выросшие из устойчивой традиционной среды, впитавшие с молодых ногтей твердые понятия — до конца жизни сохраняли высокую трудовую этику, профессионализм, элементарную порядочность. Речь идет о сверхэксплуатации как первых, так и вторых, когда позитивное поведение не только не вознаграждается адекватно, но ведет к конфликтам с окружением.

Природа такого конфликта заслуживает внимания. Прежде всего, наряду с честными трудягами, в российском обществе всегда хватало всяческих шаромыжников⁸⁹, ориентированных на минимизацию усилий и максимизацию социальных благ. В силу фундаментальных оснований, эти люди выступают противниками честного трудяги, поскольку отрицают его и стремятся похарчеваться за его счет.

Советская власть с самого начала ориентировалась не на креп-

⁸⁹ Устарелое. Любитель поживиться за чужой счет, ловкач, жулик.

кого хозяина («кулака и подкулачника»), а на социальные низы. Среди бедноты были и честные трудяги, которые не могли подняться в силу самых разных объективных обстоятельств; но наиболее активная группа этого слоя состояла из шаромыжников.

Быстро уяснив для себя сложившуюся ситуацию, самые активные и бессовестные пошли навстречу новой власти. В статусе комбедовца на селе и вырвавшегося наверх «сознательного пролетария» в городе, они могли гнобить крепкого хозяина, разорять его хозяйство, наживаться на нем. Понятно, что с точки зрения добродетельного раба, такое положение вещей и поведение социальной опоры власти выглядели чистым развратом и порухой.

Другой аспект состоит в том, что, на всех этапах своего существования, советская система ставила работника в ситуацию, когда он вынужден обманывать и приписывать (иначе не закроют наряды, и не получишь зарплату), воровать колоски для того, чтобы дети не подошли с голоду, тащить с работы под ватником чурбачки для печки, поскольку дрова населению не продают, воровать в колхозе зерно, так как кормов для коровы не купишь, и т.д. Это было универсальным и повсеместным, захватывало город и деревню, проходило через жизнь всех слоев советского общества.

Советская система хозяйствования, модель правоотношений и социальных практик сложилась таким образом, что ложь, халтура, нарушения законов и подзаконных актов, приписки были необходимым условием существования каждого, сколько-нибудь вовлеченного в реальную жизнь.⁹⁰

Искренний и честный человек не может без внутреннего протеста делать откровенную халтуру, создавать или соучаствовать в создании липовой отчетности, участвовать в хищениях, спокойно наблюдать за тем, как систематически, из года в год гниет и пропадает «народное добро», которое, однако нельзя раздать людям, поскольку это будет хищением социалистической собственности и потаканием частно-собственническим инстинктам.

В советском «зазеркалье» сложился неписанный кодекс поведения, который предполагал жесткие правила игры: есть пространство «правильных» деклараций и советских ритуалов; и есть пространство реальной деятельности, регламентированное совер-

⁹⁰ О советской реальности написано довольно много серьезных исследований. Читателю не знакомому с этим материалом можно предложить, например: Игорь Ефимов. Без буржуев. Посев. 1979.

шенно иными, достаточно неприглядными нормами поведения, позволяющего более или менее успешно существовать в заданных условиях. Осознание и принятие этой реальности ничего кроме цинизма не порождает. А такого рода цинизм напрочь отрицает добродетельного раба и не совместим с этим типом сознания.

В силу всего изложенного выше, добродетельный раб последовательно вымывался из советской действительности. В пятидесятые-шестидесятые, с выходом из активной жизни последнего поколения, сформированного «до того», добродетельный раб превращается в маргинала и тяготеет к глубинке, старшим возрастным группам, выходцам из традиционного мира.

Из этого не следует, что в советском обществе не было честных и порядочных людей. Разумеется, были. Однако, осознавая реальность, они, что называется, сохраняли себя: честно трудились и жили в соответствии с нормальными нравственными принципами, не притязая на особую заботу об общем деле. Эти люди вынужденно совершали необходимые компромиссы и минимизировали свое участие в нечистоплотных действиях. В массе своей они относились к власти скептически. По существу, то была внутренняя эмиграция. Не декларируемая громогласно, и не всегда до конца осознанная, но от этого не менее реальная.

Рядом с названной категорией людей жил нормальный средний обыватель. Конформист, точно усвоивший правила игры, не задумывающийся о чем-либо всерьез и более всего озабоченный своим достатком, своей семьей, карьерой. Сложно ответить на вопрос: в какой мере эти люди верили в то, что декларировалось от имени Власти. Для данной категории императив «быть как все» органичен и непреодолим. Там, где не проснулось личностное начало, принадлежность к доминирующему большинству безальтернативна. Обыватель легко усваивал правила советской игры: поддерживал и одобрял, клеймил и выражал преданность, когда надо, и сачковал, спихивал работу и ответственность на другого, подгребал под себя, растаскивал понемногу все, что плохо лежит. Как правило, сознание таких людей не способно увидеть логическую и нравственную проблему, вырастающую из кричащей дистанции между словами и делами. Все так делают. По существу, описанный нами персонаж представляет собой эскизную версию лукавого раба. В объемном отношении обозначенная категория составляла большинство советского общества эпохи заката и увядания коммунистического проекта.

Советское начальство, то есть актив, на который опиралась власть, пережил определенную эволюцию. Если, в первые десятилетия советской истории, «идейные» составляли существенную долю политического класса,⁹¹ то по мере движения к закату советского проекта, большинство «начальства» представляло собой энергичных и достаточно амбициозных людей карьерно-конформистского типа ориентации. От низового обывателя они отличались мерой субъектности и более высокой сословной позицией. Кроме того, в массе начальники были если не более индоктринированы, то более пронизаны идеологическими стереотипами. С другой стороны, широкий кругозор и присущие всякому управленцу навыки анализа делали этих людей циниками.

Из двух перечисленных групп — типичных советских обывателей и типичных управленцев — в послевоенную эпоху выделяется наиболее энергичный и амбициозный слой, который формирует советскую генерацию лукавого раба. Этот персонаж использует все мыслимые и немыслимые возможности для собственного обогащения, прежде всего, активно осваивая те ниши, которые в силу специфики социалистического общества оставались «пустыми».

Он ворует у государства и колхозов/совхозов сырье и материалы, изготавливает дефицитную продукцию, торгует ею через мелкие торговые точки и киоски, внедряется в сферу услуг, врзает замки и форточки, ремонтирует квартиры, организует похороны и ставит памятники, а заодно торгует дешевой порнухой, переписывает видеофильмы, делает из серебра и золота, отпускаемого для нужд оборонной промышленности, ювелирные украшения, продает наркотики... Сфера деятельности лукавого раба бесконечно многолика; она есть негативное отражение советского монстра. Все то, на что советская система была не способна, либо то, что она отторгала по идеологическим соображениям, предлагал обывателю лукавый раб. А сверх всего названного, лукавый раб торговал книгами и антиквариатом, продавал иностранцам иконы, выменивая их на «фирменные» шмотки, которые продавал соотечественникам, за деньги устраивал поступление в вузы и делал хирургические операции. За

⁹¹ Они действительно были. Внимательный и пристальный анализ убеждает: даже на самом верху зрелого и позднего советского общества существовали глубоко индоктринированные люди, видевшие все «недостатки и безобразия» советской действительности, но убедившие себя в том, что это — неизбежные следствие непреодолимых обстоятельств. Что светлая цель построения коммунизма/«реального социализма» искупает все и вся.

очень хорошие деньги распределял вне очереди квартиры и пускал «налево» необходимое цеховикам оборудование. Я уже не говорю об элементарном обвешивании, о продаже через спекулянтов любого дефицита, о фиктивных браках, позволявших богатыми провинциалам угнездиться в Москве или Ленинграде. Сфера активности советского лукавого раба была решительно необозрима. В объемном отношении этот сектор позднесоветского общества последовательно разрастался.

Здесь требуется пояснение. Среди тех, кто сознательно нарушал дух и букву советского закона надо различать жуликов, расхитителей и предпринимателей. Если с первыми категориями все ясно, то с предпринимателем дело обстоит сложнее. Если подпольный предприниматель осознавал себя советским человеком — перед нами лукавый раб. Если же это был принципиальный враг советской власти, рассматривающий свой бизнес как реализацию неотъемлемого права на экономическую свободу, а советские законы — как распоряжения оккупационной администрации, если его бизнес разворачивался в рамках моральных норм: перед нами предприниматель, вынуждено оперирующий в нелегальном пространстве. Впрочем, людей этого типа было не так много.

В те времена перед зрелым человеком вставала проблема отношения к описываемой реальности. Надо сказать, что в массе своей интеллигентская среда дистанцировалась как от лукавого раба, так и от любого «деляги». За этим стояла не только житейская осторожность в общении с людьми, находящимися в поле криминала, но и моменты этического порядка.

В основе этого лежала общеинтеллигентская брезгливость и коммерческий пуризм. Если шестидесятнику случалось продать что-либо по цене превышающей номинал, по которому он купил эту вещь, последний этого стыдился, скрывал или оправдывался. Слово «спекулянт» было несовместимым с интеллигентской самоидентификацией. Меня всегда смешила такая зависимость от советской пропаганды. Позже я пришел к убеждению, что проблема глубже. Российский интеллигент по своей природе до и анти буржуазен.

Авторское отношение к советскому лукавому рабу было иным. Последний профанировал советский проект и активно работал на

его разрушение. Прорастая через асфальт, в который было закатана советская реальность, новые общественные отношения отрицали систему и прорабатывали эскизы исторической альтернативы. Однажды пришло понимание того, что лукавый раб является важным тактическим союзником в деле трансформации советского общества. Секретарь обкома, в карман которого по цепочке поступала дань от цеховиков, или старший офицер спецслужб, прикрывавший бандитский бизнес, не только воплощали в себе некоторый этап деградации и перерождения советского проекта, но стратегически были заинтересованы в его сворачивании.

Подавляющее большинство лукавых рабов были абсолютно аполитичны и любые утверждения о том, что они разрушают коммунистический проект, восприняли бы как враждебную попытку приписать им не только уголовную, но и политическую статью. Однако объективно они работали на развал, и это решало все.

Надо сказать, что, в конце концов, так и произошло. Лукавый раб стал одним из значимых акторов разрушения советского универсума. Торжество статусного лукавого раба на пространствах между 1990 и 1996 годами — триумф вечной человеческой природы. И одновременно — время теоретического торжества автора настоящей работы.

Здесь мы касаемся исключительно важной, но на удивление слабо разработанной темы: интерпретации природы человека как основания большой идеологической традиции.

Вначале вспоминается анекдот. Надо сказать, что анекдоты — интереснейший пласт фольклора. Это на редкость богатое смыслами и оттенками культурное пространство не только ярко выражающее время бытования тех или иных историй, но и затрагивающее сложные культурные смыслы. В самых удачных, наиболее высоких проявлениях, данный жанр словесности выходит на уровень мифологии, вскрывает основания мироощущения, касается слабо проясненных глубин подсознания.

Однажды, много лет назад, приятель, сидящий за рулем автомобиля, спросил — «Знаешь, когда наступит коммунизм?» Услышав отрицательный ответ, приятель сказал — «Тогда, когда руки у человека будут расти не так»: При этом он бросил руль, развел руки и сделал сгребашее движение навстречу. «А так»: Нешироко расставив руки, мой приятель стал разгребать невидимые зерна в стороны.

Пожалуй, это был единственный философский анекдот, услышанный мною в жизни. Речь идет об очень важной проблеме: о философски-антропологических основаниях коммунистической эсхатологии. Молодые незнакомы с обозначенной проблематикой, а старшие просто забыли. Злоба дня вытеснила начатки марксистской философии и научного коммунизма вбиваемые некогда в наше неокрепшее сознание. Впрочем, уже в 1960 годы эти лекции были чистой мертвечиной.

Итак. Человек по своей природе благ. Исходная природа человека соответствует идеалам коммунистического общества. Как известно, «труд превратил обезьяну в человека».⁹² В процессах коллективного труда человек сформировался в своих базовых основаниях. Марксистский термин «первобытный коммунизм» описывает первую в истории общественно-экономическую формацию, в рамках которой все члены общества находились в одинаковом отношении к средствам производства, и способ получения доли общественно-го продукта был единым для всех.

Но дальше сказалась причудливая диалектика истории. Классовое расслоение первобытного общества, закабаление бедных богатыми, рабовладение, феодализм, капитализм. Во всех этих передрыгах человек подвергался страшным испытаниям, которые уродовали его природу. Агрессия, жадность, страсть к власти, зависть, и все остальные бесчисленные пороки сформировались в рамках эксплуататорского мира, который уродовал как эксплуататоров, так и эксплуатируемых.

Все было бы совсем плохо, если бы не, упомянутая выше, диалектика истории. На фоне торжества эксплуататоров в обществе никогда не умирала мечта о подлинно справедливом мире, за которую боролись и погибали бесчисленные Спартаки, Уоты Тайлеры, Болотниковы и их соратники. Далее, прогресс науки и техники создает предпосылки формирования общества, в котором голод и тяготы жизни для миллионов угнетенных сменятся на разумное изобилие для всех. Наука и просвещение последовательно размывают суеверия и открывают истины, доступные каждому просвещенному человеку.

А развитие гуманитарно-философского знания привело к возникновению подлинно научной, марксистской философии. В ходе общеисторической эволюции человек последовательно

⁹² Ф.Энгельс Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека./ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20, стр. 486–498.

развивал производительные силы. В полной мере это реализовал капитализм. Так возникли предпосылки перехода от эпохи закабаления человека человеком к эре подлинно справедливого бытия всего человечества. На новом витке исторического развития человечество вернется к коммунизму.

По мере продвижения к коммунизму (на этапе социализма) человеческая природа освободится от всех тех пороков, которые налипли на нее за тысячелетия жизни в классовом обществе. Труд превратится в источник радости и естественную потребность. Всяческое себялюбие, стяжательство, властолюбие сгинут, поскольку исчезнут условия, порождающие эти пороки. Какое стяжательство, если исчезает понятие «мое» и остается «наше»? Чему можно завидовать в обществе счастливых и равных людей? Откуда возьмется властолюбие, если отомрет государство? В результате возникнет общество равных и счастливых людей, в котором все будут трудиться не в силу экономического или внеэкономического принуждения, а в силу естественной внутренней потребности и будут разумно потреблять созданные обществом блага.

Позвольте, вопрошали оппоненты. Предположим, коммунистический проект удалось воплотить в жизнь. Но почему вы полагаете, что люди, не побуждаемые к этому необходимостью, будут самоотверженно трудиться? И где гарантии того, что начальники и властители коммунистического общества не превратятся в касту правителей, купающихся в роскоши и эксплуатирующих наивных подданных? Какие основания полагать, что алчность, цинизм, тяга к власти, жестокость не возобладает и, в очередной раз, не разделит общество на стадо и пастырей?

Всего этого не может быть, отвечали идеологи коммунизма, поскольку человек *по своей исходной природе благ*. Когда будет сформирован подлинно справедливый общественный строй, пороки отомрут, родится новый, коммунистический человек, и под новым небом он построит новое, замечательное общество в котором воплотятся все светлые мечты человечества.

Сегодня эти утверждения воспринимаются как показания к госпитализации. А пятьдесят лет назад солидный цех писателей-фантастов десятилетиями писал повести и романы о коммунистическом будущем. И эти байки читали сотни тысяч, если не миллионы людей. Средний советский человек покупал отечественную фантастику и тратил на завлекательное

чтение свое время. А это означает, что он если не верил, то хотя бы допускал воплощение чего-то подобного в некой реальности будущего.

Если человек благ по своей исходной природе, то коммунистический проект принципиально реализуем. Можно обсуждать цену реализации проекта, моральную оправданность методов достижения⁹³, масштабы жертв и тягот на этом светлом пути, человеческие характеристики теоретиков и практиков построения коммунистического общества, но принципиально идея коммунизма воплотима. Если же исходная природа человека не соответствует базовому антропологическому постулату просвещенческой и коммунистической идеологии, если она такова, какой мы ее знаем; Если пороки и ужасы социальной реальности *производны* от человеческой природы, а не наоборот: дефекты человеческой природы производны от ужасов и диспропорций социальной реальности, то коммунизм — чистая химера. Вот где ядро проблемы.

Заметим, марксистское понимание природы не в том, что человек благ всегда и при всех обстоятельствах. Природа человека открыта соблазнам — праздности, обогащения, властолюбия и т.д. Но если убрать эти соблазны, если создать такое общество, которое ориентировано на лучшее в человеке и пресекает низменные инстинкты, человек вернется к своей исходной, естественной природе. Станет «сознательным», покончит с предрассудками. В СССР за пороки отвечали «наследие темного прошлого» и капиталистическое окружение. В советских телесериалах «про бандитов и доблестную милицию»: главарь банды оказывался сыном офицера деникинской контрразведки или денщиком генерала Шкуро. В начале 80-х, когда временная дистанция делала такую преемственность совсем уж натянутой, выяснялось, что главный преступник — советский солдат, попавший во время Отечественной войны в плен и перешедший на сторону врага. Окончив школу Абвера для диверсантов и, в силу случайных обстоятельств, не разоблаченный после войны, он оказывается в центре криминальной истории. Я уже не говорю о героях фельетонов и разоблачительных репортажей «из

⁹³ В шестом классе школы учительница привела нам слова Белинского «Да и что кровь тысяч в сравнении с унижением и страданием миллионов» и спросила — Ребята, вы знаете, что это такое? Не получив ответа, она объяснила: Это — социалистический гуманизм. Эта история запомнилась. В определенном смысле мне повезло: я с детства осознал, что такое «социалистический гуманизм».

зала суда» — презренных стилигах и фарцовщиках — которые, в погоне за западными «шмотками» и «сладкой жизнью», докатывались до преступления.

Других объяснений и быть не могло. Советское общество, в силу своей природы, преступность порождать не могло. Сам по себе человек благ, а «наш», советский человек благ гарантированно. Значит, мы имеем дело с исторической инерцией, либо с воздействием мира в котором «человек человеку волк». Пороки дотягиваются до советского человека или из проклятого прошлого, или из капиталистического окружения.

В основаниях этих иллюзий лежит антропоцентристски-гуманистический миф Возрождения сложными и прихотливыми путями попавший на отечественные просторы вместе с идеями Просвещения и прогресса.

За позитивной мифологией относительно природы человека стоит великая русская литература, сто лет вещавшая о неизреченных глубинах народного духа, о кротком и вдумчивом, добром и справедливом крестьянине. Вещала настолько настойчиво и талантливо, что обозначенная мифология вошла в общественное сознание, как нечто самоочевидное и воспроизводилось советским интеллигентом как безусловная.

В обсуждении темы нельзя не учитывать огромную культурную инерцию средневекового Должного. Русский человек плохо различает суждения действительности и суждения необходимости. Человек *должен* быть благим и правильным. А это означает что он *по своей природе благ*, и только в силу негативных внешних воздействий и привходящих обстоятельств отклоняется от подлинной природы. Более того, утверждающий исходно благую природу человека — интеллигентный, хороший человек, сохранивший веру в светлое и доброе. А отвергающий этот постулат — злобный обыватель смакующий недостатки, неспособный видеть лучшее, идеальное и оправдывающий собственную неприглядность общефилософскими утверждениями.

До 1917 года во всем были виноваты социальные условия. Вспомните Некрасова «Мы до смерти работаем, до полусмерти пьем». После 1917 — за, так называемые, «негативные явления» отвечает наследие темного прошлого. Пьет, ворует на рабочем месте и бьет с пьяных глаз жену от того, что «несознательный». Сказывается наследие. Надо объяснить, просветить, возвысить до

уровня нашего современника, и человек раскроется в своих лучших чертах.

Полемизировать с этой философией невозможно, поскольку она базируется на априорных постулатах и опытом не верифицируется. Подобные идейные комплексы сходят с исторической арены вместе с поколениями их носителей. Пожалуй, шестидесятники XX века были последним поколением, воспроизводившим базовые характеристики российской интеллигенции. Как актуальный субъект культурной реальности, шестидесятники завершаются вместе с Перестройкой. А далее, новое время принесло новые песни.

Наше убеждение состоит в том, что человеческая природа разнообразна. Она никак и ни при каких обстоятельствах не сводится к какой-либо единой этической доминанте. Наряду со всем, что составляет предмет нашей гордости родом человеческим, человек как родовое существо вмещает в себя качества и потенции, объективирующиеся (в зависимости от конкретики обстоятельств) в таких характеристиках, как жестокость, хитрость, низость, лукавство, склонность к предательству, ненависти и так далее. Эта — малосимпатичная с точки зрения этических максим, сторона человеческой природы присутствует в каждом. В зависимости от прихотливой мозаики факторов — микросреда, воспитание, генетика, историческая эпоха, уровень культуры, врожденный темперамент и т.д., в каждом в той или иной мере выражается светлое и темное начало человеческой природы. Причем, совершенных людей в принципе не бывает. Необходимы соответствующие базовые условия, для того чтобы такой человек родился и сформировался (микросреда, воспитание, определенный генотип) и постоянная нравственная работа зрелой человеческой личности, для того, чтобы просто оставаться приличным человеком.

Диктат должного создал особую аберрацию. Носитель матрицы должного любит назидательные романы, телесериалы, или фантастику в которой выступают «правильные» люди. Отождествлять себя с этими персонажами — любимое занятие потребителей подобной продукции. Это ложь. Ложь в смысле одностороннего отображения реальности. Каждый, самый хороший человек грешит, совершает неприглядные поступки, идет на компромиссы и так далее. Просто в его жизни позитивный пласт доминирует.

Родовое целое человечества представляют Махатма Ганди и Мать Тереза с одной стороны, и Сталин с Гитлером — с другой. А между этими, достаточно целостными персонажами, представляющими полюса человеческой природы, располагается сложно-обозримое разнообразие этически разнородных характеристик.

В начале 90-х годов развернулся поучительный процесс — «красные директора», самые разнообразные начальники, представители советской партийно-государственной элиты ринулись растаскивать социалистическую собственность. Не только средний интеллигент, но и массовый обыватель дружно осуждал (и по сей день осуждают) расхитителей общенародной собственности. Заметим, это стойкое осуждение с позиции добродетельного раба.

Говорить о «разворовывании общенародного достояния» значит повторять советские мифы. СССР был коллективной собственностью политической элиты и парт-хоз актива КПСС. В результате коллективная собственность была разобрана обозначенным социальным слоем в частное владение. Но, при этом, пределы свободы и потенциальные возможности каждого подданного бывшего Союза выросли неизмеримо. Что же касается «пасомых», то им в собственность раздали квартиры.

Там, где приватизация объекта управления была невозможна, например, в армии, «общенародное» имущество пускалось налево, передавалось в специально созданные кооперативы и подсобные предприятия, просто разворовывалось. Обмен власти и распорядительных функций на собственность — основа негласного общественного договора, на основании которого советская элита сдала идеологию и приняла новый общественный строй.

При этом никто не осознавал величия момента. Великая, захватившая сотни миллионов людей, хилиастическая утопия *терпела крах*. Сегодня мало кто помнит базовые постулаты советской идеологии. Член КПСС, как представитель церкви, воплощал коммунистический идеал, пока еще не реализованный на этой грешной земле. Он был ближе всего к коммунистическому будущему, строил и создавал его. Советские начальники несли на себе сугубую святость, были выше по шкале коммунистического совершенства и ближе к коммунистическому Небесному Иерусалиму. Именно они первыми ринулись дербанить советское наследство.

Бывший председатель Центробанка России Сергей Дубинин, описывая атмосферу начала 90-х, пишет: «при этом руководители предприятий отказывались платить налоги. В разговоре даже со мною, возглавлявшим Минфин России, многие не стеснялись: «не плачу вашему антинародному правительству, которое развалило Советский Союз». .. На встречный вопрос: откуда же Минфину взять деньги для выплат «простым людям», один «идейный противник» ответил мне прямо: «У вас все равно украдут, лучше я сам это и сделаю».⁹⁴ Параллельно эти же люди давали деньги КПРФ. А, в конце концов, генеральные директора стали собственниками предприятий.

Здесь все прекрасно. Как статусные носители советской идеологии, красные начальники ненавидели «антинародное правительство». Но, как живые люди, как представители вида *homo sapiens*, они не могли упустить шанс фантастического обогащения. Советские начальники гребли под себя.

Рядом с ними хапали бандиты, спортсмены, бывшие младшие научные сотрудники. Однако строители светлого будущего были впереди. Кремлевским мечтателям и их преемникам не удалось вывести новую породу человека. Крах коммунистического эксперимента продемонстрировал величие и неистребимость человеческой природы. Речь идет не о нравственном величии; эта субстанция по определению может быть достоянием немногих, а о витальной силе, о том, что, согласно биологической систематики, человек принадлежит к разряду всеядных.

Вернемся к основному сюжету. Объемный рост сектора лукавых рабов фиксировал кризис умирающего традиционного общества, и конец советской идеократии. С крахом СССР лукавый раб выполнил свою историческую миссию.

Далее, идеальный сценарий эволюции российского общества состоял в том, что как добродетельный, так и лукавый раб сходят с исторической арены и замещаются сообществом граждан. Однако, вопреки нашим прекраснотушным упованиям⁹⁵, история пошла другим путем. Сегодня занявший статусные позиции лукавый раб без-

⁹⁴ Сергей Дубинин. Россия против Кризиса. Кто победит? М. 2009 С.98.

⁹⁵ На самом деле не следует преувеличивать наше прекраснотушие. То, что России светит перспектива общества, принадлежащего третьему миру, было понятно и в самом начале 90-х. Но мера маразма и деградации превзошла ожидания.

можно распух в объемах, и определяет все значимые параметры жизни общества. Механизмы социально-культурного воспроизводства (СМИ, массовая культура), перенастроены таким образом, чтобы воспроизводить две категории: лукавого раба и покорного безгласного обывателя. Последний в узком кругу, на чем свет стоит, ругает больших и малых начальников, но в социально значимых ситуациях «поддерживает и одобряет», да и не представляет себе мира без начальников. Мира, в котором ему придется *стать субъектом* (экономическим, гражданским, субъектом нравственного выбора).

Мы не задумываемся над тем, что *частичная субъектность* представляет собой очень устойчивый социально-культурный тип. В этой конфигурации субъектное начало проявляется в отдельных сферах социального бытия и соответственно, потенция субъекта утверждается в отдельных моментах человеческой природы. Однако, носитель такой паллиации, зорко сберегает свою *частичную субъектность*, и отказывается от бремени свободного человека.

Современный статусный лукавый раб, напоминает примечательный персонаж немецких рыцарских романов — «рыцаря-разбойника» или «барона-разбойника» (Raubritter) — особы рыцарского происхождения, грабившей проезжающих поблизости от его замка купцов и путешественников. По прошествии двадцати лет, он твердо осознал себя привилегированным сословием новой России. Лукавый раб процветает, поскольку постсоветский обыватель не демонстрирует воли и способности к трансформации в гражданина.

Неимманентное развитие и навязанное государство

Исследуя то или иное сообщество, мы чаще всего оцениваем его по формальным характеристикам. К примеру, обращаясь к некоторому государству, мы исходим из данных о населении и территории. Эти, казалось бы, бесспорные характеристики приводятся во всех справочниках и отражаются на политических картах мира.

Между тем, формальное и сущностное не всегда совпадают. Следует различать формальную и сущностную принадлежность к государству и цивилизации. Иногда такое различие зафиксировано и наделено официальным статусом. Так в Пакистане выде-

лены две территории — Белуджистан и Федерально управляемые племенные территории (Зона племен) на которые юрисдикция пакистанских судов не распространяется. Эти территории входят в страну, но сохраняют существенную внутреннюю автономию и живут по своим законам, в соответствии с практиками и культурой далекой от норм пакистанского государства. По формальным основаниям постпервобытные племена Амазонии относятся к аборигенам и должны рассматриваться как граждане Бразилии. Но в какой мере можно рассматривать людей каменного века в качестве граждан современного государства, со всеми вытекающими из этого коллизиями, правами и обязанностями? Например, индейцы племени корубо, живущие в Амазонии, в месте слияния рек Итуи и Итакаи охотятся с духовыми трубками и бьют врагов дубинами. Первый контакт с ними был установлен в 1996 году. Бразильское государство создало специальную службу FUNAI, которая охраняет территорию индейских племен от вторжения чужаков.

На политических картах мира значится распавшееся государство Сомали. В какой мере Федерация пиратов, сложившаяся на этой территории, или племена в зоне между Афганистаном и Пакистаном, или пространства, контролируемые полевыми командирами в десятке стран Африки и Латинской Америки, принадлежат миру государственности (хотя бы самой рыхлой и предварительной)? На наш взгляд во всех перечисленных случаях мы имеем дело с феноменами, лежащими за рамками государства и цивилизации.

Это относится и к процессам *становления государства*. В учебниках истории приводится некоторая (чаще всего формальная) дата возникновения любого государства. Реальный процесс неизмеримо сложнее. Если говорить о периферийном синтезе государства, то ранние государства на «голом месте» возникают и исчезают несколько раз. Причем, это не государство в том смысле, который вкладывает в данное слово массовое сознание. На «голом месте» возникают вождества (*chiefdom*), то есть: первый, черновой набросок политической организации позднепервобытного, предклассового общества. Попадающие в учебники истории дата основания и имя основателя, как правило, связаны с летописной традицией, которую создают наследники одного из успешных правителей. А дальше разворачивается страшно длительная эволюция общества и государства. Творится и развивается цивилизация.

Обобщая, однажды некоторое организованное сообщество (к примеру, так называемый «стационарный бандит») может утвердиться на определенной территории политическую организацию общества. Однако становление государственности и приобщение к зрелой цивилизации — сложный и мучительный процесс, растягивающийся на тысячелетия. В рамках этого процесса как власть (политические институты), так и подвластные (общество) переживают гигантскую эволюцию.

Наша страна находится в определенной точке описываемого процесса. Для понимания окружающей нас реальности важно выявить стадийные и качественные характеристики, как российской государственности, так и цивилизационной модели.

«И прибых в Глупов и возопи: — Запорю!
С этим словом начались исторические времена».
Салтыков-Щедрин. История одного города.

Социум поневоле

Российское государство не есть результат общественного договора. Мы говорим о типологии государственности.

Государства распадаются на два типа. Первое — *государство навязанное*, возникшее в результате силовой акции организованной силы, превратившейся затем в политическую элиту. Навязанное государство может формироваться и по-другому. К примеру, возникнуть, разрастаясь из государства-нома⁹⁶, совокупными усилиями военно-политического и жреческого корпуса. Важна природа государства, которая состоит в том, что власть, политический порядок, правила игры навязаны большинству подвластных. Причем, это большинство стадийно пребывает до государства. А потому оно — чистый объект политического действия элиты.

Для государства второго типа более всего подходит концепт *общественного договора*. Возникает оно по-разному, но существо

⁹⁶ Понятие «ном» восходит к Древнему Египту. Так назывались административные округа Египта, которые исторически сложились из первых номов. Города-государства возникают и закрепляются как ранняя форма государственности в Шумере.

такого государства состоит в том, что значительный слой общества, выступающий в дальнейшем как политически субъектный, в результате некоторого взаимного компромисса конституирует это государство, добровольно принимает на себя принятые правила игры, и участвует в развитии данного политического организма.

В государствах первого типа и *социальные функции и нормы поведения носят принудительный характер*. Власть сакральна, принуждение и репрессия всепроникающи. Подданный занимается тем, чем ему велят, и следует тем нормам поведения, которые ему предписаны властью под угрозой репрессии. Однако, *это не его нормы*. В частной жизни он живет в соответствии с нормами актуальной культуры, которые разительно отличаются от государственной нормативности. В таком мире живет две системы ценностей. То, что плохо, или преступно с точки зрения власти, нормально, допустимо, естественно, а иногда даже единственно возможно с точки зрения общественной морали.

В государствах второго типа социальные функции человек задает себе сам. Это его государство, он понимает, что это такое и сам избирает свое место в системе общественного разделения труда. Здесь санкционированные государством нормы поведения формируются в результате широкого обсуждения и политического компромисса. Поэтому закон и мораль чаще всего совпадают. Законодательство запрещает западному обывателю выбрасывать из автомобиля мешки с мусором на обочину шоссе, уклоняться от налогообложения, брать и давать взятки. Но общественная мораль требует от него ровно того же.

Итак, в навязанном государстве социальный порядок и правила игры по преимуществу принудительны. В государстве общественного договора социальный порядок и правила игры вытекают из общественной морали и, одновременно, санкционируются государством. Здесь человек побуждаем и принуждаем к социально ценному поведению совокупными усилиями общественного мнения и государства.⁹⁷

Применительно к отечественной истории мы можем называть два политических феномена, представляющих описанные нами модели — Ростово-Суздальскую Русь и Господин Великий Новгород.

⁹⁷ Это не слова. Граждане попросту сообщают в полицию обо всех значимых нарушениях правовых норм, свидетелями которых они оказались. Это и есть общественное мнение в действии. Для нашей страны — вещь абсолютно немыслимая.

В России государство навязано и выполнение социальных функций по преимуществу принудительно. Есть власть — массовый, традиционно ориентированный человек работает и выполняет правила (хорошо он работает, или плохо, и как выполняет эти правила — другой вопрос). Без власти он вообще не склонен ни работать, ни выполнять, какие бы то ни было, правила. В XX веке Россия дважды переживала крах большого общества. Мы располагаем достаточным эмпирическим материалом для того, чтобы осознать природу описываемого явления.

Кризис власти, распад конкретного политического режима переживается традиционным россиянином как конец космоса. Он перестанет работать, минимизирует потребности, двинется к натуральному хозяйству. Во вторых — для него исчезает любая нормативность. Если Власть (то есть, земного Бога) нет, то все позволено. Так ведет себя догосударственный человек, насильно вписанный в большое общество, в ситуации распада этого общества.

Перед нами древневосточная модель государства. Сакральная власть—моносубъект не только владеет всем и принимает значимые решения. Она — тотем, хранитель целостности социокультурного модуля государства и сосуд энергии государственной жизни. Нет власти, нет и жизни по моделям большого общества, есть чистый хаос. Люди не несут государства в сознании и не воспроизводят его в своем поведении. Они не постигают, как можно и почему быть человеком государства и цивилизации, если над тобой нет карающей длани сакральной власти. Не так давно мы могли смотреть на то, как гордый и свободолюбивый иракский народ, по случаю краха режима Саддама Хусейна, растаскивал из музеев Багдада сокровища Шумера. Этот эпизод лучше всего иллюстрирует описанный феномен. Если власть рушится, такие люди быстро создают новую авторитарную, а лучше тоталитарную власть и успокаиваются под ее сенью.

Совокупный вопль ревнителей русской традиции — даешь репрессию, диктатуру развития, даешь нового Сталина — отсюда. Ревнители традиции: люди описанного типа. Они убеждены, что «наш человек» без Сталина воспроизводить государство не может.

Так же устроено сознание малого ребенка. Ребенок делает то, что надо, до тех пор, пока на него смотрят родители. Российское государство сущностно воспроизводит социальную и культурную ситуацию тюремной зоны. Общество противопоставлено конвою,

живет в ситуации двойной нормативности и консолидировано противостоянием миру людей власти.

Навязанное государство

Антропологи и историки культуры давно описали важную характеристику родового общества, которую можно назвать «двойной бухгалтерией». Нормы морали и экономические практики (процессы обмена и распределения) внутри родового общества и за его пределами, подчиняются разным закономерностям (эквивалентный обмен в межродовом общении и неэквивалентный во внутриродовом). Различие внутренней и внешней морали наследуется традиционным аграрным обществом.

Отметим, что, по мнению М.Вебера, сохранение пережитков родового сознания являлось тормозом на пути становления капитализма, который уничтожает различия между внутренней и внешней моралью, вводя универсальные практики торговли.⁹⁸ Надо сказать, что капитализм — великий интегратор, разрушающий сословные перегородки, размывающий островки архаики и объединяющий общество единым культурным пространством. Однако, капитализм в России не случился. Городская революция разворачивалась на пространствах СССР. Перемещавшиеся в города традиционные крестьяне несли с собой базовые характеристики традиционного сознания. Двойная мораль сохранилась, претерпев незначительную трансформацию. Теперь понятие «наши» — объединяет ближний круг, родню, общину, свою улицу. То есть: некоторое локальное сообщество, члены которого рассматриваются как «свои». В кластер «чужие» попадают все остальные граждане и государство: государство вообще, как таковое, и государство в лице его представителей. Поэтому средний россиянин не подбрасывает мусор через забор своему соседу, но спокойно вываливает его рядом с дорогой за околицей и при первой возможности нарушает законы и распоряжения властных инстанций. Нормативность отношения со своими, и с чужими различается кардинально. Это различие не проговаривается вслух, но существует в качестве общепринятой, естественной практики.

Поэтому социально ценное поведение в России обеспечивается за счет постоянного присмотра за подвластными, и государ-

⁹⁸ М.Вебер. История хозяйства. Город. — М. «Канон-Пресс-Ц», 2001 С.285.

ственной репрессии. Внутренних регуляторов — норм, ценностей, идеалов, задающих поведение нормального, полноценного гражданина, не просматривается.⁹⁹ Подчеркнем, мы говорим именно о гражданине, который не различает «своих» и «чужих», но руководствуется общими принципами и нормами поведения. Все эти сущности присутствуют на уровне ритуальных деклараций, которые при случае исправно декламируют подданные. Однако реальность поведения миллионов людей не свидетельствует о подлинности названных деклараций.

Идеи *общего интереса*, объединяющей отдельных индивидов в нацию и созидающей государство не обнаруживается. Зачем ремонтировать дороги или строить очистные сооружения, когда можно «распилить» бюджетные деньги. Зачем торговать добротными лекарствами, когда можно купить дешевые подделки с липовыми сертификатами и т.д. С точки зрения ценностных структур и ментальных моделей описываемый тип поведения ничем не отличается от действий мародеров. Историческая эволюция, разворачивающаяся в России с середины 50-х годов прошлого века, убедительно свидетельствует: снижение уровня властной репрессии с необходимостью ведет к росту уровня хаоса и приводит к деградации социальной ткани. Сегодня это более или менее очевидно.

Здесь мы вплотную сталкиваемся со специфической характеристикой российского социума. Огромному сегменту нашего общества *не нужно зрелое государство*. Это — те самые наследники родового сознания; тот сегмент общества, который веками жил внутри государства дистанцируясь от него и исповедуя догосударственнические ценности. Поэтому, более или менее отвечающая требованиям эпохи экономика и инфраструктура могли существовать только в контексте жесткого директивного управления, реализуемого всей мощью идеократического государства. Переход к естественному рыночному воспроизводству оборачивается сбросом целых секторов экономики, деградацией социальных институтов, упрощением и примитивизацией социальной ткани. Происходит буквальное «проедание», то есть деградирующее использование

⁹⁹ Речь идет о пространстве гражданского поведения. Традиционные нормы и ценности, регулирующие взаимоотношения частных лиц существуют, и, случается, работают. Средний россиянин знает, что воровать у соседа — грех. Совершенно иное дело — стащить у государства (или продать гниль незнакомому человеку). Сто пятьдесят лет назад эта норма распространялась на барские уголья или казенные леса.

без воспроизводства инфраструктуры, социального капитала и всего того, что относится к цивилизационному ресурсу.

Здесь можно вспомнить о том, что традиционный крестьянин ориентирован на абсолютный минимум ресурсов, необходимый для выживания семьи. И трудился он ровно столько, сколько было необходимо чтобы создать этот минимум. Что же касается государства, то он терпел его как неизбежное зло. Вот как комментирует развитие событий после отмены крепостного права известный специалист по социальной истории России Б.Н. Мironov: «Для того чтобы крестьянин больше трудился, государственная власть в казенной деревне и помещики во владельческой вынуждены были прибегать к принуждению, иначе он просто прекращал работать после того, как его базисные биологические потребности удовлетворялись».

А потому, после отмены крепостного права число нерабочих дней в году стало увеличиваться. В 1850 году число рабочих дней составляло 135, к 1902 году оно упало до 107. «Рост числа праздников происходил повсеместно и вполне стихийно, несмотря на усилия коронных властей остановить этот процесс. И произошло это потому, что налоговое бремя ослабло, а доходы крестьян увеличились. Об этом же говорит и увеличение расходов на водку. С 1863- го по 1906—1910 годы они увеличились номинально *в 2,6 раза*, а с учетом общего роста цен, — *в 1,6 раза*». ¹⁰⁰

К началу XXI века традиционный крестьянин вымер, но базовые характеристики культуры, порождавшей этого крестьянина, сохранились. Поскольку идея победы коммунизма во всем мире сгинула, а тоталитарное государство, заставлявшее двести миллионов людей во имя победы коммунизма создавать и поддерживать современную экономику и соответствующую ей социальную систему, рухнуло, дети и внуки традиционного крестьянина отказываются работать в поте лица от зари и до заката и воспроизводить зрелое государство, не нужное им и чуждое их природе. Они готовы к минимальным и по возможности простым, рутинным усилиям, на базе которых можно с грехом пополам поддерживать то государство, в котором живем мы с вами.

Обращаясь к этой теме надо заметить, что в Московии/Российской империи промышленность, городскую среду и все то, что относят к зрелой

¹⁰⁰ Борис Мironov. Социальный институт как общественная потребность. «Нева» 20011/3.

цивилизации, по преимуществу создавало государство. Вплоть до Великих реформ Александра II, государство оставалось абсолютно доминирующей и направляющей силой. Не зря Пушкин говорил о правительстве, как единственном европейце в России. Здесь возникает вопрос: в какой мере такая диспозиция задавалась степенью цивилизационной зрелости населения, а в какой — идеологией самодержавья, сознательно блокировавшей инициативу общества и глушившей ростки гражданского самостояния, но факт остается. Удельный вес саморазвития общества был крайне низок даже в пореформенную эпоху. Что-то начинает меняться лишь с началом XX века.

Нечто похожее происходило (и происходит по сей день) в некоторых из бывших европейских колоний, обретших независимость в середине XX века. С уходом европейцев рушилась система образования и здравоохранения, ухудшались дороги, деградировала экономика. Скроенные по европейским образцам парламенты сменялись диктаторскими режимами. В ряде стран Африки трайбализм деформировал всю систему общественно-политических отношений. Отдельные государства просто распадались. В других выделялись районы неподконтрольные центральному правительству. Все это свидетельствовало о том, что формирование государств на территории Африки было проведено искусственно и, в некотором смысле, преждевременно.

Навязанная колонизаторами государственность не соответствовала базовым характеристикам общества. С их уходом система приходит к более или менее равновесному состоянию.

В данном случае понятие «равновесное» существенно и заслуживает комментария. Рассматриваемые нами общества существуют внутри глобализующегося человечества. Они испытывают многообразные воздействия: экономические, информационные, политические, заданные процессами рецепции технологий, агрессией иностранной предметной среды, влиянием внешних идеологических институтов и т.д. Эти воздействия разлагают догосударственные (племенные) структуры и сдвигают местные сообщества к политическому структурированию в формах зрелого государства. Население этих стран в разной мере способно к жизни в государстве. Вестернизированные горожане существенно отличаются от племенной глубинки. Тем не менее, государство представляет собой консенсус. А формы, в которые выливается государственность и политическая жизнь заданы стадийными и качественными

характеристиками актуальной культуры населения этих стран. В этом отношении можно говорить о равновесном состоянии.

Складывается именно то государство, которое готово поддерживать и воспроизводить население. Это не означает, что оно отбрасывается к некоторому исходному (доколониальному) уровню, но существенно «проседает» в качественном отношении. В нашем случае Российская экономика концентрируется на добыче сырья и производстве продуктов первого передела на экспорт. Что же касается социального, культурного и политического измерения сегодняшней российской реальности, то здесь «проседание» очевидно.

В России не только модернизация, но и *зрелое государство носят навязанный характер*, существуют и воспроизводятся поневоле. Для того, чтобы кардинально изменить положение вещей (а без кардинальной перемены Россия может только деградировать), необходима *смена цивилизационной модели*. Ни больше, но и не меньше. Традиционное восприятие государства как внешней, чуждой «нам» — подъяремным, враждебной силы; восприятие чиновников и политиков как пастырей, а нас как стада, должно уйти и смениться гражданским этосом. Но для этого необходимы: реальная демократия, независимый суд, парламентская республика, финансово независимое местное самоуправление с широкими полномочиями, реальная подсудность чиновников любого уровня, священная частная собственность и многое другое. Только тогда умрет патернализм и восприятие власти как конвоя.

Однажды (в 1478 г.) Москва победила и уничтожила Господин Великий Новгород. Россия имеет шанс на выживание в том случае, если Господин Великий Новгород победит Московию и уничтожит политическую и культурную традицию Московского царства. Разумеется, речь идет не о военно-политических процессах, а о победе цивилизационной модели, победе исторической стратегии, символом которой в русской истории стала Новгородская республика. Отметим, что последние годы эволюция нашей страны идет в противоположном направлении. Властная элита всеми силами блокирует разворачивающиеся на наших глазах тенденции перерождения традиционно-восточного общества в европейское общество Нового времени. Блокируется формирование гражданской и политической субъектности широких масс, вытесняются ростки

гражданского общества, и воспроизводится архетип навязанного государства.

Откуда берется навязанное государство?

Может возникнуть вопрос: а *кто*, собственно, выступает *субъектом навязывания*. Не следует думать, что это делает элита. Элита, которая осуществляет власть, сама порождена российской культурой и в стадильном отношении не отличается от подвластных.

Сословно-патерналистское общество, в котором вся полнота субъектности сосредоточена в руках «людей государства», а частично вписанные в государство пасомые выступают объектами государственного управления — это стадильная и качественная характеристика культуры как целого. «Пастыри» и «пасомые» — звенья одной цепи. Такая элита не в состоянии существовать в рамках следующей стадии исторического развития. Ее тотальная субъектность — оборотная сторона объектности подданных. Субъектность «пастыря» — субъектность над законом и вне морали. Она невозможна в правовом демократическом государстве.

Ответ состоит в том, что навязанное государство возникает под воздействием *исторического императива*:

Прорыв к цивилизации в Месопотамии запустил двуединый процесс: *движения государственности и цивилизации вширь* с одной стороны и *стадильного развития государства и цивилизации* — с другой.

Разговор о государственности и цивилизации заслуживает комментариев. Как стадия общеисторического развития цивилизация неотделима от устойчивой государственности. В этом смысле государство выступает базовым условием формирования цивилизации или приобщения территории к некоторой локальной цивилизации. Государство выполняет функции структурирующего начала и представляет собой политическую оболочку цивилизации. При этом сложившаяся локальная цивилизация базовее и устойчивее государства. Государство может деградировать и распасться. Если эти процессы не сопровождаются крахом цивилизации, последняя восстанавливает государство и тем самым воспроизводит необходимые условия своего существования

Приблизительно к 3000 г. до н.э. в городах Шумера утверждается институт царской власти и складывается устойчивая шумерская государственность. С этого момента разворачивается *макропроцесс всемирно-исторического продвижения государственности и цивилизации из зоны своего возникновения*. Логическим завершением описываемого процесса можно полагать ситуацию, когда государственность и цивилизация охватит все населенные человеком пространства Земли. Формально человечество достигло этого состояния в 60–80 годы XX века. Иными словами охват человечества государственностью потребовал пяти тысяч лет. Практически же на земном шаре существуют не слишком значительные в объемном отношении анклавы без-государственного, до-государственного бытия. Если пренебречь этими локусами, можно утверждать, что, в первом приближении, процессы приобщения человека разумного к стадии развития, характеризующейся государственностью и цивилизацией, завершены.

Вторая составляющая описываемого нами процесса, состоящая в стадийном разворачивании государства идет полным ходом и далека до завершения. Здесь можно выделить три стадии или три этапа:

Первый этап или исходная картина: (3000 – 1500 гг. до н.э.). Немногие очаги ранних государств, окружены, казалось бы, бескрайним морем догосударственной архаики. Здесь сюжеты отношений внутри зоны, охваченной государственностью и цивилизацией, подчинены или равно значимы противостоянию цивилизации зоне догосударственного бытия человека.¹⁰¹

Следующий этап: (1500 до н.э. – 1600 н.э.), Конкурирующие между собой локальные цивилизации, создающие множество государств эволюционируют, взаимодействуя параллельно с догосударственной окраиной (торгуют, воюют, колонизируют).

Локальные цивилизации — базовая категория цивилизационного анализа. Локальная цивилизация — особая стратегия человеческого бытия, возникающая в ходе общеисторического развития. Локальные цивили-

¹⁰¹ Государство и догосударственная периферия находятся в постоянном внутренне противоречивом взаимодействии. Притом, что они выступают взаимно необходимыми сторонами исторической диалектики, каждая из этих сторон разлагает противную сторону, паразитирует на ней, стремится уничтожить. Борьба цивилизации и варвара — сквозной сюжет исторического процесса.

зации — своего рода элементы, составляющие общий поток истории. Каждая из таких стратегий, доминируя на весьма значительной территории, оказывается фактором, задающим весь строй жизни. Цивилизации рождаются в процессах цивилизационного синтеза. Диалектически взаимодействуют друг с другом, конкурируют за людей и территорию, саморазвиваются, адаптируются к изменениям внешнего контекста и, завершив свой жизненный цикл, распадаются.

Здесь палитра феноменов неизмеримо более сложная. Разные локальные цивилизации, как качественно однородные (цивилизации Востока), так и различающиеся в качественном отношении (цивилизации Востока и античная цивилизация, цивилизации Востока и протестантски-католический Запад). Эти феномены дробятся на разные государства: Империи, интегрирующие стадильно и культурно разнородное население, города-государства, небольшие этно-культурно гомогенные страны, империи кочевников, возникающие на периферии земледельческих цивилизаций. Все эти феномены находятся в разнообразном взаимодействии, напряженность которого постоянно нарастает.

Рядом с зоной цивилизации (хотя бы и самой рыхлой) существуют варварские раннегосударственные образования, вожества, союзы племен, то есть — самые разнообразные эскизные наброски политической организации общества. За ними располагается зона чистой архаики: пространства, на которых доминируют палеолитические и раннеолитические стратегии человеческого бытия. Между зоной цивилизации и зоной догосударственного бытия идет постоянное взаимодействие и борьба.

Третья стадия (условно с XVI—XVIII века н.э.): характеризуется тем, что анклавы догосударственного бытия уменьшаются в объемном отношении и утрачивают значимость как активный фактор истории. Разворачивается эпоха колонизации. Основным содержанием всемирно-исторического процесса становится развитие и качественная эволюция большей части человечества, охваченной государственностью и цивилизацией. Здесь можно наблюдать прихотливую мозаику сюжетов борьбы, конкуренции, культурных влияний и т.д.

Описанные процессы разворачиваются на всем пространстве истории человечества, и задаются тем фундаментальным обстоятельством, что государственность эффективнее как стратегия чело-

веческого бытия, а потому располагают конкурентным преимуществом по отношению к предшествующим стадиям развития. Кроме того, целостности «государственность и цивилизация» имеют свойство развиваться и конкурировать между собой. По отношению к обществам, следовавшим за первыми, очаговыми цивилизациями (Уильям Мак Нил называет их «цивилизациями речных долин») — Шумером, Египтом, Китаем, процесс приобщения человечества к государству и цивилизации выступает в форме *исторического императива*.

История знает множество примеров исчезновения ранних государств. Климатические катастрофы, природные катаклизмы (землетрясения, извержения вулканов), изменения торговых путей вели к тому, что люди покидали города, и конкретные государства исчезали. Дикие племена спускались с соседних гор, орды кочевников приходили из степей, рушили города, разрушали ирригационные системы, крушили зрелую среду сельскохозяйственного производства.¹⁰² Однако, общий вектор эволюции состоял в том, что территория охваченная государственностью неуклонно расширялась. Вместо одного разрушенного очага цивилизации возникало два новых. Часто (хотя далеко не всегда) города через некоторое время восстанавливались на старом месте. Императивность расширения пространства государственности и цивилизации удостоверяется историей человечества.

В истории просматривается и другая закономерность. Если на ранних этапах истории разрушение городов и уничтожение государств часто носили необратимый характер, то на следующих этапах самые страшные катастрофы государственности вели скорее к более или менее глубокой, но частичной деградации. Городская среда и государство «проседали», но сохранялись. Поздний варвар не столько стремится уничтожить государство и городскую культуру, сколько ослабить и деградировать ее, с тем, чтобы паразитировать на покоренной цивилизации. Иными словами, с каждым витком истории государство все более превращается в безусловную, хорошо освоенную данность. Не только жители государства, так и носители исторической альтернативы государственности, населяющие догосударственную периферию, не видели мира без государства.

Территории, соседствующие с зоной цивилизации, неизбежно

¹⁰² Можно предположить, что выжившие носители традиции жизни в цивилизации уходили на новые территории или деградировали, смешиваясь с варварами.

оказываются вовлечены в многообразное взаимодействие с государственностью — экономические и культурные контакты, обмен людьми, войны; все это разлагает догосударственную периферию и приближает момент становления политических форм консолидации. Вариантов вступления в этот процесс не так много: или население некоторой территории само создает государство, или его навязывают ему победители. А дальше разворачивается бесконечно разнообразный рисунок исторической эволюции, в котором возможны самые разные варианты и комбинации. Общества слабо консолидированные, нестабильные проигрывают, утрачивают политическую независимость, становятся объектом внешнего управления, эксплуатации и т.д. Государственность развивается постольку, поскольку каждое государство включено в некоторую конкретно-историческую среду.

Однако такое развитие лимитировано объективными характеристиками (ландшафтно-климатическими, геополитическими, ресурсными, качественными и стадияльными характеристиками населения, параметрами устойчивой ментальности и т.д.). Навязанное государство — характеристика типологии государства, культуры и типа историко-культурной эволюции, которые возникли под внешним воздействием. В этом нет ничего экстраординарного. На большей части территорий земного шара государственность и цивилизация утверждались не в результате саморазвития. А потому навязанное государство — естественный этап исторической эволюции множества обществ.

Но далее следует значимая историческая развилка: Мозаика факторов (расстояние от центров мировой динамики, плотность контактов с лидирующими обществами, перспективность заимствованной цивилизационной модели, качественные характеристики населения и т.д.) складывается таким образом, что одни общества могут перейти качественный порог, разделяющий общества способные к саморазвитию, от обществ развивающихся только в результате внешнего воздействия, а другие остаются в стадии неимманентного развития. Здесь параметры культуры, характерные для навязанного государства могут войти в цивилизационный/культурный синтез и стать *качественными характеристиками ментальности*. В таком случае ситуация навязанного государства перестает быть неизбежным этапом развития и превращается в диагноз.

В связи с изложенным можно вспомнить Афганистан, культу-

ра которого не предполагает устойчивого государства, а население тяготеет к догосударственным/раннегосударственным формам существования. При том, что устойчивые земледельческие общины существуют в этом регионе более 5000 лет, а территория страны была включена в Персидскую империю в VI веке до н.э., на территории Афганистана не сложилось зрелого государства. Стадиальные и качественные характеристики культуры афганских племен и народов не требуют устойчивой государственности и не порождают государства из себя самого.

При этом население Афганистана достаточно энергично охраняет свой суверенитет и право жить в специфическом догосударственном или раннегосударственном укладе. На этой территории государство может возникать, переживать кризисы, распадаться на племенные зоны, складываться заново. Приходят народы (евреи, персы, греки, монголы, арабы), мировые религии (манихейство, ислам), но стадиальные и качественные характеристики социокультурного целого наследуются, а пришлое население исторгается или ассимилируется. Сложившийся здесь устойчивый социокультурный тип тяготеет к стадии ранне государственного существования.

Подобной зоной был и, на наш взгляд, остается Северный Кавказ. Этот поликонфессиональный конгломерат племен и народов тысячелетия жил на окраине цивилизаций. Кавказ, в силу географии и ландшафта, представляет собой идеальный этнокультурный изолят. Народы Кавказа также стабилизировались на стадии до/ранне государственного существования и веками боролись за сохранение устойчивых качественных характеристик своего бытия. Насильственное вписание в Российскую империю в результате колониальной войны растянувшейся на столетие, загнало население названной территории в регулярное государство. Однако существование Кавказа в российском государстве покупалось ценой существенной внутренней автономии региона. Центральная власть не слишком вмешивалась во внутрикавказскую реальность, не корежила нормы и обычаи, и сохраняла статус изолята. Каждый кризис российской государственности сопровождается активизацией Кавказа, как в аспекте обретения независимости, так и в аспекте усиления внутрикавказских противостояний. Добавим, что дальнейшие перспективы пребывания Северного Кавказа в составе России достаточно туманны.

Афганистан и Северный Кавказ стабилизировались на ранне\ догосударственном бытии. А Россия стабилизировалась на более

или менее устойчивом регулярном государстве, собранном по типу традиционной империи.¹⁰³ Это застойная модель демонстрирующая нацеленность на экстенсивное расширение, однако, неспособная к самостоятельному развитию и сохраняющая широкие пласты населения частично вписанного в государство и цивилизацию. А такая конфигурация возможна лишь в рамках модели *навязанного государства*. Когда между актуальной культурой широких масс и феноменом государства пролегает качественная дистанция, такое государство не может восприниматься иначе, как чужое, непостижимое и исходно-враждебное. Такое государство держится на насилии, в терминологии автора относится к традиционно репрессивным. По существу речь идет о навязанной, чуждой природе населения сущности. Причем отечественная культура всеми силами сохраняет те параметры культурного, экономического и политического пространства, которые воспроизводят навязанное государство.

В высшей степени характерно то, что навязанное государство воспроизводится и поддерживается как пастырями, так и пасомыми. Массовый *россиянин бережно сохраняет свою политическую объектность*, атомизируется, по мере распада традиционных структур, и воспроизводит «азиатчину» в каждой точке социокультурного пространства. Вопреки самой разнообразной мифологии, перед нами не результат своекорыстной активности привилегированных сословий и правящей элиты, а системная характеристика культуры.

Воспроизводство устойчивых характеристик — абсолютно естественный и закономерный процесс. Культура самосохраняется, блокируя изменения системного качества. В этом отношении реакция на навязываемые извне изменения, будь то Афганистан, Бурунди или Россия, одна и та же. Изменения в рамках системного качества происходят в соответствии с изменениями вмещающего контекста и логикой саморазвития. Что же касается изменений системного качества, то они разворачиваются тогда, когда исчерпываются возможности существования в качественно неизменном виде. Поясним, речь идет не об адаптирующих изменениях, не затрагивающих системного ядра (такова, в частности, стратегия «консервативной модернизации»), а о системно-эволюционной трансформации. Либо изменения не наступают никогда. Альтернатива широким трансформациям: схождение с исторической арены.

¹⁰³ Здесь существенную роль сыграла задававшая базовые модели Орда, то есть Монгольская империя.

Атрибутивная характеристика навязанного государства — широкий пласт культурных феноменов, которые можно охарактеризовать как «частично-государственные». Это паллиативные формы сознания, модели поведения, нормативно-ценностные структуры, модели ментальности, представляющие собой исторический компромисс между государством и без/вне/до-государственной архаикой. Человек навязанного государства это потомственный заключенный, родившийся в лагере, но мечтающий о воле. Он уже не может жить без государства, но категорически не принимает государство, как фундаментальную ценность, и мечтает об обретении состояния «воли», то есть — бытия без государства. На самом деле такая «воля» — чистая химера. Подданный не отдает себе отчета в том, что государство обеспечивает важнейшие параметры устойчивого социального пространства, без которых ему не выжить. Но это лежит за рамками его кругозора.

Навязанное государство можно рассматривать как один из вариантов ранней стадии *общеисторического развития*. Из общих соображений надо полагать, что эта стадия однажды изживается. Но при этом базовые цивилизационные характеристики должны радикально смениться на характеристики зрелой цивилизации, способной к саморазвитию.

Завершая этот сюжет, заметим, что концепция навязанного государства перекликается с концептом *колонизирующего государства*, раскрываемым в монографии Александра Эткина «Внутренняя колонизация».¹⁰⁴ В этой работе не только колонизируемые территории и народы, но и собственно российские земли, и коренное население России предстают полем колониального освоения и управления со стороны государства.

Некоторые характеристики навязанного государства

ТИПОЛОГИЯ СОЛИДАРНОСТЕЙ

Сопоставление российской и европейской реальности выявляет *различие типологических моделей солидарности*.

Когда сидящий за рулем немец сообщает на пост дорожной полиции номер автомашины, из окна которой выкинули пустую

¹⁰⁴ Александр Эткин. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.

пачку от сигарет, студент во время экзамена сообщает преподавателю, что сосед по парте заглянул в его работу, а австриец доносит на соседа, который нанял для ремонта своего дома нелегальных иммигрантов, мы имеем дело с солидарностью общества вокруг ценностей государства. На этой солидарности стоят общества евроатлантической цивилизации.

Такое поведение совершенно непостижимо для нашего соотечественника. У него в сознании нет ни объяснительных моделей, ни аналогов такого поведения. Ни премий, ни благодарностей от властей, сигнализирующие о нарушениях закона, не получают. Мысль о том, что гражданин может руководствоваться идеей общегосударственного интереса и полагать себя заинтересованным в том, чтобы законы соблюдались всегда и везде, что он видит в этом свой гражданский долг, не уместается в российской голове.¹⁰⁵

Между тем, мы сталкиваемся здесь с важнейшим элементом культуры зрелого государства. Отсутствие общегосударственных солидарностей оборачивается критически высоким уровнем хаоса, высоким уровнем насилия и минимальной эффективностью целого. Отсутствие общегосударственных солидарностей на ранних этапах модернизации возможно. Но, трудно представить себе конфигурацию общества на завершающих этапах модернизации, лишенное общегосударственных солидарностей.

Проблема солидарностей заслуживает специального рассмотрения. Типология государства задает *доминирующий тип солидарности*.

В навязанных государствах доминирует *солидарность в обход и противостояние государству*.

В государствах общественного договора — *солидарность в поддержку и воспроизводство государства*.

Зафиксируем в России практически все солидарности *мимо* или *анти* государственные. Люди солидаризируются в обходе, нарушении норм и правил, в противостоянии государству.

В общем случае, российские солидарности распадаются на два блока:

Своекорыстная солидарность пастырей в защите кастовых интересов, в выведении из под ответственности членов сообщества, попавшихся на преступлениях, в противостоянии касты пастырей

¹⁰⁵ Единственная отечественная реалья, соотносимая с описанным — СВП (Секция Внутреннего Порядка) или «прессовщики» на зоне.

пасомым как целому. Эти солидарности противостоят идее общегосударственного интереса, противостоят закону и нормальным принципам нравственности цивилизованного общества.

Солидарность пасомых в самозащите, в противостоянии пастырям, также разворачивается в обход государства, и так же своекорыстна. Также не предполагает единых нравственных норм и уважения закона, то есть противостоит принципам нравственности цивилизованного общества. Люди мечтают не о том, чтобы восторжествовал закон, а о том, чтобы перебить этих гадов, и отнять у них все, что они нахапали. Иными словами, стремятся воспроизвести вечный российский порядок вещей.

А рядом с этим существует *своекорыстная солидарность пасомых*, которая направлена на хищения по мелочи, грошовое жульничество, волынку, придуривание и прочие радости маленького человека озабоченного тем, чтобы меньше работать и больше иметь. При этом, между пасомыми отсутствует доверие. Своекорыстная солидарность пасомых реализуется по частным поводам. Я не донесу на тебя, а ты не донесешь на меня.

В России *отсутствует общегосударственная солидарность.* Мы знаем единственную ситуацию, в которой возникает общая солидарность — большая война. Поэтому власть и идеологи традиционной государственности так тянутся к обострению внешнеполитической обстановки. Потому так востребован образ Врага с большой буквы. Из исторического опыта пастыри знают: ничто кроме войны не в состоянии объединить в одно целое *этот* народ и *эту* власть. Вот почему в ситуации отсутствия больших войн российская власть склонна периодически устраивать «маленькую и победоносную» войну.

Здесь надо оговориться. В самые последние десятилетия, буквально на наших глазах формируется новая для России тенденция, выраженная в институтах гражданского общества. Прежде всего, в этом ряду надо назвать правозащитное движение. Идеология и практика правозащиты принципиально исходит из идеи государства, действует в рамках легальных норм и правил, апеллирует к общественному мнению, ставит цели формирования общегосударственных солидарностей. Процесс идет, но исключительно сложно и медленно, встречая тотальное сопротивление на всех уровнях общества.

Элементы описанной тенденции или соответствующую риторику можно усмотреть в оппозиционных политических партиях

и общественных движениях. Однако мы располагаем печальным опытом конформизма, соглашательства, перерождения оппозиционных политиков по мере их приобщения к политическому классу и властным позициям. Пока что идеи и ценности, на которых могут быть основаны общегосударственные солидарности цивилизованного общества, служат целям приобщения к сословию правителей.

Данная ситуация ничего не говорит об этих идеях и ценностях. Она свидетельствует об этапе исторического развития. Новые основания жизни уже востребованы как лозунг, как мечта, как цель, способов достижения которой не видно. Общество как целое еще не способно жить по новому, еще обременено грузом прошлого, еще не готово каждый день и каждый час отстаивать новые принципы жизни.

События 2011–2012 годов, связанные с выборами Президента РФ, получившие разные наименования: «белоленточники», «протестное движение», «рассерженные горожане», представляют особый интерес. Политически все эти группы достаточно разные — от либералов, до левых и русских националистов. По доминирующим интересам протестные солидарности также дробятся. Здесь обнаруживаются правозащитники, экологи, борцы с коррупцией, политики из несистемной оппозиции. Объединяющий лозунг «За честные выборы!» многим представляется наивным. Однако, это — поверхностное суждение. Перед нами нравственный протест против оскорбляющего человеческое и гражданское достоинство поведения властной элиты. Политически активные россияне отказываются быть быдлом и принимать участие в недостойном спектакле. Все эти группы объединяет органическое отторжение азиатчины, навязанного государства и сословного общества; объединяет требование демонтажа муляжных структур и перехода к подлинной правовой демократии. По существу, перед нами эскиз движения, цель которого — новый цивилизационный выбор. «Марши миллионов» и «Оккупай Абай» объединяли людей, отстаивающих *европейскую перспективу России*.

Когда то близкий идейный комплекс — государства правовой демократии — вдохновлял русских либералов, общественных деятелей земского движения, всех тех, кто консолидировался вокруг ценностей права и демократии, что отличало их от революционных партий (народовольцев, эсеров, большевиков). Как мы знаем, Россия пошла другим путем.

Тем не менее, люди хотят «новой земли под новым небом» (2 *Пет.* 3:10–13; *Откр.* 20:9). Образ исторической альтернативы не вполне оформлен, множится в головах людей. Но их объединяет массовое отторжение существующего бесправия. В обществе живет запрос на общенациональную солидарность цивилизованного общества. Тому, кто сомневается в этом стоит всмотреться в фотографии Манежной площади, двадцать с лишним лет назад вместившей в себя 400 тысяч человек и обратиться к хронике событий 2011–2012 годов. Это запрос запрятан, покрыт коростой страхов и разочарований, скрыт под маской цинизма, отрицающего любые идеальные устремления. Но он существует.

ПРИНУЖДЕНИЕ КАК НОРМА ЖИЗНИ И ВЛАСТЬ КАК КОСМИЗУЮЩАЯ ИНСТАНЦИЯ

В навязанном государстве власть-моносубъект требует выполнения норм и правил в результате принуждения. От подданного ожидают усвоения заданных государством норм, но выполнение актуальных требований приоритетнее. Надо не умствуя делать то, что тебе приказали сию минуту. Связано это с тем, что, действуя из внутренних побуждений, подданный встает на путь превращения в субъекта, а этого не должно быть. Далее, наличие убеждений провоцирует процессы согласования этих убеждений в широком социальном пространстве, помимо сакральной власти. А это уже самоорганизация культуры; отсюда до демократии рукой подать. Потому власть требует безусловного подчинения и работает в парадигме принуждения.

Возникнув однажды, навязанное государство формирует адекватного себе подданного, выпалывает ростки личностности, консервирует архаику, формирует конфигурацию культурного пространства таким образом, чтобы новые знания, идеи и технологии, проникающие в общество, не размывали устойчивый порядок вещей. С точки зрения власти, социум по неволе и специфическая атмосфера общества принуждения, несет в себе некоторые неудобства. Но все они искупаются статусом субъекта по преимуществу, в бессубъектной стране.

Как мы уже сказали, сакральная власть — инстанция, побуждающая архаика воспроизводить большое общество и государство. Такой человек не несет модуль государства в самом себе, воспроизводя его в своем поведении непрестанно. Он магически приобща-

ется к целому большого общества и государства через тотем власти, которая выступает демиургом, распорядителем и побудительной силой, направляющей подданного в его действиях. Нет власти, и это целое буквально рассыпается на кучу атомизированных индивидов неспособных воспроизвести государство самостоятельно. Крестьянин переходит к натуральному хозяйству, уменьшает запашку, обрекая город на голод. Булочник перестает печь булки на продажу и проедает запасы зерна. Рабочий запьет и займется растаскиванием предметной среды. Учащийся перестает ходить в школу, верующий к исповеди,¹⁰⁶ студент на лекции и т.д.

Стратегия воспроизводства большого общества в сознании этих людей отсутствует. И это — достаточно парадоксально. Казалось бы, те же люди еще вчера работали, то есть участвовали в общественном разделении труда. В их действиях воспроизводились общественные отношения, рос и усложнялся социокультурный организм. Но рушится целое, проседает центральная власть и миллионы людей демонстрируют палеолитические стратегии индивидуального выживания. Если завод закрывается или годами не платит зарплаты, начинается проедание окружающей среды (растаскивать и сдавать на металлолом медные и латунные детали станков и энергоустановок, тащить на рынок все, что можно продать). Другой вариант — неолитическое, вне рыночное натуральное хозяйство (картошка и капуста на шести сотках).

Идеи найти свое место в новой реальности, создавать товар или услугу, которую востребует рынок — а это было бы самостоятельным включением в общественное разделение труда и участием в воспроизводстве большого общества — чужда сознанию традиционного россиянина.

Исторические истоки такого положения вещей понятны. В традиционном обществе социальная функция и жизненный сценарий наследуются. Иными словами, заданы по факту рождения. Модернизация диктует новое положение вещей. Власть выступает как сакральная инстанция, задающая социальную функцию и жизненный сценарий. Сорок лет назад для традиционного человека существовало два сценария. Первый: идти на работу в родной колхоз или к проходной соседнего завода. Второй: ехать туда, куда по-

¹⁰⁶ Это не метафора. Среди русских военнопленных в Германии во время Первой мировой войны зафиксирован поразительный феномен: После Февральской революции число исповедующихся упало в разы.

шлет Родина и делать то, что она прикажет. Крах советской власти и плановой экономики выявил, что массовый советский человек не способен самостоятельно выбирать род занятий и жизненный путь. Он лишен необходимых для этого психологических, культурных, экзистенциальных ресурсов.

Герои нашего исследования не создавали государство и большое общество, но были включены в него внешней для себя силой и не способны к воспроизводству этих сущностей. Модели социальной и хозяйственной субъектности, присущие их сознанию принадлежат другим эпохам. В пространстве исторического бытия они могут быть чистыми объектами. Государство – психологически и онтологически чуждая для них реальность. Надо было поставить этих людей на грань вымирания для того, чтобы часть из них прошла путь самостоятельного включения в общественное разделение труда. Остальные необратимо маргинализировались, либо вымерли. Причем, процесс не завершен.

Мы говорим не обо всем обществе, а о традиционно-ориентированном секторе, который, по нашим оценкам, составляет не менее половины населения. Та часть, этого сектора, которая способна адаптироваться к изменениям, медленно и болезненно, но включается в процессы трансформации. Так, по оценкам Ростислава Капелюшникова самозанятость сегодня составляет 22 млн. чел.¹⁰⁷

Навязанное государство и историческая периферия

Навязанное государство принадлежит к более широкому классу феноменов – периферии общеисторического процесса. Наше понимание природы вещей состоит в том, что центр и периферия представляют собой базовые категории всемирно-исторического развития. Статусы центра и, соответственно, периферии не являются универсальными. В ходе исторического развития вчерашняя периферия может стать центром, а центр превратиться в глубокую периферию. Однако само разделение целого (как регионального, так и мирового, когда таковой возникает) на центр и периферию носит универсальный характер.

¹⁰⁷ Гимпельсон, Капелюшников Нестандартная занятость в российской экономике. М. Изд. ун-та ВШЭ.2006.

Пространства земного шара гетерогенны и различаются во множестве своих характеристик: Ландшафтно-климатические, ресурсные, общегеографические различия с точки зрения близости к морям, пространственной открытости или выделенности горными системами, лесами, непроходимыми болотистыми местностями и т.д. Различаются они и относительно взаиморасположения с центром расселения «человека разумного» (а этот параметр задает эпоху освоения некоторого пространства человеком). Соответственно всему этому, территории земного шара разделяются на широтные зоны более оптимальные, для проживания *homo sapiens*, и менее оптимальные.

Отметим, что неолитическая революция разворачивается в широтной зоне, покрывающей Ближний Восток. Плодородный полумесяц (нижнее течение Нила, Финикия, Месопотамия вплоть до Персидского залива) стал зоной доместикиции ячменя и пшеницы. Примыкающие к полумесяцу горы Загроса — местом одомашнивания коз и овец. С разворачиванием неолитической революции (10 тыс. лет назад) Плодородный полумесяц превращается в центр эволюции человечества, лидирующий в стадийном отношении.¹⁰⁸ Примечательно, что все очаговые цивилизации, с которых начинается история человечества (Шумер, Египет, Хараппа, Китай) расположены в обозначенной широтной зоне. Здесь складывались наиболее оптимальные условия для развития и возникновения городов, которые оказывались ядрами процессов образования государства и формирования цивилизации.

Относительно центров мирового развития все остальное являлось периферией. Эта периферия делилась на ближнюю, и дальнюю. По мере движения от центра, зона, контактирующая с центрами мирового развития, сменялась регионами, лежащими на более глубокой периферии. А далее простирались пространства практически не затронутые контактами с центрами качественной динамики. Дальняя периферия оставалась более или менее пассивной, как не затронутая собственно историей. Она включается в исторические процессы в свое время.

Контактируя (торговля, войны, людские контакты) центры трансформировали периферию. Инициировались процессы разло-

¹⁰⁸ Существовали независимые центры неолитической революции в Юго-Восточной Азии. Несколько позднее самостоятельный очаг неолита возникает в Южной Америке.

жения первобытности и складывались предпосылки для формирования ранних форм политических образований. Местное население развивалось как в соответствии с логикой собственного развития в рамках неолитической парадигмы, так и усваивая элементы, позаимствованные из центров динамики. Верхушка местных обществ включалась в экономические и культурные связи с цивилизацией. Здесь же формируется устойчивая паразитарная или хищническая стратегия, предполагавшая объектом эксплуатации земледельческие районы. Культура периферии трансформировалась таким образом, что соседние центры превращались в значимого Другого. Так формировался феномен исторической периферии.

Центр не является навсегда данной, устойчивой зоной. Некоторая территория может утратить статус центра, пережить упадок, депопуляцию, смену этносов и подняться заново в «новой редакции». А может оказаться в статусе периферии на всем обозримом пространстве мировой истории. Центр имеет свойство смещаться, переходя в другие, часто весьма отдаленные пространства.

Можно даже зафиксировать общую тенденцию таких перемещений. Из исходных, очень теплых и солнечных зон (тяготеющих к нижней кромке умеренных широт), центр мирового развития смещается в зоны с более умеренным климатом (тяготеющих к верхней кромке умеренных широт). Это будет морской климат, достаточно оптимальный для проживания. Территория, на которой снег — явление не частое. Однако, при всех обстоятельствах, центр тяготеет к водным коммуникациям и морскому побережью.

В ходе разворачивания мировой истории периодически сменяются значимые технологии человеческого бытия (бронза/железо; мотыжное/пашенное земледелие; иероглифическое/алфавитное письмо и т.д.). Эти революции чаще всего происходили на периферии устойчиво лидирующего качества и порождали новые центры. На успешные земледельческие общества периодически накатывались волны варваров, сметая устойчивую (и часто застойную, выработавшую ресурс качественного развития) систему. В результате складывались новые конфигурации. Диспозиция «центр-периферия» менялась в географическом аспекте, но оставалась общеисторической универсалией.

Феномен исторической периферии задан следующими процессами: формированием более или менее устойчивого целого «центр-периферия», в котором некоторый регион проигрывает региону-лидеру; качественным/стадиальным отставанием последнего от лидирующих регионов и устойчивыми контактами с лидером, причем, эти контакты выступают значимым фактором формирования и развития периферии. Как центр, так и периферия осознают свое место в сложившейся системе взаимоотношений, осознают взаимную необходимость, формируют образ Другого и устойчивую стратегию отношений со значимым Другим.

Периферия, это то, что столкнулось с центром и устойчиво взаимодействует с ним. Однако, взаимодействие с центром качественной динамики чревато перерождением периферийного региона/(общества, этнокультурного целого) и органическим включением его в зону центра. Этот сценарий реализовывался в истории многократно. Варвары завоевывали лидирующие общества, а затем элита завоевателей (а, вслед за ними, и основная масса) ассимилировались в поработанном обществе без остатка. Завоеванная территория, в силу тех или иных причин, может оказаться в поле напряженной активности, и, по прошествии некоторого времени, ассимилироваться в лидирующую целостность.

Условия возникновения и устойчивого существования периферии — *мера взаимодействия с центром исторической динамики*. Это такая мера воздействия, которая *достаточна* для того, чтобы выбить общество периферии из процессов имманентного саморазвития, *но недостаточна* для того, чтобы качественно трансформировать это общество и перевести его в зону центра.

В случае с периферией мы имеем дело с феноменом промежуточного или паллиативного характера. Периферия вышла из одного устойчивого качества, но не может войти в другое, логически завершенное и устойчивое качество. Трансформирующее воздействие, идущее из центра динамики, создает и постоянно воспроизводит периферию, *но его не достаточно* для качественного перехода.

Здесь исключительно важно взаиморасположение центра и периферии. Важно расстояние между ними. Однако, ситуация значительно сложнее. Сказываются и расстояние, и ландшафтно-

климатические характеристики, и факторы, дросселирующие трансформирующее воздействие военно-политического или идеологического порядка. Сказывается стадияльная/качественная дистанция между центром и периферией. Чем больше эта дистанция, тем сложнее ассимиляция, тем драматичнее формы в которых она протекает, тем сильнее импульсы изоляции, и тем больше людей погибнет (погибнет буквально, деградирует, выпадет из бытия) на таком историческом переходе.

Рассмотрим под этим углом зрения перипетии конкретного региона Европы. Интеллигент средней руки при упоминании Балкан вспомнит, разве что, восходящий к XIX веку журналистский штамп «пороховой погреб Европы» и формулировку «балканский вопрос», а в целом воспринимает названный регион как очевидную провинцию.

Между тем история региона совсем не простая. Балканский полуостров стал одним из первых регионов Европы, где появилось земледелие. В эпоху неолита Балканы превратились в важнейший культурный центр Европы, откуда технологии распространялись в частности на территории современных Нидерландов.

В бронзовом веке на южной оконечности Балкан формируется Микенская цивилизация. По оценкам историков эта цивилизация опережала в своём развитии другие европейские культуры. Остальные территории Европы к этому времени не дошли до стадии государственности. Крупные этнические передвижения, в частности переселение дорийцев, разрушили центры микенской культуры и уничтожили раннерабовладельческие крито-микенские государства.

Дорийское вторжение — массовое переселение дорийцев с севера (Северное Причерноморье) на Пелопоннес в конце бронзового века датируется приблизительно 1200 годом до н.э. На некоторое время, этот регион вступает в болезненную стадию трансформации и лишается статуса центра. Разворачиваются «темные века» (XI—IX вв. до н.э.) гомеровской эпохи.

Однако деградация крито-микенской цивилизации закончилась продуктивным синтезом нового качества. Дорийцы принесли с собою железо. Технологический прогресс дополнился прогрессом социально-историческим. Вот как формулируются эти процессы в словарной статье Википедии «развитие социальных отношений привело к их трансформации в раннеклассовые и формированию

уникальных *предполисных* общественных структур, заложивших фундамент для будущего прогресса».¹⁰⁹

На следующем витке исторического развития Балканы превращаются в безусловный центр, в котором формировалось, утверждалось и разворачивалось новое историческое качество. Полисное устройство в Греции складывается в Архаический период (650—480 гг. до н. э.). Интенсивный рост полисов, называемый городской революцией, начался в середине VIII века до н.э. Полис рос количественно и разворачивался в качественном отношении. Развивается культура, искусство, политические институты, формируется образ жизни и складывается человек полиса. В это же время (VII век) начинается Великая Греческая колонизация. Греки расселяются по всему северному побережью Средиземноморья. Греческие колонии появляются в Испании, охватывают побережье Франции, южную Италию, устье Нила в Египте, плотно расположены в Малой Азии и охватывают Черноморское побережье. Территориальная экспансия — одно из свидетельств статуса центра.

Концом архаического периода считается вторжение Ксеркса в 480 г. до н. э. С этого момента историки отсчитывают Классический период древнегреческой истории (480—338 годы до н. э.). Отторжение агрессии величайшей мировой империи, и подъем национального сознания стали фоном, на котором разворачивался расцвет греческих полисов. В эту эпоху Балканы — центр качественного развития. Основные источники развития лежат внутри полиса. Историческими конкурентами греков были, разве что, финикийцы которые были старше греков и двигались в сходном направлении. Однако у финикийцев формировалась цивилизационная модель, уступавшая модели античного полиса в потенциях исторического развития.

Эпоха расцвета греческого полиса была краткой. С эпохи Пелопонесской войны (431—404 до н. э.), фиксируется кризис полисной системы. Потеря независимости в результате македонской агрессии открывает Эллинистический период истории Древней Греции (IV—I века до н.э.). Полисная государственность перерождается в восточно-имперскую, впитавшую в себя моменты собственно греческого, антично-полисного космоса, выплескивается далеко за рамки традиционно греческого расселения, переживает краткий расцвет греко-восточной государственности (281—150

¹⁰⁹ Википедия. Греческие Темные века. http://ru.wikipedia.org/wiki/Греческие_Тёмные_века

годы до н. э.) и в конечном счете распадается, поглощаемая, прежде всего, Римом.

На этом этапе собственно Пелопоннес перестает быть центром. Греки, и созданная ими цивилизация, втягивается в римский мир, формируя единую греко-римскую античность. Балканы остаются в пространстве зоны качественной динамики общемирового уровня, но теперь это — один из регионов нового центра. Причем, греки оставляют за собой экономические и общекультурные функции. Пальма политического первенства и исторического творчества переходит к римлянам, которые, чаще всего, смотрят на греков свысока.

Историческая эволюция греко-римской античности сложна и внутренне противоречива. Это касается и пространственного измерения Империи, касается перипетий разворачивания и увядания политических и культурных центров; процессов смещения центров исторической активности. Римская империя охватывает огромные пространства, расположенные на трех континентах. Безусловными культурными центрами, зонами в которых дышала История, становятся Рим, Александрия Египетская, Антиохия. С IV века этот ряд дополнится Константинополем. И Александрия, и Антиохия основаны греками,¹¹⁰ и являлись важнейшими центрами эллинистического мира. В этом качестве они вошли в римскую империю, а после раздела Империи стали признанными центрами Византии. Константинополь, при всей этнокультурной пестроте имперского центра, также, безусловно, греческий город. Но, при всем этом, историческое качество, порожденное на Балканах, смещается на пространства греческой колонизации. А сами Балканы становятся вначале римской, а затем — византийской провинцией. Столица Империи — Рим активно впитывает культуру греческой античности, в Риме живет множество греков. Но это далеко не Балканы.

Как указывают исследователи — «На протяжении эпох эллинизма и Римской империи Афины постепенно превращаются в «город музей». Туда съезжаются любопытствующие туристы. Местные жители охотно показывают им достопримечательности... Издавались путеводители по Аттике.»¹¹¹ Такая музеификация — свидетельство утраты исторического качества и провинциализации.

¹¹⁰ Александрия — Александром Македонским в 332 г. до н.э.; Антиохия — Селевком I Никатором в 300 году до н.э.

¹¹¹ И.Е.Суриков Солнце Эллады. История афинской демократии. СПб 2008. С.306

С падением Западной Римской империи начинается драматическая эпоха. Относительно переживающего эпоху «темных веков» (VI–X вв.) варваризованного Запада, Византия, безусловный, блистательный центр. Но это центр, лишенный широкой исторической перспективы. Византия, не поглощенная варварами и отстоявшая свою государственность, разворачивает восточную версию интегрирования христианства и античности.

На периферии византийского мира формируется альтернативная монотеистическая цивилизация. Ислам становится страшным вызовом всему христианскому миру. Возникающий на голом месте Арабский халифат ставит под вопрос само существование христианской цивилизации. Арабское завоевание Пиренейского полуострова (711–718) и, длившаяся 13 месяцев, знаменитая осада Константинополя (717–718) свидетельствуют: арабы поставили перед собой стратегическую цель — взять Европу в клещи, охватив ее двумя потоками: с западной оконечности континента и через Босфор и Дарданеллы. Битва при Пуатье (732 г. Карл Мартелл) и безуспешная осада Константинополя остановили арабскую агрессию. Однако далее исторические сюжеты противостояния исламу православного и католического миров расходятся. И в этом расхождении просвечивает качественная дистанция между двумя альтернативными моделями христианской цивилизации.

Начавшаяся сразу же после арабского завоевания Реконкиста разворачивает медленное, растянувшееся на семь веков вытеснение арабов из Испании. Попытки сарацин закрепиться на побережье Италии терпят крах. По другому складываются судьбы Византии. Войны с арабами выявляют слабую идеологическую и культурную интегрированность византийского мира. За двадцать лет исповедующие ислам арабы захватили Персию и Месопотамию, а также Египет, Сирию и Палестину на западе. За этими поразительными успехами стоял цивилизационный выбор местного населения. Арабское завоевание показало, что монофизиты и несториане византийского востока легко принимают арабское завоевание, уходя «от жестокой Римской империи с ее халкидонской верой».¹¹² В последствии, все христианские общины исламского мира включаются в медленный, но неизбежный процесс исламизации. Как монофизиты и несториане, так и халкидонцы переходят в ислам,

¹¹² Филипп Дженкинс. Войны за Иисуса. М.2012 С.396.

христиане же становятся редющим религиозно-культурным меньшинством.

Темные века не обошли Балканы стороной. В описываемую эпоху полуостров становится полем этнокультурной экспансии. Вслед за германцами остготами, разорившими Балканы в IV веке, следуют монголы (а, возможно, тюрки) авары. Аварский каганат, укрепившийся в Дакии, систематически громит Византию. С начала VI века на Балканы проникают многочисленные славянские племена. С VII века Константинополь утрачивает контроль над Балканами. Смешиваясь с коренным населением, славяне расселились по большей части полуострова.

К VII веку собственно материковая Греция выпадает из византийских исторических источников. Это угасание настолько разительно, что историки XIX века высказывали предположение, согласно которому аваро-славяне «вырезали всю древнюю Грецию». Только в XV веке афинянин Лаоник Халкокондил называет своих земляков «элинами». Славянские топонимы густым слоем покрывают всю средневековую Грецию. Эллинские названия появляются заново лишь в XIII–XV веках. Можно предположить, что в эту эпоху в угасающих городах сохранялось греческое население. Возможно, эллины оставались также в горах. Сельские же районы были славянизованы. Эллинизация мигрантов и возвращение греческой идентичности падает на последние века византийской истории.¹¹³

Таким образом, в VII–XIV веках Балканы выпадают из цивилизационного процесса и становятся глубокой периферией, лежащей на окраине Византийского мира. Здесь разворачиваются драматические процессы: Идет неизбежная христианизация пришельцев. Возникает Болгарское царство, которое расширяется, воюет с Константинополем, переживает поражения. Складывается хорватская государственность. В Албании местная иллирийская традиция, вобравшая в себя элементы фракийской традиции и народной латыни, порождает албанский этнос, на основании которого со временем складывается государство. Крестовые походы создают на территории Греции мозаику феодальных государств. Все эти процессы принадлежат стадии ранней государственности и разворачиваются на периферии как Западноевропейского, так и Византийского миров.

¹¹³ Подробнее об этом периоде истории Греции например см: Фердинанд Грегориус. История города Афин в Средние века. М. 2009.

В середине XV века турки-османы заканчивают поглощение остатков Византии. Падение Византии знаменует собой следующий этап истории Балкан. Все страны региона попадают в сферу османского влияния.

Разворачивается длительный процесс инкорпорирования Балкан в целостность Османской империи. Процесс этот многогранный. В стратегическом аспекте инкорпорирование Балкан оборачивалось этнокультурным поглощением. На территориях Османской империи разворачивался медленный, но неотвратимый процесс «отуречивания» местного населения. Параллельно этому шли процессы расселения победителей на территориях Балкан.

В результате в каждом из регионов сформировалась исламская община, ориентированная на культуру Турции. Большая половина населения Албании перешла в ислам. В ислам перешла большая часть населения Боснии и Герцеговины. Значительная доля мусульман сложилась в Болгарии. Те же процессы происходили в Греции.¹¹⁴ В общеисторическом смысле Балканы из положения глубокой окраины зашедшей в тупик византийской цивилизации превратились в инокультурную и иноцивилизационную окраину Османской империи. Здесь жесткая эксплуатация сочеталась с иноцивилизационным давлением, ориентированным на этнокультурное поглощение. Вообще говоря, цивилизационный конфликт может стать источником развития. Но, в ситуации закабаления, он не продуктивен. Силы покоренных центрируются на выживании, сохранении самотождественности, яростном отторжении альтернативы, связанной с «отуречиванием».

Османская империя прошла свой пик в эпоху Сулеймана Великолепного (1520—1566). Далее начинается медленное, но неизбежное увядание. Судьба Балкан под османским владычеством — быть иноцивилизационным анклавом в теле стагнирующей исламской империи. В широком смысле это была судьба окраины периферийной целостности, притязающей на статус общеисторической альтернативы лидирующей западноевропейской цивилизации. Быть периферией периферии вдвойне печально.

От Запада Балканы были отрезаны как военно-политически, так и культурно.¹¹⁵ Увядание и деградация османского мира логиче-

¹¹⁴ Греция в 1924 году прошла принудительный обмен населением с Турцией (по религиозному признаку).

¹¹⁵ Это суждение не распространяется на католическую Хорватию.

ски привели к процессам обретения независимости балканскими народами, которые разворачиваются в XIX веке.

Глубокая окраина Византии, а затем угнетаемая периферия Османской империи включается в европейскую политику, и становится зоной соперничества Запада и Востока. Здесь Австро-Венгрия, Германия, Англия и Россия соперничают за влияние и притязают на наследство распадающейся Османской империи. В этой борьбе панславянский проект, будущей Российской империи о трех столицах (СПб, Москва и Константинополь), вобравшей в себя все славянские народы Турции и Австро-Венгрии соперничает с альтернативными проектами и конфигурациями. Устремления великих держав подогревают амбиции элит молодых балканских государств, толкают их к войнам с Турцией и друг с другом. В конечном счете, Балканский кризис развязывает Первую мировую войну.

Результатом войны стал распад трех империй, приход к власти коммунистов в России, формирование ряда национальных государств и одной минимперии — Королевства сербов, хорватов и словенцев, позже переименованное в королевство Югославии. В межвоенный период Балканы — глубокая периферия Европы стадийно отстающая от лидеров и, по-прежнему, арена противостояния, как противостояния внутри-западного, так Запада и Востока (на этот раз, Востока коммунистического). Православные страны болезненно входят в модернизацию, приобщаются к европейской культуре, переживают размытие традиционного крестьянского мира. Это очевидная провинция Европы с глубокими противоречиями и, заданной конфессионально, цивилизационной дистанцией.

Процессы модернизации разворачиваются на Балканах с XIX века. Складывается система образования, возникают национальные литературы, появляется интеллигенция. Однако узоость ресурсов, общая оторванность от центров мировой динамики, культурно-психологическое наследие османского ига — все это тормозит преобразования и локализует их в сравнительно узком слое. Преодоление качественной дистанции между обществами Западной Европы и народами Балкан, сложившейся волей исторических обстоятельств, требует не менее двух веков.

Вторая мировая война запускает следующий цикл исторической эволюции полуострова. В ходе войны балканские страны оккупированы Германией и Италией. Здесь формируется подполье, и разворачивается партизанское движение, которое перерастает в

гражданские войны. СССР, с одной стороны, и Англия и США — с другой, поддерживают противостоящие силы. В Болгарии, Югославии и Албании к власти приходят коммунисты. Исключение из этой тенденции составила Греция. В гражданской войне, разразившейся сразу после освобождения страны от немецких и итальянских оккупантов (1946—1949), коммунисты потерпели поражение. Сказалась действенная поддержка монархистов Англией и США. Сложилась любопытная ситуация: Балканы, (за вычетом Греции), вновь превратились в окраину периферийной целостности, притягивающей на статус общеисторической альтернативы лидирующей западноевропейской цивилизации.

На этот раз статус периферии сохранялся не так долго. Периферийность социалистических балканских стран была особой. Они обладали значительной автономией. Югославия и Албания практически выпадали из зоны советского влияния. Тем не менее, все эти страны идеологически, культурно и экономически в разной степени, но изолировали себя от Запада. Экономика и политическая система задавались нежизнеспособной идеологией. Идеологические инстанции трактовали Запад как враждебное Иное.

Сроки изживания социалистического эксперимента задавали два фактора:

Первый — исчерпание ресурсов стадияльно заданной самоизоляции. В XIX — первой половине XX веков на изоляцию работала чрезмерная стадияльно-культурная дистанция. В таких случаях проигрывающая культура самоизолируется от лидера. Однако общая модернизация постепенно ведет к уменьшению такой дистанции. Традиционалистские массы поднимаются до порога, за которым для них открывается возможность входить в чуждую культуру (хотя бы на периферийных ролях), понимать ее, осваивать технологии, черпать блага и преимущества. И тогда самоизоляция сменяется массовым движением в направлении вожаемого центра.

Второй фактор — глобализация. Резкий рост объемов информационного, экономического, человеческого взаимодействия скачкообразно снизил уровень изоляции балканских обществ от Европы. Консервация отставания возможна лишь в ситуации жесткой изоляции. В отличие от СССР или Монголии, страны Балканского региона лежат в непосредственной близости от Западной Европы. Радио и телевидение, потоки туристов, работа за рубежом, импортируемые товары включали население этих стран в европейский контекст, ра-

ботали на постижение качественной альтернативы социалистического проекта, формировали реальную ценностную перспективу.

Массы людей постепенно осознали, где расположен центр и к чему надо стремиться. Социалистическая идеология стремительно изживала себя. Крах коммунистической системы среди прочего диктовался утратой советским руководством возможности оплачивать стабильность и лояльность разлагающихся на глазах стран социалистического лагеря.

Итак, если возникновение социалистических обществ Балкан задавалось качественной и стадийной дистанцией этих обществ относительно Западной Европы, то, последовавший через сорок лет, крах социализма диктовался «съеданием» этой дистанции. Географическая принадлежность Европе и общекультурная принадлежность христианской Ойкумене победили православную идентичность и критически размыли стадийную дистанцию.

Более или менее драматические процессы распада мира социализма возвестили новый этап в истории Балкан. На этом этапе обнаружилась мощнейшая тяга балканских обществ в Объединенную Европу. Вступление в любые европейские структуры, НАТО, а в перспективе — в Европейский союз стало стратегической целью бывших социалистических стран. А обретение шенгенского паспорта — мечтою миллионов людей, напряженно постигающих природу мира, который воспринимался их дедами и прадедами как метафизический и стратегический противник.

Балканы вошли в зону одного из лидеров мировой динамики. Безусловно, это периферия Европы. Сегодня общества Балкан специализируются в традиционных и рутинных сферах деятельности. Драматическая история и православный бекграунт задают сложную конфигурацию культуры и проблематизируют перспективы скорого инкорпорирования в европейскую целостность. Иждивенческие настроения, сталкиваясь с жесткой реальностью общеевропейского структурного кризиса, порождают громкие протесты. (Самый яркий пример — Греция.) Однако все это не перечеркивает тренд общеисторической эволюции Балкан.

Как мы можем увидеть, статус центра и, соответственно, периферии задается целостностью всемирно-исторического процесса и зависит от сложно обозримой массы факторов. В самом общем виде, статус центра задается качественными характеристи-

ками цивилизационной модели. Мерой соответствия этой модели очередной, актуальной на данный момент, итерации всемирно-исторического процесса. Кроме того, обретение статуса центра ни в коей мере не гарантирует вечного обладания этой ношей и одновременно драгоценностью. Дух всемирно-исторической динамики покидает одни народы и нисходит к другим, способным к формированию новой конфигурации, к реализации следующей итерации истории *homo sapiens*. А вчерашние лидеры отступают в тень, увядают и деградируют.

Возникновению полиса предшествуют масштабные катастрофы. Он возникает как результат «темных веков» гомеровской эпохи. Волны варваров сметают крито-микенскую цивилизацию, в ареале которой складывается полис, и обновляют этно-культурную ситуацию в регионе, приносят «свежую кровь». Полис стал качественным прорывом, вобрал в себя наработки финикийцев, хеттов, других обществ, варьировавших матрицу исторически исчерпанной древневосточной модели. Но это был принципиально локальный феномен. Неизбежное интегрирование больших пространств с необходимостью разрушало полисную модель и размывало тот дух, который порождал историческое доминирование греко-римской античности. Сверх всего, полис базировался на изживаемом в широкой исторической перспективе рабовладении, предполагал полное бесправие женщин и т.д.

Для того чтобы модель гражданского общества, ориентированного на автономную личность, трансформировалась в матрицу динамичной цивилизации, способной преобразовывать мир, потребовалась полутортысячелетняя эволюция: рождение мировой религии, гибель великой Римской империи, варварские нашествия, войны, географические открытия, колониальные захваты и т.д. Дух полиса воскресает в городах-государствах средневековой Европы, отпечатывается в природе европейского феодализма, диктует *Magna Carta Libertatum*, переплетается с духом Реформации. При этом историческая родина античного полиса оказывается частью глубокой периферии всемирно-исторического процесса.

С позиций наработанного нами понимания обратимся к отечественным реалиям. Россия возникает в периферийной зоне всемирно-исторического процесса. Главная миссия России состоит во включении огромных пространств и множества народов в поток

собственно истории, в приобщении их к более или менее зрелой государственности. Тип цивилизационного синтеза и параметры цивилизации, сложившейся на российских просторах, задавались объективными характеристиками среды, человеческого материала, момента всемирно-исторического процесса. Три обстоятельства: крещение Руси по православному обряду, падение Византии и нахождение России на глубокой периферии исторического процесса обусловили статус сохранившего государственный суверенитет законного наследника православной Империи. Историософия инок Филофея оформляла всемирно-исторические претензии молодой империи.

С XVIII века Россия активно включается в европейскую политику, а в XIX — XX веках реализует себя как стратегическую альтернативу протестантско-католическому Западу. То есть — реализует *претензию на звание центра мировой истории*. На этом пути были даже достигнуты некоторые успехи (я не имею в виду завоеваний и территориальных приобретений), которые рождали иллюзию того, что центр всемирно-исторического процесса действительно перемещается в Россию. Однако это были иллюзии. Реализация претензии на статус центра Вселенной потребовала чудовищных ресурсов, обескровила Россию, лишила ее исторической энергии и закончилась крахом. Как показывает история человечества, общества с характеристиками периферии не могут притязать на победу и устойчивое доминирование над обществами, с характеристиками лидеров мировой динамики. Реальность последних десятилетий позволят нам понять как в категориях «центра»/«периферии» характеризуется то место, которое занимает наша страна.

Можно выделить два момента, дающие основания для осторожного оптимизма. Прежде всего, основная масса российского населения приближается к порогу, за которым умирает импульс самоизоляции. Общество потребления в крупных городах, локальные очаги развития, рассыпанные по стране, включают российское общество в общемировой контекст. Дети и внуки советских людей включаются в ценностный строй, предполагающий движение в сторону центров мировой динамики.

Далее, процессы глобализации все больше компенсируют пространственную дистанцию, отделяющую Россию от этих центров. Мощные информационные потоки, поездки за рубеж, постепенное освоение английского молодыми поколениями россиян — все

это и многое другое размывает условия воспроизводства феномена периферии, противопоставляющей себя центрам динамики.

Если наиболее ортодоксальный сектор исламского мира одержим идеей взорвать безбожный и богомерзкий мир исторической динамики, то сознание значительной части носителей российской идентичности прошло цикл примирения с непреодолимой реальностью, почувствовало прелести и преимущества нового порядка вещей. *Энергия цивилизационного противостояния иссякла.* И это — один из важнейших итогов исторической эволюции российского общества.

Истоки и причины сегодняшнего кризиса как в тысячелетней истории Руси/Московии/России, так и трехвековой истории модернизации нашей страны. Модернизации догоняющей, насильственной, характеризующейся постоянными диспропорциями и внутренними напряжениями, и, самое главное, не меняющей системную характеристику российского целого.

Цели модернизации, стратегии достижения этих целей, тактики и методы, с помощью которых политический класс России/СССР трансформировал страну, задали базовые характеристики нашей реальности. Это — большая тема. Отчасти мы касались ее в главе посвященной альтернативам XIX века. Но самые мощные противоречия, были заложены в советскую эпоху. Советская диктатура развития нашла свое максимальное выражение в сталинской эпохе. А потому, сталинский рывок заслуживает особого рассмотрения.

Сталинский рывок

Проблематика сталинского рывка распадается на две темы:

Внутриполитические детерминанты рывка и природа явления. Рассмотрим их последовательно.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЫВКА

Исписаны горы бумаги для того, чтобы объяснить сталинскую индустриализацию СССР внешнеполитическими детерминантами. Грозил нам буржуазное окружение, поднималась Германия, надо было срочно, не считаясь ни с какими жертвами, строить мощную экономику, «иначе нас сомнут». В этих построениях СССР, *заявивший в качестве стратегической цели осуществление мировой револю-*

ции, то есть агрессии против остального мира предстает жертвой враждебного окружения. Полемизировать с данной мифологией бессмысленно. Ограничимся исследованием внутриаполитического уровня детерминации.

Здесь также существует масса аспектов. Тут и борьба за власть между наследниками Ленина, и дискуссии о стратегии построения социализма на фоне этой борьбы. Нас по преимуществу интересует крестьянская тема. Остановимся на том, что имеет отношение к тематике нашего исследования.

Гражданская война заканчивается НЭПом. Страна стабилизируется. Общество разделяется по базовым политическим ориентациям на три большие группы:

Первая, твердо ориентированная на большевиков принимает коммунистическую перспективу.

Вторая, проигравшая в Гражданской войне, смирилась с реальностью. Смирилась и отказалась от борьбы, но не приняла и эту власть, и эту реальность. Мы — люди старшего поколения — застали и младших современников событий и самих «бывших». Общение с ними позволило составить достаточно определенную картину. То были полноценные противники режима. Зажатые в угол, лишённые возможности структурироваться и прямо выражать свою позицию, они жили, сжав челюсти, отводили душу в общении со своими, и ждали. Помимо недокументируемых личных впечатлений существуют устные формы народного творчества (т.н. «кулацкие» частушки, анекдоты, байки), отчеты НКВД о массовых настроениях на местах. В советской литературе фиксировались и преломлялись идеи и настроения описываемого нами слоя общества, официальная советская публицистика, доклады и решения ВКПб относящиеся к проблемам «неразоружившихся», «антисоветского подполья», «внутренних эмигрантов», существовала советская агитка поносившая и профанировавшая «бывших».

Третья, самая большая группа общества принимала новую реальность, обживала ее, устраивалась поудобнее в новом мире. В этом был и естественный конформизм, и не менее естественная потребность жить, родить детей, обустроить свое гнездо. Однако, помимо всего описанного, позицию третьей группы задавало главное: между 1922 и 1928 годом большевики выполняли исторические задачи буржуазной революции. Самодержавье пало, сослов-

ная система разрушена, проведена широкая земельная реформа.¹¹⁶ С объявлением НЭПа началась почти нормальная экономическая жизнь. Впрочем, в качестве нормы это можно было воспринимать, только на фоне Военного коммунизма. Частной собственности не было. Все, что находилось в руках «частника» было зыбко. Рабоче-крестьянская власть его не баловала, и если частник подымался слишком энергично, душила почем зря. Но, на первых порах, после ужасов Гражданской войны об этом не думалось. Описанное выше в равной степени касалось и деревни, и уездного городка, и столиц. Таковы были параметры неписанного общественного договора, на котором население России приняло власть большевиков.

Люди приходили в себя после Гражданской войны, обживались. В такой среде разворачивались естественные процессы дифференциации. В городе и на селе формировался крепкий хозяин — середняк и кулак. Надо сказать, что кулацкое хозяйство оказалось экономически эффективнее как всяческих коммун (которые охватывали 2% хозяйств в стране), так и мелкотоварного единоличника. Шел естественный процесс. Ситуация развивалась не так плохо. Единственный недостаток состоял в том, что в перспективе она не оставляла места ни ВКПб, ни номенклатуре, ни мировой революции. Коммунистический проект был обречен на отсыхание естественным ходом событий.

В местных Советах рос голос крепкого хозяина. Было понятно, что завтра «справный хозяин» завоюет областные Советы, послезавтра — Верховный Совет. В перспективе большевикам придется идти на соглашение с внутренним капиталом. В Гражданскую большевики могли рассчитывать на крестьянина, которому они отдавали землю и на национальные окраины, которые получали автономию. В новых противостояниях им не на кого было рассчитывать, и нечего было дать. Задачи буржуазной революции были выполнены в тех пределах, которые диктовала большевистская доктрина. Завершение этого процесса было невозможно, ибо ставило крест на большевиках. Такой ход событий не входил в планы политического класса.

Во второй половине 20-х стало ясно, что мировой революции в обозримой перспективе не будет. Тут-то Советская власть и провозглашает новую стратегическую цель — индустриализацию. Деньги

¹¹⁶ Реформа убудочная. Люди не стали собственниками земли, но, в своей массе, они не доросли до понимания опасностей заложенных в этой ситуации. Пока что можно было жить и работать.

на индустриализацию надо был с кого-то слупить. Это — первое.

В конце 20-х годов СССР переживал обострение международного положения. Мы имеем в виду поражение коммунистов в Китае, конфликты с Англией. Обострение осознавалось как властью, так и обществом как опасность большой войны.¹¹⁷ Страна было расколота; существенная часть общества приняла новую жизнь как неизбежность, но не забыла ничего. Миллионы людей не забыли ни большевистской революции, ни чекистского террора, ни своего кровного, того, что пошло прахом. В критической ситуации большевиков рвали бы на части. Это — второе.

Заметим, большевистские лидеры боролись внутри партии, но апелляция к обществу для них была заблокирована. Почему. Это же были профессиональные революционеры? Наше убеждение состоит в том, что трезвые политики чувствовали общественные настроения, осознавали риски крушения большевистского режима, если ситуация борьбы выплеснется за рамки ВКПб, и представляли себе, во что это может обернуться для всех и каждого из них.

Великий перелом, связанный с политикой коллективизации и индустриализации, задавался данными соображениями.

В начале XX века вопрос «Быть или не быть традиционной российской деревне?» не стоял. Реально стоял вопрос о сценарии схождения этого явления с исторической арены. Столыпин предлагал стратегию трансформации через разделение крестьянства на кулаков — батраков. Исторически перспективный, «справный хозяин» становится кулаком. А его сосед, ориентированный на архаические ценности, рано или поздно покидает деревню и вписывается в жизнь большого общества в городе, или становится батраком и, в этом статусе проходит эволюцию, вписывавшую его в классовое общество в кулацком хозяйстве. В ходе общинной революции русское крестьянство избрало советский путь схождения с исторической арены. Столыпинский путь эволюции был бы менее кровавым, но он отрицал базовые основания крестьянской культуры. Крестьянский мир выбрал мучительную смерть на пути, который в точке перехода читался как реализация крестьянского идеала. То был акт свободного исторического выбора. Свобода предполагает ответственность. Сталкиваясь с рассказами об ужасах коллекти-

¹¹⁷ Например, см: А.Голубев «Если мир обрушится на нашу республику...»: Советское общество и внешняя угроза в 20- 40 гг. М. 2008.

визации, стоит помнить о том, что этим процессам предшествовал выбор широких масс.¹¹⁸

После общинной революции 1917–21 годов, реализовавшей идеал Черного передела, историческая эволюция крестьянства шла по линии естественного расслоения. Тенденция, связанная с распадом традиционного крестьянства отрицала власть большевиков. К концу 20-х годов назрел очевидный кризис. За первую половину 30-го года ОГПУ зафиксировало 6000 крестьянских выступлений и 55 открытых вооруженных восстаний по всему Союзу. В этих выступлениях участвовало 1 млн. 800 тысяч человек. Стало ясно: либо крестьяне сметут большевиков, либо большевики переломают хребет крестьянству. Крестьяне хлебопроизводящих регионов восставали и отказывались идти в колхоз.

Организовав Голодомор — голод в хлеборобных районах Казахстана, Кубани, Поволжья, Украины — власть загнала выживших в колхозы. Победил советский сценарий уничтожения традиционного крестьянства. Далее, этот сценарий разворачивался десятилетия. Люди в ужасе бежали из колхозов в города, на стройки коммунизма. Жили в бараках, работали за кусок хлеба, были готовы на все, лишь бы получить паспорт и смыть с себя тавро крепостного. Государство обрело возможность сверхэксплуатации десятков миллионов людей. Этот бонус обеспечил и сталинскую индустриализацию, и восстановление народного хозяйства после Отечественной. Лишь с середины 50-х годов советское правительство начинает направлять некоторые ресурсы на производство товаров народного потребления. Начинается медленное движение от всеобщей нищеты (мы имеем в виду податные сословия) к самому скромному достатку.

ПРИРОДА ЯВЛЕНИЯ

Исторически земледелие в лесной зоне Руси начинается с «подсеки» (подсечно-огневого земледелия). Эта технология рождается в зоне лесов еще в неолите, а в северных лесных губерниях России сохраняется до начала XX века. Перед нами примитивная система земледелия лесной зоны. Лесной массив вырубается, сжигается и прямо в золу производится посев. Через три года поле полностью истощалось. Физико-биологический смысл подсеки —

¹¹⁸ Автору довелось общаться со стариками, которые хорошо помнили, как их родители и старшие братья грабили имения, растаскивали барское добро, ломали паровые locomobiles и т.д.

извлечь энергию, накопленную природой за 200–300 лет в расчищаемом лесном массиве и перевести ее в сверхвысокий урожай (сам 50) пшеницы в течение 3 лет.¹¹⁹ После этого деградировавшее, лишенное биологического потенциала пространство забрасывают и переходят на новое место. Заново оно может быть использовано, когда вырастет лес. То есть, не ранее, чем через 100 лет. Подсека — предельное выражение экстенсивной интенции, восходящей к эпохе неолита. Она возможна только при условии малого населения и безграничных площадей лесов.

Наше убеждение состоит в том, что сталинский рывок реализовал стратегию подсеки. Среди фундаментальных оснований научной картины мира лежат законы сохранения. Один из авторов этих законов М. Ломоносов выражал суть закона сохранения энергии в следующей сентенции: «Если в одном месте что-то прибудет, в другом — убудет». Сталинисты вспоминают слова Черчилля о стране с сохой в начале сталинского правления и с атомной бомбой в конце. Это, безусловно, рывок. Такой рывок, как любая работа в физическом смысле, требовал энергии.

Сталин действовал в контексте хилиастического проекта и глубокого всплеска эсхатологической истерии.¹²⁰ Такая ситуация позволила ему перевести накопленную историческую энергию российского целого в требуемый результат. Энергия эта выражена в качественных характеристиках социокультурного универсума. Есть субъект (биологические, морально-психологические характеристики), социальная структура, система социальных связей, культура, цивилизационный ресурс. Есть механизмы воспроизводства общества и культуры. Если все это сжечь в эсхатологическом рывке к коммунизму — выделится значительное количество энергии.

Речь идет не об элементарных материальных/трудовых/финансовых ресурсах. Речь об исторической энергии. О последствиях сверхэксплуатации целых поколений, которую можно реализовать всего один раз, ибо это принципиально невозобновимая ситуация. Об *извлечении сверхрезультата ценой деградации объекта эксплуатации.*

Суть сталинского рывка — извлечь потенциальную энергию, накопленную традиционным обществом за 500–600 лет предше-

¹¹⁹ Урожайность при подсеке колеблется в пределах от сам/30 до сам/80 (Грехем Кларк. Доисторическая Европа. М. 1953 С.100.)

¹²⁰ Понятие «эсхатологической истерии» разрабатывается автором см: Познание России: цивилизационный анализ.

ствующего развития, переведя ее в стройки коммунизма, колонны танков Т-34 и ядерный потенциал. Однако, как мы помним, урожай «сам 50» извлекается три года. После этого земля становится бросовой. Общий упадок, обозначившийся с начала 60-х и плавно переходящий в деградацию, есть естественное, закономерное и *непреодолимое последствие деградирующего использования накопленной исторической энергии*. Похоже на то, что Отец народов отдавал себе отчет в описанных нами закономерностях. Сталинский рывок *имел стратегический смысл и давал шанс на дальнейшие успехи только в случае завоевания всего остального мира*. Последний шанс рывка на Запад рассматривался как реальный в конце 40-х — начале 50-х.¹²¹

Результаты сталинского рывка выражаются в качественных характеристиках российского целого. Рассматривая это целое, можно выделить следующие параметры:

- общий объем населения;
- динамика рождаемости;
- нравственно-психологические характеристики населения (по всем стратам);
- антропологические характеристики;
- витальность населения и актуальной культуры (историческая энергия, способность к порыву, усталость, ориентация на спокойную жизнь);
- качественные характеристики элиты, потенциал воспроизводства элитного уровня культуры.

Все это снижалось и деградировало. За счет такой деградации и снимался урожай «сам — 50».

Данное суждение носит обобщающий характер. Подробное рассмотрение объекта по выделенным нами параметрам выходит за рамки настоящего исследования. Приведем в качестве иллюстрации несколько штрихов:

В исследовании, проведенном коллективом специалистов под руководством известного российского демографа Анатолия Вишневого,¹²² демографические потери страны за XX век составляют 140 млн. человек. Если вычесть из этой цифры потери первых 28 лет

¹²¹ Заметим, что эти планы были последней стратегической инициативой Вождя. См. материалы Совещания руководителей социалистических стран в Кремле в январе 1951 г. Условия, однако, не сложились. Вождь вовремя умер.

¹²² Демографическая модернизация России, 1900—2000/Подред. А.Г. Вишневого М. 2006.

прошлого века, оставшееся будет непосредственными и долговременными последствиями Сталинского рывка. Иными словами, проблемы общей численности населения и динамики рождаемости не сводятся к демографическому переходу, естественному для всех модернизирующихся обществ. Произошла демографическая катастрофа. Мы живем в обществе, которое только-только начинает осознавать масштабы и общеисторические последствия произошедшего.

Не менее выразительные процессы происходили с нравственно-психологическими характеристиками населения. Сложность оценки этих процессов задана тем, что они носят качественный характер и не схватываются в цифрах, однако осознаются исследователями и вдумчивыми современниками. Так старый диссидент, правозащитник С.А. Ковалев, по своей первой профессии биолог, многократно высказывал мысль относительно сознательной селекции общества, последовательно реализованной Сталиным. На языке профессиональных селекционеров реализованный метод называется «отбором на провокационном фоне». В результате проделанной работы сложился этнос, названный позже «новой исторической общностью». Вот как описывает ее характеристики Ковалев: Это — народ терпеливый, трусливый граждански, склонный собираться в стаю, храбрый на бытовом уровне, характеризующийся повышенным уровнем злобы и агрессии внутри стаи.¹²³

Касаясь антропологических характеристик населения, академик Н. Шмелев ссылается на биологов, по оценкам которых ущерб качественным характеристикам популяции от репрессий может быть компенсирован через пять поколений. То есть к середине XXI века можно ожидать генерацию полноценную, не уступающую той, которая входила в коммунистический эксперимент.¹²⁴

Нельзя обойти вниманием проблему витальности, жизненной энергетики населения. В доверительных беседах русские женщины устойчиво формулируют претензию к окружающим их мужчинам, которая состоит в том, что «наш» мужик, поставленный перед выбором между общением с женщиной как сексуальным партнером или выпивкой с друзьями, выберет второе, что в худшую сторону отличает его, например, от жителя Кавказа. Ве-

¹²³ Старо-новые Российские мифы: Кризис знания или сознания? материалы российско-немецкого форума. М. 2009. С. 97.

¹²⁴ Н. Шмелев. Расплата за «Авансы и долги». // Московский комсомолец. 17 дек. 2009.

рифицировать подобное суждение не просто. Это вполне может быть устойчивым мифом. Но некоторые соображения, связанные с экологической ситуацией в СССР и постсоветской России, ценной человеческой жизни, культурным статусом наркотических практик говорят в пользу таких представлений.

Приведенные выше соображения иллюстрирует статистика. С учетом нелегального оборота спиртосодержащей продукции среднестатистический россиянин употребляет 18 литров алкоголя в год.¹²⁵ Оценить эти данные позволяет классификация ВОЗ. По данным ВОЗ потребление свыше 8 литров алкоголя ведет к деградации общества. Может быть, женщины правы и претензии их не беспочвенны.

Как было сказано выше, академик Шмелев рассчитывает на то, что к середине XXI века можно ожидать появления полноценной генерации россиян, не уступающей той, которая входила в коммунистический эксперимент. Полагаем, что это слишком оптимистический сценарий. Сталинский рывок можно интерпретировать как один из механизмов *самоуничтожения нетрансформативного целого, зашедшего в исторический тупик*. В мировой истории есть такой класс ситуаций и соответствующий механизм. Но это — тема для отдельного и большого разговора.

Вернемся к стратегическим замыслам Отца народов. Слава Богу, рывка на Запад не случилось. Ограниченная в исходном пространстве, культура коммунистической подсеки самоликвидировалась в «исторически короткие сроки». Однако, процессы самоликвидации не прекратились с 1991 годом. Мы становимся свидетелями распада традиционного российского целого. Власть делает все, что в ее силах для того, чтобы скрыть от общества реальное положение вещей, но такова реальность. Российское целое переходит в новое качество. Параметры этого качества оценить трудно.

К этому надо добавить следующее: В последние десятилетия у нас появилась возможность читать самую разнообразную публицистику и аналитику, вышедшую из-под пера сторонников Великого кормчего. В двух словах, суть ее сводится к тому, что если бы не проклятый XX съезд, если бы Сталин жил дольше и оставил достойных наследников, Советский Союз по сей день шел бы от победы к победе. Все это — чистая химера. Сталин умер ровно в тот

¹²⁵ Обращение министра здравоохранения и соцразвития Татьяны Голиковой к участникам конференции «Актуальные вопросы наркологии». 28.02.2010.

момент, когда ситуация отчетливо заходила в тупик, что само по себе показательно и наводит на размышления. Требовались срочные меры, корректирующие сложившийся курс. Эту коррекцию начинает уже Маленков до всякого XX съезда. Все наследники Сталина — Хрущев, Берия, Маленков, Каганович — были едины в понимании необходимости существенных перемен. Они расходились в стратегиях этих изменений. Победила линия Хрущева, но если бы победил Маленков или Берия, логика исторического процесса принципиально не изменилась бы.

Людей из лагерей пришлось бы выпускать в любом случае. Трансформировать хозяйственно-экономические отношения в сельском хозяйстве и уходить от чисто плантаторского хозяйства, для того, что бы возникали хоть какие-то стимулы к труду, пришлось бы в любом случае. Хрущев увеличил меру хозяйственной самостоятельности колхозов, а прагматик Берия был готов пойти гораздо дальше и рассматривал планы роспуска колхозов.

Корректировать экономику, отвлекая часть ресурсов на производство товаров народного потребления, в частности разворачивать массовое жилищное строительство, пришлось бы в любом случае. Советские люди отказывались ходить в телогрейке, жить в бараке и самозабвенно трудиться ради светлого будущего. Надо было формировать пространство материальных стимулов к общественно полезной деятельности. Наконец, все эти корректировки не могли не сказаться на культурно-идеологическом измерении советского общества.

Политическая, экономическая и культурная корректировка советской модели позволила решить тактические проблемы. Идеи обновления социализма обеспечили некоторый приток энергии масс. Но все это происходило в рамках советской политической и экономической парадигмы, а значит, было принципиально ограничено и носило временный характер. Но самое главное было в другом — к концу 50-х заканчивался ресурс «подсеки».

В исследовании «Гибель империи» Е.Гайдар раскрывает неумолимую логику заката советского общества, столкнувшегося с тем, что отечественное сельхозпроизводство было неспособно элементарно прокормить свое население. Гайдар не мыслил в категориях подсеки. Вдумчивый экономист профессионально связанный с управлением государством, он стремился осознать логику упадка и деградации советского целого. Гайдар фиксирует последствия

разрушения российской деревни, которая качественно деградировала и оказалась не способна прокормить растущее население городов. С 1960 года СССР закупает зерно на Западе. В 60–70-е годы в советское сельское хозяйство закачивали значительные ресурсы. Строили дороги, выпускали избыточно много удобрений, посредственных грузовиков, тракторов и комбайнов. Ничего не помогало. Советскому руководству оставалось продавать энергоносители и закупать пшеницу. Когда цены на энергоносители упали, ситуация вышла из-под контроля¹²⁶.

Перед нами — всего лишь один из сюжетов разворачивания последствий качественной деградации целого. Падение трудовой морали, деградация здоровья, пронизанность культуры всего общества тюремно-лагерным колоритом, снижение рождаемости, падение эффективности производства, нарастание паразитарно-хищнической ориентации, прогрессирующая алкоголизация, взрыв наркомании и критически низкая стоимость жизни — это и многое другое составляло логику эволюции. Такая целостность не способна на исторические усилия. Одного и того же человека невозможно дважды кинуть в топку локомотива истории. Пережившая подсеку территория, жаждет покоя.

Брежневский застой был ответом на запрос миллионов людей. Перестройка увлекала смыслами частного существования, перспективами личного благополучия, образом магазинов в которых продают тридцать сортов колбасы. Если бы сторонники Сталина были способны мыслить честно и последовательно, они должны были бы признать, что крах коммунистического режима и выпадение России из статуса сверхдержавы были заданы Великим Кормчим. В этом отношении разница между Сталиным и Гитлером состоит в том, что Гитлер дожил до конца и увидел итоги собственной политики, а Сталин оставил эту малоприятную работу своим наследникам.¹²⁷ Впрочем, иллюзий он не таил. Хрущев несколько раз упоминал о том, что под конец жизни Сталин говорил своему окружению «Съедят вас империалисты».

Сталинисты и антисталинисты воюют вокруг цифр общих потерь. Во сколько миллионов человеческих жизней обернулась Россия эпоха Сталина? Счет идет на единицы или десятки миллионов?

¹²⁶ Егор Гайдар. Гибель империи. РОССПЭН. 2006.

¹²⁷ Они утешились, обменяв власть в СССР на собственность.

Ответ на этот вопрос, безусловно, нравственно значим. Но с точки зрения заявленной нами темы, он не является решающим. По оценкам историков в результате модернизации, реализованной Петром I, Россия потеряла четверть населения. Но, как мы знаем, не погибла. Отделалась 30–40 годами стагнации и пошла дальше. При всех человеческих потерях сталинской эпохи главный, решающий дело результат лежит в плоскости *качественных* преобразований общества.

Теоретически оснащенные сталинисты, апеллирующие к теории модернизации и истории Европы, утверждают следующее: переход от традиционного общества к обществу модерна сопровождается резким падением численности населения, бегством народа в другие страны (Англия, Ирландия). А потому Сталин, совершив социалистическую модернизацию СССР, реализовал универсальную закономерность.

Действительно, в ходе модернизации умирает одна социокультурная целостность и рождается другая. Это всегда человеческая трагедия, которая в некоторых (далеко не во всех) случаях сопровождалась значительным сбросом населения. В чем отличие? Сталин реализовал *коммунистический вариант модернизации*. В рамках этого варианта принципы отбора, задающие параметры того, что выживет, исходно порочны.

При переходе к капитализму погибает традиционный человек, критически неадекватный новым историческим условиям, а выживает исторически перспективный индивидуалист, экономически мыслящий, способный к рецепции продуктивных инноваций, способный к систематическому труду, характеризующийся высокой трудовой и социальной моралью. Большевистская революция, сталинская коллективизация и индустриализация работали в ином направлении. В крестьянской России единственный массово представленный социальный персонаж с сопоставимыми характеристиками назывался кулак. Его и все типологически близкое Сталин уничтожил. Отбиралось быдло. Подчеркнем, не достойный рабочий, а именно быдло, лукавое, лживое, вороватое, подленькое и трусливое, себе на уме отбиралось и формировалось эпохой. Выживали рабы, то есть: не хозяева, а тупые, безгласные исполнители повелений начальства безразличные к конечному результату труда.

Негативный отбор — великая сила. Разумеется, существовала инерция социокультурного целого, которая противостоит уродующим воздействиям и воспроизводит нормальный человеческий

материал. Существовали узкие, локальные зоны, в которых были и творчество, и честный труд. Доживали пространства, в которых воспроизводилась минимально деградированная среда зрелого большого общества. Но доминирующая тенденция была иная.

Эпоха востребовала, отбирала и воспроизводила быдло, трусливое, лишенное инициативы. Людей без каких-либо принципов, неизмеримо более страшящихся начальственного гнева, нежели Божьего суда, или, если угодно, суда своей совести. Заметим, что идейных коммунистов Сталин уничтожал, не менее последовательно, чем идейных либералов, монархистов, «буржуазных националистов» и т.д. Человеку надлежит узнавать о своих взглядах на сегодня из последнего номера газеты «Правда».

Ровно в том же направлении работал великий предшественник Сталина, создатель модели — Иван Грозный. Стрельцов, насиловавших на глазах у распятого князя его мать до тех пор, пока она не умерла, нельзя назвать зверьем. Это будет клевета на млекопитающих. Ничего подобного мир хищников не знает.

Если системно описать важнейшие характеристики субъекта, имевшего максимальные шансы на выживание (гарантии не имел никто: в этом — изюминка системы), на всех уровнях, во всех группах советского общества, становится ясно, что этот человеческий материал не только не соответствовал задачам исторического развития в XX веке, но нежизнеспособен в форме большого общества. Возможно, где-нибудь на периферии Древнего или Средневекового Востока общество с такими характеристиками могло просуществовать несколько веков. В современных реалиях оно нежизнеспособно.

Зафиксируем важное отличие России от Восточных деспотий. Там власть в иерархии статусов стоит ниже Должного. Власть сакрализуется как воплощение Должного. Если же власть, очевидно, преступает Должное, народ поднимается, ибо таков усвоенный культурный сценарий. На защиту Должного против десакрализуемой власти не просто допустимо, но необходимо подняться (вспомним Арабскую весну). Здесь же над Властью нет ничего. Она замыкает собой иерархическую цепь.

Сталин проделал огромную работу по изменению качественных характеристик ментальности и психологии целого народа. Такие преобразования требуют времени и окончательно сказываются позже. Эффект социальной катастрофы проявляется в тот момент,

когда из жизни уходит последнее поколение, сложившееся «до того», поколение которое помнило жизнь до начала реформ. Это случилось *после смерти* Сталина. А пока живы люди сложившиеся в более или менее нормальной ситуации, их можно сверхэксплуатировать. Люди с нормальными моральными рефлексами работают добросовестно за копейки и живут в нищенских условиях. Однако, такая ситуация формирует совершенно иные следующие поколения. Сталинский режим последовательно перемалывал добродетельного традиционалиста, а на его месте плодил лукавого раба.

В научный оборот давно введен широкий массив материалов, свидетельствующий о том, что с 1943 по 1948 (когда начинается новое наступление на общество), в России широко циркулировали надежды на коренные изменения системы. Мы победили в такой войне, и теперь все будет по-другому. Прежде всего, говорили о роспуске колхозов, деле идет роспуск партии и раздел страны по национальным республикам. Эти надежды связывали с союзниками, прежде всего с давлением Америки и Англии. Отчеты НКГБ свидетельствуют о повсеместном характере таких разговоров. В каком временном отрезке находилась страна? Это 15 лет после создания колхозов и 30 лет после октября 1917 года. Еще живо и активно поколение, в котором живет крестьянский здравый смысл, поколение, в сознании которого есть нормальная точка отсчета.

Проходит еще десять-пятнадцать лет и поколения, сформированные в предшествующей исторической ситуации, уходят из активной жизни. Вместе с ними из жизни уходит незаметная поверхностному взгляду, но исключительно важная точка отсчета. Уходит личностно предъявленная позиция, существование которой позволяло держаться на плаву впадшему в безумие обществу. Автор помнит экспериментальный завод при московском НИИ начала 60-х годов. Помнит двух седых слесарей в очках, пришедших на работу в двадцатом году. Эти люди знали себе цену, пользовались безусловным авторитетом, работали в своем собственном ритме и, в принципе, были не способны на халтуру. Ровно то же происходило в науке и культуре. Приличные люди, сформированные предшествующей эпохой, или сложившиеся на заре эпохи советской, но в окружении «бывших», получившие возможность в личном контакте приобщиться к нормальной системе ценностей, уходили из активной жизни в 60-х — начале 70-х. Вместе с ними окончательно умирал эйдос. Прерывалась прямая, непосредственная преемственность.

Проходит еще 20 лет, и мы имеем страну с совершенно другой массой населения. Перемен страстно желали модернизированные горожане, интеллигенция. Старшее поколение деревни *держалось за колхоз и противостояло переменам*. То же происходило с рабочей средой. То были люди советского чекана.

Обратим внимание на любопытный идеологический парадокс. Убежденные сталинисты, чаще всего, именуют себя патриотами, обозначая своих противников (отстаивающих осуждение Сталина как величайшего тирана и преступника против человечности) врагами России. Между тем, настоящие враги России должны всячески прославлять товарища Сталина, лелеять память о нем, рассказывать детям святочные истории о великом социалистическом гуманисте, ибо никто не сделал столько для уничтожения этой страны и ее народа. Светлая память о Сталине — залог того, что русский народ не выйдет из наезженной колеи и в самом скором времени уйдет в историческое небытие.

Несчастные носители гуманистических ценностей пытаются пробиться через броню традиционно-имперского сознания. Беда в том, что обозначенные вселенные не соотносимы. Если есть одна, то другая теряет всякий смысл. Твердые сталинисты знают: в тот момент, когда толпа подлых убийц ворвалась в покои, стены Кунцевской дачи расступились, товарищ Сталин вошел внутрь и стены захлопнулись. Но настанет день Страшного Суда и Тысячелетнего царства, в котором Сталин явится во славе судить всех шкурников и предателей, после чего возглавит Земшарную республику. Мы имеем дело с целостным средневековым сознанием. Полемика бессмысленна. Этим людей надо предоставить своей участи.

Логика процессов качественного перехода

Что же происходило в нашей стране в XX—XXI веках? В начале века Россия 17 лет развивалась в рамках традиционной имперской государственности. Затем последовала коммунистическая инверсия и 73 года эсхатологически мотивированной диктатуры развития. Наконец — крах СССР, демократическая революция и без малого четверть века постсоветского развития.

В тех формах, которые сложились к началу XX века, российская цивилизация не могла развиваться на путях формирования

зрелой рыночной экономики. Противоречия разорвали империю и обрушили общество. Эсхатологическая инверсия и диктатура развития обеспечили поступательное развитие до начала 60-х годов. Затем наблюдается последовательное снижение темпов, утрата качества, пробуксовка на всех направлениях.

Обнаружился предел технологической сложности, доступный советскому человеку. Чем сложнее технологии, тем очевиднее трудности освоения. Советская легированная сталь и дизельные двигатели для танков эпохи Отечественной войны были великолепны, компоновка корпуса прекрасна. Ламповая техника 40–50 гг. на уровне стран Запада. Транзисторы хуже и с опозданием. Далее с каждым шагом технологической революции накапливается отставание, которое к восьмидесятым становится необратимым. СССР оставалось закупать изделия, либо закупать технологии. Промышленный шпионаж, добывание ноу-хау и копирование уже не спасали. Качественная дистанция между научно-технологическими системами была критически велика. Советское общество столкнулось с пределом возможностей освоения нового частично модернизированным традиционным человеком.¹²⁸ Попросту говоря, оно не смогло освоить четвертый технологический уклад. Экстенсивная культура решает задачу интенсификации в рамках имманентной для себя логики — экстенсивно. Самая большая в мире армия, самое большое число комбайнов очень плохого качества, армия надсмотрщиков, учетчиков, нормировщиков в колхозах и совхозах, контролировавших и понукавших работников и т.д. А такой ответ на вызов зрелой модернизации заведомо проигрышный.

Застой завершается проигранным противостоянием Западу. Бремя соцлагеря становится неподъемным. Попытка модернизировать систему завершается катастрофой. Смена модели произошла на фоне континуального, бескровного перехода от одной реальности к другой. Первая половина 90-х прошла под знаком приватизации, рыночной экономики, формирования институтов парламентской демократии, разрыва с советским наследием и т.д. Далее развернулась в высшей степени примечательная идейная, политическая и экономическая эволюция в направлении традиционно российских моделей жизнеустройства.

Прошло более 20 лет. Постсоветские трансформации не изме-

¹²⁸ Ситуация типична для общества вступающего в модернизацию. Специфика России в том, что она сложилась к концу третьего века модернизации-по-русски.

нили вектора исторического развития. Тренд, наметившийся в 1960 году, сохраняется. Более того, относительно советской эпохи вырос темп деградации. Советский технологический комплекс оказался ненужным и нетрансформируемым. Не нужны не только танки и гаубицы, но советские телевизоры и автомобили. Крах госэкономики обернулся частичной деиндустриализацией и распадом технологического комплекса. Мировой рынок потребляет российское сырье и продукты первого передела, а россияне покупают многое из необходимого за вырученную валюту. Поддерживаются и даже развиваются экспортно-ориентированные отрасли и сельское хозяйство в регионах, климатически благоприятных для сельхозпроизводства, пищевая промышленность, импортозамещающие сборочные производства.

Обнаружилось, что вне социалистической госэкономики российское целое не только не может динамично развиваться, но поддерживать простое воспроизводство технологий и инфраструктуры. Деревня и депрессивная провинция последовательно вымирает, население перемещается с востока на запад страны. Когда мы говорим о вымирании деревни и депрессивных городов — это не метафора. Ситуацию в депрессивных регионах иллюстрирует цитата из аналитического материала признанного специалиста Натальи Зубаревич: «Вымирание сельских периферий и старых монопрофильных городов с последующей сменой функций пространства — один из самых жестких вариантов санации, и такая вероятность существует».¹²⁹

Растут миллионники, центры, связанные с экспортно-ориентированными производствами, зоны устойчивого сельского хозяйства, а также особые зоны, такие как Белгород или Владивосток, где хозяйственная активность связана с феноменом границы и спецификой трансграничных потоков товаров, сырья и рабочей силы (экспортно-импортные операции, контрабанда и др.). Демографические и экологические процессы, трудовая мораль, здоровье общества эволюционируют в той же логике.

В качественном отношении российская экономика стагнирует. Производительность труда в России, по паритету покупательной способности по сравнению с США практически не изменилась за

¹²⁹ Наталья Зубаревич. Территориальный ракурс модернизации. SPERO №10 Весна-Лето 2009. С.58

1990–2007 годы и составляет около 30%.¹³⁰ Доля предприятий внедряющих инновации в России не превышает 10–11%, в то время как в развитых странах ЕС этот показатель достигает 70%, а в менее развитых странах ЕС – 20–25%.¹³¹

Можно говорить о *дегенеративных изменениях в воспроизводственных структурах*. Созданные авторитарным государством механизмы воспроизводства последовательно деградируют. Варвары веками использовали дорожную сеть, созданную римской империей. Но это было *деградирующее использование*. Ямы, обвалы, дефекты, мешавшие движению «подсыпали», но и только. В целом и дорожная сеть, и города и теплившаяся в городах система образования сужались и деградировали. Что-то начинает меняться лишь с эпохи Карла Великого. Сегодня мы наблюдаем типологически подобную ситуацию. Постсоветское общество не демонстрирует способности к простому воспроизводству социально-культурного целого. Как выяснилось, вне жесткого государства и ситуации тотального принуждения воспроизводственные структуры атрофируются. Износ железнодорожной инфраструктуры приближается к 70%. Расследование аварии на Саяно-Шушенской ГЭС (август 2009) показало, что в России не осталось инженеров-электриков, способных балансировать большие турбины.¹³²

Во все времена используемые обществом технологии находятся в диалектическом единстве со стадиальными и качественными характеристиками субъекта деятельности. Именно поэтому, паровоз не сочетается с крепостным правом или рабовладением. Возникает устойчивое ощущение, что тот уровень хаотизации социального и культурного пространства, который мы наблюдаем (коррупция, технологическая дисциплина, трудовая этика) свидетельствует о неспособности российского общества поддерживать сложившуюся к началу XXI века технологическую и социальную среду.

Речь не идет о значимых новациях. Летопись запусков спутников земли и космических аппаратов хорошо иллюстрирует состояние дел в этом

¹³⁰ Егор Гайдар, Анатолий Чубайс. Развилки новейшей истории России. СПб 2011. С.152.

¹³¹ Там же. С.153.

¹³² Семен Новопрудский. Саяно-шушенская ГЭС./Новая газета №89 28.06.2013. Динамическая балансировка роторов – специальная инженерная процедура уравнивания вращающихся деталей и узлов. Чем больше масса ротора, тем более важна и необходима динамическая балансировка.

секторе. Но и простое воспроизводство инфраструктуры и технологической среды без деградации не получается. В СССР эти задачи, каким-то образом решались. Советская политическая и административная модель позволяла с грехом пополам, если не двигаться то, хотя бы пребывать в застое. А слом данной модели, умирание существенной репрессии, конец тотального страха возвестили новое состояние общества, в котором оно воспроизводит высоко организованную среду в нескольких миллионах, а на остальном пространстве демонстрирует стратегию вестготов и лангобардов в VI–IX вв.

В то же самое время наблюдаются процессы с противоположным вектором. Часть «оборонки», способная выпускать конкурентную продукцию, выжила, вышла на мировой рынок, сохранила потенциал. Отдельные корпорации демонстрируют агрессивную стратегию бизнеса, двигаясь от продуктов первого передела к продукции с высокой долей вложенного труда. Одна из зон роста, лежащая вдалеке от столиц — Екатеринбург, а также Томск, Пермь, Ставрополь. Там развиваются как традиционные, так и высоко технологические бизнесы. В черноземной зоне развивается современный агробизнес. Есть позитивные примеры развития в сфере так называемой «новой экономики» (авиакосмическая, энергомашиностроение, телекоммуникации). Специалисты указывают на отдельные очаги инновационной экономики, возникавшие за последние 10–15 лет практически с нуля. Здесь работает высоко квалифицированный персонал, поддерживается высокий уровень технологической культуры, значительная доля экспорта и темпы роста 20–40% в год.¹³³

Процессы, объективирующиеся в экономических или технологических реалиях, наблюдаемы легче всего и привычно фиксируются. Гораздо важнее увидеть *качественные перемены недоступные вчерашнему взгляду, поскольку он не различает эти сущности*. Миллионы людей, особенно принадлежащие средним и молодым поколениям освоили и осваивают экономическое мышление. А это — подлинная революция. Русский народ для того и привел к власти большевиков, чтобы остановить продвижение мира рыночной экономики на границах Святой Руси.¹³⁴ Здесь же нельзя не отметить,

¹³³ Егор Гайдар, Анатолий Чубайс. С.161.

¹³⁴ В результате складывается ситуация *разрыва* общества на носителей традиционно-доекономического и модернизированного экономического сознания. Такой разрыв порождает проблемы и внутренние напряжения. См: «Ситуация фа-

что рядом с ростом уровня экономического мышления уживается катастрофически низкий уровень правовой культуры и компетенции общества.

Миллионы людей *утратили объектный статус и превратились в субъектов. Пока что, это* экономическая субъектность. Эти люди сами выбирают поле деятельности и сами отвечают за результаты. Но в силу системности человеческой природы, экономическая субъектность неминуемо влечет за собою субъектность культурную и гражданскую.

Однако названные очаги развития не определяют общей тенденции. Если уйти от эмоциональных суждений и попытаться размышлять серьезно, то возникает теоретическая проблема *качественной оценки* происходящего. С чем мы имеем дело? Перед нами глубокий кризис, связанный с реструктурированием существенных характеристик целого, или нисходящая ветвь развития? Россия сходит с исторической арены или переживает переход от индустриальной к постиндустриальной реальности?

Прежде всего, *развитие не равно* легко наблюдаемому *промышленному росту*. Оно несет в себе качественные изменения человека и общества. Часто такие качественные преобразования происходят на фоне драматических процессов. Для того чтобы в странах протестантского Севера Европы произошел рывок, потребовалась драма Реформации. Войны Контрреформации, революции, крах средневекового сословного мира были необходимыми предпосылками возвышения Голландии и Англии в XVII–XVIII веках. На этапах структурных преобразований и качественной трансформации падение объемов производства, умирание отживших отраслей, угасание моногородов, связанных с бесперспективным производством, неизбежны. Крах советской экономики, умирание колхозной деревни бросающаяся в глаза деградация тех, кто проиграл и не способен адаптироваться к новой реальности, маскируют от нас изменения сознания миллионов людей, освоения ими новых моделей поведения, формирование качественно нового сознания. Как отмечалось выше, в мышлении российского человека появилось экономическое измерение бытия, напрочь отсутствовавшее ранее. Умирание госпатернализма и новая экономическая реальность энергично способствуют формированию личностных характери-

зового перехода и санитары леса».

стик, утверждают самостояние и независимость как перспективный тип человека.

Медленно и мучительно, но формируется ориентация на эффективность, динамичную и агрессивную рыночную стратегию, осваиваются огромные объемы экономической и технологической информации. Обобщая, формируется качественно новый, постсоветский человек. Этим процессам противостоят силы исторической инерции, хищнически-паразитарные ориентации, самые разнообразные тенденции деградации. Отдавая себе отчет во всем этом, нельзя закрывать глаза и на позитивные тренды.

На самом деле, мы не знаем и не можем знать, каким будет мир в эпоху зрелой глобализации. Но нам известно, что центры исторической динамики одной эпохи в другую могут оказаться зонами застоя и деградации. Постфактум логика исторического увядания проясняется и подробно описывается. Что же касается тех, кто находится внутри процесса, то качественная оценка представляет собой исключительно сложную проблему в силу мировоззренческих и ценностных барьеров. В этой ситуации, ожидаемые и объяснимые эмоции, не могут заменить теоретического видения. Необходимо трезво описывать и строить теоретическое пространство способное объяснять реальность.

Если вспомнить исходно сформулированную проблему и поставить цель сформировать обобщающее суждение, можно утверждать, что российское целое столкнулось с *неадекватностью исторического субъекта*. Военно-полицейская диктатура развития не возможна в силу ряда объективных обстоятельств, а массовый человеческий материал не демонстрирует способности работать вне жестких рамок и систематического насилия.

Воспроизводственные структуры распадаются в частности потому, что при таком населении они могли работать более или менее эффективно только на насилии. Централизованном насилии, по отношению ко всем, от наркома до последнего колхозника. Сегодня эта модель нереализуема.

Проблема состоит в том, что освоения альтернативных практик, знаний и умений ведет к распаду устойчивой культурной целостности. В навязанном государстве нет, и не может быть устойчивого общего интереса.

Отмена властного насилия ведет к чудовищной коррупции, олигархии и распаду социальной ткани. Профанированный, загнанный в подполье приватный интерес, вырвавшись на волю, вырастает до гигантских размеров, поскольку никаких противовесов, никаких сдерживающих идей, ценностей, представлений в культуре не существует. Достоевский утверждал, если Бога нет, то все позволено. Речь именно об этом. Или есть грозное и беспощадное Начальство, или все позволено. Никаких моральных, юридических, или любых других культурных оснований, способных обуздать эгоистические инстинкты, в массовом русском сознании не обнаруживается. На наш взгляд это — самое яркое свидетельство догосударственного характера доминирующего сознания. Именно эта культура и вступила в фазу исторического снятия.

Коррупцию и гипертрофированный частный интерес ограничивают демократические институты и плотный контроль общества над бюрократией. Однако, события последних двадцати лет показали: трансформацию общества в данном направлении отторгает не только сама бюрократия, но прежде всего, традиционный слой российского общества. А раз так, разворачивается общая деградация российского целого.

Однако, в ходе процессов самоорганизации социо-культурного целого *нащупывается позитивный ответ на переживаемый обществом кризис*. Формируется новый человек и новые модели поведения. В нашей стране складываются и начинают заявлять о себе значительные массы людей (молодые, образованные, самостоятельные, жители крупных городов) созревших для выбора позитивных и перспективных моделей бытия. Их требования качественных перемен блокируются совокупными усилиями патерналистской элиты извлекающей блага и преференции из деградирующей эксплуатации имперского наследия и патриархальных масс, ориентированных на традиционный патернализм деспотической власти.

Сегодня два пласта российского общества двигаются в противоположном направлении:

С одной стороны *процессы самоорганизации традиционного целого*, которое минимизирует внутренние напряжения, возникшие в ходе реализации советского проекта, *маркируют тенденции деградации*. Эта мысль в разных аспектах раскрывается на пространстве настоящей работы. Распятое на кресте *насильственной модернизации* полутрадиционное общество обретает состояние, которое *при его се-*

годняшних характеристиках (на этом этапе трансформации традиционного общества в современное) *более устойчиво и естественно*.

Однако, параллельно с этим *разворачивается самоорганизация сектора российского общества, способного вписаться в современный мир*. Взаимоналожение этих тенденций создает противоречивую и даже парадоксальную картину.

В такой ситуации исключительно важной становится проблема объемных характеристик традиционного и модернизированного секторов российского общества. Здесь качественный анализ и экспертные оценки недостаточны. Требуются, опирающиеся на серьезные исследования, суждения социологов.

Директор «Левада-центра» Лев Гудков, опираясь на результаты многолетнего исследовательского проекта «Советский человек», формулирует современную ситуацию следующим образом:

Две трети населения проживает в малых городах и сельской местности. В миллионниках и крупных городах (свыше 250 тыс. человек) проживает 38% населения. В малом городе (до 250 тыс. жителей) преобладает уклад деревни, поселка городского типа, фабричной слободы.

Село — высоко депрессивная среда, характеризующаяся социальной аномией. Если в Москве — 8 самоубийств на 100 тысяч жителей, то Татарстане — 48, на Дальнем Востоке — от 80 до 110.

Массовый человек чужд политике; 80% опрошенных (2013 г.) не хотели бы участвовать в политической жизни. Он воспроизводит веру в доброго царя. Президент, церковь, армия — высокий уровень декларируемого доверия. Институты государства — полное недоверие. Это человек лукавый, приспособливающийся к давлению власти. Он обманывает власть, власть обманывает его.

В миллионниках динамично складывается новое качество жизни. Идет дифференциация культуры и социальной среды.

В обществе доминирует консервативный консенсус. Доминирующая реакция — снижение запросов и приспособление человека к данным обстоятельствам.¹³⁵

Эту картину нашей реальности можно сопоставить с выводами Натальи Зубаревич. Признанный специалист в сфере социальной и экономической географии утверждает, что реально существует три и даже четыре России:

¹³⁵ Лев Гудков. Доклад «Проблема постсоветского человека в концепции тоталитаризма»./Семинар «Государство, общество и личность: Уроки прошлого и конструирование будущего» Пермь. 22–28 июля 2013.

«Первая Россия» — страна больших городов. В 12 миллионниках и еще двух близких по численности (Пермь, Красноярск) проживает 21% населения страны. Здесь изменилась структура занятости: выросла доля квалифицированных «белых воротничков», выше занятость в малом предпринимательстве, быстро перенимаются столичные модели потребительского поведения и т.д. Именно в крупнейших городах концентрируется тот самый средний класс, «рассерженные горожане». Миграции в России также направлены в крупнейшие города, их доля в населении страны растет. В «первую Россию» можно включить и города с населением от 500 000 человек, что повышает ее долю в населении до 30%. Самый оптимистический вариант — все города с населением более 250 000 человек, суммарно в них живут 36% россиян, или 51 млн человек. Именно в крупных и крупнейших городах концентрируются 35 млн российских пользователей интернета и российский средний класс, который хочет перемен.

«Вторая Россия» — страна средних промышленных городов с населением от 20 000—30 000 до 300 000—500 000 и даже 700 000. Далеко не все средние города сохранили промышленную специализацию в постсоветские годы, но ее дух все еще силен, как и советский образ жизни населения. В дополнение к значительной индустриальной занятости в этих городах много бюджетников, в основном с невысокой квалификацией. С малым бизнесом, как правило, дела обстоят плохо. Сказывается низкий платежеспособный спрос населения.

Во «второй России» живет около 25% населения страны, а в самой нестабильной ее части — монопрофильных городах — около 10%. Именно для «второй России» удар нового кризиса, если он случится, будет сильнейшим шоком — промышленность падает сильнее прочих отраслей экономики, а мобильность и конкурентоспособность населения невысоки. Если в федеральном бюджете не найдется денег на трансферты регионам и поддержку занятости, жители промышленных городов станут главным мотором протеста с требованием работы и зарплаты, что усилит давление на власть с целью принятия популистских решений. Многие из еще живых предприятий давно пора закрывать из-за неэффективности и убыточности.

Борьба за занятость и зарплату оставляет «вторую Россию» вполне равнодушной к проблемам, волнующим средний класс. Власти это понимают и пытаются натравить ее на «первую Россию». Это, впрочем, бесперспективно. Время работает против.

Численность населения промышленных городов быстро сокращается, молодежь перемещается в региональные центры. Так что пугать столицу Нижним Тагилом не стоит.

«Третья Россия» — это огромная по территории периферия, состоящая из жителей села, поселков и малых городов. Суммарная их доля 38% населения страны. «Третья Россия» выживает «на земле», она вне политики, поскольку календарь сельскохозяйственных работ не зависит от смены властей. Депопулирующие малые города и поселки с сильно постаревшим населением разбросаны по всей стране, но особенно их много в Центральной России, на Северо-Западе, в промышленных регионах Урала и Сибири. Сельское население все более концентрируется в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах, там сосредоточено 27% сельских жителей страны. В других регионах жизнеспособно только население пригородных сел, расположенных вблизи крупных городов, оно моложе и мобильней, больше зарабатывает.

Есть и «четвертая Россия», которую нужно выкраивать из предыдущих. Это республики Северного Кавказа и юга Сибири (Тыва, Алтай), в которых живет менее 6% населения страны. В них есть и крупные, и небольшие города, но почти нет промышленных. Городского образованного среднего класса мало, и он вымывается, мигрируя в другие регионы. Сельское население растет и пока еще молодо, но молодежь перемещается в города. Для «четвертой России», раздираемой борьбой местных кланов за власть и ресурсы, этническими, религиозными противоречиями, важны только стабильные объемы федеральной помощи и инвестиции из федерального бюджета.¹³⁶

Картина, предложенная Натальей Зубаревич, заслуживает внимания. Как мы видим, качественные (социокультурные) характеристики регионов не напрямую связаны с размерами населенных пунктов. Решает доминирующий тип экономики. Сохранившие советскую промышленную специализацию Магнитогорск или Тольятти насчитывают 500 000 — 700 000 тысяч жителей, однако, структурно относятся ко «второй России». Решает сложившееся социокультурное качество.

Наше понимание перспектив стратегического развития страны позволяет вывести «четвертую Россию» за скобки. Да и в объ-

¹³⁶ Наталья Зубаревич. «Чего ждать четырем Россиям»./ «Ведомости» 30.12.2011. http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii#ixzz2qjCf8Ex

емном отношении она невелика. Реально мы имеем дело с тремя Россиями. Понятно, что в миллионниках могут проживать носители традиционного сознания, а в малых городах и сельской местности — люди, вполне модернизированные и ориентированные на динамику. В данном случае решает системообразующая характеристика локального целого. Социальная и культурная среда большого города, доминирующие ценности и ориентации нацелены на современность. Живущий в крупном городе традиционалист существует в инородной среде, инкапсулируется, ограничен/лишен возможностей воспроизводить органичный ему универсум в чреде поколений.

Что же касается «третьей» и «второй России», то, как отмечают исследователи, они теряют молодежь, которая перемещается в «первую Россию».

Оба исследователя близки в оценках объемных характеристик модернизированного сектора российского общества — 36–38 %. Подробный анализ социологических данных показывает, что объем сектора общества, связанного с культурой большого города и ориентированного на динамические ценности, растет от десятилетия к десятилетию.

Здесь встает проблема качественных характеристик отечественной городской культуры. А.Сусоколов отмечает, что «русские города, даже старые и крупные, не стали настоящей альтернативой селу, как это имело место в Европе».¹³⁷ Автор имеет в виду дореволюционную Россию. Действительно, один из существенных аспектов российской цивилизации состоит в том, что она способна подавлять и купировать присущую городу потенцию к формированию автономного человека и посттрадиционных форм социальности. Также работают традиционные цивилизации Востока.

Советский этап отечественной истории интересен тем, что города росли вширь, объемы городского населения разрастались, роль города в целостности советского общества становилась все более значительной. Но, при этом, власть жестко и последовательно выхолащивала город, лишала его присущей городу онтологии, блокировала процессы вызревания собственно городского качества. Наплыв сельских мигрантов, плановая экономика и тоталитарная идеократия позволяли блокировать нежелательную эволюцию. Ко-

¹³⁷ А.А.Сусоколов. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М.2006 С.174.

нец советской эпохи привел к снятию данного тренда. Включившиеся в глобальный контекст и рыночную экономику российские города стремительно обретают характеристики «настоящей альтернативы селу», о которой говорит Сусоколов. И в этой эволюции содержатся основания для осторожного исторического оптимизма.

Что же касается традиционалистского сектора общества, то он доминирует численно, демонстрируя при этом отрицательную динамику. Кроме того, и это крайне важно, традиционалистский и динамичный сектора российского общества соизмеримы в своих объемах (соответственно, 38 и 62 %). Превалирование традиционного сектора незначительно. Далее, как отмечает Зубаревич, сельская глубинка живет вне политики. Наконец традиционалистский сектор существенно проигрывает в возрастном и качественном отношении (уровень образования, профессии, квалификации). Все это означает, что *ситуация 1917–1922 годов, когда традиционная «глубинка» навязала свое видение будущего немногочисленному модернизированному слою российского общества, исключена.*

«Истинно, истинно говорю вам: если
пшеничное зерно, пав в землю, не
умрет, то останется одно; а если
умрет, то принесет много плода».
(Иоанн. 12:24)

Итоговые суждения

Представленная панорама сегодняшней реальности, перемежаемая экскурсами в историческое прошлое, нуждается в обобщающем осмыслении. Приступая к этой работе важно сохранять беспристрастный подход и сбалансированный взгляд на вещи.

Мы живем в культуре апокалиптической. Идея о том, что все плохо, а дальше будет еще хуже, заложена в российской бекграунде и каждый человек воспроизводит ее почти как мантру, тысячекратно. Это некоторый ритуал и мировоззренческая конвенция. Кроме того, мы присутствуем при умирании объемного социокультурного целого. Картины деструкции и деградации всегда тягостны. Негативные процессы оскорбляют наше гражданское чувство и первыми бросаются в глаза.

На фоне самого разнообразного негатива отходят в тень позитивные преобразования. Мы не склонны фиксировать их потому, что культурная оптика нашего видения задана уходящей, советской по своей природе, культурой — культурой имперской мощи и индустриального могущества, трактуемого в образах середины XX века (шагающие экскаваторы, огромные домны, танковые колонны на параде). Рождающееся на голом месте новое качество не схватывается старым сознанием. Оно может фиксироваться как чистый негатив:

Умирание колхозов в Нечерноземье, равно как и разорение предприятий, выпускающих неконкурентоспособную продукцию по всей стране — *в высшей степени позитивное* и ободряющее событие. Эти предприятия не подлежат какой-либо модернизации. Их можно только сломать, с тем, чтобы на новом месте создавать качественно иное производство — вписанное в рыночную экономику, конкурентоспособное, исключая традицию халтуры, растаскивания всего, что плохо лежит, традицию богадельни. Однако такой поворот событий трактуется как катастрофа. Как же, людей лишили привычной работы.

А может и вообще не замечаться. Для того, чтобы увидеть элементы и предпосылки нового, необходимо мыслить целостной картиной нового качества. Можно ли объяснить палеолитическому охотнику, что успехи в domestikации горных козлов на фоне оскудения охотничьих угодий, и жалкая возня женщин, выращивающих что-то съедобное на участках земли возле землянки, и есть сияющая историческая перспектива, перечеркивающая и вольные кочевья, и волнующее зрелище стад диких животных, и радость охоты?

Распад советского целого затянулся на десятилетия. Выяснилось, что с окончанием социалистического эксперимента завершается эпоха русской истории, которая начиналась в XIII—XV веках. Что этот переход предполагает умирание традиционной культуры, смену исторической стратегии и цивилизационной парадигмы. Никогда, и ни при каких обстоятельствах, подавляющее большинство общества не бывает готово к таким трансформациям. Они происходят не по воле людей, а в силу неумолимой логики истории. Глубокая трансформация, сопровождаемая неизбежными процессами распада и деградации уходящих структур, схождением с исторической арены целых социальных категорий, коллапсом устойчивой

системы нормативности — все это тревожно и до крайности неприглядно.

Поверхностный взгляд, чуждый понимания природы исторического процесса, увидит в драматических коллизиях качественных преобразований лишь эпоху смут и деградации. Так воспринимал честный язычник, носитель античной культуры хаос римского универсума в V веке, когда невежественные фанатики-христиане громили дорогой его сердцу мир греко-римской античности.

В подобной ситуации важно не только осознавать риски и фиксировать негативные тенденции, но увидеть позитивные процессы, которые в своей совокупности образуют паттерн нового исторического качества:

1. За прошедшую четверть века в нашей стране появилась *масса новых профессий и социальных статусов*, немислимых и невозможных в советской реальности. За этими социальными новациями стоят новые компетенции, профессиональная культура, новая, адекватная реалиям XXI века, картина мира; наконец, новый психологический и ценностный строй личности. Новые социальные и профессиональные группы лидируют в постсоветском обществе, образуют сферу социального престижного, формируют доминирующий дискурс и задают модели поведения. В своей совокупности все это формирует новое социальное качество, которого, кстати, катастрофически не доставало в первой половине 90-х, когда состоялся стремительный обвал советского материка.

Традиционное общество гомогенно и минимально дробится на профессии. Кроме того, в СССР отсутствовали профессии, требуемые рыночной экономикой. Советская иерархия профессиональной престижности во многом воспроизводила традиционно крестьянский взгляд на мир. «Настоящие» профессии связаны с осязаемым трудом. Прежде всего, это профессии требующие усилия, работы в физическом смысле. Они создают (либо проектируют или руководят созданием) нечто осязаемо-вещественное. С этой точки зрения сегодняшние люди занимаются совершенно непонятным и ненужным делом. Аналитик рынка ценных бумаг или пиар менеджер не постижим для такого сознания, ибо он принадлежит другому космосу.

Другой аспект профессиональной динамики связан с тем, что появился и бурно развивается сектор частнопредпринима-

тельской активности. В этой среде рождается и разворачивается новая реальность. В 90-е годы было интересно наблюдать за тем, как разительно меняется сознание и психология советского интеллигента ушедшего в бизнес. Через год-два вы сталкивались с совершенно другим человеком. В НИИ, на своей прежней работе он был связан по рукам и ногам.

Если для работы потребовался принтер, компьютер или какое-либо новое оборудование, надо было написать заявку, подписать ее у непосредственного руководителя. Подписать у замдиректора. Затем завизировать в бухгалтерии. Бухгалтерия свидетельствовала, что закупаемое оборудование укладывается в пределах фондов, отпущенных подразделению, и на счетах организации в этой графе есть деньги. Далее надо было отнести заявку в отдел снабжения. После этого оставалось ждать того дня, когда закупленное поступит на склад организации. Теперь же бизнесмен вынимал из кармана доллары, отправлял сотрудника в магазин и через час необходимый прибор стоял на столе.

То, чем он занимался на советской работе, было предрешено, как правило, на годы вперед и практически от него не зависело. В бизнесе ситуация может измениться каждый день и значимые решения принимает он сам. Это был скачок от хождения в помочах к подлинно самостоятельному бытию. *Скачок от частичной субъектности к полноте прав и ответственности.*

В целом переход экономики в режим рыночных отношений радикально изменяет культуру и сознание общества. Процесс этот растянулся. В стране масса рабочих мест вне сектора рыночных отношений: госслужащие, бюджетники, служащие госкорпораций. Это демпфирует преобразования. Но, при всех обстоятельствах, рынок радикально преобразует общество.

Описанные изменения настолько существенны, что специалисты фиксируют: дискурсы поколений разошлись. Дети и родители мыслят и разговаривают на разных языках. Такое происходит не в первый раз. Здесь есть и опасность, и шанс позитивного изменения.

В 1992 году мне довелось наблюдать примечательную сцену: На московской кухне под радиопередачу «Эха Москвы» типичная интеллигентская семья пила чай. В какой-то момент в прямой эфир вывели звонок

старушки — «У вас прекрасная радиостанция и замечательные передачи. Только зачем вы крутите эту противную рекламу»? После этих слов двое сидевших за столом десятилетних детей воскликнули — «Так они же живут с рекламы!». Эта симпатичная советская старушка и не менее симпатичные дети принадлежали разным эпохам, имели различающиеся картины мира и говорили на разных языках. Так работает история.

2. В стране активно формируется *экономическое мышление и экономическое сознание*.

Двадцать с небольшим лет назад сколько-нибудь зрелое экономическое мышление было достоянием узкого слоя хозяйственников, части директорского корпуса и среды подпольных предпринимателей. Глубокая погруженность в современную экономическую теорию — достоянием единиц. Сегодня слой людей, способных мыслить экономически, вырос необозримо. На голом месте сформировались профессионалы в самых разных сферах современной рыночной экономики (банковское дело, рынок ценных бумаг, макроэкономика, пиар, реклама, современный менеджмент и т.д.). Экономическая субъектность из опасной природной предрасположенности (вроде врожденного таланта карточного шулера или вора-карманника) превратилась в востребованное и ценимое качество. Масса людей встает на путь свободной экономической активности. Однако рядом с этими людьми живут десятки миллионов экономически безграмотных, и это соседство рождает проблемы.

О данном обстоятельстве стоит сказать особо. Существование бок о бок, в одном обществе людей экономически мыслящих и людей экономически девственных, сознание которых не схватывает экономического измерения социального бытия, рождает массу коллизий. Доекономический человек в обществе, освоившем экономические модели мышления, обречен на неизбежную маргинализацию и занимает нишу малоквалифицированного труда. Другая коллизия состоит в том, что доекономический человек неизбежно становится объектом эксплуатации и, более того, объектом реализации паразитарно-хищнических стратегий. Подробнее этот феномен рассматривается в главе «Эпоха фазового перехода и санитары леса».

Надо отметить, что ликвидация экономической безграмотности и продвижение экономического мышления осложняются катастрофической правовой безграмотностью. Социальные отношения регулируются внеправовыми конвенциями, в соответствии

с устойчивыми криминальными практиками. В итоге формируется специфическая рыночная экономика третьего мира, живущая вне правового поля. Отсутствие правосознания, неспособность мыслить правом, воспринимать мир через призму права — одна из самых острых проблем российского общества.

Варварски инструментальное отношение к правоприменению со стороны власти и былинного размаха коррупция отрицают правовое сознание как сущность дезадаптирующую человека в современной России.¹³⁸ Вся российская действительность разворачивается вне правового поля. Право существует либо как ширма для респектабилизации реальности, либо как инструмент внеправового воздействия. Если экономическое мышление необходимо для успешного существования в рыночной экономике, то правовое сознание контрпродуктивно, поскольку подавляющее большинство реальных жизненных коллизий разрешается во внеправовом поле.

В Европе правовое сознание утверждалось, начиная со Средневековья, по мере пониживания общества идеями римского права и практиками из него вытекающими. Это шло, как сверху от власти, так и из города и сельской округи, в которой жили потомки римских граждан, традиционно вписанные в правовую систему социального регулирования.

Из идеальных культурных оснований правосознание в России не утвердится, ибо в нашей культуре нет оснований права. Декларации идеологов основаниями не являются. Русская культура принципиально внеправовая. Если иерархия абсолютно сакральна, и Бог мыслится как сущность, стоящая над любой нормой (либо творящая норму в каждый момент времени), то любые конвенции подчиняются начальственному усмотрению и не могут быть непоколебимыми основаниями социальной реальности.

Правовое просвещение в такой ситуации не продуктивно. Что то изменится, только с радикальным поворотом в практике правоприменения. Когда знаковые фигуры, представляющие в массо-

¹³⁸ Заметим, ровно то же основание лежит в природе феномена отказа читательской аудитории от классической русской литературы. Вслух об этом не говорят, но Тургенев, Толстой, Чехов, Достоевский и другие «гранды» отечественной литературы остались в памяти людей старшего поколения, и осваиваются молодыми людьми, профессионально ориентированными на словесность. Остальные обходятся минимальным набором знаний, почерпнутым в школе. И это ожидаемо. Дворянско-интеллигентская литература XIX века никак не komponуется с сегодняшней реальностью, а погружение в нее выталкивает читателя из современной жизни.

вом сознании мир коррупционеров, окажется за решеткой, когда сотрудники автоинспекции начнут панически бояться «взять на лапу» (опасаясь провокации и большого срока), когда судьи и нотариусы, оформлявшие рейдерские захваты, отправятся за решетку; в обществе сложится запрос на правовое сознание. Сегодня же мы наблюдаем грустную картину: молодые люди получают юридическое образование и совершенствуются в профессии для того, чтобы высоко квалифицировано обходить закон и юридически оформлять действия, отрицающие дух и букву закона. Необходим мощный социальный запрос на подлинное правосознание.

3. С начала 90-х годов социологические исследования фиксируют *атомизацию российского общества*.¹³⁹ Сама по себе, атомизация воспринимается как негативное явление и, в краткосрочной перспективе, рождает массу проблем (десолидаризация, социальная пассивность, неготовность к коллективным действиям). Это отмечают все, кто обращается к проблеме.

Как указывают специалисты, первая волна атомизации накрыла СССР в 30-е годы прошлого века. Коллективизация и перемещение десятков миллионов людей в города привело к разрыву устойчивых социальных связей. Однако первая волна не смогла полностью разрушить российское общество. «На крупных предприятиях происходила частичная регенерация горизонтальной социальности, основанной на чувстве сопричастности и товарищеской взаимопомощи». Вторая волна атомизации вызвана «стремительным переходом от патерналистского государственного капитализма к нынешней рыночной модели».¹⁴⁰

Негативные аспекты атомизации мешают нам осознать обусловленность и стратегический смысл явления. Атомизация представляет собой необходимый момент на пути качественного скачка. *Общинная психология, наконец, умерла.*

Наряду с положительными аспектами социальной связанности традиционного общества, общинная психология ограничивала инициативу, жестко задавала модели хозяйственной жизни, блокировала развитие рыночных отношений, ориентировала че-

¹³⁹ Атомизация общества — распад традиционных связей в обществе, социальное разобщение, появление изолированных индивидов, социальные связи которых носят безличный характер.

¹⁴⁰ Вадим Дамье. Атомизация общества и социальная самоорганизация: российский контекст. <http://www.ikd.ru/node/87>

ловека на минимизацию производства и потребления и т.д. Как пишет М. Вебер, в рамках традиционной общинной культуры «не могло быть и речи о какой либо свободе хозяйственных отношений между членами одного племени, одного рода, и наряду с этим абсолютная свобода внешней торговли». Между тем «особенностью капитализма является уничтожение различий между внутренним и внешним хозяйством, внутренней и внешней моралью, проведения принципа торговли»¹⁴¹

Новые процессы консолидации возможны только после кончины предшествующих моделей социальной интеграции. Умирает геймайншафт, и только на его костях может родиться гезельшафт.¹⁴² Распад геймайншафта уже произошел, а это — необходимое условие формирования гезельшафта.

4. Мы можем зафиксировать *радикальные изменения статуса города*. Нельзя сказать, что перед нами итог постсоветского развития страны. Это — результат исторической эволюции всего XX века. Крупный город как особое пространство и социальная группа, противопоставленная сельскому населению, устойчиво существовал в массовом сознании уже в 60–70-е гг. «Понаехали», «лимита», «в магазинах не протолкнуться» — эти мотивы дистанцирования от жителей малых городов и селян в дискурсе мегаполиса сегодня сняты за исчерпанием вала мигрантов из русской глубинки и возникновением «новых чужих» — выходцев из Средней Азии и Закавказья, на фоне которых наш мигрант воспринимается иначе.

С начала городской революции крупный город выступал в глазах жителей «глубинки» как амбивалентная сущность. Его привлекательность сочеталась с пугающе чуждой природой всего городского, противопоставленного сельскому укладу жизни.

Такое противопоставление имеет глубокие корни. Исследователи отмечают, что генезис европейского города происходил таким образом, что «формировалась самостоятельная группа по отношению к традиционному сельским, независимая от них и даже противостоящая им». Западный город «формировал собственные нормативно-ценностные системы противостоящие тради-

¹⁴¹ Вебер М. История хозяйства. Город. М. «Каноп-Пресс-Ц» 2001. С.285.

¹⁴² Введенные Ф. Теннисом понятия «Гемайншафт» (Gemeinschaft) и «Гезельшафт» (Gesellschaft), выражающие различия между традиционным и современным обществами. Точнее, термин «Гемайншафт» относится к сельской общине, а термин «Гезельшафт» — к городскому промышленному обществу.

ционным». Вхождение в городское общество означает разрыв с сельской общинностью. Базовые культурные ориентации этих общностей разительно отличаются. Как отмечают исследователи европейского средневековья «самосознание горожанина IX–XI веков значительно отличалось от самосознания «деревенщины». В России этот барьер появляется лишь в XVIII–XIX веках.¹⁴³

Восток сглаживал описанное противопоставление, лишая город его потенций. Запад — породил город в его собственном качестве, как фундаментальную альтернативу традиционной сельской культуре и источник исторической динамики. Дореволюционный и крупный советский город, в аспекте сиюминутной актуальности, были выхолащены. Однако, потенцию качественного вызревания сохраняли. В семидесятые годы, на фоне окончательной деградации культуры традиционного села, крупный советский город стал наращивать собственно городское социальное и культурное пространство. Расселялись коммуналки и бараки. Уходили в прошлое психология вчерашнего крестьянина и модели поведения, пришедшие в города с валом сельских мигрантов. Складывалась зрелая городская среда. Однако советская система, разумеется, блокировала радикальные изменения. Бурные перемены начались после 1991 года.

Сегодня город движется по пути вызревания города как радикальной альтернативы традиционно сельскому укладу. И именно это, собственно городское, качество бытия стало вождленным. Можно фиксировать консенсус общества по поводу притягательности большого города. За вычетом ограниченного и постоянно сужающегося сектора жителей российской глубинки, дистанцирующихся от большого города, масса ориентирована на большие города. Город перестал быть опасной и чуждой сущностью, и стал вождленным для подавляющей части населения.

В 50-е годы родители отправляли своих детей в город от безысходности. Традиционный мир оставался для них родным и единственно освоенным, но здесь можно было только выживать. Город пугал, однако с ним были связаны образы успеха и настоящей жизни. Сегодня, механизмы воспроизводства традиционного сознания подорваны, а реальность депрессивной глубинки еще более безысходна. К тому же она не представляется ни ценной, ни единственно возможной. Масса родных и знакомых переселились в города и

¹⁴³ А.А Сусоколов. Упом. соч. С.166–170.

успешно освоились на новом месте. Никто не удерживает насильно в мире доживающей традиции и не гонит из этого мира. Люди просто напросто покидают обреченную культуру.

5. Мифология Беловодья исчерпала себя.

В начале нашего исследования показано, что социальная утопия, описывающая идеализированный образ догосударственного неолитического бытия была значимым признаком традиционной культуры России. В начале XX века крестьяне-старообрядцы отправлялись на поиски Беловодья. Коммунистический проект победил, в том числе и потому, что резонировал с образами Беловодья и Опонского царства. В одном государстве сосуществовали два стадияльно и качественно разнородных пласта общества. Один — созидаящий государство и цивилизацию, другой — частично вписанный в эти сущности, дистанцирующий от них и чающий возвращения в мир преполитарного бытия.

За двадцатый век российское общество сделало гигантский скачок — десятки миллионов людей переместились из догосударственного сознания в мир государства и цивилизации. Обыденное сознание не схватывает значимости этого события. Для него такое положение вещей естественно и самоочевидно. Между тем, речь идет о завершении целой эпохи, об изменении фундаментальной характеристики российского целого. События последних десятилетий (когда экономический кризис и политика новой власти оборачивалась свертыванием социальных гарантий) показали, что в нашем обществе не осталось людей дистанцирующих себя от государства.

Реальность самого традиционного слоя российского общества, а главное, все его надежды и упования связаны с государством. От него он зависит, на него надеется, к нему обращается, без него не мыслит своего существования. С одной стороны, это — свидетельство нулевой субъектности, что грустно. Но, с другой стороны произошел скачок из раннегосударственного сознания к государству и цивилизации. По всей видимости, утрата остатков субъектности на таком переходе неизбежна. Она будет преодолеваться в следующих поколениях. Посттрадиционный человек на переломе принял государство и цивилизацию. Понятно, что качественные характеристики сознания, ментальность, компетенций этого человека делают его неспособным активно существовать в новой реальности. Он обменял Беловодье на социальное государство по-русски. Такова диалектика истории. Граждане и активные субъекты сложатся из

детей, внуков и правнуков названного исторического персонажа.

В описанной нами эволюции огромную роль сыграла социальная политика советского государства в постсталинскую эпоху. Раннесоветский и классический сталинский этапы истории ориентировались на создании единого трудового лагеря, в котором честно трудятся советские люди. При этом они не были гарантированы от нищеты, реквизиций, голода и репрессий. Начиная с конца 50-х годов, разворачивается с одной стороны удивительный, а с другой — закономерный, процесс *трансформации лагеря в богадельню*. Каждый гарантирован рабочим местом и некоторым минимумом социальных благ. Причем, этот минимум медленно, но растет год от года. От закутка в бараке до комнаты в коммунальной квартире, а там, глядишь, и квартиры в пятиэтажке. От велосипеда и часов-ходиков на стене к горбатому «запорожцу». От клумбы перед окном, к шести соткам дачного участка.

Всеобщая паспортизация и пенсионная система охватили все общество. Власть, реализовавшая идеал моносубъекта, оказалась ответственна буквально за все. Если в глухой деревне ломался мосток через ручей, люди писали письма и челобитные, обращаясь во все инстанции от сельсовета до обкома партии. Идея собраться и восстановить мостик общими усилиями не возникала.

Для подавляющего большинства населения государство, по-прежнему осталось сущностью, принадлежащей начальникам. Все, что касается государства это «их дело». Но в обязанности власти вошло два ключевых для массового сознания пункта: «накормить людей и дать людям работу». Произошла интеграция общества на патерналистских основаниях.

6. На фоне формирования общества потребления, которое складывается в крупных городах, наблюдается *доминирование ориентации на ценности потребления*. *Достижительная культура* размывает вечную установку «не высовываться». Люди перестали стесняться высоких заработков, говорить вслух, что они богатые или зажиточные, перестали стесняться жизненного успеха.

В России впервые сложился *дискурс успешности*. Успех как социальная ценность и социальный идеал продвигается не только глянцевыми журналами и телевидением. Он обнаруживается в общем строе жизни: в вереницах статусных автомобилей, в витринах дорогих магазинов, в рекламе туристических агентств и риэлтерских контор. Отказ от традиционно крестьянской минимизации

потребления, на которую наложилось жестко негативное отношение к «богатеям» в советскую эпоху — одно из базовых условий разрушения традиционной целостности и перехода в новое качество.

7. В России интенсивно *разворачивается «Революция интересов»*.

Одна из примечательных особенностей настоящего российского чиновника состоит в том, что он умеет видеть мир через призму собственных интересов. В любом законе и подзаконном акте, в постановлении правительства или сигнале, идущим из администрации Президента, чиновник мгновенно усматривает, как эти начинания могут сказаться на его интересах: соответствуют им, ущемляют, рождают новые возможности или сужают ресурсную базу и ограничивают освоенное пространство. Точно также устроено сознание зрелого бизнесмена.

Веками российское общество делилось на две неравные и качественно различающиеся категории. Первую составляли те, кто осознал свои личные и групповые интересы, освоил механизмы групповой консолидации по поводу интересов, а также механизмы борьбы за продвижение и защиту этих интересов. Эти люди создали государство и стали его элитой. Вторая категория состояла из людей традиционной культуры, живущих в иной системе координат. Они принадлежали сельскому миру, ориентировались на традиционное Должное и оценивали происходящее в соотношении с идеалом справедливого Должного. По существу, вторая категория лишь частично принадлежала культуре государства. Эти люди были неспособны мыслить в категориях интереса. Для этого надо выпасть из традиционных целостностей, осознать свою отдельность и несводимость к исходным множествам. И, наконец, увидеть мир через призму индивидуальных и групповых интересов.

Издавна бояре, чиновники и идеологи (как в саккосах, так и в двубортных пиджаках) прикрываясь Должным, манипулировали подвластными, направляя «стадо» в требуемом направлении, с тем, чтобы реализовать прекрасно осознаваемые своекорыстные интересы.

В советском обществе мышление интересами было свойственно «начальникам», а также достаточно узкому слою людей, связанных с предпринимательской деятельностью, или принадлежащих к этническим и социальным группам, в которых мышление интересами существовало веками.

Конец советского проекта и смерть Должного запустили процессы массового движения мышления интересами вширь. И это — исключительно важный момент, поскольку мышление интересами запускает процессы консолидации по поводу интересов, то есть — горизонтального структурирования общества. Там, где массовый человек не дорос до мышления интересами, нет, и не может быть, гражданского общества. Не может сложиться зрелая парламентская демократия.

Мы говорим об алгоритме мышления предполагающем алгоритм социального действия. По поводу каждой значимой новости человек адекватный современной реальности должен задаваться вопросами:

1. Как это скажется на мне и моих близких? Что я от этого буду иметь?

2. Кому это выгодно? Кто продвигает эти начинания?

3. Кто кроме меня имеет тот же интерес в данной ситуации?

4. Как к этому должны относиться «мы» — носители сходных интересов?

5. Что мы должны сделать для продвижения и защиты наших интересов в контексте обсуждаемой новости?

В обществе, которое включилось в мышление интересами и освоило механизмы защиты собственных интересов, возможности оболванивания и манипулирования «стадом» критически снижаются. Сегодня мы переживаем процесс включения общества в парадигму интересов. Он *всего лишь разворачивается*. Но ситуация, когда алгоритм социального действия, вытекающий из мышления интересами, был исключительным достоянием сословия «начальников», себя исчерпала.

8. Идет *опривычивание частной собственности*. Массовый советский человек воспринимал частную собственность как морально неприемлемое «попущение», Это что-то временное, в базовом смысле незаконное и экстраординарное, от чего мы — советские люди уже отказались. То, чему надлежит сгинуть в широкой исторической перспективе. Здесь он не только индоктринированный советский человек, но, прежде всего, наследник общинного крестьянского сознания.

Мелкая и средняя частная собственность уже вошли в сознание масс как социальная норма. Функции частной собственности осознаны. Она дает людям работу (это вам не СССР, работа се-

годня никому не гарантирована), позволяют выживать в сложной реальности, делают мир удобней. С крупной собственностью дело обстоит сложнее. Но и в этом вопросе ситуация начинает меняться. Работник частной корпорации получающий хорошую зарплату, имеющий социальный пакет начинает ценить тот социальный институт, благодаря которому обеспечивается и растет его благополучие.

Ко всему прочему, добрая половина граждан нашей страны стала собственниками жилья. Люди обретаю экзистенциально значимый опыт собственника. Права и обязанности собственника, возможности, которые вытекают из обладания частной собственностью (легально сдавать квартиру, доставшуюся тебе после смерти бабушки), осваиваются и осознаются в ходе непрестанной социальной практики. Эти обстоятельства меняют сознание человека. Эволюция отношения к собственности широких масс задана природой частной собственности, которая неотчуждаема. В этом — социальная гарантия собственника.

Пока все это далеко от общенационального признания священного права частной собственности, за которое люди готовы бороться и умирать. Мы говорим об освоении, опривычивании, о вписании в ряд естественных реалий на наших глазах превращающихся в ценности. Частная собственность и частное предпринимательство еще не стали безусловной социальной конвенцией, но позитивный тренд очевиден.

9. Несмотря на противоречивые тенденции, связанные с коррупцией и преступными практиками, идет незаметный для постороннего взгляда *процесс формирования целостного культурного комплекса предпринимательства*. Процесс этот только разворачивается. Бизнес находится в сложных условиях, испытывает давление с разных сторон, вынужден приспосабливаться к уродливым «правилам игры». Однако логика бизнеса и законы культуры продвигают предпринимательскую среду по обозначенному нами пути. Формируется деловая культура и соответствующий образ жизни. Складывается предпринимательская этика. Цена репутации осознается как высоко значимая ценность.

Эпоха «малиновых пиджаков» давно отошла в прошлое. Вместе с нею ушло демонстративное престижное потребление. Мир серьезного бизнеса замыкается в своей среде, где ценится неброская солидность, отгораживаясь от посторонних глаз. Здесь ценится

репутация, включенность в мировой контекст, способность осваивать новые знания и компетенции. Люди этого круга умеют мыслить и слушать, ценят экспертное мнение, открыты новым идеям. Мы говорим об одном из сегментов элиты российского общества. Интеллектуальные, профессиональные и этические характеристики этого слоя, механизмы его пополнения, актуальная культура бизнес-сообщества значимы с точки зрения перспектив исторической эволюции России.

10. Несмотря на героические усилия политической элиты, последовательную работу идеологических институтов (общественные структуры «патриотической» ориентации, РПЦ) и СМИ, в России очевидным образом просматриваются процессы *деградации имперского сознания*.

Резонансные «Русские марши», лозунг «Хватит кормить Кавказ», и соответствующее общественное движение,¹⁴⁴ призывы к проведению референдума по введению виз для граждан ближнего зарубежья, полноценные погромы (Москва, район Бирюлево, ноябрь 2013; город Пугачев Саратовской обл. июль 2013) лозунг «Россия для русских. Москва для москвичей», жесткие в своей риторике выступления националистов. Все это свидетельствует о существенном тренде общественного сознания.

Власть испугалась призывов и вводит в нормы законодательства уголовную ответственность за публичные призывы к разделению России. Эти новации могут убрать идею России для русских из публичного пространства, но не смогут остановить процесс переосмысления базовых характеристик государства.

Россия переживает болезненный процесс формирования собственно *национального сознания*, которое *принципиально не равно сознанию имперообразующего этноса*.¹⁴⁵ Веками империя была иррациональной религиозной ценностью, насаждаемой всеми политическими и идеологическими институтами. Гордость империей и радость принадлежности к имперообразующему этносу (вспомним слова генералиссимуса А.В.Суворова «Я русский — какой восторг!») померкли. На повестке дня остро стоит проблема *платы за импе-*

¹⁴⁴ См. сайт «Гудбай Кавказ». <http://GoodbyeKavkaz.org/news/hvatit-kormit-kavkaz>. Заметим, что идея отделения Северного Кавказа вызывает острое неприятие значительной части северокавказского общества, отчетливо осознающего, что в этом случае в регионе настанут тяжелые времена.

¹⁴⁵ Подробнее см.: Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. М. Новый хронограф. 2008.

рию. А поскольку за империю платят не фельдмаршалы, а рядовые и лейтенанты, российское общество созревает до идеи собственно российского национального интереса и отказывается платить за великодержавные амбиции элиты.

В течение неполной четверти века граждане России наблюдают очевидное нежелание бывших союзных республик ориентироваться на Россию. Параллельно этому пришло осознание выгоды отдельного существования, вне имперских обязательств и амбиций.

Пятнадцать лет назад под лейблами «патриоты» и «националисты» выступали имперские реставраторы. Однако, идеология «Союза русского народа», в программе которого было записано: «Союз Русского Народа ... поставляет своим священным непреложным долгом всеми силами содействовать тому, чтобы завоеванные кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемой частью Русского государства»¹⁴⁶ утрачивает общественный кредит. Складываются новые националистические группировки демократической ориентации. В своих публичных выступлениях националистические лидеры всё чаще отрекаются от авторитаризма и сталинизма. Пока что носители либеральных и демократических ценностей относятся к новым националистам с настороженностью. И это понятно. Социальная база названных движений далека от идеалов толерантной политкорректности. При этом надо сознавать, что мы имеем дело с утверждающейся реальностью.

Что же касается реставраторской риторики, надо отметить: что в сравнении с 90-ми годами мотивы имперской реставрации звучат глуше. Речь скорее идет о собирании «русского мира» трактуемого предельно расширительно (Великороссия, Малороссия и Белороссия). Иными словами *идеи реставрации облекаются в националистические мотивы.*

Империя требует определенной социальной структуры общества и задает базовые характеристики культуры. Опирающиеся на сельскую общину агродеспотии могли создавать устойчивые традиционные империи. Причем, история, как Римской империи, так и Византии, свидетельствует — кризис сельской общины метрополии приводит к кризису и распаду имперского государства. Как культурный феномен, задающий некоторую типологию сознания,

¹⁴⁶ Эволюция русского национализма. <http://ttolk.ru/?p=17260>

российская сельская община исчезает в 70-е годы прошлого века. Империя пережила общину всего на двадцать лет.

Кроме того, общество потребления несовместимо с той моделью традиционной империи, которая сложилась в России. Солдат российской империи должен быть многообразно фрустрирован, а его сублимативная энергия ненависти направлена на назначенного врага. Обыватель, познавший радости жизни и ценящий удобства не годится на роль героев беззаветного служения.

11. В России окончательно *завершилась эпоха экстенсивного развития*. Ресурсы реализации экстенсивной стратегии исчерпаны. *В стране разворачивается процесс осознания этого эпохального события.*

Дело в том, что экстенсивная интенция относится к базовым характеристикам российской цивилизации.¹⁴⁷ Это относится ко всем измерениям социально-культурного организма. И территориальный аспект развития, и качественные характеристики экономики, и численность населения, и сфера устойчивого употребления русского языка — эти и другие параметры российского целого снижаются и сжимаются. Сырьевая ориентация экономики фиксирует ее экстенсивный характер. Россия может еще какое-то время наращивать объемы добычи энергоносителей, но это принципиально исчерпаемый, конечный источник роста. Все остальные измерения экстенсивного движения исчерпаны.

Между тем экстенсивный рост как константа развития просматривается на всю глубину исторического видения. Территориальный аспект данной проблемы подробно рассматривает А. Сусоколов. В его изложении территориальная экспансия вытекала из природы крестьянской общины. Трехпольная система земледелия не обеспечивала эффективного восстановления почв, что вызывало периодические кризисы безземелья. Причем, эти кризисы снимались оттоком избыточного населения во вновь осваиваемые регионы. «Более того на окраинах постоянно расширяющейся «русской ойкумены» временно возрождались более примитивные и экстенсивные системы земледелия — перелог и подсечно-огневая система». Как замечает автор, на территориях Западной Европы возможности экстенсивного развития были исчерпаны к XIV–XV вв.

Далее «успехи на ниве земледелия всегда вызывали зависть со стороны соседей, что нарушает стабильность общины» Поэтому

¹⁴⁷ См: И.Г.Яковенко. Познание России: цивилизационный анализ. М. 2012. Глава: Россия в координатах экстенсивного/интенсивного.

постоянно поддерживался относительно низкий уровень урожайности. При низком уровне урожайности и естественном приросте населения община была вынуждена либо захватывать новые земли, либо «выталкивать» избыточное население на освоение новых земель.¹⁴⁸ В ответ на этот запрос российское государство шло по пути территориальной экспансии на неоглядных просторах Евразии, осваивая вначале «дикое поле», а затем покоряя рыхлые и слабые государства, контролировавшие евразийские пространства.

Ту же картину бесконечной колонизации «ничейных» территорий, но диктуемую другой экономической логикой: заданную поисками предметов экспорта — пушнины, веками двигавшую Московию/Россию от Великого Новгорода до Аляски и Калифорнии, рисует Александр Эткинд.¹⁴⁹

Однако этот процесс упирается в географические и политические пределы. Однажды девственные природные пространства, не принадлежащие жизнеспособному государству кончаются. Как указывает Сусоколов, «В конце XIX века русский этнос столкнулся с кризисом, по мере исчерпания возможностей дальнейшей территориальной экспансии. Именно поэтому рубеж XIX—XX веков стал моментом начала кризиса российского общества».¹⁵⁰

Можно согласиться с исследователем. Первые сигналы кризиса экстенсивного роста прозвучали в Крымскую компанию. Европейские державы похоронили планы расчленения Османской империи и распространения российского влияния на постосманское пространство. Крымская компания жестко обозначила пределы территориальной экспансии Российской Империи в Европе. К 1890 году, после выхода на границы Афганистана и Персии, был исчерпан потенциал экспансии в Средней Азии. Внимание России переключилось на Дальний Восток и Восточную Азию.

Правительство работало над активной сельскохозяйственной колонизацией Приморья и стремилось к выходу к незамерзающим портам Желтого моря. Ударными темпами шло строительство Транссиба. Параллельно прорабатывались планы концессий на китайской и корейской территориях. В 1900 году русские войска оккупировали Манчжурию. В правительственных кругах шли раз-

¹⁴⁸ А.А.Сусоколов. Упом. соч. С.114–124.

¹⁴⁹ Александр Эткинд. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. НЛО М. 2013.

¹⁵⁰ А. А. Сусоколов. Упом. соч. С.125

говору о «Желтой Руси» по аналогии с Русью Великой, Белой и Малой. Русско-японская война 1904–1905 годов за контроль над Манчжурией и Кореей закончилась унижительным поражением и Первой русской революцией.

В 1914 году Россия вступает в Первую мировую войну, которая завершается революцией и распадом страны. В результате часть территорий Империи была утрачена навсегда, часть удалось вернуть перед Второй мировой. Отметим, что советский проект заключал в себе попытку вырваться из колеи экстенсивного развития. Однако, способы достижения этого были негодными, а конечные цели движения — нереализуемыми.

Вторая мировая война дала минимальные территориальные приращения (Калининградская область, отдельные районы Украины), но обернулась гигантскими потерями. Советский Союз резко расширил территорию военно-политического контроля. Выросли ресурсные затраты, но это не было территориальным расширением. Кроме того, к середине века умирает сельская община и разворачивается демографический переход. Культура, лежавшая в основаниях территориальной экспансии, истощает себя. Остается идеологическая имперская инерция, которая окончательно истощает ресурсы общества. К середине 80-х годов, холодная война, ставшая закономерным ответом на российскую экспансию в Европе, была проиграна вчистую. Конец коммунистического проекта и распад СССР явился итогом первого этапа кризиса российского общества, о котором говорит Сусоколов.

Внутри советского этапа истории разворачиваются драматические демографические процессы. В 1964 году (через 10 лет после смерти Вождя народов) в СССР установилось такое соотношение рождаемости и смертности, которое сделало невозможным простое воспроизводство поколений.¹⁵¹ При этом рождаемость народов Кавказа и Средней Азии устойчиво превышает уровень рождаемости русского населения. В результате к середине 70-х годов складывается беспрецедентная ситуация — центробежный вектор миграции внутри СССР изменяется на центростремительный. Вектор движения из РСФСР в союзные республики сменился на противоположный. С конца 60-х годов в РСФСР намечается отрицательное сальдо миграции с Грузией

¹⁵¹ Сергей Дубинин. Россия против кризиса. Кто победит? М.2009. С.59

и Азербайджаном, в 70-е годы — с Казахстаном и республиками Средней Азии.¹⁵²

Распад СССР рождает потоки миграции русских из стран ближнего зарубежья. Далее, есть основания полагать, что этнические русские сталкиваются с недоброжелательным отношением в автономиях, что побуждает их переезжать в собственно русские регионы. Насколько можно судить по немногим упоминаниям, русское население окончательно вытеснено из Чечни. Разворачивается тихое возвращение адыгов на территорию исторического расселения в Ставропольском крае, откуда они были вытеснены в ходе завоевания Кавказа.

Есть и центростремительная тенденция в чистом виде, которую не удастся объяснить давлением среды. В двухтысячные годы фиксируется миграционный отток из Сибири и Дальнего Востока в европейскую Россию. Россия очевидным образом сосредотачивается, но совсем не в том смысле, который вкладывал в эту метафору Горчаков.

Центробежная тенденция исчерпана. Потоки иноязычных мигрантов, принадлежащих другим цивилизациям, стали устойчивой реальностью российских городов. Законсервировать ситуацию и отгородиться от мира в этой случае невозможно. Осознание того, что эпоха экстенсивного развития ушла в прошлое рождает предпосылки качественных изменений.

Такова на наш взгляд панорама трендов и тенденций, характеризующих современное российское общество.

Итак:

Модель навязанного государства обнаруживает исторические границы своего развития. Застой 70 — 80-х и деградация 90-х свидетельствуют о кризисе исчерпания и схождения с исторической арены навязанного государства. Если исходить из общей логики исторического развития христианского мира, позитивная перспектива просматривается на путях формирования гражданского общества и правовой демократии. Но, такой переход требует революции в сознании, смены политической элиты и перерождения подданного в гражданина. Масштабы подобной революции сложно поддаются

¹⁵² Эмиграция из России в страны ближнего зарубежья: исторические и современные особенности. <http://www.cisdf.org/TRM/Ionzev/book-4.2.3.html>

осознанию. Речь идет о смерти одной целостности и рождении на ее месте другой, качественно отличной.

В недрах предшествующего периода, по крайней мере, с 1861 года шло формирование независимого от власти субъектного слоя общества.¹⁵³ Однако он либо атомизировался и подавлялся, либо покупался и инкорпорировался в традиционную систему власть/подвластные. На определенном — начальном этапе исторической эволюции, такой сценарий нормален и характеризует собой этот этап.

Однако в некоторый момент объемные характеристики «новых людей» начинают превышать пределы возможностей адаптации и подавления со стороны традиционного целого. Психология поданного и бегство от свободы — отступают, теснимые новыми настроениями и жизненными стратегиями. Масса, востребующая вождя, оказывается один на один с «новыми людьми», склонными к прямой демократии и намеревающимися похоронить сословное общество, сакральную власть и империю. Разрушить муляжные политические и общественные структуры и создать на их месте собственно представительную демократию, собственно независимый суд, собственно гражданское общество. Создать государственный аппарат, который будет зависим от нации.

Возможна ли такая трансформация в принципе — открытый и не простой вопрос. Константин Леонтьев или Феофан Прокопович отвечали на него отрицательно. В таких дискуссиях вспоминают утверждение Константина Леонтьева, что русский народ «специально не создан для свободы». Это не такое простое суждение, от которого можно отмахнуться. Русская история дает достаточно аргументов в пользу весомости приведенного мнения.

В некотором смысле Феофан Прокопович с Константином Леонтьевым правы, поскольку предметом их высказывания был конкретный исторический феномен, раскрывавшийся перед глазами этих идеологов. Традиционная народная культура до-личностна и анти-личностна. В ее идеологических основаниях любые экспликации личности трактуются как дьявольская гордыня, а выжигание личностного начала — как подвиг христианской святости.

Однако история не остановилась на эпохе «византиниста» Ле-

¹⁵³ Если быть скрупулезным, что первые эскизы экспликации этого феномена надо начинать с 1825 года.

онтьева и демонстрирует иной вектор развития. Наши расхождения обнаруживаются в плоскости историософских представлений. Названные мыслители видели Российскую империю вечным феноменом, снимаемым лишь в перспективе Второго пришествия. Придя позже, мы стали свидетелями умирания Империи. Для Леонтьева деспотическое государство служит инструментом обуздания человека, (Леонтьев — антропологический пессимист и консерватор, не верящий в способности либерального, внесловного и демократического общества). Соответственно, крах этого государства открывает эпоху хаоса и эгоистической вседозволенности.

Можно согласиться с тем, что человеческий материал, который окружал Константина Леонтьева, действительно требовал жесткого обуздания. Но, в недрах позднесредневекового общества, рождается *следующая итерация* человека разумного. А именно — автономная личность востребующая бессловное демократическое государство. Личность рациональная и ответственная. Относительно порождающей среды она воспринимается как инородное включение. Отсюда пафос консервативной критики интеллигенции как беспочвенного явления, не имеющего корней в народной жизни.¹⁵⁴ Но млекопитающие — не более, чем уродливая мутация рептилий. Беда в том, что динозавры вымерли, а млекопитающие остались.

Специфика завершающих этапов трансформации состоит в экспликации стадийного разделения общества. Энергично формируются два социокультурных комплекса; два народа. Между ними лежит экзистенциальный барьер и напряженное переживание «иного», в диапазоне от осознания нетождественности этих сущностей до онтологического противостояния. В такой конфигурации общая идентичность переживается как формально-ритуальная фигура государственного культа. Периодически накатываются волны взаимного отчуждения. Российская интеллигенция, увязывавшая традиционный народ и образованное общество в одно целое, кончилась. Советская фразеология возвеличивания «простого человека» испарилась в один день вместе с советским государством. Модернизированный слой общества видит в людях традиции своего исторического противника.

Теоретически можно допустить еще одну итерацию «сноса»

¹⁵⁴ В этой связи, интересно было бы задаться вопросом: какова почва первых христиан в народной культуре языческого общества?

нового народа, хотя вероятность такого развития событий крайне мала. Общий тренд достаточно очевиден. Рано или поздно, традиционный социокультурный комплекс российской цивилизации уйдет в прошлое. Будет ли в точке перехода видеться фигура символического Одоакра, либо Кальвина или Робеспьера — не так важно. История, вообще говоря, не повторяется на уровне частных и внешних форм. Европейская «Весна народов» 1848—49 годов не равна революциям двухтысячных и две тысячи десятых годов, охвативших два континента. Общеисторический и цивилизационный контекст иной. Но общность стадияльно-исторических процессов просматривается.

Задаваясь вопросом о том, как реализуются фазовые переходы и качественные скачки, надо помнить о том, что *человек и культура неразделимы*. Следует различать два разнородных явления: изменения культуры в рамках устойчивого системного качества и смену социокультурной парадигмы. В первом случае происходят более или менее болезненные процессы утверждения новых моделей поведения, норм, образцов. Старшие возрастные группы переживают эти процессы сложнее и осваивают новое позже, но в целом такого рода процессы переживаются почти рутинно и не рожают острого дискомфорта.

Во втором случае смена модели культуры затягивается на несколько поколений и требует *прерывания* межгенерационной культурной преемственности. А это возможно лишь тогда, когда складывается особая *ситуация культурного разрыва*. К примеру, дети покидают своих родителей, уезжая в город, отрекаются от культуры своего детства. Второй сценарий формирует ситуацию, в которой родители лишаются возможности передать главные смысловозизненные ценности и базовые основания мироощущения своим внукам. Исторические сценарии, в которых разворачиваются эти процессы, разнообразны: Взятые в плен варвары продаются на невольничьих рынках и попадают в жесткие условия жизни и работы в неволе. Рано или поздно они рожают детей, которые вырастают в мире постоянной, подневольной работы. Эти дети растут вне варварского космоса. Часто они утрачивают язык их родителей и переходят на язык хозяев. Они слышали что-то о привольной жизни за рамками государства, но их собственный жизненный опыт, психологический строй, впитанная с молоком матери социокультурная органика императивно задают совершенно иные жизненные сценарии.

В других вариантах родители — носители уходящего качества профанируются, живут в нищете, вымирают, а дети включаются в новый, и яростный мир.

Революционные смены стадияльных моделей социокультурного универсума, предполагающие радикальную трансформацию системного качества, *требуют прерывания культурной преемственности*, а это достигается через деструкцию уходящего исторического субъекта. Распад традиционного социокультурного целого нормален и в этом смысле ожидаем. Смена системного качества невозможна без глубокого кризиса. Победа большевиков фиксировала неспособность российского общества к плавной, более или менее, континуальной эволюции. С общегуманистической и элементарно обывательской точек зрения на этапе перехода был бы предпочтителен авторитарный режим в пространстве между маршалом Юзефом Пилсудским, генералом Аугусто Пиночетом и Кавалером Бенито Муссолини. Однако стадияльные и качественные характеристики российского целого задали куда более драматический сценарий.¹⁵⁵

Советский этап представляет собой попытку минимизировать кризис перехода, создав компромиссную модель, сочетающую базовые характеристики традиционного общества и императив модернизации. На тактическом уровне коммунистическая эсхатология работает, но стратегически бесплодна. Тем не менее, она решает задачи определенного этапа перехода, однако, при этом порождает собственные проблемы, неразрешимые внутри данной системы, которые приходится решать после распада советского общества. Советский этап модернизации завершен. Теперь общество переживает *кризис окончательного распада исходной системности*, по завершению которого можно ожидать самоорганизации качественно нового социокультурного организма.

Два народа

В описываемой нами ситуации экзистенциальное растождествление, остро переживаемое и четко артикулируемое, выступает условием и маркером перехода. В свете этого окончательное изжи-

¹⁵⁵ История — процесс самоорганизации, ориентированный на минимизацию изменений. Победа большевиков свидетельствует о том, что любые более шадящие варианты были невозможны.

вание интеллигентской этики неизбывной вины перед народом и формирование дистанцированного отношения к носителям традиционной ментальности — важнейшее свидетельство разворачивания фазового перехода.

Наше понимание происходящего состоит в том, что эпических масштабов коррупция, brutальная варваризация, хаотизация социального пространства, алкоголизация, наркомания, anomия, ранняя смертность и другие катастрофические приметы современного бытия, хорошо накладывается, если не четко совпадает, с множеством носителей традиционно-архаического начала. Объяснение этому состоит в том, что *мы переживаем процессы выведения из бытия носителей уходящей ментальности*. Это происходит в рамках процессов самоорганизации социокультурного целого. Винить кого-либо в происходящем бессмысленно. Ответственность за эти процессы лежит на истории.

Нами был заявлен тезис об общей *неадекватности исторического субъекта* в России. Эта неадекватность последовательно нарастает со второй половины XX века. Пока существовал Советский Союз, воспроизводились базовые характеристики целого, и неадекватность могла только нарастать. Однако радикальное реформатирование социокультурного пространства возвестило крах механизмов воспроизводства тупиковой социокультурной матрицы. В 90-е годы прошлого века эксплицируется, и разворачивается *дивергентное развитие российского общества*, которое делится в качественном отношении на два пласта — личностно ориентированных носителей ценностей динамики и людей, ориентированных на традиционные ценности и модели бытия.

Дивергенция российского целого свидетельствует о процессах самоорганизации направленных на *снятие неадекватности исторического субъекта*. В этом отношении перед нами — важнейшее событие последних десятилетий.

Во второй половине 90-х такая дивергенция угадывалась, нащупывалась на уровне экспертного суждения, обретала статус гипотезы (впрочем, вызывавшей яростную отповедь в традиционалистском лагере). Сегодня, в начале второго десятилетия XXI века, тезис о дивергентном развитии постсоветского общества не вызывает сомнений.

Современное российское общество *распалось на два народа*. Один способен вписываться в новую реальность и творчески пре-

образовывать ее; другой — органически к этому не способен, не желает и тяготится новой реальностью.

Осваивая новую реальность и творя новый мир, народ №1 рождает массу проблем и диспропорций. Но эти проблемы принципиально разрешимы в рамках доктрины современного, развивающегося государства. Внутри обозначенного множества есть консенсус по поводу базовых параметров государства, складывается идея общего интереса, формируется единое лингвистическое и ценностное пространство.

Народ № 2 в принципе не принимает генеральный вектор исторической эволюции и тяготеет к разнообразным ретроспективным утопиям, воскрешающим сакральную власть, патернализм, сословное общество, навязанное государство, генеральную установку на застой и другие ценности традиционного сознания. Этот социокультурный феномен пребывает в качественно ином ментальном пространстве.

Структура первого народа

Первый народ исторически моложе. Его история не восходит к неолитическому крестьянству; за спиной первого народа не стоят тысячелетия. Ростки нового исторического качества на индивидуальном уровне проклевываются во второй половине XVII века. К примеру, глава Посольского приказа Афанасий Ордын-Нащокин был европейски образованным человеком, имевшим свое видение стратегии развития страны. Seriously интересовался политэкономией, читал Платона. То же можно сказать и о следующем главе Посольского приказа князе Василии Голицыне. Василий Васильевич Голицын первым из российских аристократов планировал отмену крепостного права. Эти люди обгоняли свою эпоху, и счет их шел на единицы.

Формирование социокультурной общности людей, приобщенных к европейской культуре, разделяющих ценности Нового времени и ориентированных на историческую динамику разворачивается в XVIII веке в контексте вестернизации Московии, развернутой Петром I. Если во второй половине века две гимназии готовили молодых людей к поступлению в Санкт-Петербургский и Московский университеты, то с началом XIX века классическое об-

разование идет вширь. В 1804 основывается Казанский и Харьковский университеты, 1816 – Варшавский, 1833 – Киевский. К концу эпохи Александра I почти во всех губернских городах открыты гимназии. Открываются лицеи, и другие учебные заведения. Развивается книгоиздание, издаются журналы, складывается полноценная культурная среда большого общества.

Все это создает необходимые предпосылки формирования качественной альтернативы традиционному универсуму. Знаковые имена хорошо известны. Это Радищев, Новиков, Сперанский, классики русской литературы. В эпоху Александра I либерально настроенное дворянство – целостная среда, породившая, в конечном счете, движение декабристов. Феномен декабристов примечателен в одном отношении. За их спиной не стояло значительной социальной силы разделявшей стремление к либеральным преобразованиям и республиканским ценностям. Первый народ складывался в России сверху. Патриархальное купечество не проснулось для политической жизни, и тратило всю свою энергию на вписание в существующую реальность. Крестьянство и ремесленная среда заведомо принадлежали традиционному миру. Все это задавало стратегию декабристского движения.

Ситуация начинает медленно меняться к середине XIX века. В атмосфере сумерек крепостничества формируется российская интеллигенция. Широкий слой выходцев из разных сословий осваивал, как мог, европейскую культуру и активно включился в общественную, культурную и политическую жизнь.¹⁵⁶ Политически и идеологически интеллигенты представляли собой достаточно пестрый спектр позиций. Но внутри множества, на фоне нормального карьеристского конформизма, наряду с охранительным и реакционным началом, можно выделить либеральные и демократические течения. Студенческие кружки Грановского и Кавелина, дискуссии в салонах и гостиных, стали событием в истории русской культуры и общественной мысли, окрасившим собою целую эпоху. Разворачивалась полемика между славянофилами и западниками. В этой полемике формировались такие люди, как профессор Московского университета Борис Николаевич Чичерин. Известный

¹⁵⁶ Согласно официальной доктрине самодержавья, подданные российского царя не могли легально заниматься политикой. Политическая активность осваивает нелегальное пространство: Петрашевцы, Альманах «Полярная звезда», журнал «Колокол» Герцена и Огарева и т.д.

юрист и философ, Чичерин выступает примером элиты первого народа России второй половины XIX века.

Великие реформы Александра II задали новый этап в разворачивании первого народа России. В обществе, остающемся сословным и автократическим, создаются минимальные условия, необходимые для реализации экономической и культурной свободы.¹⁵⁷

Начальное и среднее образование идет вширь. В низах общества растет культурный статус образования. Люди, сторонившиеся прежде культуры большого общества, разными путями помещают своих детей в гимназии. Растут города. Вместе с растущей сетью железных дорог развивается общероссийский рынок, и вчерашний крепостной выходит на этот рынок со своей продукцией. Разворачивается расслоение деревни. Усложняется и становится более демократичной панорама культурной жизни.

В результате складывается общественное движение широкого спектра, от либерально земского, до революционно-демократического и национально освободительного на окраинах империи. Вряд ли имеет смысл называть имена знаковых фигур, формирующих идейную атмосферу, ориентирующую на ценности развития.¹⁵⁸ Но, будем помнить, что рядом с народником Н.Михайловским, рассчитывавшим без буржуазных институтов (политической свободы и конституции) не мешкая перейти в России к социализму и теократической утопии Вл.Соловьева, в нашей стране вырастают П.Новгородцев, П.Струве, С. Франк. С. Булгаков.

Жизнь общества не исчерпывается культурно-идеологическим измерением. Рядом с мыслителями и полемистами работали инженеры, ученые, бизнесмены, делавшие открытия, адаптирующие в российское производство современные технологии, практически продвигавшие страну в будущее.

Пореформенная эпоха породила новый сектор первого народа. Дети патриархальных купцов первой половины XIX века получали европейское образование и неизбежно входили в культуру большо-

¹⁵⁷ Политическая активность по-прежнему локализуется в нелегальном пространстве.

¹⁵⁸ Наше понимание природы вещей и логики всемирно-исторического процесса требует различать ориентацию на хилиастические коллективистские проекты (или социалистическую/коммунистическую эсхатологию) и развитие, апеллирующие к автономной личности и соответствующее либеральным ценностям. В противном случае мы будем вынуждены причислить к разряду актеров исторической динамики Пол Пота и Иенг Сари.

го общества. Они приобщались к культурной жизни, становились коллекционерами, меценатами, финансировали издание журналов (к примеру, журнал «Золотое руно» издавал Н. Рябушинский). Логика общественного развития вводила представителей российского бизнеса в пространство общественно-политической проблематики. Предпринимательская среда активно пополнялась выходцами из третьего сословия, дворянства, чиновничества. Объективное положение бизнеса в сословном обществе дореволюционной России ориентировало формирующуюся среднюю и крупную буржуазию на либеральные ценности. Крупный бизнес спонсирует политические движения, издает газеты, после 1905 года формирует политические партии («Союз 17 октября»).

Наконец, в пореформенную эпоху процессы качественного расслоения общества проникают в широкие народные массы. В самом сердце традиционного мира, в патриархальной крестьянской среде возникает феномен кулачества. «Кулак-мироед» поднимается, становится заметным фактором крестьянской жизни, активно разлагает патриархальный универсум, втягивает крестьянство с систему товарно-денежных отношений, принуждает крестьянина отказываться от идеала натурального хозяйства и переходить к товарному производству.

Российский кулак на получал систематического образования, хотя, безусловно, был грамотным. В силу специфики генезиса этого социо-культурного феномена он постиг природу рыночных отношений, освоил необходимые практики, двигаясь изнутри и с самого низа. И это — качественно новое, революционизирующее патриархальную деревню видение — дало ему мощные конкурентные преимущества, пользуясь которыми кулак наращивал свой капитал и затаскивал односельчан в мир рыночной экономики. В своих базовых характеристиках кулак принадлежал первому народу и составлял самый мощный, энергично растущий сектор этого множества. Логика исторической эволюции двигала детей и внуков русского кулака в сельскохозяйственные академии и университеты. Однако история российского общества пошла другим путем.

Рядом с кулаком формировался сектор мелкого и среднего предпринимательства, вырастающий из низов общества. Эти люди также расставались с патриархальным синкретизмом осваивая систему экономического мышления. Оставаясь «своими» для патриархальной среды, они являли ей действенную альтернативу

верности заветам предков и вытекающему из этого прозябанию.

Первая русская революция стала дополнительным импульсом структурирования первого народа, способствовала процессам самосознания, осознания стратегических интересов, формирования политического крыла. В низовой среде революция 1905–1907 годов подтолкнула процессы разложения патриархальной деревни, вызревания кулачества и малого предпринимательства. При всем этом в качественном отношении обозначенные процессы лежали в общей логике развития пореформенной России.

Суммируя, мы можем сказать, что во второй половине XIX — начале XX века в России складывается целостная структура первого народа. Однако между 1917 и 1932 годами история внесла в описанную картину свои коррективы. Исторический выбор россиян отменил первый народ и перспективу исторического развития, которую он предлагал российскому обществу. Первый народ переживает следующую эволюцию — он последовательно: лишается собственности и политических прав, репрессируется, и, наконец, уничтожается как самостоятельное целое. Эти процессы идут на фоне жесточайшей профанации и демонизации, извращения истории первого народа, изъятия его идейного наследия, которое попадает в спецхран.

Отдельные представители первого народа доживают в порах советского общества, замкнув уста. Что-то передается по каналам социальной коммуникации. Но это уже тип преемственности традиций катаров в царстве победившей католической ортодоксии после разгрома движения.

Следующая итерация вызревания первого народа разворачивается в недрах позднесоветского общества. Советские интеллигенты-шестидесятники, в массе своей не выходявшие за рамки чаяний обновленного социализма с человеческим лицом, задышали в атмосфере поздней идеократии, усложняли и полюрализовывали культурное пространство, раздвигали рамки интеллектуальной и духовной свободы. А эти процессы, как правило, выступают предпосылками утверждения либеральных ценностей.

В столицах и крупных городах возникают салоны и складываются семинары, в рамках которых идут свободные дискуссии (пре-рываемые время от времени профилактическими беседами с сотрудниками ГБ, исключениями из университетов и увольнениями с работы). Возникшее в конце шестидесятых годов правозащитное движение активно декларирует независимую от идеократического

государства гражданскую и политическую субъектность, дистанцируется от казенной идеологии, обращается к мировому общественному мнению, апеллирует к общечеловеческим ценностям и неотъемлемым правам человека. В самиздате разворачиваются свободные дискуссии о прошлом, настоящем и будущем страны. В этой достаточно пестрой среде формируется пласт носителей либеральных ценностей. Вокруг сравнительно небольшого актива располагаются десятки тысяч людей, которые читают сам и тамиздат, слушают «голоса», симпатизируют.

Параллельно в гуманитарной научной среде в тех зонах, где разворачивается профессиональное исследование экономики, политики и культуры Запада, философии и истории Европейской цивилизации, складывается круг исследователей, ориентированных не на догматические марксистские построения, а на постижение природы явления. Эта работа открывает исследователям, как неизбежность краха советского общества, так и те механизмы, по которым работает современная рыночная экономика и политическая система правовой демократии. Так в недрах советской науки формируется узкий круг специалистов способных реализовать кардинальные реформы, переформатирующие советскую систему.

На другом фланге общества в 60-е годы формируется подпольное предпринимательство. Явление, получившее название «цеховики» закрепляется как в союзных республиках, так и в РСФСР. Власть активно борется с цеховиками. Однако их продукция заполняет ниши остродефицитных товаров, что снимает общественное напряжение, а это отвечает интересам местного руководства. Кроме того, цеховики реализуют безошибочную стратегию коррумпирования местной администрации. Партийное и советское начальство, крупные чины спецслужб покупаются людьми, располагающими немислимыми для советского человека ресурсами. Борьба на уничтожение «ловчил и деляг» переходит в вялое позиционное противостояние. Подпольное предпринимательство, во-первых, демонстрирует советскому человеку органические дефекты системы, легко разрешаемые свободным предпринимателем. И, во-вторых, свидетельствует о крахе попыток создания «нового советского человека». Жизнь показывает, что частная экономическая активность и стремление к богатству неистребимы.

Перестройка и крах СССР знаменуют собой следующий этап формирования первого народа в постсоветской России. Легализа-

ция предпринимательства и крах коммунистической идеологии создают немыслимую для советского человека ситуацию, в которой сотни тысяч и миллионы людей включаются в новые экономические практики и роды деятельности. Радикально изменяется массовое сознание. Маргинальные прежде профессии — экономиста и юриста — становятся остро востребованными. Экономическое образование и в целом способность к экономическому мышлению становятся обязательным атрибутом любого социально активного человека, притягивающего на статус адекватного реальности интеллектуала. Входящие в жизнь молодые люди осваивают массу новых профессий, рожденных рыночной экономикой. Эти люди включаются в целостную систему ценностей и жизненных ориентиров, мало сопоставимую с традиционно советским сознанием. После двухтысячного года в миллионниках формируется общество потребления и складывается новый стиль жизни. За два десятилетия миллионы социально активных граждан овладевают огромным объемом профессиональных знаний, навыками и опытом, немыслимым и невозможным в реальности победившего социализма.

Новые люди существуют в расколотом обществе, в атмосфере острого отторжения постсоветской действительности традиционалистским сектором. Эта ситуация побуждает их позиционироваться в идейно-политическом пространстве. Задумываться об исторических судьбах своей страны и ее будущем. Искать мировоззрение, соответствующее их жизненному выбору, отвечающее тому типу сознания, которое сформировали они, и которое сформировало из самих. Эта часть современного российского общества и составляет первый народ постсоветской эпохи.

Разумеется, в данном случае критериален не род занятий или объем контролируемого капитала, но ценности и идеологические позиции. Ценность свободы, отторжение деспотии и взыскуемого традиционалистами патернализма, отторжение любых паразитарных стратегий, базовая ориентация на позитивную достигательность — вот те маркеры, которые фиксируют принадлежность к первому народу.

За два прошедших десятилетия крупный бизнес по необходимости срастается с властью.¹⁵⁹ Других сценариев существования крупного бизнеса в РФ не существует. Поведение людей большого

¹⁵⁹ Бизнес выполняет неписанные правила игры и дает деньги по первому требованию, а власть не только позволяет ему существовать, но и всемерно поддерживает.

бизнеса задано этой реальностью. Что они думают на самом деле, о чем говорят в узком кругу, и как поведут себя в критической ситуации, покажет время.

Со средним и малым бизнесом складывается совершенно иная ситуация. Объективная реальность делает миллионы людей, занятых в малом и среднем бизнесе, сторонниками либеральных ценностей. Отторжение и психологическое неприятие «совками», бесконечные поборы чиновников, подтравливание предпринимателей властью и риторика популистов загоняет малый бизнес в угол. Вчера его обирали «братки», сегодня — крышуют чиновники и люди в погонах. Причем, любые поборы и подношения агентам власти не несут в себе гарантий спокойной жизни. Завтра приходит новый чиновник и требует денег грозясь закрыть, отнять, посадить. Правовая демократия, законность, неотчуждаемое право частной собственности: вот тот минимум политических требований, который рождается в этой среде. Самые малообразованные и далекие от политики предприниматели рано или поздно приходят к пониманию своих интересов и необходимых идеологических установок.

Сегодня первый народ представлен во всех слоях общества. Это и массовый низовой слой людей, занятых в сфере индивидуального частного предпринимательства, малого и среднего бизнеса. И люди, работающие в корпорациях и разделяющие либеральные ценности. И вменяемые, мыслящие чиновники. В этот ряд входят идеалисты первого призыва, пришедшие во власть в 1991 году, такие как Егор Гайдар и Александр Починок. И отдельные представители крупного бизнеса. И часть научного и интеллектуального сообщества. И часть творческой интеллигенции. Говорить об объемных характеристиках такого множества сложно. Идейные баталии, ценностное размежевание, разочарование в либеральных ценностях, правительственная политика в сфере пропаганды делают свое дело. Вброшенный в информационную среду слоган «лихие девяностые», низовое убеждение в том, что «демократы все развалили», традиционалистское отторжение постсоветской реальности, усиленно подогреваемая тоска по «великой державе», тоска по тотальному патернализму власти — все это противостоит базовым ценностям первого народа.

Однако Россия включилась в глобальное экономическое и информационное пространство. Миллионы людей ездят, смотрят, со-

поставляют. Высшее образование, английский язык, включенность в мировой контекст делают свое дело. Сегодня традиционная ментальная конституция обрекает человека либо на маргинальную позицию на обочине жизни, либо диктует криминально-паразитарный сценарий, который обеспечивает сытую жизнь покупаемую ценой попрания норм морали и буквы закона. А это не самое спокойное существование лишненное твердых гарантий. Поэтому чиновники выводят свои капиталы, покупают недвижимость за рубежом, отправляют туда своих детей. Ментальная конституция человека Нового времени в сегодняшней России обрекает его на сложное, часто драматичное существование, но дает ясную картину мира и твердую нравственную позицию.

Структура второго народа

Не надо думать, что второй народ исчерпывается традиционными, немодернизированными, малообразованными провинциалами, голосующими за КПРФ и ЛДПР. Традиционная культура, так же как и культура модернисты целостна. Структурно она разделяется на два базовых слоя: пастырей и пасомых. Ни один из них не возможен без другого, а потому они востребуют и воспроизводят друг друга. Это положение можно сформулировать другим образом: В целостности традиционной культуры содержится два ролевых сценария: носителя иерархического статуса, то есть — пастыря и пасомого. Входящий в жизнь, вместе с целостностью традиционной культуры, усваивает обе ролевые позиции. Но центрируется на одном из этих сценариев.

Чаще всего навсегда. Но в некоторых отношениях носитель патриархальной традиции проходил путь от тотально пасомого, до «большака» /«большухи». Однако возможны и продвижения яркого, честолюбивого низового носителя традиции до атамана, или подручного «барина», что переводило его в ранг пастырей. Но в общем случае социальные барьеры сословного общества диктовали выбор социальной роли единожды.

В нашем исследовании мы описываем преимущественно низовой, традиционно-архаический, варварский, люмпенизированный слой традиционной целостности. Но это — лишь одна из модаль-

ностей. Другой слой — пастыри, управители самых разных рангов и сфер социального регулирования. Верхний этаж этого слоя образует традиционную элиту. В этом ряду обретаются блестящие имена. Граф А.Х. Бенкендорф и дипломат Константин Леонтьев, Константин Петрович Победоносцев и Михаил Андреевич Сулов, фельдмаршал Суворов и маршал Конев: все это пастыри, отстраивавшие, защищавшие и идеологически обслуживавшие традиционную империю. В сегодняшнем варианте это и губернаторы, и депутаты, и митрополиты, и статусные чиновники, и идеологи, и культурная обслуга правящего режима, и «пламенные реакционеры»¹⁶⁰, позиционирующие себя как независимую силу.

Все эти люди суть теоретики и практики воспроизводства традиционного государства и цивилизации определенного типа. Традиционная элита рождается в акте цивилизационного синтеза и существует вместе с обществом, которое породило ее, и которое породила она. Последовательно воспроизводит это государство, трансформирует по мере необходимости, и в меру своего понимания. Растворяется, уходит в тень в эпохи катастроф. Консолидируется, при первой возможности и воспроизводит традиционный универсум заново. Вне данного универсума существование ее невозможно, и вне этого универсума она себя не мыслит.

Императивные базовые характеристики названного социокультурного феномена известны: Ориентация на вертикальные структуры власти-подчинения. В идеале, стягивание всей возможной субъектности в своих руках с формированием т.н. власти-моносубъекта. Неприятие истории и ненависть к качественной исторической динамике.

В сознании таких людей история трактуется метафизически, как неподвижное пространство, на котором разворачивается величие «нашей» страны и «нашего» народа. Качественная динамика, неизбежно дробящая синкретиз, а значит — трансформирующая и размывающая традиционалистский универсум, переживается ими как процессы, инспирированные непосредственно Дьяволом.

Отсюда следует онтологическое противостояние Западу, как силе разрушающей вечный универсум традиции. Далее надо назвать

¹⁶⁰ Этот яркий образ заимствован нами из газеты «Завтра» 90-х годов.

потребность устойчиво-сословного разделения. Отсюда неприятие и барственное презрение к «выскачкам» из низовой среды.

Патернализм, глубокое презрение к «пасомым», которое в одни эпохи маскируется, а в другие выходит на поверхность. Традиционная элита отторгает альтернативный блок ценностей: личностной автономии, гражданского общества, права, демократии, уважения к закону, идеи ответственности Власти перед обществом и т.д.

Между низовым слоем пасомых и элитой существует опосредующее пространство традиционалистски ориентированных исполнителей и начальников низового и среднего уровня — районное начальство, директора школ, чиновники, полицейские. Они находятся ближе к низовой традиционно-архаической среде. С другой стороны — представляют собой резерв пополнения высших уровней традиционалистского универсума. Здесь на уровне социальной психологии разворачивается коммуникация настроений, мировоззренческих моделей, оценок между полюсами второго народа.

Примечательно отношение верхних этажей второго народа к пасомым. Парадоксальным образом они не могут жить без тех, кем манипулируют. Не могут и в социально-практическом, и в личностно-психологическом смысле. Дело не только в том, что в нормальном обществе правовой демократии эти люди потеряют свои социальные позиции, власть, капиталы, а часть из них — свободу. Дело в том, что они, даже как частные лица, не/крайне плохо вписываемы в свободное общество, ибо оно требует другой ментальной конституции и другой органики.

Поэтому, сохраняя обветшалый, презируемый и одновременно единственно приемлемый универсум, пастыри в меру сил поддерживают его. Что-то подмораживают, что-то трансформируют. Говорят проповеди, пишут единые учебники, принимают законы. Всеми силами поддерживают сохранение низового традиционалистского сознания, давят недовольных, и корчуют ростки нового качества.

В свою очередь, низовой слой второго народа не может и не желает жить вне мира традиционной реальности. Ему необходимо «начальство», которое он всегда при удобном и неудобном случае ругает, на которое перекладывает ответственность за самого себя, винит, как в своих личных, так и в общих бедах и настроениях. Однако какого-либо иного мира ему не надо, и к жизни в другом мире, он неспособен.

В сознании традиционалиста живет некая утопия «справедливого» мира, созданного «правильными» начальниками. Исследуя этот конструкт можно выделить: доброго к народу и беспощадного к боярам Царя-батюшку; благорастворение воздухов и изобилие плодов земных; и, «справедливое» распределение всеобщего достатка. Поясним, справедливое не надо понимать как уравнильное. Начальству надлежит ездить в дорогих машинах и иметь прислугу. Но — строго по чину и без чрезмерных диспропорций. И, вообще, жить скромно, не афишируя роскоши, как при товарище Сталине. Утопическая альтернатива представляет собой необходимый элемент традиционного российского сознания. Реальная альтернатива — общество, ориентирующееся на европейские ценности — этим сознанием непостижима.

Поскольку описанный идеал утопичен, низовому слою второго народа остается «наша» власть и «наша» привычная реальность. Таким образом, низы и верха традиционного целого воспроизводят друг друга.

Самостоятельная теоретическая проблема состоит в феномене воспроизводства традиционной элиты в эпоху модерна. Вопрос в следующем: как люди, получившие высшее образование (пусть и в отечественной версии) то есть, по формальным основаниям приобщившиеся к миру модерна, остаются в пространстве мира традиции? Каким образом два выходца из обрусевших немецких фамилий и два героя Отечественной войны 1812 года — Александр Христофорович Бенкендорф и Павел Иванович Пестель — оказываются по разные стороны баррикады? Ответ на этот вопрос не так прост, не сводится к элементарному конформизму, своекорыстному интересу и холодному предпочтению сильной стороны. Мы говорим о процессе экзистенциального выбора набора базовых ориентаций. Выбора в пользу актуально доминирующей позиции, но в контексте осознания ее альтернативы, реализуемой за рамками западных границ Империи.

Вектор общеисторического развития, непрестанная трансформация социального и культурного пространства открывает получившему образование, способному к анализу человеку, как проблемность традиционного мира, так и место этого мира в глобальной реальности. За выбором «своего» универсума стоит что-то, помимо меркантильного здравого смысла.

В пространстве традиционной культуры живут две модели сознания. Культурный универсум подъяремного сосуществует с

универсумом традиционного элитария. Эти модели транслируются по бесчисленным каналам социального взаимодействия. Они впечатаны в неисчислимо множество культурных феноменов. Названные сущности представлены в реальности каждого входящего в мир человека. На наш взгляд, в достаточно раннем (подростковом) возрасте формируется ментальная конституция и складывается некоторая типология. Что же касается стратегического выбора, то он происходит на следующем этапе и совершается однажды с необходимостью. Избирается то, что экзистенциально ближе, что резонирует, отвечает не всегда формулируемым, но императивным интенциям. Выбор диктуется внутренней потребностью во включении себя в органичный и комфортный мир.

Сплошь и рядом выбор массового человека задается обстоятельствами. Возникает иллюзия, что выбор этот, по существу, случаен; но это не так. За рамками схватываемого сознанием, вербализуемого, располагается широчайшее пространство смыслов, актуальных ценностей, безусловно табуированного и лежащего в пространстве допустимого компромисса, пространство моральных приоритетов, представления о смысле жизни и базовых основаниях бытия.

В случае традиционного выбора, знания и модели мышления, по своей онтологии противостоящие традиции, охватываются целостностью традиционной культуры. Цель этой операции — инструментальное использование чуждых по своему духу знаний и умений. Как делает это культура, как пласты разной онтологии уживаются в одном сознании: специальная проблема.

Но если вернуться к процессам формирования ментальной конституции, предшествующим выбору исторической стратегии, надо сказать, что здесь важна микросреда. Сценарии, закладываемые в детстве, панорама впечатлений, переживаемых в возрасте импринтинга, прочитанные книги, типология тех ярких личностей, которые оставили особый след в душе взрослеющего человека. Но и, конечно же, врожденная предрасположенность, задающая тяготение к тому или иному стадийному пространству.

Надо сказать и о том, что выбор традиции психологически комфортен и остается таковым до тех пор, пока традиция не начинает откровенно проигрывать. Тогда от нее отходят широкие массы. Но, пока этого не произошло, выбирать традицию психологически легче. Она гарантирует выполнение «программы-минимум». Мы имеем в виду биологически заданную программу — найти сексуаль-

ного партнера для создания семьи, родить детей и довести детей до репродуктивного возраста — заложенную в каждом человеке. А все, что работает на «программу-минимум» переживается как комфортное и естественное. Для того, чтобы отслоиться от доминирующей традиции, необходима глубокая включенность в альтернативную систему координат. Здесь неизбежно возникает конфликт и складывается ситуация более или менее осознанного выбора.

Так работают механизмы наследования доминирующей культуры до тех пор, пока традиция не начинает сходиться с исторической арены. Тогда происходит инверсия. Теперь выполнение «программы-минимум» связывается с отходом от обанкротившейся традиции.¹⁶¹ А верность уходящей традиции рождает ситуацию конфликта и требует осознанного выбора. Но мы говорим о процессах предшествующих схождению с исторической арены. Здесь массовый выбор задается безусловным и абсолютно надежным конформизмом.

Традиционная культура располагает хорошо разработанным идеологическим обеспечением, опирается на безусловную силу культурной и психологической инерции. Наконец, доминирующая культура *позволяет удовлетворять своекорыстным интересам* человека в контексте *осознания себя как преследующего идеальные цели*, диктуемые сакральной властью и идеологическими институтами. В такой конфигурации приятное и полезное хорошо сочетается с духоподъемным и возвышенным.

В русской истории XIX века было две заметные фигуры с фамилией Муравьев. Декабрист, подполковник Сергей Иванович Муравьев—Апостол, и граф Михаил Николаевич Муравьев—Виленский, генерал от инфантерии, прославившийся подавлением в 1863 году восстания в Царстве Польском перекинувшегося на Северо-Западный край империи, а также активного деятеля на ниве русификаторства, борца с польским влиянием и католической церковью. В либеральной среде за графом закрепилось прозвище «Муравьев Вешатель». Будем исходить из того, что оба Муравьевых совершили сознательный выбор и действовали в соответствии со своими убеждениями. Жизненный путь Муравьева—Апостола завершается виселицей в Петропавловской крепости и тайным за-

¹⁶¹ Заметим, что в этот момент логически мгновенно рушатся все ценностные барьеры, оберегавшие традиционного человека от утраты лояльности врожденной культуре. И он спокойно произносит фразу, невозможную еще позавчера — «Пора валить».

хоронением вместе с другими декабристами предположительно на острове Голодай. Муравьев-Виленский, почтенный высокими чинами, орденами и графским титулом, умирает своей смертью. Александр II провожал своего подданного до самой могилы. В 1898 году в Вильно был открыт памятник губернатору.¹⁶²

Как мы видим, выбор доминирующей традиции в житейском смысле неизмеримо комфортнее, в то время как альтернативный выбор не обещает ничего осязаемо позитивного, кроме морального удовлетворения. Это соображение помогает понимать, как и почему европейски образованный человек избирал и избирает путь служения деспотии.

Надо признать, что элитный слой первого народа воспроизводится устойчиво на всем протяжении эпохи модернизации. Если вспомнить о том, что *государство* (в модальности сакральной власти) *представляет собой главный религиозный культ в отечественном пантеоне*, устойчивое воспроизводство элиты представляется закономерным.

Феномен воспроизводства пастырей среднего уровня еще проще. Это не слишком далекие люди обывательского склада, с минимальной общей культурой. Здесь конформизм и ориентация на начальство закреплены на уровне безусловных социальных рефлексов. Эти люди честолюбивы, включены в управленческую культуру, в той или иной мере способны к анализу. При всем этом, общая конфигурация ментальности пастырей низового уровня структурируется традицией, которая для них естественна и органична. Прислониться к Власти, стать государевым человеком, поступить в военное училище, уйти в милиционеры, подняться хотя бы на ступеньку относительно простых смертных (получить лычку, стать бригадиром, завскладом) — самый очевидный, надежный и беспроблемный способ выполнения «программы-минимум». А дальше все просто. Блага и привилегии начальственного статуса покупаются ценою безусловной лояльности и органического соответствия природе традиционного мира. Средний уровень пастырей устойчиво воспроизводится из поколения в поколение.

Однако самый мощный массив носителей традиции, это, ко-

¹⁶² Правда, простоял он не слишком долго. В 1920 памятник был разобран. Оценки этого исторического персонажа гражданами независимого литовского государства разошлись с оценками, данными элитой Российской империи. Из гранитных плит памятника построили три общественных туалета.

нечно же, патриархальный народ. Та самая масса, к которой апеллирует традиционная власть. Ее социальная база и метафизическое оправдание.

Формирование названной социально-культурной категории происходило в эпоху формирования Русской системы (XIII–XVI веках). Она переживается как исконная и опирается на огромную историческую инерцию. Воспроизводство материка традиционной культуры – многогранная тема. В общем смысле традиционный субъект воспроизводится до тех пор, пока воспроизводится традиционный универсум. Если есть Империя, железный занавес, сословное общество, безграмотная/малограмотная деревня, мощные и монопольные институты идеологической обработки, если работают традиционные сценарии социализации и выполняется общественный договор (Власть «гребет в меру» и обеспечивает приемлемый уровень жизни народа), если обывателю не явлены альтернативные сценарии успешной жизни (работа за рубежом, независимое от власти частное предпринимательство) – традиционный субъект устойчиво воспроизводится из поколения в поколение. Эти, устойчивые параметры российского мира отчасти подорваны, а отчасти рухнули. Попытки реставрации традиционного универсума реализуются достаточно последовательно, однако встречают противодействие модернизированного слоя общества и лимитированы объективными обстоятельствами: глобализация, информационная открытость, утрата монопольного статуса в сфере информации.

В новой, постсоветской реальности огромный сегмент простых советских людей утратил ориентиры и жизненные основания. Мир радикально и непостижимо изменился. Здесь реализуются стратегии: тихого доживания (с минимальным встраиванием в новую реальность), паразитарная и хищническая установки (наблюдается широкий диапазон позиционирований; от социокультурной периферии, до центральных позиций и самых динамичных сфер), варварская установка на существование за счет деградации социокультурной среды – растаскивать и распродавать все, что попадет на глаза и плохо лежит.

Собирательный образ некоторой части данной социо-культурной категории удачно обрисован публицистом М.Епифановой – «...люди без высшего образования, живущие на пенсии и пособия, которые вяжут

Мы говорим о достаточно, подвижной реальности. В каждом конкретном случае обозначенные установки могут переплетаться. Может доминировать одна из них, а другие присутствовать потенциально или актуально. При изменении условий одна доминирующая установка сменяется другой и т.д.

В новой реальности, сложившейся после 1991 года, второй народ делает попытки собрать традиционный универсум заново. Модель известна и отработана историей. Это — пронизанное коррупцией общество третьего мира. Надо подчеркнуть: мы говорим не о «начальниках». Речь идет обо всех уровнях второго народа. Элита, мелкие и средние начальники, пасомые, бандиты и криминализованный бизнес, крышующие и крышуемые (которые не представляют себе жизни без взяток), продажные журналисты, простые труженики, ищущие не пыльной, но доходной работы и склонные растаскивать все, что плохо лежит и так далее, и так далее: Все эти персонажи исторической драмы в ходе процессов самоорганизации, наощупь выстраивают привычный и единственно возможный для них мир русской традиции.

Проблема второго народа состоит в том, что внутри обозначенного нами целого можно собрать описанную конструкцию. Правда, возникает вопрос — какова внутренняя стабильность такого целого? Что же касается внешних детерминатив, заданных целостностью человечества, то они либо проблематизируют, либо блокируют подобное развитие событий.

- - -

Дистанция между двумя описанными нами народами носит качественный характер. Существование каждого из них отрицает существование другого и проблематизирует его перспективы.

Если перейти на уровень отдельного человека, надо сказать, что в каждом конкретном случае решает не происхождение, уровень образования, жизнь в большом городе или малом населенном пункте. При том, что все эти факторы смещают вероятность отнесения к той или иной группе, *решающим оказывается принадлежность к различающимся культурным космосам*. Различия между этими народами лежат в плоскости ментальных конституций. Что

и как задает принадлежность каждого человека к тому или иному множеству, как работают факторы свободы выбора и детерминированности человеческого естества — тема неоглядного философского исследования. Так или иначе, наши соотечественники распадаются по обозначенным множествам.

Каждое из этих множеств отторгает другое на уровне рефлекса. Лишено способности адекватного понимания, профанирует и мифологизирует свою историческую альтернативу. К сожалению это неизбежно. Такова диалектика исторического бытия на этапах фазового перехода.

Подобная ситуация складывается в России не в первый раз. Сегодня, на новом витке истории, мы воспроизводим (в иных пропорциях и в существенно другой реальности) тот же конфликт двух качественно различающихся народов, который взорвал российскую реальность сто лет назад. Вспомним Гершензона: «Между нами и нашим народом — иная рознь, Мы для него не грабители как свой брат деревенский кулак, мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше русское обличие, но не чувствует в нас человеческой души, и потому ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои».¹⁶³ Сегодня нет того мистического ужаса, о котором говорит Гершензон. Сложились совершенно иные пропорции, по которым распадается общероссийская целостность. И эти изменения в пользу носителей исторической динамики. Сегодня отсутствует реальная перспектива реванша традиционализма и архаики. Но общая конфигурация противостояния сохраняется.

Речь идет о стадийной и качественной дистанции, блокирующей возможности диалога. Если мы хотим понимать окружающую нас реальность, нам надо отдавать себе в этом отчет.

— — —

Природа процессов переживаемых нашей страной отчасти раскрывается полемикой антропологов исследующих первобытную экономику и осмысливающих логику процессов модернизации. Мы имеем в виду теоретическую полемику т.н. «формалистов» и «субстантивистов».

Научная традиция, исходящая из того, что рыночные механизмы представляют собой универсальные законы человеческого

¹⁶³ М Гершензон Творческое самосознание./Вехи. М «Новости» 1990.

поведения; а, значит, представлены не только в современных обществах, но в доиндустриальных и неиндустриальных, — получила название формализма.

В начале 40-х годов прошлого века сформировалась противоположная концепция, названная субстантивизмом, основоположником которой принято считать К. Поланьи, хотя аналогичные взгляды высказывались и ранее. Так, наш соотечественник А. Чаянов исходил из того, что категории и принципы экономики рыночных обществ невозможно использовать для анализа нерыночного крестьянского хозяйства.

Вот что пишет об этих научных школах отечественный антрополог: «В то же время, в отличие от классиков эволюционного направления, они стремились изучать не чередование отдельных культурных форм во времени, а культуру каждого общества как систему во всех ее внутренних взаимосвязях. Такая позиция во многом была вызвана тем, что функционалисты были, первым поколением антропологов, от которых требовались не только академические тексты, но и конкретные рекомендации по управлению обществами колоний Великобритании. Необходимость антропологических исследований возникла в связи с тем, что попытка «прямого» управления не давала желаемого результата. *Внедрение «западных» ценностей, разрушение ключевых элементов традиционной культуры* (например, замена ритуального обмена товарно-денежными отношениями) *приводили к деградации аборигенного общества — маргинализации значительной части населения, разрушению традиционных моральных устоев, не получавших замены в виде «европейских» норм*.¹⁶⁴

Это наблюдение исключительно важно для понимания логики отечественных процессов. Введение «западных» ценностей ведет к разрушению ключевых элементов традиционной культуры. Об этом в голос трубили поколения славянофилов и традиционалистов. Согласимся, зафиксировав: для нас неприемлем практический вывод названных мыслителей — оградить Святую Русь от истории. Надо осознать, что *деградация аборигенного общества — неизбежный этап фазового перехода*.

Дискуссия между формалистами и субстантивистами разворачивалась в 60–70-е годы прошлого века. Практической подоплекой этой дискуссии в конечном итоге был вопрос о том, может

¹⁶⁴ Никишенков А.А. Из истории английской этнографии. Критика функционализма. — М. 1986. С. 134–141.

ли модернизация развивающихся стран ориентироваться на непосредственное и скорейшее внедрение модели свободного рынка, или в процессе эволюции от «традиционного» к «современному» обществу должны сохраняться и играть свою историческую роль традиционные и псевдотрадиционные («традиционалистские») механизмы.

Как указывает Сусоколов, «накопление эмпирического материала, объективное рассмотрение как современных, так и исторических данных в целом подтвердили правоту субстантивистов». Отношения производства, потребления и распределения в традиционных обществах не составляли самостоятельного института, а были тесно вплетены в ткань социальных отношений.

Дискуссия между формалистами и субстантивистами затрагивала и проблематику исторической эволюции Европы. Исследования К.Поланьи, Ф.Броделя, Ж. Ле Гоффа показали, что в начале развивались «дальние» рынки, обслуживавшие потребность феодальной знати в престижных ценностях. Именно эти потребности стали стимулом формирования городов. Большинство как городского, так и сельского населения Европы до середины XIX века вело преимущественно натуральное хозяйство с элементами бартерного обмена.

Дж. Дальтон показал, что в современных обществах многие выводы, полученные на историческом материале стали актуальными и приобрели практическое значение. Он же «обратил внимание на значительную роль коллективного труда и общественных фондов распределения в преполитарных обществах». Итоговое суждение сформулировал М. Мосс, который в поздних работах заявил тезис: «Экономический человек есть буржуазная конструкция».¹⁶⁵

Эта дискуссия позволяет осознавать логику исторической эволюции России. Она фиксирует масштаб качественного скачка от традиционного доэкономического человека к субъекту массовых рыночных отношений. Речь идет о бескомпромиссном, революционном скачке, о трагедии умирания одного мира и рождения на его месте мира совершенно иного.

С этих позиций раскрывается *закономерность и неизбежность советского этапа отечественной истории*. Советский эксперимент раскрывается как компромисс между традиционным ядром массовой культуры и императивом модернизации, сохраняющим

¹⁶⁵ А.А.Сусоколов. Упом. соч. С.399–404

«традиционные и псевдотрадиционные («традиционалистские») механизмы» и включающим традиционного человека в новый социально-технологический контекст.

Наконец наработанные субстантивистами представления раскрывают *неизбежность качественного расслоения традиционного общества на два противостоящих социокультурных комплекса и схода и исторической арены традиционно ориентированного сегмента нашего общества.*

Мы стали свидетелями «разрушения ключевых элементов традиционной культуры» и «деградации аборигенного общества», о которой пишет А.Никишенков. Эмоциональный протест против происходящего, по человечески, понятен, однако свидетельствует о дефектах нашей картины мира. Диктат Должного и казенный оптимизм трансформировали наше мировосприятие. Сформировав нормативный образ мира, мы изъяли из реальности ее фундаментальный элемент — трагедию бытия. Между тем, историческая трагедия является одной из модальностей универсальной трагедии бытия. Время от времени она постигает отдельные социальные и культурные категории, племена, народы. В силу логически необъяснимого посыла мы пребываем в убеждении, что с «нами» ничего и подобного происходить не может. Это — заблуждение.

За этим заблуждением стоит масса устойчивых культурных комплексов: мифологии Просвещения и Прогресса, коммунистическая эсхатология, советский казенный оптимизм, вбиваемое в сознании трех поколений убеждение о «самом передовом общественном строе», имперская иллюзия, согласно которой Россия — «пуп земли», интеллигентские мантры о великой культуре и прекрасном народе, который не только заслуживает, но просто обречен на светлое и прекрасное будущее. Вся эта психотерапия опасна, поскольку заслоняет от нас жестокую и неотвратимую реальность. Общество, огромный сегмент которого скачком переместился из XVI в XXI век, обречено на деградацию и схождение с исторической арены. Единственная позитивная перспектива, возможная в такой ситуации, связана с перерождением. С формированием новой социально-культурной целостности качественно отличающейся от всего того, что исчерпало возможности дальнейшего существования.

То, что мы сейчас переживаем, эксплицирует разрушение ключевых элементов традиционной культуры, на смену которой трагически медленно формируется пространство стадиально по-

следующих альтернатив. На этом фоне и разворачивается деградация аборигенного общества.

Важно осознать, что *деградация традиционно-арахаического культурного комплекса закономерна*. Если говорить о постсоветском этапе нашей истории, эта деградация не задана теми ил иными частными обстоятельствами — характером процессов приватизации, «красными директорами», злокозненным Чубайсом, консолидацией постсоветской элиты и последовавшим за этим отчуждением масс от государства, реставрацией сословного общества и имперской психологии и т.д. Все эти процессы суть закономерные проявления кризиса схождения с исторической арены неадекватного эпохе исторического субъекта. По состоянию на август 1991 года российское общество *не было готово к любому другому сценарию перехода*. Нравственное неприятие итогов такого транзита, по человечески понятно, но недостаточно. Постигая логику происходящего, мы можем увидеть в деградации общества действие механизма выведения из бытия пержиточного и нетрансформативного целого.

Историческая перспектива связана с судьбами той социокультурной целостности, которую мы обозначили как первый народ. Его объемные и качественные характеристики: удельный вес в целостности общества, уровень зрелости, самосознание, нравственная позиция, зрелость механизмов диалога и самоорганизации, включенность в общемировой контекст, свобода от тупиковой культурной инерции, способность к диалогу со всем обществом, гражданская и политическая субъектность, мера изживания доправового сознания и отторжения правового нигилизма, готовность взять на себя ответственность за судьбы родины... Всего не перечислишь.

Мы живем в культуре, носители которой пронизаны убеждением, что главное — власть. Если обрести власть, все получится и все остальное приложится. Это иллюзия. Необходимым условием больших социальных революций являются революции духовные. То есть — коренные преобразования сознания и культуры. Если культурная и духовная структура общества остались неизменными, все вернется на круги своя. Мы располагаем на этот счет печальным опытом последних десятилетий.

В XVII—XVIII веке на Север Европы обрушилась историческая динамика. Но началось все с того, что 10 декабря 1520 года Лютер публично сжег папскую буллу «*Exurge Domini*» отлучавшую его от церкви, и, обратившись к «христианскому дворянству немецкой

нации», объявил борьбу с происка́ми Рима «законным делом всей немецкой нации».

Сначала человек переживает духовное преображение, испытывает стыд и омерзение перед рабом и варваром, впечатанным традицией в его собственную природу, вступает на путь изживания собственных пороков, проникается чеховской установкой на то, чтобы изо дня в день по капле выдавливать из себя раба. Отторгает сословное разделение общества и неравенство сословий. Переживает чувство нравственного протеста против мира, в котором «подъяремные» делегировали свою личностность «пастырям», и принимает на себя бремя ответственности. Отказывается от взяток, бесконечной лжи, холуйской бесхребетности и других практик, пронизывающих жизнь десятков миллионов наших соотечественников. И только потом, как результат всего этого, возникает общество, которое осознает себя субъектом и поднимается на борьбу за духовную и политическую свободу. Так рождаются нации.

Разделение на два народа свидетельствует о протекании особого исторического процесса: *в России разворачивается процесс смены исторического субъекта.*

Начнем с того, что смена субъекта — *полноценная историческая трагедия*. Мы говорим о гибели социокультурного универсума. Он может быть экзистенциально чужд кому-либо из нас, и отрицает наше существование, но наш моральный долг сознавать, что эта культура существовала веками, если не тысячелетиями. Что миллионы людей родились и выросли в мире, который рушится на их глазах. Что новая реальность чужда, непонятна и противоестественна для них.

Однако история движется именно таким образом. Однажды с исторической арены сходил палеолитический человек, иссякал космос кочевников, умирал мир вождества, монотеисты уничтожали мир язычников, на смену средневековому человеку приходил человек Нового времени.

При всей трагичности, происходящее естественно и неизбежно. Предшествующая модальность исторического субъекта (условно обозначим это внутренне противоречивое множество как позднетрадиционный человек, адекватный консервативной модернизации) очевидным образом исчерпала возможности не только развития, но и дальнейшего существования. Ей остается либо полностью исчезнуть, либо включиться в процессы болезненной трансформации.

Проблема историко-культурной динамики разработана недо-

статочно. Существуют описания феноменологического уровня, что же касается механизмов изменения культуры и трансформации ментальности, то здесь культурологическое знание делает первые шаги. Нам представляется, что на этапах континуального развития накапливаются частные изменения. Это касается и наблюдаемого уровня социокультурного целого, и ментальности. Однако в некоторый момент объем подвижек и инноваций подходит к порогу, за которым сохранение исходной структуры становится невозможным. Тогда-то и разворачивается процесс переструктурирования целого.

Качественные переходы происходят скачками. Ментальная конституция структурна и внутренне целостна. Внутри позднесоветского этапа отечественной истории критической массы факторов и подвижек не собиралось. Носители характеристик «первого народа» существовали в инокачественном окружении. Их социокультурный космос не мог обрести характеристик завершенного целого. За последние десятилетия этот порог переи́ден. Народ №1 консолидируется, осознает себя как значимое целое, формирует систему норм и ценностей, разворачивает дискуссию по поводу образа желаемого будущего и деятельно работает на утверждение этого будущего.

Вообще говоря, развиваясь, русская культура, отслаивая от себя самой людей модернизированных. Рост объема людей модерна ведет к росту напряжений в системе. Когда же образуется критическая масса, способная трансформировать реальность, срабатывает механизм самосохранения культуры. Традиционное целое активизируется и уничтожает этот слой. Так механизм самоорганизации российской культуры сработал прошлый раз. Сегодня возможности подобного развития событий не просматриваются. В практическом плане это означает, что произойдет обратный процесс: модернизированный пласт пресечет воспроизводство уходящего социокультурного типа.

Эти процессы могут принимать самые разные формы. Не может быть только одного — бесконфликтного, континуального развития с постепенным перетеканием и переплавлением. Подобное возможно между двумя итерациями качественных скачков.

Всяческие аномии, деструкции, процессы депопуляции в исторически обреченной среде неизбежны и в этом смысле нормальны. Вообще говоря, победившая стадия исторического развития, или, если угодно победившая формация, как правило, расчищает поле безо всяких сантиментов. Вспомните Англию в эпоху огораживания; законы против бродяжничества, работные дома. Вспомните

«Эскадроны смерти» в Бразилии 60-х годов уничтожавшие преступников, бездомных и беспризорных. Судьбы людей, которые, в силу своей органики, не могут вписаться в наступившую стадию исторического развития, как правило, располагаются в диапазоне от печального, до ужасного.

Сегодня не существует исторической необходимости жесткого подавления и пресечения уходящей культурной реальности. Современная цивилизация обладает мощнейшими механизмами воздействия на культуру самых широких масс, в том числе и тех групп общества, которые по общекультурным основаниям обособляются и противостоят переменам. Тем не менее, *ценностное различие носителей ценностей динамики и людей традиционалистских ориентаций — необходимое условие качественного перехода.*

Традиционная культура обладает фантастическим потенциалом выживания и приспособления к любым переменам. Дети носителей традиционных ценностей должны осознавать, что время их родителей кончилось, что следование этими путями минимизирует жизненные перспективы, что образ человека энергичного, удачливого, привлекательного в глазах противоположного пола лежит за рамками того мира, в котором они выросли. Что их родители заслуживают любви, понимания и сострадания. Однако восприятие их мировоззрения и жизненной позиции *гибельно*.

Это нормально в том смысле, в котором нормальны эпидемии, смерть, схождение с исторической арены, гибель динозавров и торжество млекопитающих. Выскажу суждение общего порядка: история — процесс качественного изменения. И она имманентно драматична. Либо мы изменяемся и выживаем, либо остаемся неизменными и сходим с исторической арены.

Можно сформулировать некоторые практические рекомендации, оговорившись, что они имеют смысл в том случае, если социальная и культурная политика определяется носителями ценностей исторической динамики:

Не следует мешать естественному процессу окончательного схождения с исторической арены носителей традиционно-архаического сознания. Они должны получать пенсии и пособия, бесплатные лекарства и медицинское обслуживание, смотреть по телевизору на канале «Ностальгия» любимые фильмы. Однако конфигурация ценностного пространства должна быть организована таким образом, что они сами и их мир локализованы в гетто

уходящей социально-культурной натуры. Это — «бывшие», во всех смыслах. Они заслужили спокойную старость, но не более того. Пресечение воспроизводства универсума, воплощенного в этих людях — стратегическая задача общества.

Необходимо точно описать социальный, культурный, личностно-психологический портрет деятельного субъекта исторического развития. Позитивного достижителя, амбициозного трудоголика, создателя и потребителя ценностей адекватного по своим характеристикам эпохе.

Переформатировать российский универсум под описанного субъекта. Правовые, политические, информационные, ценностные, общекультурные характеристики отечественного целого должны создавать оптимальные условия для его возникновения, роста, развития, успешного функционирования. И, наконец, для творческого преобразования России в пристойное общество.

Дробить и разрушать все механизмы самоорганизации социокультурного целого, противостоящие деятельному субъекту. Блокировать тотально, по всем направлениям реализацию паразитарно-хищнических стратегий бытия. Вести пропагандистски-разъяснительную работу по разведению в общественном сознании образов бандита, коррупционера, чиновника взяточника и честно-го амбициозного трудоголика, состояние которого законно и морально оправдано вкладом в рост общественного богатства. Ориентировать массовую культуру, идеологию и науку на деятельного субъекта. Заявить, что настало его время, что новая Россия — это его страна. Формировать соответствующую систему ценностей, образ жизни, приоритеты. Создать галерею негативных образов — бездельник, халявщик, хищник-паразит, чиновник-коррупционер, реакционер, идеолог вчерашнего и т.д.

Обеспечить скромный достаток для всех остальных граждан, честно работающих на своем месте в бюджетных организациях. Каждый гражданин должен иметь выбор — честный труд наемного работника, гарантирующий достойную человека жизнь, либо движение по пути связанном с риском, неопределенностью и ответственностью, но обещающее широкие социальные и финансовые перспективы. Что же касается паразитарно-хищнической перспективы, то она должна быть связана с риском неминуемой жизненной катастрофы.

Ситуация фазового перехода и «санитары леса»

Не так давно в прессе стали появляться тревожные публикации, посвященные проблеме кредитного рабства. Дело в том, что «Ставки, по которым выдают кредиты в России, варьируются в диапазоне от слишком высоких, до безумных».¹ В упомянутой статье приводится история, в которой банк предлагает кредит душевно-больному человеку. Не осознающий что к чему, молодой человек взял деньги и бессмысленно их растратил. «А когда через пару месяцев стали поступать звонки от банка с напоминанием о минимальном ежемесячном платеже, вот тогда Петр пытался резать себе вены и снова загремел в психиатрическую лечебницу». Теперь его родители-пенсионеры живут от платежа до платежа, выплачивая полторы пенсии каждый месяц.² Оценивая проблему, специалисты говорят о «релятивистской деловой этике и повальной финансовой безграмотности».

Помимо банков выдающих долгосрочные кредиты под 40 % и более годовых, в нашей стране растет число микрокредитных организаций выдающих деньги под 1,5–2% в день, что составляет 732% годовых. И если, в силу чрезвычайных обстоятельств, должнику не удастся выплатить долг за несколько дней, сумма задолженности становится неподъемной, а банк передает дело коллекторским агентствам, специализирующимся на «выбивании» долгов из проштрафившихся должников.

Проблема, затронутая в этой публикации, шире растущей задолженности по кредитам.³ Она касается существенно более широ-

¹ Алексей Полухин. Кредитное рабство./Новая газета №144 от 23.12. 2013

² Наталья Фомина, Иван Жилин. Как люди попадают в кабалу. / Там же.

³ Объем просроченной задолженности физических лиц по банковским кредитам в России достиг 343,5 млрд рублей к 1 апреля, увеличившись на 31 млрд (9,9%) за I квартал 2013 года, сообщает «Вести Экономика» со ссылкой на материалы Центробанка России. [banki.ru/Все новости>Лента>?id=4787507](http://banki.ru/Все_новости/Лента/?id=4787507)

кого круга лиц, нежели банковские должники и затрагивает одну универсальную коллизию. Мы имеем в виду особый феномен, возникающий в гетерогенной социокультурной среде, и связанный с эксплуатацией индивидуальных характеристик людей, частично адекватных социальной реальности.

Лет сто пятьдесят назад, не твердый духом, российский крестьянин, расторговавшийся на базаре и возвращавшийся домой, обязательно проезжал мимо кабака или трактира. И если он заходил в питейно-увеселительное заведение, его обступали лукавые целовальники, лакеи, продажные женщины, картежники. Завлекали, окружали лаской и «заботой» до тех пор, пока крестьянин не пропивал в дым все вырученное от продажи. А рядом крутятся карманники, самые разнообразные жулики, продавцы «воздуха», скупщики всего, что угодно за копейки и т.д.

Заметим, что кулак, уезжающий с рынка и зашедший в трактир выпить на дорогу шкалик казенного вина, для описанной бизнес-стратегии неуязвим. Ситуация безбожно-хищнического обирания складывается тогда, когда в едином социальном пространстве сталкиваются искушенный жулик и девственный традиционный человек: раб своих страстей, попавший в непривычную, чуждую среду, не способный оценить риски и перспективы, надеющийся на авось, то есть — социально, культурно и психологически не адекватный реальности, лишенный характеристик, необходимых для полноценной человеческой субъектности. И сегодня вышедшие из приюта, а значит, лишенные социального опыта, сироты, безнадзорные старики, люди с плохой психикой, наивные и доверчивые девицы — все эти категории лежат в поле зрения мелких и средних хищников склонных выстраивать свое благополучие на проторях и убытках других.

Всякий раз, когда возникает социальная (то есть — статистически значимая) возможность успешно реализовать паразитарную или хищническую стратегию, она будет реализована, тем шире в объемах, и тем энергичнее, чем шире пространство, позволяющее успешно паразитировать или хищничать. Такова природа человека и выстраиваемых им социальных отношений.

Если в обществе происходит расслоение по компетенциям, психологическим типам и системам мышления, и такое расслоение рождает возможность эксплуатировать, чью бы то ни было, некомпетентность, неспособность понимать те или иные реалии,

предвидеть развитие событий и отдаленные последствия, то обязательно найдутся люди и организации, использующие описанное преимущество в своекорыстных интересах. Стремясь по возможности оставаться в рамках буквы закона, эти субъекты очевидным образом попирают законы морали.

Санитары леса не равны вору и бандитам с большой дороги. Это мошенники. Их ремесло состоит в том, что бы клиент отдал свои деньги сам. Помянутый нами трактирщик существует в четко фиксированном пространстве, находится под надзором полиции, а по всему этому следит за тем, чтобы закон в пределах трактира соблюдался. Он прекрасно знает, кто из его клиентов – вор и получает с него процент. Однако вор «чистит» откровенно пьяного клиента.⁴ Клиент трезвый может обидеться и обратиться в полицию, а это – лишние траты, как для хозяина заведения, так и для карманника. Санитар леса – практикующий социальный психолог, четко определяющий потенциальную жертву и отслеживающий развитие ситуации. Он не отнимает, и не похищает. Действия санитара леса есть соблазнение, в ответ на которое следует акт свободной воли соблазняемого.

В стабильном традиционном обществе подобные феномены существуют в сонном режиме, пробавляясь наивной «деревенщиной», подростками, жителями глубинки, людьми с плохой психикой, стариками. В эпохи больших социальных сдвигов, когда с исторической арены сходит целая эпоха, социальный сектор «санитаров леса» резко разрастается в объемах. Масштабы финансовых операций и прибыли описанной категории жуликов растут впечатляющим образом.

Традиционное общество более или менее гомогенно и стабильно в своих характеристиках. Простаки лишены возможности делать слишком большие глупости, а существенными ресурсами распоряжаются люди бывалые и ответственные. В традиционной крестьянской семье деньгами распоряжались «большак» и «большуха». Молодые могли просить старших о покупках и спрашивать деньги на карманные расходы, и только. Советский алкаш не мог продать свою квартиру за машину водки по той причине, что она

⁴ В случае каких-либо претензий, очнувшегося из пьяного беспамятства клиенту жестко объясняли, что он безобразничал, сквернословил под портретом Государя Императора, опрокинул стол и причинил заведению убыток. Разговор заканчивался словами «Проваливай по добру – по здорову, пока я околоточного не позвал».

ему не принадлежала. Переход к свободному рыночному обществу предполагает равную правосубъектность всех взрослых людей. А это означает, что можно стать игровым наркоманом, взять кредит в банке, заложить квартиру, проиграть все в казино и утопиться.

Описываемое нами явление существовало и в СССР, хотя и в достаточно скромных масштабах. Можно вспомнить команды жуликов-картежников на пляжах летом и в электричках круглый год. Игра шла на деньги, специалисты «чесали»⁵ карты, быстро обыгрывали клиента дочиста и смывались, пока бедняга не очухался. Далее идут цыганки-гадалки не улицах, возле рынков и вокзалов. Вступление в разговор с гадалкой кончался для клиента тем, что он расставался со своими деньгами. На памяти автора эпидемия «денежных писем счастья» в середине 60-х годов. «Денежные» письма призывают получателя выслать финансовые средства одному или нескольким предыдущим адресатам, убеждая его в том, что получит от этого выгоду в будущем. В основе модели «писем счастья» лежит схема пирамиды, которая помогает обогащению зачинателей этого славного дела, но обкрадывает всех остальных.⁶ С некоторыми вариациями данная практика дожила до сегодняшнего дня.

Реализовывались и более интересные схемы. Вспоминается статья, посвященная жуликам, оперировавшим на пляжах черноморского побережья. Казалось бы, что можно взять с одинокой девушки из небогатого советского прошлого? Однако местные умельцы разработали технологию:

Стройный кавказский юноша знакомился с одинокой провинциальной девушкой. А после близости говорил: «В доказательство того, что ты придешь на следующее свидание, отдай мне свою золотую цепочку». Как писал журналист, на следующий день бедная дурочка ждала своего возлюбленного у фонтана, не подозревая, что ее цепочка уже продана на базаре в городе Сухуми. А кавалер переносил поле деятельности на пляжи соседнего города, подбирая себе следующую жертву. Читателям, не знакомым с советскими реалиями, поясним, что ювелирные украшения в СССР были дефицитом, пользующимся особым спросом в Средней Азии и Закавказье. Золотая цепочка на рынке в Сухуми продавалась слету.

⁵ Чёс карт — специальная жульническая технология тасовки карточной колоды, обеспечивающая необходимый карточному шулеру расклад сданных карт.

⁶ Финансовая пирамида — специфический способ обеспечения дохода за счёт постоянного привлечения денежных средств от новых участников пирамиды.

Перестройка изменила все и ознаменовалась резким ростом объема криминального и полукриминального сектора общества, использующего описанную стратегию. В послевоенном СССР нищие-попрошайки, могли работать в электричках, на церковной паперти, у кладбища. На улицы наших городов их не пускали. Нищий мыслился как наследие проклятого прошлого. Заметим, что в советскую эпоху инвалиды-колясочники в театры или концертные залы не ходили. Советская власть уберегала подданного от созерцания слишком явных примет трагедии бытия. В ходе Перестройки панорама нашей жизни изменяется; нищие появляются на улицах, в подземных переходах, в метро и т.д. И эта перемена была знаковой. Советская картина мира, предполагавшая благодостный казенный оптимизм, распадалась, открывая место для совершенно новых персонажей: кооперативы, рынки, розничная торговля...

Атмосферу эпохи доносит анекдот: На Черемушкинском рынке Надежда Константиновна Крупская торгует футболками с надписью «Второй съезд РСДРП». Мимо пробегает Дзержинский — «Крупа, топи товар. Картавого на «Искре» замели».

Азартная игра «наперстки» стала обязательной приметой времени. Наперсточники работали в команде. Наперсточнику ассистирует массовка, изображающая простых людей и выигрывающая на глазах у потенциального клиента. Иногда поодаль стоит пара «быков», которые вмешиваются в случае, если жертва увидит обман и потребует вернуть деньги. Наблюдать за работой жуликов было в высшей степени поучительно. Не менее интересен социально-психологический портрет типичной жертвы. Жаргон окрестил данный человеческий тип «лохом». Лох — наивный, простодушный человек, потенциальная жертва наперсточника. В начале 90-х появляется слово «лохотрон»⁷, а за ним в русский язык входят жаргонизмы «разводка», «кидняк», «кидалово» описывающие важную примету эпохи.

Наперсточники являли собой пример явных и бесспорных жуликов. «Солидные» или притязавшие на солидность финансовые пирамиды появившиеся несколько позже. В 1993–94 годах регистрируются частная компания МММ Сергея Мавроди и ИЧП «Вла-

⁷ Лохотрон — организованная система мероприятий направленная на получение денег от лоха обманным путем.

стелина» Валентины Соловьевой. Эти две фирмы стали символами эпохи. Жертвами «Властелины» насчитывают 24 тыс. вкладчиков. По разным оценкам в деятельности МММ участвовало 10—15 млн. вкладчиков.

Как правило, в финансовой пирамиде обещается высокая доходность, которую невозможно поддерживать длительное время, а погашение обязательств пирамиды перед всеми участниками становится заведомо невыполнимо. Доход первым участникам пирамиды выплачивается за счет вкладов последующих участников. Закономерным итогом такой ситуации является банкротство проекта и убытки последних инвесторов. Практика показывает, что после краха пирамиды удаётся вернуть около 10—15 % от собранной на тот момент суммы. Ведь собранные средства не направляются на покупку ликвидных активов, а сразу используются для выплат предыдущим участникам, рекламы и дохода организаторов.

Самое интересное и интригующее в феномене финансовых пирамид — массовость жертв данных проектов и поведение этих людей. Описать картину мира и систему мышления типичной жертвы жульнических схем не так просто, ибо в данном случае мы сталкиваемся со стадийно и качественно иной ментальностью.

Вначале, одно наблюдение. Зрелые горожане в достаточной мере безразличны к выступлениям фокусников. Можно оценить профессионализм артиста, но не более того. Малые дети воспринимают работу фокусника совершенно иначе. И это понятно. В акте фокуса перед глазами ребенка разворачивается феномен чуда, волшебного превращения. Вещи исчезают, а кролик вынимается из шляпы. Можно предположить, что с таким же живым интересом за фокусником следила толпа на средневековой рыночной площади. Мышление человека Нового времени структурировано *идеями законов сохранения и конечности любых ресурсов*. Что же касается человека традиционно-архаического, то в его душе живет архетип чуда. В школе он слышал о Михайле Ломоносове и заучивал закон сохранения, но это — отчужденное, внешнее знание. В душе он верит в чудо и надеется. Модуль трансмутации, магического превращения присутствует в ядре ментальности любого вчерашнего человека, будь то интеллигент реакционно-романтического склада, отторгающий от себя приземленный реализм или простодушный провинциал, застывший перед зрелищем ярмарочного стола за которым священнодействует наперсточник.

Система магического мышления складывалась в недрах палеолита, когда мир мыслился принципиально неисчерпаемым. Если что-то не так, надо перейти на новое пространство и всего будет вдоволь.⁸ Еще сто пятьдесят лет назад крестьяне мыслили «государеву казну» как безграничную. Человек, мыслящий мир как конечную, ограниченную систему неуязвим для афер типа банковской пирамиды. Он твердо осознает, что вал денег притекающих в пирамиду скоро кончится и его вложения непременно сгорят. Кроме того, деньги не возникают из ничего. Знание об универсальности законов сохранения противостоит картине чудесного порождения, чего бы то ни было. Для человека рационального сознания прибыль возникает в результате коммерческих операций, и в принципе не может быть чрезмерной; а обещание сверхприбыли однозначно свидетельствует об афере. *Архаик же — человек доэкономический.* Для человека архаического прибыль — акт магического пресуществления. Маленькие деньги сами притягиваются к большим деньгам.

Человек экономически мыслящий исходит из того, что все ресурсы платные. Пословица «бесплатный сыр есть только в мышеловке», утверждает всеобщую платность, ибо за сыр в мышеловке мышь заплатит своей жизнью. В свете такого мировидения любое обещание чего-либо даром или почти даром должно настораживать, поскольку указывает на мышеловку. Архаик воспринимает интригующее обещание совершенно иначе. Вот оно — чудо, редкая удача. Надо только протянуть руку, расстаться с мелочью и обрести многое.

Финансовые пирамиды не исчерпывают схемы жульнического обогащения. Лохотроны присутствуют в интернете; жульнические схемы используются при найме жилья; людей «разводят на деньги» фальшивые агенты несуществующих фирм, предлагающие им уникальный товар; на улице лежит туго набитый бумажник; старушкам звонят якобы из районной поликлиники и предлагают купить чудодейственную пищевую добавку и т.д.

В традиционном обществе мелкие хищники обманывают «деревенщину», выискивают одиноких молодых людей, на которых свалилось наследство, присасываются к загулявшему купчине с тугим бумажником, торгуют фальшивыми драгоценностями и т.д.

⁸ Неолитическая революция трансформирует эту установку, но не везде и постепенно. Мигрирующее земледелие, типичное для России еще в XVII–XVIII веках, есть компромисс между древним рефлексом и реалиями эпохи земледелия.

О существовании жуликов известно всем. Места, в которых они промышляют, маркированы как опасные. В широком мифологизированном смысле это «город», трактуемый как поле соблазнов и гнездо пороков. Городу со всеми его соблазнами может противостоять человек бывалый и ответственный — кулак, отец семейства, торговый человек, способный противостоять соблазнам кабака, карточного стола, ипподрома, кафешантанов и других сомнительных заведений. Иными словами, человек адекватный реальности большого общества.

Ситуация разительно изменяется во времена фазового перехода. Когда эпохи консервации традиционного сословного общества завершаются временем размывания и трансформации традиционного целого, в обозначенную сферу жизни притекает социальная и творческая энергия. Происходит резкий рост объема «санитаров леса», растет разнообразие стратегий жульнического отъема чужих денег, растут и объемы доходов этого бизнеса.

Традиционный мир локален в своих характеристиках. Реальность, в которой все знают каждого в лицо, не оставляет возможности для устойчивой реализации жульнических стратегий. После второго сомнительного эпизода молва пометит жулика навсегда. Поэтому жулик уезжает в большие города с их анонимностью и свободой от контроля со стороны общины. Распад же традиционного общества взламывает герметичный мир «глубинки» и выталкивает каждого человека в большой и незнакомый мир.

Деловая активность жуликов порождает совокупный социальный эффект, который заслуживает осмысления. Санитары леса выступают существенным инструментом включения традиционного человека в реальность нового времени. При этом важно то, что социальный эффект такого обучения значительно шире множества потерпевших от жуликов. Общекультурный результат работы санитаров леса состоит в переформатировании сознания общества, не сталкивавшегося прежде с реальностью «прекрасного и яростного мира».

Если вспомнить реальность начала 90-х, можно заметить, что, вскоре после своего появления на арене нашей жизни, феномен «наперсточника» становится предметом интереса СМИ. Параллельно этому, осмысление «наперсточника» разворачивается в самом обществе. Культура фиксирует новую реальность и вырабатывает свое к ней отношение. Довольно скоро общество

адаптировалось, и этот род жульничества сошел со сцены. Та же история повторилась с финансовыми пирамидами. Общая схема такая: громкие крахи, болезненные уколы для потерпевших и общая грамотность. У отработанных схем остался узкий слой потенциальных клиентов. Это люди неспособные к обучению, а такие есть и будут всегда, которые обречены попадаться жуликам.

В подобном обучении общества важен ценностный аспект. Мы имеем в виду профанирование уходящего социально-культурного персонажа и отчуждение от него массового человека. Лох — тавро идиота и неудачника. Лохануться стыдно. Это свидетельствует о человеческой неполноценности и социальной незрелости. К этому остается добавить, что *профанирование носителей изживаемого качества — существенный и неизбежный момент исторической динамики.*

В культуре актуализуется важная совокупность истин:

- а) окружающая нас реальность не равна Должному;
- б) интересы разных людей могут драматически не совпадать;
- в) существует класс ситуаций, в котором люди, пренебрегающие нравственными и правовыми нормами, хищнически эксплуатируют простодушие, близорукую жадность и неадекватность других людей.

- г) каждый взрослый человек должен уметь распознавать жульническую атаку и, в этой ситуации, вести себя соответственно.

Люди, переживающие эпоху вхождения в мир модерна, быстро усваивают базовые признаки жульнических стратегий (а все они объединяются в одном пункте — в силу некоторого мотива тебе надо передать свои деньги/имущество другому человеку) и становятся мало восприимчивы к новым вариантам «разводок». Те же, кто на способен к обучению, образуют сравнительно небольшой сектор потенциальных клиентов «санитаров леса».

В контексте нашего исследования надо отметить, что российское кулачество, реализуя общеисторическую функцию разрушителя крестьянской общины, в ряду других экономических и социальных стратегий, использовала как человеческие слабости, так и непонимание природы рыночных отношений, неготовность к самостоятельному «плаванию» в море рыночной экономики, отсутствие культуры использования денег и так далее. То есть, применительно к традиционной общине выступала в роли «санитаров леса».

Так, по наблюдениям Энгельгардта, в деревне, где верховодят женщины, кулак легко прибирает селян к рукам. Владелец Батищева объясняет это следующим образом: «Бабы как то больно жадны в деньгах мелочно жадны, безо всякого расчета на будущее, лишь бы только сейчас получить побольше денег. Кулаку это на руку, и они всегда стремятся зануздать баб, и раз это сделано — двор и вся деревня в руках деревенского кулака, который тогда уже вертит всем вокруг».⁹ Как видим, нет ничего нового под солнцем. Люди, лишенные культуры использования денег, живущие в горизонте «здесь и сейчас» сами легко лезут в кабалу. Потом мужик и вся семья будут годами отрабатывать свой долг кулаку. А когда отработка закончится, жене потребуются новые наряды и история повторится.

Дореволюционный автор Г.Сазонов, развернуто обличавший кулачество, описывает сцену: осенью крестьяне съехались во дворе кулака со своей продукцией. А «хозяин-то все бегаёт, суетится, и чайник в руках с водкой — каждого угощает. А как вечер придет, темно станет, начнет вешать лен, сам-то пьян, да и мужиков спойт; ну и вешает, как бог на душу положит, а то и прямо без веса свалит все в амбар и скажет: столько то пудов, а там может быть вдвое».¹⁰ Истины ради заметим, что суждения об обвесах и обсчетах есть домыслы, процитированного автором мужика. Подобные суждения (а их при желании можно найти в дореволюционной словесности во множестве) свидетельствуют об устойчивом общественном мнении, которое может находиться в самых разных соотношениях с реальностью.

Но допустим, что это предубеждение имело основания в реальности. Речь идет о пореформенной эпохе, о существовании крестьянина в рыночной экономике. Что мешало крестьянину уехать на полверсты дальше и продать свой товар другому скупщику? Или доехать до уездного города и продать там с большей выгодой? Что мешало крестьянам создать производственный кооператив, который обеспечивал бы максимальную доходность их труда?¹¹ Если можно было бы спросить об этом рассказчика, то, скорее всего, мы бы услышали: «непривычно», «боязно», «я и грамоте не больно си-

⁹ Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. 12 писем. М. Сельхозгиз, 1956. С. 273.

¹⁰ Сазонов Г.П. Ростовщичество-кулачество. Наблюдения и исследования. СПб 1894. С.151.

¹¹ Кооперативное движение в России разворачивается с 1865 года. К 1917 году в стране насчитывалось 50 000 кооперативов.

лен», «такого у нас не заведено». Дело в том, что сформулированные нами альтернативные модели поведения предполагают другие ментальные характеристики. Рассказчик реализует вечный российский сценарий: поносить, на чем свет стоит, больших людей. Но это поношение есть социально-психологическая компенсация за право *остаться объектом*. Не брать на свои плечи ношу субъектности; в данном случае субъекта экономических отношений. Однако если ты избираешь стратегию объекта, то такие радости, как эксплуатация, манипулирование, презрение, жертва твоими стратегическими интересами, блокирование перспектив социальной мобильности — ожидаемы и абсолютно естественны. Не нравится? Тогда надо перестать быть быдлом, которое не может пройти мимо стакана дармовой водки.

На это можно возразить, указав на культурные и психологические барьеры, отсутствие навыков и компетенций, на давление традиционной культуры, блокирующее переход от закрепленного в веках традиционно-общинного быта к товарному производству. Однако, кулак был сверстником рассказчика, родился в той же крестьянской семье и находился в сходных условиях. Но он нашел в себе силы противостоять, взломать корку умирающей традиции, стать полноценным субъектом рыночных отношений.

Кулак, прежде всего, был трудягой. Но, бизнес есть бизнес. Разумеется, он извлекал прибыль из тех преимуществ, которыми располагает экономический человек, попавший в общество доэкономических субъектов. А это — ситуация качественного скачка. Когда европейский купец выменивал у девственных туземцев золотые слитки на стеклянные бусы, он реализовывал стадийное преимущество человека эпохи раннего капитализма перед человеком позднего палеолита. Такое поведение было совершенно естественным, а риторическое осуждение европейского купца представляется нам несостоятельным и глубоко фальшивым.

Оно исходит из убеждения в том, что европейская система приоритетов и рыночных цен есть «настоящая», так сказать, подлинная. А цена названных предметов меновой торговли в племени — «ложная». Между тем, реальность племени так же самоценна и самодостаточна, как и европейская реальность. Покуда это племя не завоевано и не включено в систему глобальных рыночных отношений, цены на местном рынке устанавливаются из соотношения спроса и предложения. Купец не об-

манывал доверчивого туземца, а получал сверхприбыль на разнице локальных цен на данные предметы на двух независимых друг от друга рынках.

Возвращаясь к сегодняшней реальности надо сказать следующее: можно и нужно совершенствовать законодательство, ограничивая откровенно жульнические схемы эксплуатации той простоты, которая хуже воровства. Но сама по себе стратегия «санитаров леса» неистребима и в некотором отношении необходима обществу, так же, как экобиоценозу необходимы вирусы и бактерии, грибы и мхи, способствующие распаду упавших деревьев, гиены, грифы и стервятники, насекомые-деструкторы и другие, большие и малые санитары лесов, степей и гор.

«Санитары леса» представляют собой один из моментов всеобщей диалектики исторического развития. Люди не способные или не желающие осваивать новые компетенции, практики, модели поведения; не способные адаптироваться к существенным изменениям социально-культурного целого должны проигрывать и маргинализироваться, обречены, быть объектом эксплуатации, манипулирования, ограбления. Такова природа бытия.

Феномен быдла

Этот материал посвящается одному на первый взгляд частному, но характерному явлению сегодняшней реальности. В самом широком смысле оно относится к сфере ценностей и выражает собой процессы культурной динамики. История свидетельствует — зарождение и утверждение новой субкультуры имеет собственную логику. Вначале новое качество выделяет себя из порождающего бульона. Происходит коагуляция. Люди нового мироощущения узнают друг друга по глазам, по неуловимым деталям. Они объединяются вокруг общих потребностей, ценностей, стиля жизни. Новое утверждает себя как одна из культурных позиций, имеющих право на существование рядом с другими. Затем — если этой субкультуре принадлежит будущее — как доминирующая. Такова общая схема. На следующем этапе на пути к доминированию новое качество неизбежно натывается на сакральные ценности и фетиши старого. Их переосмысление, а именно: профанирующее «переназывание» и перетолкование — часть утверждения нового. Выразительное слово «совок», вошедшее в русский язык в конце 80-х годов, чистый пример подобного рода. Наш материал посвящен одному из эпизодов утверждения личностного сознания в современной России.

Есть слово, которое все громче и отчетливее звучит в частных беседах и оценках происходящего, изредка прорываясь на страницы печатных изданий. Пока оно не произнесено во весь голос, хотя потребность в этом ощущается все острее, поскольку заменить его нечем. Попробуем сделать экскурс от слова к понятию, от понятия к пониманию без эмоций и истерик.

Итак, слово «быдло» пришло из польского языка — в значении рабочая скотина — что, впрочем, для нас несущественно, поскольку

значения слов далеко уходят от первоначальной этимологии. Так и в данном случае, то, что в обыденном лексиконе понимается под словом «быдло» и шире и глубже первоначального смысла.

Зададимся вопросом: почему, собственно говоря, это слово столь боязливо входит в нормативный оборот. Здесь мы сталкиваемся с малоосознанной табуацией, адресованной к номинации мистифицированного и обоготворяемого народа. Ибо быдло — руины, которые остаются после крушения мифологемы народа. Быдло — профаническая ипостась народа, а потому, страшнее и недопустимее в произнесении, чем любая матерная брань.

Для того, чтобы осознать процессы, которые вызвали актуализацию старого и, казалось бы, давно забытого слова, необходимо выделить встающие за ним культурные смыслы. Что же имеется в виду под быдлом? Близкие понятия — хам, варвар, раб. То есть существо, лишенное индивидуально-субъективного начала. В широком смысле круг значений, связанных с толпой, охлосом, плебсом. Когда-то для выражения сходных сущностей было хорошее слово — чернь. Все это создает образное поле, но не выявляет сущностных моментов. Обрисуем портрет быдла как культурного субъекта.

Прежде всего, это существо коллективное в своих значимых проявлениях. Оно энергично и целенаправленно уходит от ситуации выбора. Быдло жестко и императивно партисипируется к группе. Быдло — всегда часть некоторого «мы», при уничижительном отношении к «я». Своему и особенно чужому. Уничижительное отношение к чужому «я» — фундаментальная черта быдла. В этом отношении быдло — человек с крайне активной жизненной позицией. Не будучи в собственном смысле слова личностью, быдло крайне нетерпим и агрессивен к проявлениям личностного начала в другом. Исторически, быдло восходит к общинно-родовому человеку и естественной, непротиворечивой средой его обитания является замкнутое патриархальное общество. В контексте современной цивилизации чувствует себя крайне неуютно и, потому — столь агрессивно.

Быдло отрицает личность во всех ее проявлениях. И прежде всего такие черты как свобода, собственность и достоинство. Прежде всего, отрицается свобода. Такого понятия в сознании быдла просто не существует. Есть — дурь, блажь, своеволие, одним словом — опасное уклоняющееся поведение. *Рабство, тотальная зависимость от социального абсолюта составляют существо мирозерцания быдла.* Раб может вынести все, кроме собственной свободы.

Быдло не может растождествиться с предписанной извне социальной функцией и сценариями поведения. Выбор, предполагающий свободу, внутреннюю независимость и рефлексия — разрушает и отрицает быдло.

Еще одно, в высшей степени характерное свойство исследуемого нами явления может быть охарактеризовано как специфический, варварский по своей природе стиль общения. Здесь требуются пояснения. Любой зрелой культуре свойственно создавать особую буферную зону. Она формируется из норм этикета, стереотипов поведения, бытовых ритуалов. Такой буфер позволяет не тратить душевную энергию на бесконечные рутинные ситуации. Силы человека расходуются на решение нетривиальных задач, на сущностные процессы. У быдла сфера культурных стереотипов минимизирована. Отсюда болезненный, требующий массы сил стиль общения. Частые перескоки от агрессии к заискиванию. Неспособность адекватно «прочитывать» конвенциональное поведение других людей. Скачки и варварская непосредственность в поведении быдла противостоят опосредованности психических реакций культурой, свойственной цивилизованному человеку.

Быдло — враг собственности. Для него существует свое кровное и ситуационно чужое. Границы между своим и чужим — сиюминутны. Они изменяются при первой возможности. Как правило, быдлу свойственен тот тип поведения, который в обыденном лексиконе определяется как «хитрожопость». Хитрожопость — кратчайшая дистанция для достижения эгоистических целей с минимальными нарушениями заданных извне правил игры. При этом интересы людей, с которыми быдло вступает в контакт, изначально и принципиально игнорируются (поскольку эти интересы не ограждены извне заданным нормативом).

Для хитрожопого быдла свежееуворованное воспринимается как свое кровное. Поскольку его социальный лейтмотив — подгрести под себя — вовсе не означает цивилизованного отношения к собственности.

Для быдла не существует человеческого достоинства. Оно не просто не понимает, но активно отрицает дистанцию, privacy, всю ту сферу культурного пространства, которая вызревала и укреплялась со становлением человеческой личности.

Происходит это потому, что быдло не признает за отдельным человеком самостоятельного смысла существования. Для него че-

ловек — всегда средство. Для быдла набожно-праведного — средство для укрепления социального абсолюта. А для лукаво-хищного — средство для удовлетворения его паразитических устремлений.

Здесь мы коснулись существенной темы: проблемы двух модусов исследуемого явления — раба добродетельного и раба лукавого. Во все времена они существуют рядом. Но динамика соотношения лукавого и добродетельного представляет особый интерес. В устойчивом архаическом обществе они более или менее сбалансированы, и раб добродетельный может даже доминировать. Но в эпоху исторического изживания традиционалистской архаики лукавый раб буквально распухает, заполняя собой все социальное пространство. В полном соответствии с этой логикой набожно-праведное быдло встречается в последнее время все реже. Сегодня отчетливо доминирует лукавый раб. В этом, в частности, и проявляется нравственный кризис изживаемой архаики. Из обрисованной ситуации есть два выхода. Немногие добродетельные рабы и циники-рабовладельцы тянут общество в идеализируемое ими прошлое, когда, как им представляется, доминировал добродетельный раб. Носители личностного сознания — к изживанию лукавого раба через становление автономной личности.

Генеральной для быдла является интенция к упрощению. При более глубоком рассмотрении стремление к упрощению оказывается стремлением к «усинкретичиванию», к созданию структуры, максимально подобной структуре традиционно-патриархальной. А поскольку быдло — мигрант, заставший традиционную культуру в пору ее распада, — его эстетический идеал представляет собой обедненную и предельно упрощенную версию традиционной культуры. Субкультуру слободы, рабочих барачков, предместий. Быдло исходит из принципиально гомогенной картины мира, культура которого соответствует его вкусам и представлениям. Отсюда — устойчивое стремление к упрощению культурного контекста и примитивизации культуры.

Система представлений и поведение объекта нашего исследования строится на неразличении своей индивидуальной точки зрения и предполагаемой объективной. И это — универсальная характеристика рассматриваемого феномена. Быдло всегда абсолютно искренне вещает от имени Господа Бога. Именно поэтому в ситуации динамического развития культуры, когда конфликт ценностей и их диалог оказывается важнейшим моментом развития,

быдло выступает как балласт, препятствие на путях динамики. Оно представляет собой тот самый неперевариваемый до конца материал, который несет угрозу попятных движений.

Мы исходим из того, что в культурной памяти всякого человека от рождения присутствуют блоки программ и моделей, соответствующие всем стадиям и фазам культурного развития: от архаики и варварства до развитой личности. Соотношение этих блоков богато варьируется в зависимости от сочетания множества факторов, анализ которых — отдельная большая проблема. Далее, в возрасте трех-шести лет, происходит качественный выбор в сторону той или иной ментальной программы самоосуществления. Рождение и воспроизводство быдла задано, прежде всего, социальной средой, в которой рефлексy, сценарии и априорно присутствующие бессознательные программы быдла оказываются адаптивными. Примечательно, что дети, вырастающие в порождающей быдло среде, могут проявлять незаурядные способности, яркость ума, зачатки личностного мировосприятия, которые однажды (в 15–17 лет) совершенно бесследно исчезают, уступая место бесхребетной позиции дрейфа по течению жизни с более или менее активным подгребанием под себя. Иногда применяя все отпущенные Создателем таланты для того, что бы, не стать личностью.

Сегодня, несмотря на все разглагольствования, власть предполагает быдло основным социальным субъектом. Ориентируясь на его социальную психологию и ценностные установки, власть тем самым, воспроизводит тупиковую, безысходную ситуацию. До тех пор, пока в ходу будет мифологема «весь народ», за этим мистифицированным образом будет стоять харя быдла. Надо со всей определенностью заявить, что «всего народа», или «простого народа», о котором мы слышали всю нашу жизнь, нет в природе. Мифологема «народа» — знак для обозначения архаической целостности, того, что философы называют социальным абсолютом. Строго говоря, его не было и раньше, хотя советское общество слабо осознавало свою гетерогенность. Сегодня же, представление о некоем единстве «народа» — чистый миф.

Есть общество, состоящее из качественно неоднородных групп с принципиально разными интересами и различным отношением к цивилизации вообще. И компромисса между субъектом современной цивилизации — то есть личностью — и быдлом быть не может. Политики, в равной степени устраивающей тех и других,

также. Торжество идей приватизма, свободы, собственности и достоинства каждого члена общества не может сочетаться с архаическим варваром. Быдло не научаемо и не изменяемо. Его нельзя уговорить, умиротворить и переделать. Из жестко вымуштрованного быдла может вырасти лакей, но не человек цивилизации.

Пока же еще не преодолен инфантильный страх перед естественной стратификацией общества. Воспроизводятся бессмысленные вариации на тему всеобщего единства. Отрабатываются невыразительные символы этого единства, адресованные опять же к образно-символическому сознанию быдла. И, в целом, язык, на котором говорит власть — пока что язык быдла. Он вестернизовался, но не оставил своих корней. Власть делает все и еще чуть-чуть сверх того, чтобы затормозить и придушить становление независимых общественных институтов, автономного человека, правовой, гражданской и имущественной независимости. Правительство отдает общество в руки мафии, которая ведет войну на уничтожение с правовой, некриминальной частной собственностью. Власть не создает правовых гарантий личности и т.д.

Похоже, что сознание носителей власти поглощено химерой: «мы» — люди у кормила — станем личностями, завоюем себе свободы и обретем достоинство. «Они» же — должны оставаться в стойле и не мешать нам обделять свои делишки. Надо со всей определенностью сказать, что это — чистейшая иллюзия. Прежде всего, идея сословного общества запоздала лет на триста.

Во-вторых, ничего сколько-нибудь устойчиво гарантирующего «их» статус и имущество, кроме правовых гарантий личности — а они принципиально всеобщие — быть не может. По отдельности те, кто прорвался к кормилу, могут отрабатывать стратегию «нахапал — выехал». Но как социальный слой, как целое, они смогут сохранить свои позиции только в рамках либеральной эволюции страны.

Подведем итоги. Быдло — продукт разложения патриархального общества, помещенный в неадекватный ему урбанистический контекст, и в окружение людей, представляющих личностную культуру. Понятие «быдло» — результат осмысления этого явления и одновременно оценка, прозвучавшая из пространства личностного сознания.

Утверждение образа «быдла» знаменует собой сумерки двухсотлетнего мифа «народа». Загадка, над которой мучались, и идеал, от несовпадения с которым страдали поколения российских интел-

лигентов, — разгадана. Авторы отгадки отрекаются от основополагающего мифа и базовой ценности интеллигентского сознания.

В этом смысле утверждение образа быдла знаменует собой смерть российского интеллигента. Интеллигент существовал во вселенной, задаваемой координатами сакральной Власти и сакрального Народа. Власть/Народ, Должное/сущее — координаты интеллигентского космоса. И когда на месте образа великого, беспредельного в своих качествах, объемлющей все и вся субстанции, заключающей в себе все концы и все начала, неизреченного Народа появляется быдло — можно свидетельствовать: интеллигенция кончилась. Идущий на смену российскому интеллигенту буржуазный интеллектуал¹ переосмысливает сакральные ценности своих предшественников. И в этом переосмыслении миф народа оборачивается быдлом. Что можно сказать на это: сумерки богов — особое время.

Первая публикация: А.А.Пелипенко, И.Г.Яковенко. Быдло, или сумерки одного мифа./»Родина» 1996 №4.

¹ Человек сегодняшнего дня, новый интеллектуал. Названия для этого персонажа еще не найдено, но само явление сформировалось в последнее десятилетие, и заявляет себя вполне отчетливо.

Заключение

Мы стремились описать процессы исторической эволюции российского общества в постсоветскую эпоху. Осознать логику процессов социокультурной трансформации, обозначить тренды, выявить существенные факторы.

Вообще говоря, проблемное поле процессов исторической эволюции практически необозримо. Среди значимых факторов эволюции: глобальные и локальные экологические процессы; конкретика геополитической ситуацией и ее динамика; процессы глобальной миграции народов; диалектика межкультурного и межцивилизационного взаимодействия, субъектом и, одновременно объектом которого, выступает интересующее нас общество; «время на часах мировой истории» то есть — стадияльные характеристики всемирно-исторического процесса; мера стадияльной и культурной гетерогенности исследуемого общества и т.д. Однако человеческие возможности, (в том числе, ресурс внимания и терпения читателя) конечны. Остается ограничивать себя, формируя обозримое теоретическое пространство.

Задача состояла в том, чтобы раскрыть культурные основания и детерминативы исторической динамики по-российски. Наше убеждение состоит в том, что стадияльные и качественные характеристики российского целого ответственны за характер процессов модернизационной эволюции общества.

Поскольку предметом исследования было социально-культурное измерение трансформации российского общества, в поле внимания оказывалась трансформация массового сознания, процессы переструктурирования постсоветского общества, заданные диалектикой социально-культурной сепарации и консолидации, анализ доминирующих социальных практик, экономическое измерение реальности постсоветского общества и т.д. Мы пытались нащупать направление вектора самоорганизации социально-культурного целого, которая задает тренды исторического развития и объективируется, рано или поздно, в идеологических и политических трансформациях.

Одна из существенных проблем на путях осознания реальности состоит в том, что модернизация (как бы ее не называли в разные эпохи) понимается и переживается массовым сознанием

как панацея. Она позволит разрешить все проблемы нашего общества и выведет его к процветанию. Это — одна из мифологий Нового времени, крепко впечатанных в массовое сознание в советскую эпоху. Истина состоит в том, что природа процессов модернизации заставляет вспомнить библейскую максиму «много званых, но мало избранных» (Матфей 22.14). Модернизация сепарирует общество, разделяя его на тех, кто по объективным характеристикам подлежит модернизационным преобразованиям, и тех, кто выпадает из такой эволюции. Если процессы сепарации тормозятся и снижаются в своих объемах — начинается застой и деградация трансформирующегося общества. Если она идет энергично — растут внутренние напряжения и создается почва для фундаменталистских или хилиастических революций. Политические кризисы на путях модернизации традиционных обществ не предreshены в каждой конкретной точке развития, однако высоко вероятны. В типичном случае общество, проходящее путь от классического традиционного к динамичному современному, переживает одну — две революции, верхушечные перевороты, смены политических режимов, ввязывается в малоосмысленные войны и т.д. Распадаются традиционные империи, возникают национальные государства, исчезают целые сословия, уходят в прошлое эпохи, гибнут культурные традиции, растворяются народы и народности.

Общество расслаивается на носителей традиционного сознания и людей модерна. При этом доминирование носителей ценностей модернизации не гарантировано ни на одном из этапов процесса. Поскольку всякая культура заряжена на бесконечное воспроизводство, модернизация включает механизмы борьбы за самосохранение традиционно-архаической культуры. Носители этого типа сознания реализуют палитру сценариев, преследующих цель остановить качественные преобразования, трансформировать ситуацию развития таким образом, чтобы присущая этим людям ментальная конституция и свойственная им органика могли успешно существовать и воспроизводиться. На ранних этапах модернизационного цикла развитие демонизируется. На поздних — разворачивается борьба за выхолощивание существа модернизации.

Цели и стратегия преобразований постоянно подвергаются трансформирующим воздействиям. Под видом модернизации продвигается регресс и возврат к традиционным сценариям: Традиционные — в нашем случае имперские, формы государственности,

традиционное переживание власти, традиционные стратегические цели — мировое господство, традиционное противостояние Западу. Один народ, одна партия, одна вера и т.д. В эпохи поражений, носители ретроградных мировоззренческих установок уходят в тень; но затем перестраиваются и разворачивают борьбу за овладение сердцами и умами широкой аудитории, продвигаются «наверх», тянутся к рычагам власти.

Описанные процессы фиксируются во всех измерениях социального и культурного пространства. Одни культурные практики противостоят другим, разворачивается конфликт ценностных установок, моделей поведения, нравственных ориентиров. В большом и в малом, на уровне осознанного и на уровне неосознаваемого, в теоретическом дискурсе и в публицистической полемике, в науке и в искусстве — бесконечная и бескомпромиссная борьба за настоящее и будущее собственного народа составляет одно из важнейших измерений длительной исторической эволюции от традиционного, имманентно статичного общества к обществу, принадлежащему миру исторической динамики.

Эта бесконечная борьба завершается только на последнем этапе модернизационной трансформации, когда носители традиционного сознания схлопываются в объемном отношении, утрачивают влияние и маргинализуются, а общество консолидируется вокруг ценностей исторической динамики. Сегодня на пути к завершающему этапу трансформации стоит социально-культурное расслоение российского общества на два соизмеримых в своих объемах пласта.

Сложно представить себе безболезненное разрешение этого противоречия. История знает такие прецеденты, как разделение Китая на континентальный коммунистический и островной буржуазно-националистический. Что-то похожее происходило с Нидерландами, которые распались на протестантскую Голландию и католическую Бельгию.

Если отойти от накала страстей, и попытаться глазами культуролога взглянуть на ситуацию в Украине, можно сказать следующее: во второй половине двухтысячных годов украинское общество вступило в стадию модернизационной трансформации. Драматические события весны 2014 года свидетельствуют о том, что энергия, подпитывающая тенденции выделения Востока страны, не сводится к

национальным, либо языковым проблемам. В этом отношении достаточно показательна картинка телевизионных репортажей. Доминирование людей старших возрастных групп, красные флаги, мелькающие также часто, как и российские, многократно звучащие высказывания о долгожданном возвращении в СССР, который понимается как фундаментальная альтернатива Европе — все это указывает на цивилизационное разделение. Понятно, что на поверхностном уровне просматриваются надежды на экономические выгоды и преференции; понятно, что есть силы, которые разогревают конфликт, но проблема гораздо глубже. Ее истоки в экзистенциальном выборе мира традиции и отторжении мира модерна. Люди, выходящие на площади городов Донецкой области, выступают за возвращение в прошлое. Сложно судить в какой мере современная Россия соответствует идеализированному образу советского прошлого, но историческая тенденция, воплощенная в Евромайдане очевидным образом противостоит этому тренду. Ситуация в Украине не меняется каждый день. Однако, чем бы не закончились события, конфликт между Востоком и Западом страны фиксирует разделение интегрированного прежде общества в процессах модернизационной эволюции страны.

Из этого следует, что рассмотренная нами эволюция российского общества не уникальна. В типологически близком пространстве можно наблюдать сходные процессы. А это наблюдение позволяет с большей уверенностью полагать, что мы имеем дело с исторически закономерным. Далее, в стадийно и типологически близком к нам обществе Украины процессы размежевания двух народов обретают характер *государственно-политического разделения*. И этот тренд развития заслуживает нашего внимания.

Глубинное основание истории составляет бесконечный процесс качественного изменения универсума. Поэтому, настоящие исторические вызовы всегда беспрецедентны. История свидетельствует: общество не способное осознать смысл исторического вызова, не способное обновить свое видение реальности и живущее в плену привычных объяснительных моделей сходит с исторической арены. Модернизация — один из самых драматических исторических вызовов, присущих современной эпохе. Ответы на этот, в высшей степени динамичный и многообразный вызов, возможны только на основаниях адекватного понимания реальности. В этом убеждении заключен смысл настоящей работы.

Содержание

Предисловие.....	3
Судьбы традиционного комплекса культуры: Российская власть и русская православная церковь в меняющемся мире	7
Архаизация как константа исторического процесса и тенденция современной реальности	57
Стадиальные характеристики российской культуры и логика исторического процесса	73
Ситуация фазового перехода и «санитары леса»	297
Феномен быдла	309
Заключение	316

И.Г. ЯКОВЕНКО

**Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период:
социально-культурное измерение**

Издается при поддержке Фонда «Президентский центр Б.Н.Ельцина»

Редактор *Виктор Рыбалко*

Дизайнер *Наталья Захарова*

*В оформлении обложки использовалась репродукция картины
И. Босха «Извлечение камня глупости» (Операция глупости), 1475—1480*

Подписано в печать 15.04.2014 г. Формат 60х90/16

Печ.л. 19,5. Тираж 2000. Заказ №

«Новые Знания»

127018, г. Москва, ул. Двинцев, д. 8

Телефон (495) 637-22-57

E-mail: znanie2007@mail.ru